

Г. М. Макашей
Полное собрание
сочинений

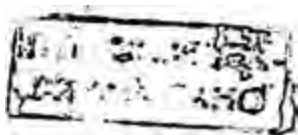
т. 5.

1863

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ V.

Статья «Графа Чатамъ» переведена подъ редакціи К. Н. Бестужева-Рюмина; остальные подъ редакцій Н. М. Латкиной.

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ V.

КРИТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ИЗДАНИЕ

НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

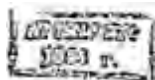
1863.

1864

Дозволено цензурой. С. Петербургъ, 12 августа 1863 г.

въ типографіи П. А. Кулиша.

М-МЕ Д'АРБЛЭ.

(Январь, 1843).

«*Diary and Letters of Madame D'Arblay*», Five vols. 8-vo. London, 1842.
«*Дневникъ и Письма м-ме Д'Арблэ*». Пять томовъ. 8-во Лондонъ. 1842.

Хотя свѣтъ мало слышалъ о м-ме Д'Арблэ въ послѣднія сорокъ лѣтъ ея жизни, и хотя это малое не увеличило ея славы, но, мы думаемъ, многіе почувствовали странное волненіе, узнавши, что ея не стало среди насъ. Вѣсть о ея смерти разомъ перенесла умы людей за два поколѣнія назадъ, ко времени, когда пріобрѣтались ею первые литературные успѣхи. Всѣ тѣ, кого мы привыкли почитать какъ умственныхъ патріарховъ, казались дѣтьми въ сравненіи съ нею, потому что еще Боркъ просиживалъ ночи за чтеніемъ ея сочиненій, а Джонсонъ ставилъ ее выше Фильдингга еще въ то время, какъ Роджерсъ былъ школьникомъ, а Соути ходилъ въ курточкѣ. Но еще страннѣе кажется, что мы только теперь потеряли ту, имя которой пользовалось обширной извѣстностью прежде, чѣмъ кто-либо слышалъ о знаменитыхъ людяхъ, лѣтъ 20 — 30 тому назадъ унесенныхъ въ могилу послѣ долгой и блестящей карьеры. Однако такъ было дѣло. Франсизъ Борни стояла на вершинѣ своей славы и популярности, прежде чѣмъ Коуперъ издалъ свой первый томъ, прежде чѣмъ Порсонъ поступилъ въ коллегію, прежде чѣмъ Питтъ занялъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ, прежде чѣмъ голосъ Эрскина раздался въ Вестминстерской залѣ. Со времени появленія ея первой книги прошло шестьдесятъ-два года, и этотъ промежутокъ былъ наполненъ не только политическими, но и умственными революціями. Въ продолженіе

этого періода возникли, разцвѣли, завяли и исчезли тысячи репутацій. Новые роды сочиненій вошли въ моду, вышли изъ моды, были осмѣяны, были забыты. Пелѣвые произведенія Делла Круска и Коцебу очаровали на время толпу, но не оставили слѣдовъ за собою; ложно направленный творческій умъ не могъ спасти отъ паденія нѣкогда цвѣтуція школы Годвина, Дарвина и Радклиффа. Многія книги, написанныя съ цѣлью произвести временный эффектъ выдержали шесть или семь изданій, и потомъ присоединились къ романамъ Афры Бенъ, или къ эпическимъ поэмамъ сэра Ричарда Блэкмора. Но первыя произведенія м-ме Д'Арблэ, не смотря на время, на перемѣну вкусовъ и на популярность, достойно заслуженную нѣкоторыми изъ ея соперниковъ, продолжаютъ занимать высокое мѣсто во мнѣніи публики. Она дождала того, что сдѣлалась классикомъ. Еще при жизни ея, время положило на ея славу ту печать, которую оно рѣдко налагаетъ на кого-либо, кромѣ умершихъ. Подобно сэру Конди Ракренту въ сказкѣ, она пережила свою собственную тризну и слышала судъ потомства.

Чувствуя постоянно искреннее и теплое, хотя и не слѣжное уваженіе къ ея талантамъ, мы съ радостью узнали, что ея дневникъ скоро появится въ печати. Правда, надежды наши были не безъ примѣси страха. Мы не могли забыть участі «*Мемуаровъ д-ра Борни*», издавпыхъ десять лѣтъ тому назадъ. Эта несчастная книга заключала много интереснаго и любопытнаго. Но она была принята съ крикомъ отвращенія и быстро предана забвенію. Дѣло въ томъ, что она заслуживала свою участь. Она была написана позднѣйшимъ слогомъ м-ме Д'Арблэ, самымъ худшимъ слогомъ когда-либо извѣстнымъ между людьми. Ни творческій умъ, ни познанія не могли спасти отъ паденія книгу, написанную подобнымъ слогомъ. Поэтому, мы съ немалымъ безпокойствомъ открыли «*Дневникъ*», опасаясь наткнуться на ту особеннаго рода регорикку, которая обезображиваетъ почти каждую страницу «*Мемуаровъ*» и которую нельзя читать безъ смѣси стыда, смѣха и отвращенія. Впрочемъ, мы, къ удовольствію нашему, скоро открыли, что «*Дневникъ*» писался прежде, чѣмъ м-ме Д'Арблэ сдѣлалась краснорѣчивою. Онъ, по большей части, написанъ слогомъ ранней поры ея дѣятельности, истинно женскимъ, яснымъ, естественнымъ и оживленнымъ англ-

лійскимъ языкомъ. Обѣ книги лежатъ рядомъ передъ нами, и всякій разъ, когда мы обращаемся отъ «*Мемуаровъ*» къ «*Дневнику*», мы испытываемъ чувство облегченія. Разница между ними такъ же велика, какъ разница между атмосферой лавки парфюмера, пропитанной тяжелымъ запахомъ лавандовой воды и жасминнаго мыла, и воздухомъ покрытой верескомъ степи въ прекрасное майское утро. Все, кто желаетъ познакомиться съ исторіею нашей литературы и нашихъ нравовъ, долженъ просмотрѣть обѣ книги. Но читать «*Дневникъ*»—удовольствіе, читать «*Мемуары*»—всегда будетъ тяжелымъ трудомъ.

Мы, можетъ быть, займемъ нашихъ читателей, если попытаемся, съ помощью этихъ двухъ книгъ, рассказать имъ о самыхъ важныхъ годахъ жизни m-me д'Арблэ.

Она происходила изъ рода, который носилъ имя Макборни и хотя былъ, вѣроятно, ирландскаго происхожденія, но давно уже поселился въ Шропширъ и владѣлъ значительными помѣстьями въ этомъ графствѣ. Къ несчастію, задолго до ея рожденія, Макборни начали какъ-будто умышленно рюсковать и раззоряться. Предполагаемый наслѣдникъ м-ръ Джемсъ Макборни оскорбилъ своего отца, тайно обвинившись съ актрисой изъ Goodman's Fields. Старый джентльменъ не могъ придумать болѣе разсудительнаго способа поразить мщеніемъ своего непокорнаго сына, какъ жениться на кухаркѣ. Кухарка родила сына, по имени Джозефа, который наслѣдовалъ все родовыя земли, между тѣмъ какъ Джемсъ былъ оставленъ съ однимъ шпалпигомъ. Любимый сынъ, однако, былъ до такой степени расточителемъ, что скоро сдѣлался такимъ же бѣднякомъ, какъ его лишенный наслѣдства братъ. Оба принуждены были трудами зарабатывать хлѣбъ. Джозефъ сдѣлался танцмейстеромъ и поселился въ Норфолькѣ. Джемсъ отбросилъ отъ своей фамиліи частичку Макъ и занялся портретной живописью въ Честерѣ. Здѣсь у него родился сынъ Чарльзъ, пзвѣстный авторъ «*Исторіи музыки*» и отецъ двухъ замѣчательныхъ дѣтей: сына, отличавшагося ученостію, и дочери, творческій умъ которой сообщалъ имени еще болѣе почетное отличіе.

Чарльзъ рано выказалъ склонность къ искусству, котораго позже онъ сдѣлался историкомъ. Его отдали въ ученіе къ одному зна-

менитому лондонскому музыканту, и онъ съ успѣхомъ и энергіей предался музыкѣ. Скоро онъ нашелъ добраго и великодушнаго покровителя въ Фулькѣ Гревиллѣ, благородномъ и благовоспитанномъ человѣкѣ, который, кажется, обладалъ въ большихъ размѣрахъ всѣми дарованіями и сумасбродствами, всѣми добродѣтелями и пороками, считавшимися, сто лѣтъ тому назадъ, характеристичными чертами совершеннаго джентльмена. Съ подобнымъ покровителемъ, молодому человѣку предстояла блестящая карьера въ столицѣ. Но его здоровье ослабло. Ему стало необходимо удалиться отъ лондонскаго дыму и рѣчныхъ тумановъ на чистый воздухъ морскаго берега. Онъ принялъ мѣсто органиста въ Липпѣ и поселился въ этомъ городѣ съ молодой леди, недавно сдѣлавшейся его женой.

Въ Липпѣ, въ іюнѣ 1752 г., родилась Франсизъ Борни. Ничто въ ея дѣтствѣ не предсказывало, что, будучи еще молодой женщиной, она достигнетъ почетнаго мѣста между англійскими писателями. Она была застычива и молчалива. Ея братья и сестры называли ее неучемъ и не безъ нѣкотораго видимаго основанія, потому что, восьми лѣтъ отъ-роду, она еще не знала азбукъ.

Въ 1760 г. м-ръ Борни переѣхалъ изъ Липпа въ Лондонъ и нанялъ домъ въ Поландъ-Стритъ, улицѣ, бывшей въ модѣ во времена королевы Анны, но покинутой съ той поры большей частью ея богатыхъ и благородныхъ обитателей. Потомъ, онъ переѣхалъ въ Сентъ-Мартинсъ-Стритъ на южной сторонѣ Лестеръ-Сквера. Его домъ тамъ былъ извѣстенъ и будетъ извѣстенъ, пока на нашемъ островѣ сохранятся какія-нибудь слѣды цивилизаціи, потому что въ немъ жилъ Ньютонъ, и четвероугольная башенка, отличающая его отъ всѣхъ окружающихъ зданій, была обсерваторіей Ньютона.

М-ръ Борни немедленно приобрѣлъ столько учениковъ въ самыхъ почтенныхъ классахъ общества, сколько позволяло ему время, и такимъ образомъ былъ въ состояніи содержать свое семейство, правда, скромно и умѣренно, но съ комфортомъ и независимостью. Его заслуги, какъ профессора, доставили ему степень доктора музыки Оксфордскаго университета; а его сочиненія о предметахъ, связанныхъ съ его искусствомъ, приобрѣли ему почтенное, хотя конечно не высокое, мѣсто между литераторами.

Развитіе ума Франсизъ Борни съ девятаго до двадцать-пятого

года заслуживаетъ описанія. Ея воспитаніе не перешло за азбуку, когда она лишилась матери, и съ тѣхъ поръ она воспитывала себя сама. Ея отецъ былъ настолько дурнымъ отцомъ, насколько могъ имъ быть очень честный, любящій и мягкій человекъ. Онъ нѣжно любилъ свою дочь; но, кажется, ему никогда не приходило въ голову, что отецъ имѣетъ относительно дѣтей еще другія обязанности, кромѣ приглубливанья ихъ. Дѣйствительно, для него было бы невозможно самому наблюдать за ихъ воспитаніемъ. Учительскія занятія отнимали у него весь день. Съ семи часовъ утра, онъ начиналъ ѣздить по ученикамъ, и въ сезонъ, когда вся знать въ городѣ, онъ давалъ иногда уроки до одиннадцати часовъ вечера. Часто ему приходилось носить въ карманѣ жестяной ящикъ съ сандвичами и бутылку воды съ виномъ и обѣдать такимъ образомъ въ наемной каретѣ, сѣдѣя отъ одного ученика къ другому. Двухъ изъ своихъ дочерей онъ отправилъ въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ, но вообразилъ, что Франсизъ обратится изъ протестантской вѣры, если получитъ воспитаніе въ католической странѣ, и поэтому оставилъ ее дома. Ей не дали ни гувернантки, ни учителей для языковъ и искусствъ. Но одна изъ ея сестеръ научила ее писать; и, прежде чѣмъ ей минуло четырнадцать лѣтъ, она начала находить удовольствіе въ чтеніи.

Впрочемъ, не чтеніе образовало ея умъ. Когда вышли лучшія ея повѣсти, ея знакомство съ книгами было очень не велико. Находясь на вершинѣ славы, она не была знакома съ самыми знаменитыми твореніями Вольтера и Мольера, и—что кажется удивительнѣе—никогда не слыхала и не видала ни одной строки Чорчилля, который, во времена ея дѣтства, былъ самымъ популярнымъ изъ поэтовъ. Особенно достойно замѣчанія то, что она, кажется, вовсе не читала романовъ. Ея отецъ имѣлъ большую бібліотеку и собралъ такъ много книгъ, которыя строгіе моралисты обыкновенно изгоняютъ, что по собственному признанію чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, когда Джонсонъ начиналъ осматривать полку. Но въ цѣлой коллекціи былъ только одинъ романъ—«Амелия» Филдингга.

Впрочемъ, во время перехода къ возмужалости, Фанни пользовалась образованіемъ, которое, для большей части дѣвушекъ было бы бесполезно, но подходило къ ея складу ума боль-

ше, чѣмъ утонченное воспитаніе. Великая кнѣга человѣческой натуры была открыта передъ ней. Общественное положеніе ея отца было совсѣмъ особенное. По средствамъ и мѣсту, занимаемому имъ, онъ принадлежалъ къ среднему классу. Его дочерямъ, кажется, позволялось свободно сближаться съ тѣми, кого дворецкіе и горничныя называютъ мужиками. Говорятъ, что онѣ имѣли обыкновеніе играть съ дѣтьми парикмахера, жившаго въ сосѣднемъ домѣ. Однако, немногіе аристократы могли собрать въ самыхъ великолѣпныхъ отеляхъ Гросвеноръ-Сквера, или Сентъ-Джемсъ-Сквера, общество столь разнообразное и блестящее, какое встрѣчалось иногда въ комнаткахъ доктора Борни. Его умъ, хотя не очень могучій или обширный, былъ неутомимо дѣятеленъ, и въ досужее отъ уроковъ время онъ сумѣлъ накопить много разнообразныхъ знаній. Его дарованія, кротость характера, и мягкая простота манеръ доставили ему легкій доступъ въ первые литературные кружки. Будучи еще въ Линнѣ, онъ расположилъ къ себѣ Джонсона, съ честнымъ усердіемъ разглашая похвалы англійскому словарю. Въ Лондонѣ оба пріятеля встрѣчались часто и вполнѣ сходились. Правда, въ ихъ взаимной привязанности не доставало одного звѣна. Борни страстно любилъ свое искусство; а Джонсонъ едва умѣлъ отличать колоколъ церкви св. Климента отъ органа. Впрочемъ, у нихъ было много общихъ темъ для разговоровъ, которые въ зимніе вечера продолжались иногда такъ долго, что каминъ потухалъ и свѣчи догорали до конца. Удивленіе Борни къ таланту, произведшему «*Rasselas*» и «*Rambler*», доходило до идолопоклонства. А сварливый Джонсонъ благосклонно бормоталъ, что Борни честный человѣкъ, котораго невозможно не любить.

Гаррикъ тоже былъ частымъ посѣтителемъ Полаидъ-Стрита и Сентъ-Мартинъ-Лэна. Этотъ удивительный актеръ любилъ общество дѣтей, частью изъ добродушія, частью изъ тщеславія. Вспрыски веселости и страха, которые его жесты и игра лица всегда возбуждали въ дѣтской, льстили ему не менѣе рукоплесканій зрѣлыхъ критиковъ. Онъ часто выказывалъ всю силу импровизаціи для забавы маленькихъ Борни, приводилъ ихъ въ ужасъ, содрогаясь и присѣдая, будто видя привидѣніе, пугалъ, бѣснуясь подобно сумасшедшему въ Сентъ-

Люкѣ, и вслѣдъ за этимъ явился вдругъ аукціонистомъ, трубачистомъ или старухой, и заставлялъ ихъ хохотать до слезъ.

Но было бы скучно перечислять имена всѣхъ литераторовъ и артистовъ, которыхъ Франсиъ Борни имѣла возможность видѣть и слышать. Кольманъ, Твайнингъ, Гаррисъ, Баретти, Гоксвортъ, Рейнольдъ, Барри были въ числѣ лицъ, сходившихся порою за чайнымъ столомъ и ужинамъ въ скромномъ жилищѣ ея отца. Это еще не все. Значеніе, которое м-ръ Борни приобрѣлъ, какъ музыкантъ и какъ историкъ музыки, привлекало въ его домъ самые замѣчательные музыкальные таланты того вѣка. Величайшіе итальянскіе пѣвцы, посѣщавшіе Англію, смотрѣли на него, какъ на раздавателя славы въ ихъ искусствѣ и старались приобрести его одобреніе. Шакъероттъ сдѣлался его короткимъ пріателемъ. Алччая Агуджарп, не пѣвшая ни для кого меньше пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за арію, имѣла свои лучшія пьесы для д-ра Борни даромъ, и даже надменная и эксцентричная Габриелла въ обществѣ доктора Борни принуждала себя къ учтивости. Такимъ образомъ, онъ могъ, почти безъ издержекъ давать концерты, не хуже концертовъ, даваемыхъ аристократами. Въ подобныхъ случаяхъ, въ тихой улицѣ, въ которой онъ жилъ, тѣснились кареты съ гербами, а въ его маленькой гостиной толпились перы, супруги перовъ, министры и посланники. На одномъ вечерѣ, о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія, присутствовали лордъ Мюльгревъ, лордъ Брюсъ, лордъ и леди Эджкомбъ, членъ военнаго министерства лордъ Баррингтонъ, членъ адмиралтейства лордъ Сандвичъ, лордъ Ашборнгамъ, съ своимъ золотымъ, болтавшимся изъ кармана, ключомъ, и французскій посланникъ м. де-Гинъ, извѣстный своей красотой и успѣхами въ волокитствѣ. Но замѣчательнѣйшимъ явленіемъ этого вечера былъ русскій посланникъ графъ Орловъ, вполнскія фигура котораго вся блистала драгоценностями и въ обращеніи котораго, сквозь тонкій лоскъ французской вѣжливости, преламывалась неукротимая свирѣпость скѣва. Когда онъ проходилъ по маленькой гостиной, касаясь потолка своимъ тунсеомъ, дѣвушки шептались одна другой со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и ужаса, что это счастливый любовникъ своей августѣйшей властительницы, принимавшій главное участіе въ переворотѣ, которому она обязана своимъ трономъ.

Съ этими знаменитостями смѣшивались все замѣчательнѣйшіе образцы львовъ — родъ дичи, за которой охотятся въ Лондонѣ каждой весной съ болѣею энергіей и постоянствомъ, чѣмъ самъ Мельтонъ. Брюсъ, обмывавшій куски мяса, вырѣзанные изъ живыхъ быковъ, водою изъ Ипльскихъ истоковъ, приходилъ хвастаться своими путешествіями. Омаи картавлѣ на ломанномъ англійскомъ языкѣ и выль—заставляя всехъ собравшихся музыкантовъ закрывать уши—отантскія любовныя пѣсни, подобныя тѣмъ, которыми Оберея очаровывала своего Опано.

Врядъ ли можно сказать, что Франспэзъ вмѣшивалась въ литературное и фешьёнебельное общество, сходившееся порой подъ кровлей д-ра Борнп. Она не была музыкантшей и потому не могла принимать участія въ концертахъ. Она была застѣнчива почти до чуждости, и врядъ ли когда вмѣшивалась въ разговоръ. Малѣйшее замѣчаніе посторонняго смущало ее, и даже старые друзья отца, пытавшіеся завлечь ее въ разговоръ, рѣдко могли добиться чего-нибудь, кромя «да» или «нѣтъ». Она была мала ростомъ, и не отличалась красотой. Поэтому ей позволяли спокойно удаляться на задній планъ и, не будучи вовсе замѣченной, наблюдать все, что происходило. Ея ближайшіе родственники знали, что она обладаетъ здравымъ смысломъ, но, кажется, не подозревали, что подъ ея степеннымъ и застѣнчивымъ видомъ таились плодовитая изобрѣтательность и острое чутье смѣшнаго. Правда, у нея не было способности замѣчать тонкіе оттѣнки характера; но всякая рѣзкая особенность немедленно обращала на себя ея вниманіе и запечатлѣвалась въ ея воображеніи. Такимъ образомъ, будучи еще дѣвочкой, она накопила такой богатый запасъ матеріаловъ для вымысла, какой немногіе изъ бывающихъ часто въ обществѣ способны собрать въ продолженіе всей жизни. Она наблюдала и слушала людей всехъ классовъ, начиная отъ принцевъ и важныхъ государственныхъ людей, до артистовъ, жившихъ на чердакахъ, и поэтовъ, коротко знакомыхъ съ подземными тавернами. Передъ ней проходили сотни замѣчательныхъ лицъ: англичане, французы, нѣмцы, итальянцы, лорды и скрпичи, деканы соборовъ и директоры театровъ, путешественники, водившіе съ собой вновь пойманныхъ дикарей, и пѣвицы, сопровождаемыя вице-мужьями.

Впечатлѣніе, сдѣланное на умъ Франсизъ обществомъ, которое она обыкновенно видѣла, было такъ сильно, что она начала писать маленькіе, вымышленные рассказы, лишь только стала свободно владѣть перомъ, что, какъ мы уже говорили, случилось не очень рано. Эти исторіи доставляли удовольствіе ея сестрамъ, но докторъ Борни ничего не зналъ объ ихъ существованіи; а съ другой стороны ея литературныя стремленія встрѣтили серьезный отпоръ. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, ея отецъ женился вторично. Новая м-зъ Борни скоро открыла, что ея падчерица—охотница марать бумагу, и прочитала ей нѣсколько добродушныхъ проповѣдей на этотъ счетъ. Совѣтъ былъ, несомнѣнно, благонамѣренный, и могъ быть данъ самымъ разсудительнымъ другомъ, потому что, въ это время, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ потомъ, ничто не было такъ неблаговидно для молодой леди, какъ быть извѣстной за сочинительницу повѣстей. Франсизъ уступила, отказалась отъ своихъ любимыхъ занятій и сожгла всѣ рукописи. (a)

Теперь она усердно занималась шитьемъ съ завтрака до обѣда. Но обѣды тогда были ранніе; а все послѣобѣденное время принадлежало ей. Хотя она отказалась отъ писанія повѣстей, но все-таки любила работать перомъ. Она начала писать дневникъ, и завела обширную переписку съ человѣкомъ, который, кажется, принималъ главное участіе въ образованіи ея ума. Это былъ Самюэль Криспъ, старинный другъ ея отца. Его имя, назадъ тому почти сто лѣтъ, хорошо извѣстное въ самыхъ блестящихъ лондонскихъ кружкахъ, давно забыто. Но его исторія такъ интересна и поучительна, что соблазняетъ насъ сдѣлать маленькое отступление.

Задолго до рожденія Франсизъ Борни, м-ръ Криспъ вступилъ въ свѣтъ, при весьма выгодной обстановкѣ. Онъ имѣлъ хорошія связи и хорошее образованіе. Его лицо и фигура были замѣчательно красивы, манеры изящны, средства достаточны, репутація

(a) Здѣсь есть неточность относительно хронологіи. «Эта жертва, говоритъ издатель «Дневника», сдѣлана была молодой писательницей на ея пятнадцатомъ году.» Этого не могло быть; потому что жертва была, по собственному показанію издателя, результатомъ убѣжденій второй м-зъ Борни, а Франсизъ былъ шестнадцатый годъ, когда совершился второй бракъ ея отца.

безукорынення, онъ жплъ въ лучшемъ обществѣ, много читалъ, хорошо говорилъ, его вкусъ въ литературѣ, музыкѣ, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ пользовался высокимъ уваженіемъ. - Повидимому онъ имѣлъ все, что свѣтъ можетъ дать для счастья и почета человека, недоставало только, чтобы м-ръ Криспъ понималъ предѣлы своихъ силъ и не бросалъ бы то, что было въ его средствахъ, гоняясь за отличіями, недостижимыми для него.

«Неоспоримая истина, говоритъ Свифтъ, что человекъ, вѣрно понимающій собственные таланты, всегда станетъ на мѣстѣ, а человекъ, ложно понимающій ихъ, всегда будетъ не на мѣстѣ.» Каждый день приноситъ намъ новыя подтвержденія вѣрности этой мысли; но мы не помнимъ лучшаго комментарія къ ней, какъ исторія Самюэля Криспа. Люди, подобные ему, имѣютъ свое собственное и чрезвычайно важное мѣсто въ литературномъ мірѣ. Сужденіемъ ихъ окончательно опредѣляется мѣсто авторовъ. Не въ толпѣ и не въ глѣхъ немогущихъ, которые одарены великимъ творческимъ геніемъ, должны мы искать основательныхъ критическихъ рѣшеній. Толпа, не знакомая съ лучшими образцами, плѣняется тѣмъ, что оглушаетъ и ослѣпляетъ ее. Она покинула м-съ Сиддонсъ, чтобы бѣжать за мастеромъ Бетти, и теперь, безъ сомнѣнія, предпочитаетъ Джака Шеннарда фонъ Артевельду. Съ другой стороны, человеку съ великимъ оригинальнымъ геніемъ, человеку, достигшему превосходства въ какой-нибудь высшей отрасли искусства, далеко нельзя безусловно вѣрить въ сужденія о чужихъ произведеніяхъ. Ошибочныя рѣшенія подобныхъ лицъ безчисленны. Обыкновенно предполагаютъ, что зависть дѣлаетъ ихъ несправедливыми. Но не трудно найти объясненіе, дѣлающее имъ болѣе чести. Самое превосходство творенія показываетъ, что нѣкоторыя изъ способностей автора развивались на счетъ остальныхъ, потому что человеческому уму не дано широко развиваться заразъ во всѣхъ направленіяхъ и быть въ одно и то же время исполненнымъ и соразмѣрнымъ во всѣхъ частяхъ. Тотъ, кто ищетъ преобладанія въ одномъ какомъ-нибудь искусствѣ, даже въ одной отрасли какого-нибудь искусства, обыкновенно предается съ напряженнымъ энтузіазмомъ достиженію исключительно этого рода совершенства. Поэтому, его пониманіе другихъ родовъ совершенства слишкомъ часто бываетъ

невѣрно. Въ своей сферѣ, онъ хвалитъ и осуждаетъ наобумъ, и его сужденія далеко не заслуживаютъ столько довѣрія, сколько сужденія простаго знатока, который ничего не создаетъ, и все дѣло котораго состоитъ только въ сужденіи и наслажденіи. Одинъ живописецъ отличается своей утопченной отдѣлкой. Онъ день-за-день трудится надъ жилками капутнаго листка, складками кружевнаго вуали, морщинами старушечьяго лица, усиливаясь довести ихъ до совершенства. Въ продолженіе того времени, которое онъ проводитъ надъ квадратнымъ футомъ холста, художникъ другаго рода покрываетъ стѣны дворца богами, погребаящими гигантовъ подъ горами, или оживляетъ серафимами и мучениками куполь церкви. Чѣмъ сильнѣе страсть каждаго изъ этихъ артистовъ къ своему искусству, чѣмъ выше достоинство каждаго изъ нихъ въ своемъ родѣ, тѣмъ менѣе вѣроятности, что они вѣрно оцѣнятъ другъ друга. Многіе люди, никогда не державшіе карандаша, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ Микель Анджело лучше, чѣмъ оцѣнилъ бы его Жераръ Доу, и лучше оцѣнятъ Жерара Доу, чѣмъ оцѣнилъ бы его Микель Анджело.

То же самое и въ литературѣ. Тысячи людей, неимѣющихъ и пскры гения Драйдена или Вордсворта отдають Драйдену справедливость, какой никогда не отдавалъ ему Вордсвортъ, и Вордсворту, справедливость, какой, мы подозреваемъ, никогда не отдалъ бы ему Драйденъ. Грей, Джонсонъ, Ричардсонъ, Фильдингъ—все высоко цѣнятся массою умныхъ и свѣдущихъ людей. Но Грей не видѣлъ достоинства въ «*Rasselas*», а Джонсонъ не видѣлъ достоинства въ «*The Bard*». Фильдингъ считалъ Ричардсона высокопарнымъ пустозвономъ, а Ричардсонъ постоянно выражалъ презрѣніе и отвращеніе къ простонародности Фильдинга.

М-ръ Криспъ, сколько мы можемъ судить, былъ, кажется, человекомъ, замѣчательно способнымъ для полезной роли цѣнителя. Его таланты и знанія давали ему возможность вѣрно цѣнить почти все роды уместившаго превосходства. Какъ совѣтникъ, онъ былъ неоцѣнимъ. Мало того, онъ могъ бы, вѣроятно, занимать уважаемое мѣсто какъ писатель, еслибъ ограничился какою-нибудь отраслью литературы, въ которой требовалось бы только умъ, вкусъ и начитанность. Къ несчастію, онъ захотѣлъ непремѣнно быть великимъ поэтомъ,

написалъ трагедію въ пяти актахъ на смерть Виргиніи, и предложилъ ее Гаррику, бывшему его личнымъ другомъ. Гаррикъ прочелъ ее, покачалъ головой и выразилъ сомнѣіе, благоразумно ли будетъ со стороны м-ра Криспа ставить высокую репутацію въ зависимость отъ успѣха подобной пьесы. Но авторъ, ослѣпленный тщеславіемъ, пустился въ ходъ такіа пружины, какимъ никто не могъ долго противиться. Его ходатаями были самый краснорѣчивый мужчина и самая прелестная женщина того поколѣнія. Питта убѣдили прочесть «*Виргинію*» и провозгласить ее превосходной. Леди Ковентри, пальчиками, которыя могли бы служить моделью для скульптора, вложила рукопись въ руку директора—и въ 1754 г. пьеса была поставлена на сцену.

Ничто не было опущено изъ того, что могли сдѣлать дружба или искусство. Гаррикъ написалъ и прологъ и эпилогъ. Усердные друзья поэта наполняли всеъ ложы, и ихъ ревностными усиліями жизнь пьесы протянулась на десять вечеровъ. Но, хотя и не было шумныхъ осужденій, всеъ чувствовали, что попытка не удалась. Когда «*Виргинія*» была напечатана, общественное разочарованіе было еще сильнѣе, чѣмъ при ея представленіи. Критики, особенно рецензенты ежемѣсячныхъ обзорѣній напали безъ милосердія, но и не безъ справедливости на интригу, характеры и слогъ. Намъ никогда не попадался экземпляръ пьесы, но если можно судить по сценѣ, выписанной въ «*Gentleman's Magazine*», въ выборѣ которой, кажется, не участвовало недоброжелательство, то мы сказали бы, что только игра Гаррика и пристрастіе слушателей могли спасти такую слабую и неестественную драму отъ немедленнаго осужденія.

Но честолюбіе поэта не было еще подавлено. Когда лондонскій сезонъ кончился, авторъ усердно принялся за исправленіе ошибокъ. Онъ, кажется, не подозрѣвалъ того, что мы очень склонны подозревать: что вся пьеса была одной ошибкой, и что пассажи, долженствовавшіе быть прекрасными, были въ дѣйствительности только потоками того тупаго и нелѣпаго многословія, въ которое впадаютъ писатели, когда заходятъ непременно быть величественными и патетическими, на зло природѣ. Онъ кое-что выпустилъ, прибавилъ, подправилъ и льстилъ себя надеждой на полный успѣхъ въ слѣдующемъ году; но Гаррикъ не выказалъ расположенія

поставить на сцену исправленную трагедію. Просьбы и убѣжденія были напрасны. Леди Ковенгтри, изнемогая подъ бременемъ той болѣзни, которая, кажется, всегда выбираетъ самыя прелестныя созданія для своей добычи, не могла помочь. Языкъ директора былъ вѣжливо уклончивъ, но рѣшеніе было непоколебимо.

Криспъ сдѣлалъ большую ошибку, но отдѣлся очень легкимъ наказаніемъ. Его пьеса не была освищена на сценѣ. Напротивъ, она была принята лучше, чѣмъ многія, очень почтенныя пьесы, примѣръ «*Irene*» Джонсона, или «*Goodnatured Man*» Гольдсмита. Будь Криспъ благоразуменъ, онъ счелъ бы себя счастливымъ, что купилъ самопознаніе такой дешевой цѣной. Онъ бы отказался безъ пустыхъ сѣтованій, отъ надеждъ на поэтическую славу и обратился бы къ многочисленнымъ источникамъ счастья, которыми еще обладалъ. Будь онъ, напротивъ, безчувственнымъ и безстыднымъ глупцомъ, онъ продолжалъ бы писать десятками плохія трагедіи, на зло всѣмъ порицаніямъ и насмѣшкамъ. Но онъ имѣлъ слишкомъ много смысла, чтобы рискнуть на второе пораженіе, и слишкомъ мало для того, чтобы мужественно перенести первое. Роковое заблужденіе, что онъ великій драматическій писатель, твердо овладѣло его умомъ. Онъ приписывалъ свою неудачу всѣмъ причинамъ, кромѣ истинной. Онъ жаловался на недоброжелательство Гаррика, который, повидимому, сдѣлалъ для его пьесы все, что могли сдѣлать дарованіе и усердіе, и который, изъ эгоистическихъ цѣлей, былъ бы, разумеется, очень радъ если-бы «*Virgilia*» имѣла успѣхъ. Мало того, Криспъ жаловался на вѣлость друзей, доставившихъ ему своимъ пристрастіемъ три бенефиса, на которые онъ не имѣлъ права. Онъ жаловался на несправедливость слушателей, между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, онъ долженъ былъ быть благодаренъ имъ за безпримѣрное терпѣніе. Онъ утратилъ свое хорошее расположеніе духа и веселость, сдѣлался брюзгою и ненавистникомъ человѣчества. Изъ Лондона онъ удалился въ Гамптонъ, изъ Гамптона въ уединенный и давно опустѣвшій домъ, въ одномъ изъ самыхъ безлюдныхъ округовъ Соррея. Къ одинокому жилищу вовсе не было дороги; оно строго скрывалось отъ старыхъ товарищей м-ра Криспа. Весной онъ иногда выѣзжалъ и его видѣли на выставкахъ и концертахъ въ Лондонѣ. Но онъ скоро исчезалъ, и

прятался въ своемъ уныломъ пустырьѣ, не имѣя другаго общества, кромѣ книгъ. Онъ тридцатью годами пережылъ свою неудачу. Новое поколѣніе возникло вокругъ него. Никакого воспоминанія объ его плохихъ стихахъ не оставалось между людьми. Самое имя его было позабыто. Одно обстоятельство покажетъ, что свѣтъ совершенно потерялъ его изъ виду. Мы искали его имя въ пространномъ *«Лексиконѣ драматическихъ писателей»*, изданномъ еще при жизни Криспа, и нашли только, что м-ръ Генри Криспъ, членъ таможи, написалъ трагедію *«Виргинія»*, представленную въ 1754 г. Впрочемъ, несчастный человекъ продолжалъ до конца сѣтовать на несправедливость директора и партера, и старался убѣдить себя и другихъ, что онъ не достигъ высшихъ литературныхъ почестей только потому, что изъ угожденія Гаррику выпустилъ нѣсколько прекрасныхъ пассажей. Грустно за человѣческую природу, что раны тщеславія болятъ и обливаются кровью гораздо дольше, чѣмъ раны привязанностей! Мы думаемъ, что немного нашлось бы людей, которыхъ ближайшіе друзья и родственники, умерши въ 1754 г., мучительно бы дѣйствовали своей смертью еще въ 1782 г. Милыя сестры, и милые дочери, молодые супруги, которыхъ смерть постигла до окончанія медоваго мѣсяца, были забыты, или вспоминались только съ спокойнымъ сожалѣніемъ. Но Самюэль Криспъ все сокрушался о своей трагедіи, подобно Рахили, оплакивавшей своихъ дѣтей, и не хотѣлъ, чтобы его утѣшали. «Никогда, писалъ онъ черезъ двадцать-восемь лѣтъ послѣ своей неудачи, никогда не отступайте и не перемѣняйте въ вашихъ произведеніяхъ даже бездѣлицы, если это не согласуется вполнѣ съ вашимъ внутреннимъ чувствомъ. Я могу говорить такъ: я заплатилъ за это горемъ и деньгами. Но молчанье!» Вскорѣ послѣ того, какъ эти слова были написаны, его жизнь, жизнь, которая могла бы быть чрезвычайно полезной и счастливой, окончилась въ томъ же мрачномъ расположеніи, въ какомъ она прошла болѣе четверти столѣтія. Намъ показалось, что стоитъ извлечь изъ забвенія этотъ любопытный отрывокъ исторіи литературы. Онъ кажется намъ въ одно и то же время смѣшнымъ, грустнымъ и полнымъ поученія.

Криспъ былъ старинный и очень близкій другъ семейства Борни. Имъ однимъ довѣрилъ онъ имя пустынной обители, въ которой прятался, подобно дикому звѣрю въ логовищѣ. Для нихъ

сберегались остатки человечности, пережившіе паденіе его пьесы. На Франсизъ Борни онъ смотрѣлъ какъ на свою дочь. Онъ называлъ ее своей Фанничкой; она, съ своей стороны, называла его своимъ дорогимъ папашей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, кажется, сдѣлалъ гораздо больше для развитія ея ума, чѣмъ ея родители, потому что, хотя плохой поэтъ, онъ былъ ученый мыслитель и превосходный совѣтникъ. Онъ особенно любилъ концерты въ Полаццъ-Стритъ. Они, дѣйствительно, были начаты по его внушенію, и когда онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, то постоянно присутствовалъ на нихъ. Но когда онъ состарился, и подагра, причиненная отчасти умственнымъ раздраженіемъ, заставила его заключиться въ своемъ уединеніи, онъ захотѣлъ видѣть хоть мелькомъ веселый и блестящій свѣтъ, изъ котораго былъ изгнанъ и убѣждалъ Фанничку посылать ему подробные отчеты о вечернихъ собраніяхъ отца. Нѣсколько ея писемъ къ нему были изданы; и невозможно читать ихъ не замѣчая въ нихъ дарованій, которыя произвели погоню «*Эвелину*» и «*Цецилію*»: способность быстро подхватывать всякую странную особенность характера и манеры, искусство группировки, юморъ, часто роскошно комичный, иногда даже шутовской.

Склонность Фанни писать романы была на нѣсколько времени подавлена. Теперь она поднялась сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Герои и героини повѣстей, погибнувшихъ въ огнѣ, были постоянно у нея передъ глазами. Одна любимая исторія особенно преслѣдовала ея воображеніе. Это была исторія вѣткой Каролины Павлинь, прекрасной дѣвицы, которая вышла замужъ по любви, но несчастливо, и умерла, оставивши дочь. Франсизъ начала воображать себѣ разнообразныя сцены, трагическія и комическія, черезъ которыя должна была пройти бѣдная сиротка, имѣвшая родственниковъ высокаго происхожденія съ одной стороны и низкаго происхожденія съ другой. Толпа воображаемыхъ существъ, хорошихъ и дурныхъ, серьезныхъ и смѣшныхъ, окружала хорошенькую, робкую молодую сиротку: грубый морякъ-капитанъ; некрасивый наглый франтъ, сіяющій въ пышной придворной одеждѣ; другой франтъ, столь же дурной и наглый, но живущій на Сноу-Гиллѣ и разодѣтый въ подержанный костюмъ для бала въ Гампстедѣ; старуха, вся въ морщинахъ и румянахъ, играющая своимъ

вѣромъ съ видомъ семнадцатилѣтней миссъ и взвизгивающая на діалектѣ, составленномъ изъ вульгарнаго французскаго и вульгарнаго англійскаго языковъ; худощавый, оборванный поэтъ съ рѣзкимъ шотландскимъ акцентомъ. Эти тѣни постепенно становились существеннѣе и существеннѣе; влеченіе Франсизъ писать сдѣлалось необходимою; и результатомъ была исторія «*Эвелины*».

Потомъ пришло, довольно естественно, смѣшанное со многими опасеніями, желаніе явиться передъ публикой; потому что, несмотря на робость Франсизъ, на ея застѣчивость и полнѣйшую непривычку слышать похвалы себѣ, ясно, что она не была лишена ни сильной страсти къ славѣ, ни справедливой увѣренности въ собственныхъ силахъ. Планъ ея былъ сдѣлаться, если возможно, кандидаткой на славу, не рискуя подвергнуться безславію. У ней не было денегъ, чтобы покрыть издержки изданія. Поэтому необходимо было убѣдить какого-нибудь книгопродавца взять на себя рискъ, а такого книгопродавца не легко было найти. Додсли отказался даже взглянуть на рукопись, если ему не объявятъ имени автора. Одинъ издатель на Флитъ-Стритѣ, по имени Лозидзъ, былъ сговорчивѣе. Небольшая переписка завелась между нимъ и м-съ Борни, которая назвалась Графтонъ, и хотѣла, чтобы письма къ ней оставляли въ Оранжевой кофейнѣ. Но, прежде окончательнаго заключенія торга, Фанни сочла своей обязанностью получить согласіе отца. Она сказала ему, что написала книгу, что желала имѣть его позволеніе напечатать ее подъ чужимъ именемъ, но что надѣется, что онъ не станетъ требовать эту книгу. Послѣдующее поможетъ намъ объяснить, что мы разумѣли, сказавши, что м-ръ Борни былъ настолько дурнымъ отцомъ, насколько можетъ имъ быть такой добросердечный человѣкъ. Кажется, ему никогда не приходило въ голову, что Фанни готовилась сдѣлать шагъ, отъ котораго могло зависѣть все счастье ея жизни, шагъ, который могъ доставить ей почетное отличіе или сдѣлать ее предметомъ смѣха и презрѣнія. Тайна была уже довѣрена многимъ лицамъ и, потому нельзя было рассчитывать на строгое соблюденіе ея. Въ такомъ важномъ случаѣ, его обязанностью было, конечно, дать самый обдуманнѣйшій совѣтъ своей дочери, пріобрѣсти ея довѣренность, помѣшать выставиться, если книга дурна, а если она хороша, то позаботиться, чтобы условія,

заключенныя ею съ издателемъ, были-бы выгодны. Въмѣсто того, онъ только широко раскрылъ глаза, расхохотался, поцѣловалъ ее, далъ позволеніе дѣлать какъ хочетъ, и даже не спросилъ о заглавіи ея сочиненія. Контрактъ съ Лоундзомъ былъ быстро заключенъ. Онъ далъ за право издачія двадцать фунтовъ, которыя Фанни приняла съ восторгомъ. Непростительная небрежность отца не причинила, къ счастью, большаго зла, какъ потерю тысячи двухъ сотъ или тысячи пяти сотъ ф. ст.

Послѣ многочисленныхъ отсрочекъ, «*Эвелина*» появилась въ январѣ 1778 г. Бѣдная Фанни заболѣла отъ ужасу и едва смѣла показываться изъ дому. Нѣсколько дней прошло, о книгѣ ничего не было слышно. Дѣйствительно, кромѣ собственныхъ достоинствъ, она ничего не имѣла для пріобрѣтенія общественной благосклонности. Ея авторъ былъ неизвѣстенъ. Фирма, которою книга была издана, не пользовалась, кажется, высокимъ уваженіемъ. Не было партизаповъ, нанятыхъ для апплодированія ей. Лучшій классъ читателей ожидалъ мало хорошаго отъ романа, рассказывающаго о вступленіи молодой дѣвушки въ свѣтъ. Между самыми почтенными людьми господствовало расположеніе осуждать повѣсти вообще и это расположеніе вовсе не было неизвинительнымъ, потому что почти всѣ сочиненія этого рода были тогда глупы и очень часто безнравственны.

Скоро, впрочемъ, начали раздаваться первые слабые отголоски похвалы. Содержатели библіотекъ для чтенія рассказывали, что всѣ спрашиваютъ «*Эвелину*», и что кто-то счелъ ея авторомъ Ансти. Потомъ появился благопріятный отзывъ въ «*London Review*»; потомъ другой, еще болѣе благопріятный, въ «*Monthly Review*». Теперь книга пробралась къ столамъ, которые рѣдко осквернялись томами, переплетенными въ простенькую мраморную бумажку. Ученые и государственные люди, презрительно предоставлявшіе чтеніе массы романовъ м-съ Лидіи Лангвишъ и м-съ Соки Соунтеръ, не стыдились признаться, что не могутъ оторваться отъ «*Эвелины*». Прекрасныя кареты и нарядныя ливреи, не часто встрѣчавшіяся на востокъ отъ Темплъ-Бара стремились къ лавкѣ издателя на Флитъ-Стритъ. Лоундза ежедневно разспрашивали объ авторѣ, но онъ самъ находился въ такомъ же мракѣ относительно его, какъ и разспрашивавшіе. Тайна, однако,

не могла долго оставаться тайной. Она была известна братьямъ и сестрамъ, теткамъ и кузинамъ, а они были слишкомъ горды и счастливы, чтобы хранить молчаніе. Д-ръ Борни плакалъ отъ восторга надъ книгой. Панаша Криспъ грозилъ своей Фанничкѣ кулакомъ, дружески гнѣваясь за то, что она не довѣрилась ему. Истину шепнули м-зѣ Тралъ, и имя автора начало быстро распространяться.

Книгой восхищались, когда ее приписывали литераторамъ, давно знакомымъ съ свѣтомъ и привыкшимъ писать. Но когда узнали, что скромная, молчаливая молодая женщина произвела лучшую повѣсть, написанную со смерти Смоллета, восклицанія удвоились. То, что она сдѣлала, было, дѣйствительно, необыкновенно. Но, какъ и всегда, разнаго рода слухи такъ украсили исторію ея, что она сдѣлалась чудесною. Говорили, что «*Девелина*» была твореніемъ семнадцатилѣтней дѣвушки. Какъ ни невѣроятна была эта сказка, но она повторялась до нашего времени. Франспзъ была слишкомъ честна, чтобы подтверждать ее. Вѣроятно, она была слишкомъ женственна, чтобы противорѣчить ей, и прошло много времени, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ ея клеветниковъ подумалъ объ этомъ способѣ дѣлать непріятности. Но въ поколѣніи, бывшемъ свидѣтелемъ ея перваго появленія, не было недостатка въ низкихъ душахъ и злыхъ сердцахъ. Тогда жили завистливый Кенрикъ, дикарь Волькотъ, аспидъ Джоржъ Стивенсъ и хорекъ Джонъ Вилліамсъ. Имъ, однако, не пришло въ голову разыскивать приходскіе списки въ Лппнѣ, чтобы имѣть возможность корить даму за то, что она скрыла свои года. Этотъ истинно рыцарскій подвигъ берегался для плохаго писателя нашего времени, досаду котораго она возбудила, не давши ему матеріаловъ для негоднаго изданія Босвеллевоу «*Жизни Джонсона*», нѣкоторые листы котораго, безъ сомнѣнія, попадались на глаза нашимъ читателямъ, въ видѣ обертки на связкахъ другихъ, лучшихъ книгъ.

Но мы должны вернуться къ нашему разсказу. Торжество было полное. Робкая и безвѣстная дѣвушка очутилась на высшихъ ступеняхъ славы. Великіе люди, на которыхъ она смиренно поглядывала издали, теперь разговаривали съ ней съ восхищеніемъ, умѣряемымъ нѣжностью, должною ея полу и лѣтамъ. Боркъ, Виндгамъ, Гиббонъ, Рейнольдсъ, Шериданъ находились въ числѣ ея пламеннѣйшихъ при-

верженцевъ. Кумьберландъ признавалъ ея достоинство, по своему обыкновенію кусая губы и ворочаясь на стулѣ, всякій разъ какъ произносилось ея имя. Но въ Стретгамѣ она испытала всю сладость лести, смѣшанную съ сладостью дружбы. М-зъ Траля, стоявшая тогда на вершинѣ благоденствія и популярности, одаренная веселымъ расположеніемъ духа, быстрымъ умомъ, блистательными, хотя и поверхностными, познаніями, пріятными хотя и не утопченными манерами, удивительно любезнымъ характеромъ и любящимъ сердцемъ, полюбила Фанни какъ младшую сестру. У Тралей Джонсонъ былъ домашнимъ человѣкомъ. Онъ былъ старшій пріятель доктора Борни, но, вѣроятно, обращалъ мало вниманія на его дочерей и Фанни, кажется, никогда не осмѣливалась заговорить съ нимъ иначе, какъ спрашивая, не хочетъ ли онъ девятнадцатой или двадцатой чашки чаю. Онъ былъ очарованъ ея повѣстью, и предпочиталъ ее романамъ Фильдинга, къ которымъ, онъ, дѣйствительно, былъ всегда грубо несправедливъ. Правда, онъ не доводилъ своего пристрастія до того, чтобы поставить «*Эвелину*» рядомъ съ Кларисой и сэромъ Чарльзомъ Грандисономъ; но говорилъ, что его маленькая любимица сдѣлала такъ много, что даже Ричардсонъ могъ бы встревожиться. Въ Джонсонѣ съ дружескимъ одобреніемъ книги смѣшивалась нѣжность къ автору, въ которой было на-половину чувствъ отца, а на-половину чувствъ влюбленного, а его года и характеръ давали ему право, не стѣняясь, высказывать эту нѣжность. Онъ началъ съ того, что подносилъ ея руку къ своимъ губамъ. Но скоро онъ сталъ сжимать ее въ своихъ громадныхъ рукахъ и умолялъ быть доброй дѣвушкой. Онъ называлъ ее своей любимицей, своимъ дорогимъ другомъ, своей милой маленькой Борни, своимъ маленькимъ «мастеромъ характеровъ». Однажды, онъ высказалъ похвалу хорошему ея вкусу въ головномъ уборѣ. Другой разъ непременно захотѣлъ учить ее по-латыни. Давно было признано, что, несмотря на всю свою грубость и раздражительность, онъ былъ истинно добродушный человѣкъ. Но пока не вышли въ свѣтъ воспоминанія м-мъ д'Арелэ, никто не зналъ, какимъ кроткимъ и ласковымъ онъ могъ быть.

Мы упомянули о самыхъ замѣчательныхъ людяхъ, которые съ почтеніемъ относились къ автору «*Эвелины*». Толпа низшихъ по-

клонниковъ потребоваза бы списка, столь же длиннаго, какъ во второй книгѣ «*Иліады*». Въ этомъ спискѣ находилась бы и м-съ Чом-лп, говорившая странныя вещи, и Сьюардъ, очень склонный къ зѣвотѣ, и Баретти, убившій челоѣка въ Геймаркетѣ, и Шаоли, говорившій на ломаномъ англійскомъ языкѣ, и громадный ростомъ Лангтонъ, и леди Милларъ, имѣвшая вазу, въ которую дураки привыкли опускать плохіе стихи, и Джеррингамъ, писавшій стихи, годные для вазы леди Милларъ, и д-ръ Франклинъ,—не великій пенсильванскій докторъ Франклинъ — какъ иные вообразили, который не могъ тогда засвидѣтельствовать своего почтенія миссъ Борни, не рискуя быть повѣшеннымъ, колесованнымъ и четвертованнымъ,—но д-ръ Франклинъ поменьше.

Αἶας

μείων, οὐτι τὸς αὖτε ὅσος Τελαμώνιος Αἶας,
ἀλλὰ πολὺ μείων (¹).

Не было бы ничего удивительнаго, еслибъ подобный успѣхъ вскружилъ и болѣе сильную голову и испортилъ даже великодушную и любящую натуру. Но въ «*Дневники*» мы не находимъ и слѣдовъ чувства, несовмѣстнаго съ истинно скромнымъ и любезнымъ правомъ. Дѣйствительно, есть много доказательствъ, что Франсизъ съ глубокой, хотя безпокойной, радостью наслаждалась почестями, доставленными ей ея творческимъ талантомъ. Но ясно и то, что ея счастье явилось вслѣдствіе счастья отца, сестры и милаго папаша-Криспа. Въ то время, когда ей льстили великіе, богатые и ученые, когда взоръ восхищенной толпы слѣдилъ за ней вдоль Стина въ Брайтонѣ, или Пантайльзѣ въ Топбриджъ-Велльзѣ, она, кажется, душой находилась въ маленькомъ, домашнемъ кружкѣ въ Сентъ-Мартинъ-Стритѣ. Если она съ мелочнымъ прележаніемъ записывала всѣ деликатные и грубые комплименты, слышанные ею со всѣхъ сторонъ, она записывала ихъ для двухъ или трехъ лицъ, которыя любили ее съ дѣтства, которыя любили ее въ безвѣстности и которымъ ея слава доставляла чистѣйшее и благороднѣйшее наслажденіе. Ни что не можетъ быть несправедливѣе, какъ смѣшивать эти пзліянія любя-

(¹) «Меньше ростомъ онъ былъ, чѣмъ Аяксъ Телемонидъ могучій,
Меньше далеко его.»

щаго сердца, увѣреннаго въ полнотѣ сочувствія, съ эготизмомъ снлаго чулка, который гараторитъ всѣмъ встрѣчнымъ о своемъ собственномъ романѣ, или своемъ собственномъ томѣ сонетовъ.

Очень естественно, что блестящій исходъ первой попытки миссъ Борни соблазнялъ ее на вторую. «*Девинна*», хотя составила ее славу, несколько не увеличила ея средствъ. Нѣкоторые изъ друзей убѣждали ее писать для театра. Джонсонъ обѣщаль помочь ей совѣтомъ относительно сочиненія. Морфи, который считался лучшимъ знатокомъ характера партера, взялся научить ее театральнымъ эффектамъ. Шериданъ объявлялъ, что онъ приметъ отъ нея всякую пьесу, даже не читая ее. Ободренная такимъ образомъ, она написала комедію, подъ названіемъ «*The Wiltings*». Къ счастью, пьеса никогда не была ни напечатана, ни поставлена на сцену. Мы полагаемъ, что можемъ легко усмотрѣть изъ немногаго, сказаннаго по этому поводу въ «*Дневникъ*», что «*Wiltings*» подверглись бы осужденію и что Морфи и Шериданъ были того же мнѣнія, но были слишкомъ вѣжливы, чтобы высказать его. Къ счастью, у Франсизъ былъ другъ, не боявшійся огорчить ее. Криспъ будучи благоразумнѣе за нее, чѣмъ былъ за себя, прочиталъ ея рукопись въ своемъ уединеніи и мужественно сказалъ ей, что комедія не удалась, что исправлять погрѣшности тамъ и сямъ будетъ бесполезно, что въ пьесѣ много остроумія, но нѣтъ интересу; что въ цѣломъ она плоха, что она напоминтъ каждому читателю «*Femmes savantes*», которыхъ Фанни—странно сказать—никогда не читала, и что она не можетъ выдержать такого близкаго сравненія съ Мольеромъ. Это мнѣніе, съ которымъ соглашался и докторъ Борни, было отправлено Франсизъ, въ видѣ такъ-названнаго ею «шипящаго, брюзжащаго, свистящаго посланія.» Но она была настолько умна, что знала, что для нея лучше быть ошибанной и освистанной ея папашей, чѣмъ цѣлымъ моремъ головъ въ партерѣ Дрюриленскаго театра, и настолько добра, что не могла не быть благодарной за такое рѣдкое доказательство дружбы. Она написала отвѣтъ, который показывасть, какъ она заслуживала имѣть разсудительнаго, вѣрнаго и любящаго совѣтника. «Я надѣюсь, писала она, утѣшиться въ вашемъ порицаніи величайшимъ доказательствомъ искренности, чистосердечія и—позвольте

прибавить — уваженія, когда-либо полученнымъ мною отъ милаго папашп; а такъ какъ я люблю себя больше, чѣмъ свою комедию, то это утѣшеніе не малое. Впрочемъ я серьезно думаю, что когда мои папашп столкнулись о шипящемъ, брюзжащемъ, свистящемъ посланіи, отправленномъ имъ мнѣ, они были столько же огорчены за бѣдненькую м-съ Бейзъ, сколько она сама могла огорчаться за себя. Вы видите, я не пытаюсь отплатить за вашу откровенность мнимой безпечностью. Хотя я и разстроена немного теперь, но обещаю, что мое огорченіе не переживетъ одного дня. Прощайте, мой милый папаша, я не буду обижаться и *падать духомъ*, но буду гордиться, что нашла, какъ въ семьѣ, такъ и внѣ ея, друга, который любитъ меня настолько, чтобы высказать мнѣ полную правду.»

Теперь Франсизъ обратилась отъ своихъ драматическихъ плановъ къ предпріятію, гораздо болѣе свойственному ея талантамъ. Она рѣшилась написать новую повѣсть, по плану вполне принаровленному къ тому, чтобы выказать дарованія, въ которыхъ заключалось ея превосходство передъ другими писателями. Въ самомъ дѣлѣ, это была большая и разнообразная картинная галлерей, представлявшая глазамъ длинный рядъ мужчинъ и женщинъ, отмѣченныхъ какой-нибудь рѣзкой особенностью. Тутъ была скупость и расточительность, гордость происхожденія и гордость богатства, болѣзненная неутомимость и болѣзненная апатія, суетная болтливость и высокомерное молчаніе, Демокритъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, и Гераклитъ, оплакивавшій все. Книга быстро подвигалась впередъ и въ двѣнадцать мѣсяцевъ была окончена. Въ ней недоставало отчасти простоты составлявшей одну изъ наиболѣе привлекательныхъ красотъ въ «*Эвелинъ*», но она представляла обильныя доказательства, что четыре года, прошедшіе со времени появленія «*Эвелины*» проведены не бесполезно. Видѣвшіе «*Цецилію*» въ рукописи, называли ее лучшимъ романомъ того времени. М-съ Тралъ смѣялась и плакала надъ ней. Криспъ былъ даже пылокъ въ своихъ похвалахъ и предложилъ гарантировать быстрый и полный успѣхъ книги полкроною. Въ «*Дневникъ*» не упомянуто, что получила м-съ Борни за рукопись; но мы замѣтили нѣкоторыя выраженія, изъ которыхъ заключаемъ, что сумма была значительная. Никто не могъ сомнѣваться, что продажа будетъ велика; и Фанни имѣла теперь ловкихъ и опытныхъ совѣтниковъ,

которые не позволили бы ей повредить себѣ. Говорятъ, что издатель давалъ ей двѣ тысячи фунт., и мы не сомнѣваемся, что они могли бы дать и большую сумму, не потерпѣвъ убытка.

«*Цецилія*» была издана лѣтомъ 1782 г. Любопытство города было чрезмерно. Намъ сообщали люди, помнившіе эти дни, что ни одинъ романъ сэръ Вальтеръ Скотта не ожидался нетерпѣливѣе и не расхватывался быстрѣе съ конторокъ книгопродавцевъ. Какъ ни велики были ожиданія публики, они были вполне удовлетворены, и общій приговоръ поставилъ «*Цецилію*» между классическими романами Англич.

М-съ Борни было теперь тридцать лѣтъ. Ея юность была удивительно счастлива; но облака скоро начали застилать ясный и лучезарный разсвѣтъ. Происшествія, глубоко скорбныя для любящаго сердца Франсизъ, быстро послѣдовали одно за другимъ. Сначала ее пригласили присутствовать при смертномъ одрѣ ея лучшаго друга, Самюэля Криспа. Когда, исполнивши эту грустную обязанность, она вернулась въ Сентъ-Мартинсъ-Стритъ, то была поражена, услышавъ, что Джонсона разбилъ параличъ; немного мѣсяцевъ спустя она навсегда простилась съ нимъ. Онъ желалъ еще разъ видѣть Франсизъ; и за день до его смерти, она долго стояла на ступеняхъ, ведущихъ къ его спальнѣ; она надѣялась, что ее позовутъ принять его благословеніе. Но онъ такъ быстро ослабѣвалъ, что хотя и послалъ ей дружескій привѣтъ, но не могъ видѣть ее. Это было еще не худшее. Есть разлуки гораздо болѣе жестокия, чѣмъ тѣ, которыя причиняетъ смерть. Она могла оплакивать съ гордой любовью Джонсона и Криспа. Ей пришлось, краснѣя, оплакивать м-зъ Тралъ.

Жизнь, впрочемъ, все-таки улыбалась Франсизъ. Семейное счастье, дружба, независимость, досугъ, литература, все это принадлежало ей; но она отбросила все.

Между замѣчательными людьми, которымъ она была представлена, никто, кажется, не стоялъ такъ высоко въ ея мнѣніи, какъ м-зъ Делани. Эта дама была замѣчательнымъ и почтеннымъ останкомъ прошлаго вѣка. Она была племянница Джорджа Гранвилля, лорда Ландс-доуна, который въ юности обмѣнивался стихами и комплиментами съ Эдмондомъ Воллеромъ и который былъ въ числѣ

первыхъ, рукоплескавшихъ разцвѣтавшему генію Попа. Она вышла замужъ за д-ра Делани, извѣстнаго своимъ современникамъ за глубокаго ученаго и краснорѣчиваго проповѣдника, но котораго въ наше время помнятъ, главнымъ образомъ, какъ члена того небольшого кружка, гдѣ гнѣвный духъ Свифта, терзаемый оскорбленнымъ честолюбіемъ, раскаяніемъ и приближеніемъ сумасшествія, искалъ утѣшенія и покоя. Д-ръ Делани давно умеръ. Его вдова, благороднаго происхожденія, высоко образованная и сохранявшая, не смотря на недуги старости, энергію способностей и ясное спокойствіе духа, пользовалась благосклонностью королевской фамиліи. Она получила пенсію въ триста ф. въ годъ и квартиру въ Виндзорѣ, отдѣланную для ея помѣщенія. Король и королева иногда бывали въ этомъ домѣ и находили очень естественное удовольствіе посмотреть такимъ образомъ на частную жизнь англійскихъ семействъ.

Въ декабрѣ 1785 года м-съ Борни была въ гостяхъ у м-зѣ Делани въ Виндзорѣ. Обѣдъ кончился. Старая леди дремала. Ея внучатная племянница, дѣвочка лѣтъ семи, играла съ гостями въ какую-то рождественскую игру, когда отворилась дверь и дюжій джентльменъ, со звѣздой на груди, постоянно приговаривавшій: «что? что? что?»—вошелъ безъ доклада въ комнату. Поднялся шумъ: «Король!» Общее бѣгство послѣдовало за шумомъ. М-съ Борни признается, что она не могла бы придти въ большій ужасъ, еслибъ увидѣла привидѣніе. Но м-зѣ Делани вышла отдать привѣтъ своему царственному другу, и тревога улеглась. Французъ была представлена, и выдержала долгіе вопросы и распросы обо всемъ, что она напсала, и обо всемъ, что предполагаетъ писать. Скоро явилась королева, и его величество передалъ своей супругѣ свѣдѣнія, полученныя имъ отъ м-съ Борни. Добродушіе королевской четы могло бы тронуть даже авторовъ испытательныхъ одъ и не могло не привести въ восхищеніе молодую леди, воспитанную въ торизмѣ. Черезъ нѣсколько дней визитъ повторился. М-съ Борни была непринужденнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Его величество, вмѣсто того, чтобы искать свѣдѣній, благоволилъ надѣяться ея нипи и произнесъ приговоръ многимъ великимъ писателямъ, англійскимъ и иностраннымъ. Вольтера онъ провозгласилъ чудовищемъ. Руссо ему нравился нѣсколько больше. «Но есть ли гдѣ-нибудь такая дрянь, какъ большая часть Шекспира?» вскричалъ онъ. Только этого

нельзя говорить. Что? Какъ вы думаете? Не жалкая ли это дрянь? что? что?»

Въ слѣдующій день Фанни имѣла честь слышать еще нѣсколько критическихъ замѣчаній, произнесенныхъ королевой относительно Гёте и Клопштока, и могла бы извлечь полезный урокъ экономіи пзъ способа, какимъ ея величество составляла свою библіотеку. «Я купила эту книгу на лоткѣ, сказала королева. Удивительно, какія славныя книги попадаютъ на лоткахъ!» М-зъ Деланп, которая, кажется, пзъ этихъ словъ поняла, что ея величество имѣетъ обыкновеніе лично посѣщать книжныя выставки въ Мурфилдзѣ и Голливелль-Стритѣ, не могла удержаться отъ восклицанія удивленія. «Да, вѣдь, я не сама ихъ покупаю, сказала королева. Но у меня есть очень опытный слуга; и если ихъ нельзя достать у книгопродавцевъ, то нельзя достать для меня, какъ и для другаго.» М-съ Борни называетъ этотъ разговоръ восхитительнымъ; и, въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ удивляться, что съ ея литературными вкусами, она приходила въ восторгъ слушая, какъ щедро первая леди въ странѣ поощряла литературу.

Дѣло въ томъ, что Франсизъ плѣнилась снисходительною ласковостью важныхъ лицъ, которымъ была представлена. Ея отецъ былъ еще болѣе ослѣпленъ, чѣмъ она. Результатомъ этого былъ шагъ, о которомъ мы не можемъ подумать равнодушно, по который, будучи переданъ намъ со всеми своими послѣдствіями, заслуживаетъ по крайней мѣрѣ ту похвалу, что служить весьма внушительнымъ предостереженіемъ.

Около этого времени, нѣмецкая дама, по имени Гатгердорфъ, одна изъ смотрительницъ гардероба королевы, оставила дворъ; ея величество предложила вакантное мѣсто м-съ Борни. Когда мы подумаемъ, что м-съ Борни была рѣшительно самымъ популярнымъ изъ тогдашнихъ новеллистовъ, что достатокъ, если не изобиліе, былъ ей обезпеченъ, и что она была больше нежели счастлива въ своемъ домашнемъ кругу,—и сравнимъ жертву, которую ее приглашали принести, съ вознагражденіемъ предложеннымъ ей,—намъ овладѣваетъ смѣхъ и негодованіе.

Отъ нея требовали, чтобы она согласилась почти такъ же вполне отдѣлиться отъ своей семьи и друзей, какъ еслибъ она ѣхала въ

Калькутту, и сдѣлаться такой же замкнутой узницей, какъ еслибъ ее заключили въ тюрьму за пасквиль; чтобы съ талантами, поучавшими и восхищавшими самые развитые умы, она занялась растраніи-емъ нюхательнаго табаку и прикалываніемъ булавокъ; чтобы звонокъ призывалъ ее къ обязанностямъ горничной; чтобы она проводила свою жизнь подъ стѣсненіемъ жалкаго этикета; чтобы постилась въ извѣстное время дотога, что чуть не падала въ обморокъ отъ голода; чтобы иногда стояла на ногахъ до тѣхъ поръ, пока ея колѣни не подгибались отъ усталости; чтобы она не смѣла ни говорить, ни двигаться, не принимая въ соображеніе, какъ ея госпожѣ понравятся ея слова и жесты. Въмѣсто тѣхъ замѣчательныхъ женщинъ и мужчинъ, цвѣта всѣхъ политическихъ партій, съ которыми она привыкла сходить-ся на правахъ взаимной дружбы, ея постояннымъ собесѣдникомъ становилась главная смотрительница гардероба, старая нѣмецкая вѣдьма, съ низкими понятіями, наглыми манерами и характеромъ, отъ природы грубымъ, и сдѣлавшимся еще раздражительнѣе вслѣд-ствіе болѣзни. Правда, по временамъ, бѣдная Франсизъ могла утѣ-шиться въ потерѣ общества Борка и Випдгама, присоединив-шпсь къ «небесной, возвышенной бесѣдѣ» шталмейстеровъ сго вели-чества.

И ради какого соображенія должна она была продать себя въ это рабство? Ради личнаго перства? Пожизненной пенсіи въ двѣ тысячи въ годъ? Семидесяти четырехъ пушечнаго фрегата для ея брата, слу-жащаго во флотѣ? Декашства для ея брата духовнаго? Нѣтъ. Цѣна, которую ей предлагали состояла изъ стола, квартиры, лакея и двух-сотъ фунтовъ стер. въ годъ.

Человѣкъ, который, побуждаемый даже сильнымъ голодомъ, про-даетъ свое первородство за блюдо похлебки, неблагоразуменъ. Но что же сказать о томъ, который разстается со своимъ первородст-вомъ и не получаетъ взаменъ даже похлебки? Нѣтъ нужды вести рѣчь о томъ, можетъ ли роскошь быть соразмѣрнымъ возмездіемъ за пожертвованіе физической и умственной свободой: Франсизъ Борки сама платила за позволеніе быть узницей и служанкой. Очеви-дно, что однимъ изъ условій ея поступленія на мѣсто было, что, какъ членъ королевскаго штата, она не должна появляться передъ публи-кой, какъ писательница; и, не будь даже подобнаго соглашенія, родъ

ея занятій не оставлялъ ей досуга ни для какого значительнаго умственнаго успѣія. Что ея должность несовмѣстна съ литературными занятіями, было откровенно признано самимъ королемъ, когда она подала просьбу объ увольненіи. «Она отдала, сказалъ онъ, пять лѣтъ своей литературной дѣятельности». Совершенно достоверно, что, въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, она могла безъ всякаго труда, который не былъ бы вмѣстѣ и удовольствіемъ, выработать себѣ достаточно, чтобы купить пожизненный годовоіи доходъ гораздо значительнѣйшій, чѣмъ ненадежное жалованье, получаемое ею при дворѣ. Да и тотъ доходъ, который въ Сентъ-Мартинъ-Стритъ могъ бы доставить всякаго рода комфортъ, долженъ былъ оказаться скуднымъ въ Сентъ-Джемсъ. Мы не рѣшаемся говорить съ увѣренностью о цѣнѣ модныхъ товаровъ и драгоценностей, но мы очень ошиблись бы думая, что леди, долженствовавшая сопровождать королеву Шарлотту на публичныхъ торжествахъ, могла сберечь хоть фартингъ изъ жалованья въ двѣсти ф. в. годъ. Короче, основаніемъ этой сдѣлки было просто то, что Франсизъ Борни должна была сдѣлаться рабой, и въ вознагражденіе за это ее дѣлали нищей.

Съ какою цѣлью ихъ величества привлекли ее во дворецъ, признаемся, мы не можемъ понять. Ихъ цѣлью не могло быть поощреніе ея литературныхъ трудовъ; потому что они взяли ее изъ положенія, въ которомъ было почти вѣрно, что она станетъ писать, и поставили ее въ положеніе, въ которомъ ей было невозможно писать. Ихъ цѣлью не могло быть вниманіе къ ея матерьяльнымъ интересамъ, потому что ее брали изъ положенія, въ которомъ она могла бы сдѣлаться богатой, и ставили въ положеніе, въ которомъ она не могла не остаться бѣдной. Ихъ цѣлью не могло быть пріобрѣтеніе ловкой горничной, потому что ясно, что, хотя м-съ Борни была единственной женщиной своего времени, умѣвшей описать смерть Гарреля, нашлись бы тысячи женщинъ болѣе искусныхъ въ завязываніи лентъ и наполненіи табакерокъ. Дать ей пенсію изъ суммъ цивилиста было бы дѣломъ разсудительной щедрости, дѣлавшей честь двору. Но если это было несполнимо, то лучше всего было не трогать ее вовсе. Мы нисколько не сомнѣваемся, что король и королева желали ей только добра. Но эта благосклонность была благосклонностью людей, поставленныхъ высоко надъ массою человѣчества,

привыкшихъ, чтобы къ нимъ обращались съ глубокимъ уваженіемъ, привыкшихъ видѣть, что ихъ холодность огорчаетъ, а улыбки восхлищаютъ всѣхъ приближенныхъ къ нимъ. Она воображала, что быть замѣченнымъ ими, быть вблизи ихъ, служить имъ — само по себѣ уже счастье; и что Франсизъ Борни должна быть полна благодарности за то, что ей позволили купить цѣною здоровья, богатства, свободы, семейныхъ привязанностей и литературной славы, привилегію стоять за королевскимъ стуломъ и держать пару королевскихъ перчатокъ.

И кто можетъ осуждать ихъ? Кто можетъ удивляться, что государи дѣйствуютъ въ силу такого заблужденія, когда ихъ поддерживаютъ въ немъ тѣ самые люди, которые наиболѣе страдаютъ отъ этого заблужденія? Развѣ слѣдовало ожидать, чтобы Георгъ III и королева Шарлотта поняли интересы Франсизъ Борни лучше или заботились о нихъ съ большимъ усердіемъ, чѣмъ она сама и ея отецъ? Они не употребляли никакого обмана. Условія этого дома рабства высказывались со всей простотой. Крючекъ былъ закинутъ безъ приманки; сѣть растянута въ виду птицы: обнаженный крючекъ былъ жадно проглоченъ, глупая птица поспѣшила запутаться въ сѣть.

Правда, не мудрено, что приглашеніе ко двору произвело волненіе въ груди неопытной молодой женщины. Но обязанностью отца было бодрствовать надъ своей дочерью и показать, что съ одной стороны представлялось только удовлетвореніе ребяческому тщеславію и осуществленіе химерныхъ надеждъ, а съ другой свобода, миръ души, благосостояніе, общественныя удовольствія и почетныя отлічія. Странно сказать: вся нерѣшительность была только со стороны Франсизъ. Докторъ Борни былъ вѣкъ себя отъ радости. Его восторгъ превосходилъ восторгъ черкеса, выгодно продаваго свою красавицу-дочь турецкому торговцу невольниками. Между тѣмъ докторъ Борни былъ человекъ добрый, способный и знакомый съ жизнью. Но онъ, кажется, думалъ, что попасть ко двору — все-равно, что попасть на небо; что лицезрѣть принцевъ и принцессъ было нѣчто въ родѣ блаженныхъ видѣній: что необыкновенное счастье, выпавшее на долю царственныхъ особъ, не ограничивалось ими однимъ, но сообщалось посредствомъ какой-то таинственной эманации или рефлексіи всѣмъ имѣн-

шпмъ позволеніе находится при ихъ туалетахъ, или носить ихъ шлейфы. Онъ преодолѣлъ всѣ возраженія своей дочери, и самъ проводилъ ее въ тюрьму. Дверь затворилась. Повернули ключъ въ замкъ. Она, съ иѣжнымъ сожалѣніемъ смотря на все, что оставила позади, и съ тоской и ужасомъ на новую жизнь, открывавшуюся впереди, не могла придти въ себя, а онъ пошелъ домой, радуясь необыкновенному ея благополучію.

И вотъ началась неволя, продолжавшаяся пять лѣтъ; пять лѣтъ лучшей части жизни потрачены были на услуженіе, или на развлеченія, еще болѣе тупыя, чѣмъ самое услуженіе; то была жизнь съ оскорбительными стѣсненіями и среди недружелюбныхъ или неинтересныхъ сотоварищей. Вотъ какъ проводились дни. М-съ Борни должна была вставать и одѣваться рано, чтобы быть готовой явиться по королевскому звонку, раздававшемуся въ половинѣ восьмага. Часовъ до восьми она находилась въ уборной королевы, и имѣла честь шнуровать корсетъ своей августѣйшей госпожи, надѣвать ей фижмы, платье и косынку. Утро проводилось, главнымъ образомъ, въ разборкѣ и укладываніи на мѣсто прекрасныхъ нарядовъ. Потомъ королевѣ пудрили и одѣвали къ обѣду. Два раза въ недѣлю волосы ея величества завивались въ кудри, и эта операція, повидимому, на цѣлый часъ увеличивала хлопоты съ туалетомъ. Обыкновенно, только послѣ трехъ часовъ пополудни м-съ Борни была свободна. Затѣмъ имѣла въ своемъ распоряженіи два часа. Этимъ часамъ мы обязаны большею частью ея *«Дневника»*. Въ пять она должна была находится при своей сослуживицѣ, м-ме Швелленбергъ, ненавистой старой сплетницѣ, невѣжественной какъ горничная, гордой какъ цѣлый иѣмецкій капитулъ, жестокой, брюзгливой, неспособной переносить уединеніе, неспособной вести себя съ обычной благопристойностью въ обществѣ. Съ этимъ восхитительнымъ товарищемъ, Франсизъ Борни должна была обѣдать и проводить вечеръ. Онѣ обыкновенно были вмѣстѣ съ пяти до одиннадцати часовъ и часто не имѣли другаго общества въ продолженіи цѣлаго вечера, какъ штабмейстеровъ, приходившихъ пить чай отъ восьми до девяти. Если бѣдная Франсизъ пыталась убѣжать въ свою комнату и забыть злополучіе надъ книгой, проклятая старуха бурлила и бранилась, говоря, что ея неглижируютъ. Между тѣмъ, когда Франсизъ

оставалась, старуха постоянно осаждала ее дерзкими упреками. Литературная слава была, въ глазахъ нѣмецкой бабы, порокомъ, доказательствомъ, что особа, пользовавшаяся ею, была низкаго происхожденія и не годилась въ хорошее общество. Весь ея скудный запасъ ломанаго англійскаго языка употреблялся, чтобы выразить презрѣнїе, съ которымъ она смотрѣла на автора «*Эвелины*» и «*Цециліи*». Франсизъ ненавидѣла карты и ничего не понимала въ нихъ; но скоро увидѣла, что наименѣе непріятный способъ проводить вечера съ m-me Швелленбергъ было сѣсть за карточный столъ, и, съ терпѣливой грустью, согласилась отдавать часы, которые могли бы вызвать смѣхъ и слезы многихъ поколѣній—королю трефъ и валету никъ. Между одиннадцатую и двѣнадцатую опять звонилъ колокольчикъ. М-съ Борни должна была провести минуточку двадцать или полчаса въ раздѣваніи королевы, и потомъ имѣла право удалиться и видѣть во снѣ, что она болтаетъ съ братомъ у мирнаго очага, въ Сентъ-Мартинизъ-Стритъ, что она центръ восхищеннаго кружка у м-съ Кру, что Боркъ называетъ ее первой женщиной вѣка, или что Дилли даетъ ей вексель на двѣ тысячи гиней.

Надо предположить, что мужчины не столь терпѣливы, какъ женщины; потому что мы совершенно неспособны постичь, какъ человеческое существо могло переносить подобную жизнь, пока существовали пустые чердаки въ Грѣбъ-Стритъ, перекрестки улицъ, которые нужно мести, приходскіе рабочіе дома или приходскія усыпальницы. И за такую-то жизнь Франсизъ Борни отдала свободу и покой, счастливую домашнюю жизнь, любящихъ друзей, обширный и блестящій кругъ знакомства, умственные занятія, въ которыхъ она могла достигъ совершенства, и вѣрныя надежды на богатство.

Ничто не ново подъ луною. Великій писатель, оставившій намъ послѣдніе образцы аттическаго краснорѣчія и аттическаго остроумія, далъ сильное и трогательное описаніе злополучія литератора, который, обольщенный такимъ же надеждами, какъ Франсизъ, вступилъ въ службу одного изъ римскихъ магнатовъ. «Несчастный я,—восклицаетъ жертва собственнаго ребяческаго честолюбія,—ужели ничто не удовлетворило бы меня, что я оставилъ и свои занятія и старыхъ товарищей, и жизнь безъ заботъ, и сонъ, не имѣвшій другихъ предѣловъ, кромѣ моей собственной охоты, и прогулки, которыя я

былъ воленъ предпринимать, гдѣ хотѣлъ,—чтобы броситься въ эту глубокую яму, въ эту тюрьму? П, Боже мой, ради чего же? Развѣ не было мнѣ средствъ на свободѣ пользоваться удобствами, даже большими, чѣмъ тѣ, которыя я приобретаю теперь рабствомъ? Подобно льву, сдѣлавшемуся столь ручнымъ, что люди могутъ вести его на шпкѣ, меня влекутъ взадъ и впередъ, съ смиреннымъ и сокрушеннымъ духомъ, по пятамъ тѣхъ, для кого въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ я могъ бы быть предметомъ ужаса и удивленія. И, что хуже всего, я чувствую, что здѣсь я не приобретаю довѣрія, не приношу удовольствія. Таланты и дарованія, плѣнявшіе совершенно другой кружокъ, здѣсь не на мѣстѣ. Я неуклюжъ для искусствъ, нужныхъ во дворцахъ, и не могу сравняться съ тѣми, которыхъ призваніе юности было льстить и попрошайничать. Развѣ у меня двѣ жизни, что, послѣ того, какъ я изтратилъ одну на услуженіе другимъ, у меня еще осталась бы другая, чтобы жить для себя?»

Правда, отъ времени до времени бывали происшествія, нарушавшія жалкое однообразіе жизни Франсизъ Борни. Дворъ переезжалъ изъ Кью въ Виндзоръ и изъ Виндзора опять въ Кью. Одинъ тупоумный полковникъ смѣнялся съ дежурства, а другой тупоумный полковникъ вступалъ на дежурство. Дерзкій лакей что-то напуталъ по поводу чая и произвелъ недоразумѣніе между джентльменомъ и леди. Полоумный французскій протестантскій проповѣдникъ говорилъ странныя вещи о супружеской вѣрности. Одинъ несчастный придворный упомянулъ о статьѣ въ «*Morning Herald*», намекавшей на королеву, и м-ме Швелленбергъ принялась бурлить на плохомъ англійскомъ языкѣ, и сказала ему, что онъ заставлялъ ее «что-называется вполѣтъ!»

Болѣе важнымъ происшествіемъ было посѣщеніе королемъ Оксфорда. М-съ Борни отправилась въ королевской свитѣ въ Нонгамъ, была оставлена безъ всякаго вниманія въ толпѣ и съ трудомъ отыскала слугу, чтобы показать ей дорогу въ спальню или къ парикмахеру, поправить локоны. Она имѣла честь вступить въ Оксфордъ въ послѣдней изъ длинной цѣпи каретъ, составлявшихъ королевскую процессію, ходить цѣлый день за королевой по разнымъ обѣденнымъ заламъ и капелламъ, и стоять чуть не умирая отъ голода и усталости, пока ея августѣйшая госпожа сидѣла за превосходной закуской. Въ

Магдалининской коллегіи Франсизъ была оставлена на секунду въ гостиной, гдѣ упала на стулъ. Одинъ добродушный шталмейстеръ, увидѣвъ ея изнуреніе раздѣлилъ съ ней абрикосы и хлѣбъ, которые онъ благоразумно положилъ въ свои карманы. Въ эту минуту, отворилась дверь, вошла королева, утомленные служители вскочили, хлѣбъ и плоды были поспѣшно спрятаны. «Я поняла,—говоритъ бѣдная м-съ Борни,—что нашъ аппетитъ долженъ считаться несуществующимъ, а силы—неистощимымъ».

Однако, Оксфордъ, видѣнный даже при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, «оживилъ,—говоря ея словами,—сознаніе удовольствія, которое въ теченіе долгаго времени почти не существовало для нея». Она забыла на секунду, что она горипчная, и почувствовала то, что должна почувствовать истинно даровитая женщина, находясь среди почтенныхъ останковъ древности, прекрасныхъ произведеній искусствъ, обширныхъ хранилищъ знаній и уметвенныхъ останковъ славныхъ усопшихъ. Буди она все еще тѣмъ, чѣмъ была, пока ея отецъ не убѣдилъ ее сдѣлать самый роковой шагъ въ жизни, мы можемъ легко представить себѣ, какое удовольствіе доставило бы ей посѣщеніе прекраснѣйшаго изъ англійскихъ городовъ. Правда, ей, можетъ быть, довелось бы ѣхать въ наемной каретѣ, и не пришлось бы носить такого прелестнаго платья изъ шамберійскаго газа, какъ то, въ которомъ она, шатаясь, двигалась за королевской компаніей; но зато съ какимъ восторгомъ ходила бы она по корридoramъ Магдалининской коллегіи, сравнивала бы античную мрачность Мертоновской коллегіи съ блескомъ коллегіи Христовой церкви, и смотрѣла бы съ Радклиффовской библіотеки на величественное море башенокъ и зубцовъ, разстлавшееся внизу! Съ какою радостью отложили бы ученые люди на нѣсколько часовъ въ сторону и оды Пиндара и этику Аристотеля, чтобы сопровождать автора *«Цециліи»* изъ коллегіи въ коллегію. Какіе милые банкеты приготовились бы для нея въ аудиторіяхъ! Съ какою охотой принесли бы для ея удовольствія изъ самыхъ потаенныхъ кабинетовъ картины, медали и раскрашенные трепники! Какъ много пришлось бы ей, гуляя по Немброкской коллегіи выслушивать и рассказывать о Джонсонѣ, а въ часовѣ Новой коллегіи—про Рейнольдза! Но это вниманіе было не для той, которая продала себя въ рабство.

Восемнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ посѣщенія Оксфорда, другое происшествіе внесло разнообразіе въ скучную жизнь, которую Франсизъ вела при дворѣ. Ворренъ Гастингсъ былъ приведенъ къ рѣшеткѣ палаты перовъ. Королева и принцессы присутствовали при началѣ суда, и миссъ Борни получила позволеніе сопровождать ихъ. Въ продолженіе процесса ей иногда давался день, для посѣщенія суда, потому что королева принимала сильное участіе въ дѣлѣ и когда не могла сама идти въ Вестминстеръ, то любила выслушивать рассказъ о томъ, что происходило, отъ особы, обладавшей такою необыкновенной наблюдательностью и, сверхъ того, знакомой съ нѣкоторыми изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣлопроизводителей. Та часть «Дневника», которая относится къ этому знаменитому судопроизводству, оживленная и художественна. Но, признаемся, намъ тяжело читать ее, потому что она, кажется, доказываетъ, что прекрасное пониманіе Франсизъ Борни начало испытывать вредное вліяніе образа жизни, который былъ такъ же неблагоприятенъ для здоровья ума, какъ воздухъ Понтійскихъ болотъ для здоровья тѣла. Съ перваго же дня она принимаетъ сторону Гастингса съ высокоумной запальчивостью и ѣдкостью, совершенно несогласнымъ со скромностью и мягкостью ея нрава. Она содрогается, когда Боркъ вступаетъ въ палату во главѣ коммунеровъ. Она называетъ его жестокимъ притѣснителемъ невиннаго человѣка. Она не можетъ постичь, какъ дѣлопроизводители могутъ смотрѣть, не краснѣя, на отвѣтника. Виндгамъ приходитъ къ ней изъ дѣлопроизводительской и предлагаетъ закусить. «Но,—говоритъ она,—я не могла подѣлится съ нимъ хлѣбъ». Потомъ опять восклицаетъ: «Ахъ, м-ръ Виндгамъ, какъ вы могли замѣшаться въ такое жестоко-несправедливое дѣло?»—«М-ръ Боркъ увидѣлъ меня, говоритъ она, и поклонился мнѣ съ самой глубокой учтивостью.» Это, надо замѣтить, было сейчасъ послѣ его вступительной рѣчи, рѣчи, произведшей такое могучее дѣйствіе, и которой, конечно, не могъ бы сказать ни одинъ изъ остальныхъ ораторовъ. «Мой поклонъ,—продолжаетъ она,—былъ самымъ нелюбезнымъ, церемоннымъ и холоднымъ; я не могла поступить иначе; мнѣ было такъ обидно видѣть его предводителемъ подобнаго дѣла.» Дѣйствительно, Боркъ не только былъ изъ людей постоянно внимательныхъ, но, самое послѣднее дѣйствіе, совершенное имъ въ тотъ

день, когда, года за четыре до этого процесса, его уволили из казначейства, было доставить доктору Борни мѣсто органиста въ чельсійскомъ госпиталѣ. Когда, на вестминстерскихъ выборахъ, докторъ Борни колебался между благодарностью за эту милость и своими торійскими мнѣніями, Боркъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ отрекся отъ всякаго права требовать пожертвованія принципами. «Вы очень мало, или вовсе не обязаны мнѣ,—писалъ онъ,—и еслибъ даже были обязаны мнѣ настолько, насколько я истинно желалъ бы этого, то надѣюсь, вы не считаете меня способнымъ желать этого для того, чтобы подчинить вашъ умъ или ваши дѣла тягостному и вредному рабству». Ужели съ подобнымъ человѣкомъ должна была неучтиво обойтись дочь доктора Борни, потому только, что она вздумала расходиться съ нимъ относительно обширнаго и чрезвычайно сложнаго вопроса, который онъ глубоко изучалъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, и котораго она вовсе никогда не изучала? Изъ собственнаго разсказа м-съ Борни ясно, что, когда она была такъ неласкова къ Борку, она даже не знала, въ чемъ обвинялся Гастингсъ. Впрочемъ, одно она должна была знать, что Боркъ успѣлъ убѣдить палату общинъ, сильно вооруженную противъ него, что обвиненія, поэтому, вѣроятно были основательны и что Питтъ и Дондасъ вѣстѣ съ Фоксомъ и Шерида номъ поддерживали обвинительный актъ. Конечно даже отъ женщины съ гораздо низшими способностями, чѣмъ м-съ Борни, можно было ожидать, что она пойметъ, что этого никогда не могло бы случиться, еслибъ не было сильныхъ доказательствъ противъ бывшаго генералъ-губернатора. И, дѣйствительно, какъ признаютъ теперь всѣ разсудительные люди, противъ него были сильныя улики. Что великія общественныя услуги противопоставлялись его великимъ преступленіямъ, это совершенно попятно. Но услуги и преступленія его были одинаково неизвѣстны леди, которая такъ самоувѣренно утверждала его политическую невинность и приписывала его обвинителямъ—т. е. величайшимъ людямъ всѣхъ партій государства—не просто заблужденіе, но грубую несправедливость и варварство.

Правда, она нѣсколько разъ видѣла м-ра Гастингса, и нашла его манеры и разговоръ пріятными. Но не могла же она быть столь неосновательною, чтобы заключить изъ мягкости его манеръ въ гостиной, что

онъ неспособенъ совершить великаго государственнаго проступка подъ вліяніемъ честолюбія и мстительности. Глупенькая миссъ, только-что вышедшая изъ школы, могла впасть въ подобную ошибку; но женщина, создавшая характеръ м-ра Монктона, должна была лучше понимать людей.

Дѣло въ томъ, что она была слишкомъ долго при дворѣ. Она впадала въ рабство болѣе пагубное, нежели матеріальное рабство. Оковы пачинали врѣзываться въ душу. Привыкнувъ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ слѣдить за взоромъ госпожи, принимать съ безграничной благодарностью малѣйшій знакъ королевскаго снисхожденія, чувствовать себя несчастной при всякомъ симптомѣ королевскаго неудовольствія, сообщаться только съ умами, давно укрощенными и подавленными,—она вырождалась въ нѣчто годное для ея мѣста. Королева Шарлотта была пылкимъ приверженцемъ Гастингса, получала отъ него подарки и настолько отступила отъ строгости своей добродѣтели, что покровительствовала его женѣ, прежнее поведение которой было, конечно, такъ же предосудительно, какъ поведение любой изъ слабыхъ красавицъ, въ тогдашнее время строго устранявшихся отъ англійскаго двора. Король, какъ извѣстно, держалъ ту же сторону. Мнѣніемъ короля и королевы покорно руководствовались всѣ члены двора. Поэтому обвиненіе считалось гнуснымъ преслѣдованіемъ, дѣлопроизводителемъ—негодаями, отвѣтчикъ—самымъ достойнымъ человекомъ, съ которымъ поступали самымъ несправедливымъ образомъ. Такъ распѣвала весь дворецъ, начиная отъ дежурнаго офицера и кончая тафельдекерами и смотрителями серебрянаго буфета; и м-съ Борни распѣвала то же вслѣдъ за другими, только нѣсколько поживѣе и съ меньшею горечью.

Отчетъ ея о болѣзни короля заключаетъ много превосходныхъ разсказовъ и описаній и, мы думаемъ, будетъ цѣниться историками будущихъ временъ наравнѣ съ подобными же частями дневниковъ Непписа и Пиллина. Этотъ отчетъ показываетъ также, какой любящей и сострадательной была ея натура. Но—мы должны сознаться—онъ показываетъ также, что ея образъ жизни быстро портилъ ея способность мышленія и чувство справедливости. Мы не намѣрены разбирать здѣсь, чьи взгляды относительно регентства были правильнѣе—м-ра Питта, или м-ра Фокса. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно бесполез-

но разбирать этотъ вопросъ, потому что порицаніе м-съ Борни па-
даетъ одинаково и на Питта, и на Фокса, на большинство и на мень-
шинство. Она гнѣвается на палату общинъ за то, что послѣдняя осмѣ-
ливается освѣдомляться—сошелъ ли король съ ума или нѣтъ, и есть ли
надежда, что онъ придетъ въ себя. «Печальный день!—пишетъ она,—
дурныя новости, какъ во дворцѣ, такъ и внѣ дворца. Дома бѣдному, доро-
гому королю все хуже; а въ парламентѣ рѣшено отобрать новыя показа-
нія медиковъ. Боже милостивый! Какимъ оскорбленіемъ является же-
ланіе парламентской власти—пслѣдовать и выставить передъ свѣтомъ
всѣ обстоятельства такой болѣзни, которая всегда считается священ-
ной тайной во всѣхъ частныхъ семействахъ! Какое негодованіе мы всѣ
чувствуемъ здѣсь—слова не могутъ выразить.» Надо кстати замѣтить,
что предложеніе, возбуждавшее такое негодованіе въ Кью, было сдѣлано
самимъ м-мъ Питтомъ. Поэтому, мы видимъ, что преданность ми-
нистра, котораго тогда общій голосъ называлъ самымъ героиче-
скимъ приверженцемъ государя, была холодна сравнительно съ ки-
пучимъ усердіемъ, наполнявшимъ душу нажей и камеръ-юнгферъ.
Объ биллѣ о регентствѣ, собственномъ биллѣ м-ра Питта,
м-съ Борни говоритъ съ ужасомъ. «Я содрогаюсь, говоритъ она, слы-
ша названіе билля.» И потомъ: «О! какой ужасный будетъ день, когда
этотъ несчастный билль приведется въ исполненіе! Я не могу одобрить
этотъ планъ.» Дѣло въ томъ, что м-ръ Питтъ—былъ ли онъ мудрый
и прямой государственный человѣкъ, или нѣтъ—былъ все-таки государ-
ственный человѣкъ; и какіе бы ни были поводы, заставлявшіе его на-
лагать ограниченія на регента, онъ сознавалъ, что такъ или иначе,
а надо принять мѣры для исполненія нѣкоторой части королевскихъ
обязанностей; въ противномъ случаѣ, никакого правительства не бу-
детъ въ странѣ. Но объ этихъ вещахъ придворные никогда не дума-
ли. Сколько мы видимъ, смотрительницамъ гардероба и царедвор-
цамъ ни разу не пришло въ голову, что гдѣ-нибудь въ государствѣ
да должна быть власть, чтобы издавать законы, охранять поря-
докъ, мловать преступниковъ, опредѣлять чиновниковъ, вести пере-
говоры съ иностранными державами, командовать арміей и флотомъ.
Нѣтъ, эти просвѣщенные политиканы, и въ числѣ прочихъ м-съ Бор-
ни, кажется, думали, что всякій, смотрѣвшій на предметъ съ точки
зрѣнія общественнаго интереса, показывалъ этимъ, что онъ человѣкъ

безъ сердца. Никто не удивляется этому въ камергерѣ; по грустно смотрѣть, когда творческій умъ падаетъ такъ низко.

Еще больше двухъ лѣтъ послѣ выздоровленія короля, тянулась жалкая жизнь Франсиэ во дворцѣ. Она лишилась одного изъ дру- гихъ тѣхъ утѣшеній, которыми смягчалось на время горе раб- ства. М-съ Делапи, общество которой было для нея большимъ утѣшеніемъ во время пребыванія двора въ Виндзорѣ, умерла. Одинъ изъ придворныхъ, полковникъ Дигби, кажется, былъ че- ловѣкъ съ умомъ, вкусомъ, нѣкоторою начитанностью и привле- кательными манерами. Пріятные товарищи попадались рѣдко въ этой тюрьмѣ, и потому очень естественно, что онъ и м-съ Борни привя- зались другъ къ другу. Она признается, что цѣпила его какъ друга, и не было бы ничего удивительнаго, еслибы его вниманіе возбуждало въ ней чувство болѣе горячее, чѣмъ дружба. Онъ оставилъ дворъ и женился, но женитьба была такого рода, что очень удивила м-съ Борни, и, очевидно, уязвила ея чувства и уронила его въ ея глазахъ. Дворецъ дѣлался скучнѣе и скучнѣе; мадамъ Швелленбергъ ста- новилась болѣе и болѣе дикой и наглою, и здоровье бѣдной Фран- сиэ начало ослабѣвать; всѣ, видѣвшіе ея блѣдное лицо, похудѣв- шій станъ и шаткую походку, предсказывали, что ея страданія скоро кончатся.

Франсиэ постоянно говоритъ съ любовью и уваженіемъ о коро- левѣ и принцессахъ. Последнія, кажется, заслуживали похвалъ, сы- павшихся на нихъ въ «Дневникъ». Онѣ были, мы не сомнѣваемся, са- мыми любезными женщинами. Но «милая королева», какъ ее постоянно называютъ въ этихъ томахъ, вовсе не служила для насъ предметомъ восхищенія. Она, несомнѣнно, имѣла столько смысла, чтобы понимать, какъ нужно держать себя прилично своему высокому сану, и столько самообладанія, чтобы пензѣнно сохранять эту манеру. Въ своихъ сношеніяхъ съ м-съ Борни, она была, обыкновенно, пріятлива и ласкова, иногда, въ случаѣ недовольства, холодна и сдержанна, но никогда, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не была жестка, капризна или вспыльчива. Она умѣла, очень мило и искусно, оказы- вать то небольшое вниманіе, которое со стороны государей цѣнится гораздо дороже его существенной стоимости,—знала, какъ сказать комплиментъ, какъ ссудить книгу, какъ спросить о родственникахъ.

Но, кажется, она совершенно не обращала вниманія на комфортъ, здоровье, жизнь своихъ служителей, какъ скоро дѣло шло о ея собственномъ удобствѣ. Слабая, въ лихорадочномъ состояніи, едва въ силахъ стоять, Франсизъ все-таки должна была подниматься ранѣ семи часовъ, чтобы одѣть мпую королеву, и сидѣть до полуночи, чтобы раздѣть мпую королеву. Нездоровье горничной не могло избѣгнута, и не избѣгло вниманія ея царственной госпожи. По установленной при дворѣ доктринной было, что всякая болѣзнь должна считаться отговоркою до тѣхъ поръ, пока не оказывалась роковой. Единственнымъ способомъ, которымъ больная могла очиститься отъ подозрѣнія въ «отлыниваніи», какъ говорятъ въ арміи, было—шпуровать и расшпуровывать до тѣхъ поръ, пока она не упадетъ замертво къ ногамъ королевы. «Это, — пишетъ м-съ Борни, жестоко страдая отъ болѣзни, безсонницы и трудовъ,—происходитъ вовсе не изъ жесткости сердца: совершенно напротивъ. Ни въ комъ изъ нихъ нѣтъ жесткости сердца: это предразсудокъ и недостатокъ личнаго опыта».

Многіе посторонніе люди сочувствовали физическимъ и умственнымъ страданіямъ этой замѣчательной женщины. Всѣ, видѣвшіе ее, видѣли, что ея тѣло слабѣетъ, что ея сердце разрывается. Ея отецъ, кажется, послѣдній замѣтилъ эту перемену. Наконецъ, ему, противъ воли, открыли глаза. Въ маѣ 1790 г., онъ имѣлъ съ своей дочерью свиданіе, продолжавшееся три часа,—единственное долгое свиданіе, бывшее между ними съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1786 г. привелъ ее въ Виндзоръ. Она сказала ему, что она несчастна, что она истомилась прислуживаніемъ и недостаткомъ сна, что у ней нѣтъ утѣшенія въ жизни, нечего любить, не на что надѣяться, что ея семья и друзья какъ будто не существуютъ для нея, а вспоминаются ею, какъ люди вспоминаютъ о мертвыхъ. Съ разсвѣта до полуночи тотъ же мертвящій трудъ, тѣ же забавы, еще болѣе несправедливыя, чѣмъ самый трудъ, слѣдуютъ одно за другимъ безъ разнообразія, безъ малѣйшаго промежутка свободы и покоя.

Докторъ былъ сильно пораженъ этими извѣстіями, но былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы не сказать, что, если она желаетъ уволиться отъ службы, его домъ и объятія открыты для нея. Но все-таки онъ не могъ рѣшиться увезти ее отъ двора. Его уваженіе къ королевскому достоинству доходило, въ самомъ дѣлѣ, до идолопоклонства.

Оно можетъ сравниться только съ раболѣпнымъ суевѣріемъ сирійскихъ фанатиковъ, заставлявшихъ своихъ дѣтей проходить къ Молоху сквозь огонь. Убѣждая свою дочь принять мѣсто смотрительницы гардероба, онъ питалъ надежду, какъ она рассказываетъ намъ, что какая-нибудь мірская выгода, не обозначенная въ контрактѣ, будетъ результатомъ ея связи съ дворомъ. Какой выгоды онъ ожидалъ, мы не знаемъ, да и самъ онъ, вѣроятно, не зналъ. Но, чего бы онъ ни ожидалъ, онъ положительно ничего не получилъ. М-съ Борни была нанята за столъ, квартиру и двѣсти ф. въ годъ. Столъ, квартиру и двѣсти ф. въ годъ она и получила какъ слѣдуетъ. Мы усердно пересматривали «Дневникъ», въ надеждѣ отыскать какіе-нибудь слѣды тѣхъ необыкновенныхъ благодѣлій, на которыя рассчитывалъ докторъ. Но мы находимъ только одно, никогда не исполненное, обѣщаніе — подарить нарядъ: и за это обѣщаніе м-съ Борни должна была благодарить такъ, какъ было бы прилично благодарить только нищему, съ которымъ св. Мартинъ, въ легендѣ, раздѣлялъ свой плащъ. Четырехлѣтняго опыта, однако, было недостаточно, чтобы разсѣять иллюзію, овладѣвшую умомъ доктора, и, повидному, оставалось мало сомнѣнія, что дорогой отецъ и милая королева уморятъ Франсиэ. Прошло полгода послѣ свиданія между отцомъ и дочерью. Просьбы объ увольненіи не подавали. Страдалицѣ становилось хуже и хуже. Она принимала хину, которая скоро перестала оказывать благотѣльное дѣйствіе. Ее подкрѣпляли виномъ, успокаивали опиумомъ, но тщетно. У ней началась одышка. При дворѣ разнесся слухъ, что у ней чахотка. Боль въ боку сдѣлалась такъ сильна, что отъ карточнаго стола старой фурин, къ которой она была прикована, ей приходилось уходить, раза три или четыре въ вечеръ, чтобы прибѣгать къ оленьему рогу. Будь она невольницей-негрятинкой, человѣчный плантаторъ уволилъ бы ее отъ работы. Но ея величество была безпощадна. Три раза въ день все-еще звонилъ проклятый колокольчикъ; королеву все-еще надобно было одѣвать утромъ въ семь часовъ, днемъ—въ двѣнадцать и раздѣвать въ полночь.

Но въ литературномъ и фешьёнебельномъ обществѣ возникло чувство всеобщаго состраданія къ Франсиэ и негодованія противъ ея отца и королевы. «Возможно ли, говорила знатная французская дама док-

тору Борни, чтобы ваша дочь находилась въ должности, гдѣ ей никогда не даютъ свободнаго дня? Горацій Вальполь писалъ Франсизъ, чтобы выразить ей свою симпатію. Босвелль, въ пылу добродушной ярости, почти силой ворвался во дворецъ, чтобы видѣть больную. «Моя милая, зачѣмъ вы остаетесь? Это не годится; вы должны просить объ увольненіи. Мы не можемъ долѣе терпѣть этого. Увѣряю васъ, приняты будутъ какія-нибудь сильныя мѣры. Мы цѣлымъ обществомъ обратимся къ доктору Борни». Боркъ и Рейнольдзъ хотя менѣе шумно, но усердно стояли за то же дѣло. Виндгамъ говорилъ съ д-мъ Борни и нашелъ его еще въ перѣшительности. «Я подпишу на него клубъ, — вскричалъ Виндгамъ, — м-съ Борни имѣетъ здѣсь нѣсколько очень искреннихъ поклонниковъ и, я увѣренъ, они будутъ усердно помогать мнѣ». Въ самомъ дѣлѣ, семейство Борни, кажется, боялось, что докторъ, непростительное безразсудство котораго (употребляемъ самое мягкое выраженіе) вполне заслуживало этого, подвергнется какому-нибудь публичному оскорбленію. Медики прямо объявили ему, что дочь его должна или просить объ увольненіи, или умереть.

Наконецъ, родительская любовь, медицинскій авторитетъ и негодующій голосъ всего Лондона, восторжествовали надъ его любовью къ двору. Отецъ рѣшилъ, что Франсизъ должна написать просьбу объ увольненіи. Хотя дѣло шло о ея жизни, она едва собралась съ духомъ, чтобы передать бумагу въ руки королевы. «Я не могла, повѣстуетъ дневникъ, рѣшиться представить мое прошеніе; у меня не хватало духу, видя, какъ далека королева отъ подобнаго предположенія; потому что, хотя часто мнѣ было такъ дурно въ ея присутствіи, что я едва могла стоять на ногахъ, — ясно было, что, пока я оставалась жива, она считала меня безусловно-своей».

Наконецъ, бумага была вручена дрожащими руками. Тогда разразилась буря. Юнона, какъ въ «Энеидѣ», поручила дѣло мщенія Алекто. Королева была кротка и спокойна, но мадамъ Швелленбергъ бѣсновалась, подобно сумасшедшимъ въ неизлѣчимомъ отдѣленіи Бедлама! Какая пагость! Какая неблагодарность! Какое безуміе! Неужели м-съ Борни хочетъ совершенно погубить себя и свое семейство? хочетъ лишиться неоцѣненнаго королевскаго покровительства? хочетъ отказаться отъ привилегій, которыя, будучи разъ потеряны,

никогда не возобновятся? Глупо толковать о жизни и здоровьи. Если люди не могут жить во дворцѣ, самое лучшее, что может выпасть на ихъ долю—это умереть въ немъ. Просьбу объ увольнении не приняли. Говоръ медиковъ становился энергичнѣе и энергичнѣе. Родительскія опасенія д-ра Борни были окончательно возбуждены, и онъ написалъ письмо, которое обѣщали показать королевѣ, гдѣ онъ ясно объявлялъ, что его дочь должна удалиться отъ двора. Швелленбергъ бѣсилась, какъ дикая кошка. «Послѣдовала ужасная сцена, говоритъ м-съ Борни. М-ме Швелленбергъ была такъ взбѣшена, что не могла лицемѣрить, и клеймила наши поступки самыми яростными выраженіями негодующаго презрѣнія. И утѣрена, она съ радостью заперла бы насъ въ Бастилью—еслибъ существовала въ Англіи подобная пагуба — какъ въ мѣсто, годное на то, чтобы привести насъ въ себя отъ оскорбительнаго противорѣчія царскимъ желаніямъ.» Эти строки заслуживаютъ вниманія, потому что онѣ единственныя въ «Дневникъ», показывающія, что м-съ Борни понимала, что она уроженка свободной страны, что ее нельзя было вербовать въ горничныя противъ ея воли и что она имѣла такое-же право жить, если вздумаетъ, въ Сентъ-Мартинъ-Стритъ, какъ королева Шарлотта въ Сентъ-Джемсъ.

Королева обѣщала, что послѣ предстоявшаго дня рожденія Франсизъ будетъ свободна. Но обѣщаніе плохо сдержали, и ее величество выказывала неудовольствіе, когда ей напоминали объ этомъ. Наконецъ, Франсизъ увѣдомили, что черезъ двѣ недѣли ея служба прекратится. «Я услышала это, говоритъ она, съ страшнымъ предчувствіемъ, что, вѣроятно, мнѣ не пережить еще двухъ недѣль, въ такомъ слабомъ, томительномъ и тягостномъ состояніи здоровья.... По мѣрѣ того, какъ приближалась разлука, дружелюбность королевы сильно уменьшалась, и порою проявлялись слѣды внутреннего неудовольствія, возникавшаго изъ того мнѣнія, что мнѣ слѣдовало скорѣе выбиться изъ силъ, чѣмъ покидать ее. Однако она поняла, какъ плоха была моя перспектива, если не измѣнится образъ жизни, и наконецъ перестала удивляться, хотя не могла одобрить мое поведеніе». Милая королева! Какое благородное чистосердечіе—допустить, что непочтительность людей, думавшихъ, что за честь поправлять ей шемизетки не сто-

ить жертвовать жизнью,—хотя и въ высшей степени преступна, но не совсѣмъ неестественна.

Мы вполне понимаемъ презрѣніе ея величества къ жизни другихъ, тамъ гдѣ дѣло шло о ея собственномъ удовольствіи. Но какого рода удовольствіе было для нея имѣть около себя м-съ Борни — не такъ легко понять. Чтобы м-съ Борни была необыкновенно искусной смотрительницей гардероба—не очень правдоподобно. Дѣйствительно, немногихъ женщинъ обращали меньше вниманія на туалетъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, ее кое-когда просили почитать вслухъ, или написать стихи. Но не трудно было найти лучшихъ чтецовъ; а ея стихи были хуже даже, чѣмъ оды на день рожденія поэтовъ-лавреатовъ. Можетъ быть, экономія, бывшая одной изъ самыхъ замѣтныхъ добродѣтелей ея величества, имѣла вліяніе на ея образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ. М-съ Борни никогда не намекала на пенсію, и въ самомъ дѣлѣ, съ радостью отдала бы немного, что имѣла, за свободу. Но ея величество знала, что думаетъ публика и что прилично ея собственному достоинству. Она не могла, ради одного стыда, допустить, чтобы женщина съ замѣчательными дарованіями, поппувшая выгодную карьеру для того, чтобы ходить за ней, усердно служившая ей за бездѣлицу впродолженіе пяти лѣтъ, потерявшая свое здоровье отъ труда и безсонницы,—оставила дворъ безъ всякихъ доказательствъ королевской щедрости. Георгъ III, который во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о м-съ Борни, кажется, велъ себя, какъ прилично честному, добросердечному джентльмену, сознавалъ это и прямо сказалъ, что она имѣетъ право на пенсію. Наконецъ, за всѣ перенесенныя ею непріятности, за здоровье, которымъ она пожертвовала, назначили ей ежегодный доходъ во 100 ф., завѣщанный отъ благоусмотрѣнія королевы.

Тогда темница отворилась и Франсизъ еще разъ очутилась на свободѣ. Джонсонъ, по замѣчанію Борка, могъ бы прибавить разительную страницу къ своей поэмѣ—«*Тщетность человѣческихъ желаній*», еслибъ дожидъ до того, чтобы посмотреть, какова была его маленькая Борни, когда она входила во дворецъ и когда выходила изъ него.

Столь долго не испытанныя наслажденія свободы, дружбы, семейныхъ привязанностей были почти не подъ-силу ея потрясенному организму. Но счастливые дни и покойныя ночи скоро поправили здоровье, разстроенное туалетомъ королевы и карточнымъ

столомъ мадамъ Швелленбергъ. Ласковыя и заботливыя лица окружили больную. Самый утонченный и блестящій разговоръ оживлялся умъ. Ей посоветовали путешествовать, и она спокойно, не утомляясь, переѣзжала изъ одного соборнаго города въ другой, отъ однихъ минеральныхъ водъ къ другимъ. Она проѣхала по Новому Лёсу и посѣтила Стогенджъ и Вильтонъ, скалы Лайма и прекрасную долину Сидмута. Оттуда она проѣхала мимо Поудергамъ-Кастля и развалины Гластонберійскаго аббатства къ Бату, а къ зимѣ вернулась, веселая и здоровая, изъ Бата въ Лондонъ. Здѣсь она посѣтила свою старую тюрьму, и нашла свою преемницу уже далеко на пути къ могилѣ на строгомъ дежурствѣ съ утра до полуночи—съ вывихнутой лодыжкой и нервной лихорадкой.

Въ это время Англія кишѣла французскими эмигрантами, выгнанными изъ ихъ страны революціей. Колонія этихъ изгнанниковъ поселилась въ Джуниперъ-Голлъ, въ Сорри, близъ парка Норбѣри, гдѣ жилъ м-ръ Локкъ—короткій пріятель семейства Борни. Франсизъ посѣтила Норбѣри и была представлена иностранцамъ. Она была сильно предубѣждена противъ нихъ, потому что ея торизмъ далеко превосходилъ торизмъ, не скажемъ м-ра Питта, но м-ра Ривзла, а обитатели Джуниперъ-Голя были все приверженцами конституціи 1791 г. и потому были ненавидимы роялистами первой эмиграціи болѣе, чѣмъ Песіонъ и Маратъ. Но женщина, подобная м-съ Борни, не могла долго устоять противъ привлекательности этого замѣчательнаго общества. Она жила съ Джонсономъ и Виндгамомъ, съ м-съ Монтегю и м-съ Тралъ,—однако должна была сознаться, что до этого не имѣла понятія о разговорѣ. Самое одушевленное краснорѣчіе, самая тонкая наблюдательность, самое блестящее остроуміе, самая пысканная грація соединились здѣсь, чтобы очаровать ее. Здѣсь была м-ме де-Сталь и Таллейранъ; здѣсь же находился де-Барбоннъ, благородный представитель французской аристократіи, а съ де-Барбонномъ былъ его другъ и приверженецъ генераль д'Арьелъ, почтенный и любезный человекъ, съ краснвою наружностью, военною прямою права и нѣкоторою любовью къ литературѣ.

Предубѣжденія, усвоенныя Франсизъ противъ конституціонныхъ роялистовъ Франціи, быстро исчезли. Она съ восторгомъ слушала Тал-

лейрапа и м-те Сталь, вмѣстѣ съ генераломъ д'Арблэ проклинала якобинцевъ и оплакивала несчастныхъ Бурбоновъ; брала у него французскіе уроки, влюблась и вышла за него замужъ, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ ненадежнаго годового дохода во сто фун. стерлинговъ.

Здѣсь «Дневникъ» прекращается. Поэтому мы приведемъ нашъ рассказъ къ быстрому окончанію, на-скоро передавъ самыя важныя происшествія послѣдняго періода жизни м-те д'Арблэ.

Состояніе м-ра д'Арблэ погнбло въ общемъ крушеніи французской революціи; а въ чужой странѣ таланты, каковы бы они ни были, врядъ ли могли обогатить его. Забота о пропитаніи семейства лежала на его женѣ. Въ 1796 г. она издала по подпискѣ свой третій романъ—«*Камилла*». Онъ нетерпѣливо ожидался публикой; и сумма, доставленная имъ, была, мы полагаемъ, больше всего, что можно было получить за романъ того времени. Мы слышали, что «*Камилла*» доставила больше трехъ тысячъ гиней. Но мы передаемъ это только какъ слухъ. «*Камилла*», впрочемъ, никогда не приобрѣтала той популярности, какою пользовались «*Цецилія*» и «*Эвелина*»; и надо сознаться, что въ ней было замѣтное паденіе не юмора или искусства рисовать характеры, но граціи и чистоты слога.

Мы слышали, что около этого времени была представлена на сценѣ трагедія м-те д'Арблэ, которая не имѣла успѣха. Не знаемъ, была ли она напечатана, да мы не имѣли и времени дѣлать изслѣдованія относительно ея исторіи и достоинствъ.

Во время короткаго перемирія послѣ Аміенскаго трактата м-ръ д'Арблэ посѣтилъ Францію. Лористонъ и Лафайетъ представили его права французскому правительству и получили обѣщаніе, что ему возвратятъ его военный чинъ. Д'Арблэ требовалъ однако, чтобы его не заставляли служить противъ соотечественниковъ жены. Первый консулъ, разумѣется, не хотѣлъ слышать о такомъ условіи и приказалъ уплотнить патентъ генерала.

М-те д'Арблэ пріѣхала къ своему мужу въ Парижъ незадолго до начала войны 1803 г. и оставалась во Франціи десять лѣтъ, отрѣзанная почти отъ всякаго сообщенія съ родиной. Наконецъ, когда Наполеонъ былъ на пути въ Москву, она съ большими трудностями получила отъ его министровъ позволеніе посѣтить свое отечество вмѣстѣ съ сыномъ, уроженцемъ Англіи. Она вернулась въ-время, чтобы

принять послѣднее благословеніе своего отца, который умеръ на восемьдесятъ-седьмомъ году. Въ 1814 г. она издала свой послѣдній романъ—*«Скиталецъ»*; эту книгу ни одинъ разумный другъ ея памяти не попытается извлечь изъ забвенія, которому она справедливо подверглась. Въ томъ же году ея сынъ, Александръ, былъ отправленъ въ Кембриджъ. Онъ достигъ почетнаго мѣста между товарищами своего курса и былъ избранъ членомъ коллегіи Христовой церкви. Но его репутація въ университетѣ была выше, чѣмъ можно заключить изъ его успѣха въ академическихъ состязаніяхъ. Его французское воспитаніе не сдѣлало его способнымъ къ университетскимъ испытаніямъ, но въ чистой математикѣ онъ былъ мало равныхъ себѣ, какъ увѣряли насъ нѣкоторые изъ его соперниковъ. Онъ поступилъ въ духовенство, и всѣ ожидали, что достигнетъ высокаго отличія какъ проповѣдникъ; но онъ умеръ раньше своей матери. Все, что мы слышали о немъ, заставляетъ думать, что онъ былъ такимъ сыномъ, какого заслуживала подобная мать. Въ 1832 г. м-ме д'Арблэ издала мемуары своего отца, а 6-го января 1840 г. она умерла на восемьдесятъ-восьмомъ году.

Теперь мы обратимся отъ жизни м-ме д'Арблэ къ ея сочиненіямъ. Мы думаемъ, что не можетъ быть большаго разногласія въ мнѣніяхъ относительно сущности ея достоинства, какъ бы ни было сильно разногласіе относительно степени этого достоинства. Она была именно, какъ называлъ ее Джонсонъ, «мастеромъ характеровъ». Ея сила заключалась въ изображеніи человѣческихъ страстей и причудъ,—въ этомъ отдѣлѣ искусства она обладала, по нашему мнѣнію, замѣчательнымъ талантомъ.

Но для того, чтобъ мы могли, согласно нашей обязанности герольдмейстера, знакомаго съ законами литературнаго первенства, поставить ее на ея истинное мѣсто, мы должны провести нашъ разборъ нѣсколько далѣе.

Въ одномъ отношеніи есть замѣчательная аналогія между лицамъ и характерами людей. Нѣтъ двухъ лицъ совершенно схожихъ; между тѣмъ очень мало лицъ, далеко отходящихъ отъ общаго уровня. Изъ 1,800,000 человѣческихъ существъ, населяющихъ Лондонъ, нѣтъ ни одного, кого бы его знакомый принялъ за другаго; но мы можемъ пройти отъ Паддингтона до Майлзъ-Энда, не встрѣчая ни одного лица,

въ которомъ бы какая-нибудь черта такъ рѣзко выдавалась, что заставляла бы насъ оглянуться на него. Безконечное число видоизмѣненій заключается между двумя чертами, не очень далеко отстоящими другъ отъ друга. Образчики, выходящіе за эти черты съ той и другой стороны, составляютъ очень небольшое меньшинство.

То же самое замѣчается и въ характерахъ людей. Здѣсь тоже невозможно исчислить всѣхъ видоизмѣненій. Но случаи, въ которыхъ отклоненія отъ общаго уровня поразительны и забавны, очень рѣдки. Въ одномъ характерѣ преобладаетъ скупость, въ другомъ—гордость, въ третьемъ—любовь къ удонольствіямъ; точно такъ же, какъ въ одномъ лицѣ—носъ самая замѣтная черта, между тѣмъ какъ въ другомъ главное выраженіе заключается во лбу или линіяхъ рта. Но очень мало лицъ, въ которыхъ носъ, лобъ и ротъ не способствуютъ, хотя и въ неравной степени, общему впечатлѣнію, и также очень мало характеровъ, въ которыхъ одна, непомѣрно развитая, склонность дѣлаетъ всѣ другія совершенно незначущими.

Очевидно, что портретный живописецъ, способный изображать только лица и фигуры, подобныя тѣмъ, которыя показываются за деньги на ярмаркахъ, не можетъ, какъ бы ни были живы его изображенія, занять мѣсто между артистами высшаго разряда. Его всегда слѣдуетъ поставить ниже тѣхъ, которые умѣютъ схватывать особенности, не доходящія до уродства. Чѣмъ тоньше эти особенности, тѣмъ выше достоинства миниатюриста, умѣвшаго схватить ихъ и перенести на полотно. Нарисовать Даниэля Ламберта или живой скелетъ, лѣди съ лицомъ, напоминающимъ свинью, или Сіамскихъ близнецовъ, такъ, чтобы всѣ узнали ихъ — это подвигъ подъ-силу и маляру. Третьестепенный артистъ можетъ изобразить намъ косые глаза Вилькса и загнутый носъ и выдающіяся щеки Гибсона. Гораздо большая степень искусства потребуется, чтобы нарисовать двухъ такихъ людей, какъ м-ръ Кэппингъ и сэръ Томасъ Лоренсъ, такъ, чтобы никто, видѣвшій ихъ, ни на минуту не усумнился сказать, кто оригиналъ каждаго изъ портретовъ. Здѣсь просто-карикатурный живописецъ далъ бы промахъ. Два широкія голыя чела, два правильные профиля, два полныя лица одинаково овальной формы сбили бы съ толку его искусство, и ему осталось бы прибѣгнуть къ жалкой уверткѣ—подписать имена подъ своими картинками. Однако

между лицами была большая разница; и человекъ, видѣвшій ихъ однажды, такъ же мало могъ принять одного изъ нихъ за другаго, какъ принять м-ра Питта за м-ра Фокса. Но эта разница заключалась въ тонкихъ очертаніяхъ и оттѣнкахъ, предоставленныхъ карандашамъ высшего разряда.

Это различіе существуетъ во всѣхъ подражательныхъ искусствахъ. Мимика Фута была чрезвычайно забавна, но она была вся каррикатура. Онъ могъ перенимать только какую-нибудь рѣзкую особенность, могъ запкаться или шепелявить, могъ рубить на портумбріанскомъ и ирландскомъ нарѣчіяхъ, могъ вилять и изгибаться. «Если человекъ прыгаетъ на одной ногѣ,—говорилъ Джонсонъ,—Футъ можетъ тоже прыгать на одной ногѣ.» Съ другой стороны, Гаррикъ могъ схватывать тѣ различія въ манерѣ и выговорѣ, которыя, хотя характеристичны въ высшей степени, однако такъ тонки, что ускользаютъ отъ описанія. Мы не сомнѣваемся, что Футъ, подражая разговору между шотландцемъ и сомersetширцемъ, заставилъ бы Гаймаркетскій театръ дрожать отъ хохоту. Но Гаррикъ могъ бы подражать разговору между двумя фешёнебельными людьми, лучшими образцами благовоспитанности, напр. между лордомъ Честерфилдомъ и лордомъ Альбемарлемъ, такъ, что никто не могъ бы сомнѣваться, кто изъ нихъ тотъ и другой, хотя никто не могъ сказать, что лордъ Честерфилдъ или лордъ Альбемарль, въ какомъ-нибудь отношеніи, говорили или двигались несогласно съ обычаями лучшаго общества.

То же самое различіе находится въ драмѣ и вымышленномъ рассказѣ. Шекспиръ стоитъ въ діалогѣ выше всѣхъ, кто только изображалъ человѣческую природу. Его видоизмѣненія подобны видоизмѣненіямъ природы, это—безконечное разнообразіе, но почти ничего уродливаго. Характеры, которые онъ создалъ и которые оставили въ насъ не менѣе живое впечатлѣніе, какъ характеры близкихъ къ намъ людей, считаются десятками. Однако, между всѣми этими десятками, едвали найдется одинъ характеръ, который далеко отклоняется отъ общаго мѣрила и который мы назвали бы очень эксцентричнымъ, встрѣтивъ его въ дѣйствительной жизни. Нелѣпое понятіе, что у каждаго человека есть одна господствующая страсть, разъясняющая всѣ тайны его поведенія, не находитъ себѣ поддержки въ

массахъ Шекспира. Здѣсь человѣкъ является, какъ онъ есть, составленный изъ множества страстей, которыя борются за господство надъ нимъ и по очереди управляютъ имъ. Какая господствующая страсть Гамлета? или Отелло? или Генриха V? или Вольса? или Лира? или Шайлока? или Бенедика? или Макбета? или Кассія? или Фокиордажа? Но мы могли бы продолжать безъ конца. Возьмемъ одинъ примѣръ, Шайлока. Развѣ онъ такъ преданъ деньгамъ, чтобы быть равнодушнымъ къ мщенію? или такъ преданъ мщенію, чтобы быть равнодушнымъ къ деньгамъ? или такъ склоненъ къ тому и другому, чтобы быть равнодушнымъ къ чести своей націи и закону Моисееву? Всѣ его склонности перемѣшаны, такъ что, стараясь поставить каждую на надлежащее мѣсто, мы находимъ тѣ же затрудненія, какія постоянно встрѣчаемъ въ дѣйствительной жизни. Поверхностный критикъ можетъ сказать, что ненависть — господствующая страсть Шайлока. Но сколько страстей слились вмѣстѣ, чтобы образовать эту ненависть! Она — отчасти слѣдствіе оскорбленной гордости: Антонио называлъ его собакой; отчасти — слѣдствіе жадности къ деньгамъ: Антонио помѣшалъ ему приобрести полмилліона, и когда Антонио не будетъ, не будетъ и границъ выгодамъ ростовщика; отчасти — слѣдствіе національнаго и религіознаго чувства: Антонио наплевалъ на жидовскій плащъ, и Шайлокъ поклялся жидовской субботой отмстить ему. Мы могли бы этимъ способомъ пересмотрѣть всѣ упомянутыя нами личности и еще пятьдесятъ другихъ, потому что у Шекспира постоянная манера — представлять человѣческое существо находящимся не подъ абсолютнымъ владычествомъ одной деспотической склонности, но подъ смѣшаннымъ владычествомъ, гдѣ сотни властей уравниваются другъ друга. Какъ онъ ни удивителенъ во всѣхъ частяхъ своего искусства, но мы наиболѣе поклонимся ему за то, что, оставивъ намъ большее число поразительныхъ портретовъ, чѣмъ всѣ другіе драматурги вмѣстѣ, онъ не оставилъ почти ни одной карикатуры.

Шекспиръ не имѣетъ ни равнаго себѣ, ни подобнаго. Но между тѣмъ, которые бы въ поманутомъ нами отношеніи, ближе всего подходили къ великому художнику, мы, не колеблясь, ставимъ Дженъ Остенъ, — женщину, которой справедливо гордится Англія. Она дала намъ множество характеровъ, въ извѣстномъ смыслѣ, обыденныхъ,

встрѣчающихся ежедневно. Но всё они такъ отчетливо разнятся между собою, какъ самыя эксцентричныя человѣческія существа. Вотъ, наприимѣръ, четыре священника; cadaго изъ нихъ мы безъ удивленія встрѣтили бы въ какомъ бы то ни было приходѣ королевства, м-ръ Эдвардъ Феррарсъ, м-ръ Генри Тилли, м-ръ Эдмондъ Бертрамъ и м-ръ Эльтонъ. Всё они образцы верхняго слоя средняго класса. Всё они получили либеральное воспитаніе. Всё они стѣснены одной и той же священной профессіей. Всё они молоды. Всё они влюблены. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ своего конька, какъ говорилъ Стернъ. Ни у кого нѣтъ господствующей страсти, о какихъ мы читаемъ у Пола. Кто не предположилъ бы, что они выйдутъ пустыми конями одинъ съ другаго. Ничего подобнаго. Каждый изъ молодыхъ богослововъ м-съ Остенъ не больше похожъ на своихъ достопочтенныхъ братьевъ, какъ Гарпагонъ на Журдена, какъ Джозефъ Сорфесъ на сэра Люція О'Триггера. И почти все это сдѣлано такими тонкими штрихами, которые ускользаютъ отъ анализа, поддаются описанію, и чувствуются только по общему впечатлѣнію, которому они способствуютъ.

По нашему разумѣнію, надо провести черту между художниками этого класса, и тѣми поэтами и повелѣстами, искусство которыхъ заключается въ изображеніи того, что Бенъ Джонсонъ называлъ странностями, *humours*. Слова Бена приходится такъ кетати, что мы приводимъ ихъ здѣсь:

«When some one peculiar quality
Doth so possess a man, that it doth draw
All his affects, his spirits, and his powers,
In their confluxions all to run one way,
This may be truly said to be a humour.» ⁽²⁾

Несомнѣнно есть люди, въ которыхъ странности, подобныя описываемымъ Беномъ достигли полнаго господства. Примеры—скуность Эльвза, безумное желаніе сэра Джергона Бриджеса полу-

(2) «Если какое-нибудь особенное качество такъ обладаетъ человѣкомъ, что оно заставляетъ всё его привязанности и силы, сливаясь, стремиться въ одну сторону, то это поистинѣ можно назвать странностью».

чить бароню, на которую онъ имѣлъ столько же правъ, какъ на королю Испаніи; недоброжелательство къ людямъ развившееся въ мрачномъ умѣ Беллипама долгимъ размышленіемъ о воображаемыхъ обидахъ. Чувство, одушевлявшее Кларксона и другихъ добродѣтельныхъ людей противъ торговли невольниками и противъ рабства—примѣръ болѣе почтеннаго рода.

Видя, что подобныя странности существуютъ, мы не можемъ отрицать, что онѣ заслуживаютъ воспроизведенія въ искусствѣ. Но мы полагаемъ, что изображеніе такихъ странностей, какъ бы хорошо и забавно оно ни было, не есть дѣло высшаго разряда; и такъ какъ подобныя странности рѣдки въ дѣйствительной жизни, то онѣ должны, по нашему пониманію, бережливо вводиться въ сочиненія, которыя называются картинами дѣйствительной жизни. Тѣмъ не менѣе, писатель можетъ показать такъ много геніяльности въ изображеніи этихъ странностей, что можетъ имѣть полное право на почетное и прочное мѣсто между классическими писателями. Но главные, первенствующія мѣста между ними предоставляются тому меньшинству, которое достигло совершенства въ трудномъ искусствѣ снимать портреты съ характеровъ, въ которыхъ ни одна черта не выдается слишкомъ рѣзко.

Если мы ясно изложили законъ, то не можемъ затрудниться въ приложеніи его къ частному случаю, подлежащему нашему разбору. М-ме Д'Арблѣ врядъ-ли оставила намъ что-нибудь, кромѣ странностей. Почти въ каждомъ изъ ея мущинъ и женщинъ есть какая-нибудь наклонность, развитая до болѣзненности. Въ «*Цецилии*», напримѣръ, м-ръ Дельвилль не открываетъ рта, чтобы не сказать чего-нибудь о своемъ происхожденіи и положеніи, М-ръ Бригзъ, чтобы не намекнуть о способѣ копить деньги; М-ръ Гобсонъ, чтобы не заявить самодовольства и важничанья выскочки, гордаго богатствомъ; М-ръ Спикписъ—чтобы не завскакать какой-нибудь подлостью расположеніе своихъ покупателей; М-ръ Мидосъ—чтобы не выразить апатіи и утомленія жизнью; М-ръ Альбани—чтобы не пустить возгласа о порокахъ богача и злополучіи бѣдняка; М-съ Бельфильдъ—чтобы не сказать какой-нибудь неумѣстной похвалы своему сыну; леди Маргаретъ—чтобы не выказать ревности къ мужу. Моррисъ весь—вертлявая, услужливая назойливость, М-ръ Госпортъ весь сарказмъ, леди Гонорія—оживлен-

пая, м-сь Ларольсь — пошлая болтовня. Если м-ме Д'Арблэ мѣтила на большее, мы не думаемъ, чтобы она успѣла въ этомъ.

По этому въ высшихъ рядахъ искусства м-ме Д'Арблэ не можетъ имѣть мѣста, но нельзя отрицать, что въ томъ ряду, къ которому она принадлежала, она имѣла мало равныхъ себѣ и едва ли имѣла высшихъ. Разнообразность странностей въ ея повѣстяхъ чрезвычайно обширна, и хотя рѣчь каждаго изъ лицъ отдѣльно — монотонна, но общее впечатлѣніе, производимое ими — не монотонность, а очень оживленное и пріятное разнообразіе. Завязки ея произведеній, разсматриваемыя сами по себѣ, построены грубо и неправдоподобно. Но онѣ превосходно приспособлены къ изображенію разительныхъ группъ эксцентрическихъ личностей, изъ которыхъ каждая руководствуется своей особенной причудой, говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ и, путемъ противоположности, рѣзко выдаетъ странности остальныхъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ изъ многихъ, которые приходятъ намъ въ голову. Всякая правдоподобность нарушается, для того чтобы ввести въ одну комнату м-ра Дельвиля, м-ра Бриза, м-ра Гобсона и м-ра Альбани. Но когда они сходятся, мы скоро забываемъ неправдоподобность въ чрезвычайно забавномъ эффектѣ, производимомъ столкновеніемъ четырехъ старыхъ дураковъ, изъ которыхъ каждый одержимъ своей особенной мономаніей, каждый говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ и каждый заново воспаляетъ всѣхъ другихъ, всякій разъ какъ открываетъ ротъ.

М-ме Д'Арблэ имѣла чрезвычайно большой успѣхъ въ комическомъ, и именно въ комическомъ, граничившемъ съ фарсомъ. Но мы готовы заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ *«Камилль»* и *«Цецилии»*, что она могла бы достигнуть одинаковаго отличія и въ патетическомъ. Мы составили это сужденіе не только изъ тѣхъ пысканно-горестныхъ сценъ, которыя сопрозоуждаютъ катастрофы каждаго изъ этихъ романовъ, сколько изъ нѣсколькихъ прелестныхъ очерковъ, полныхъ естественной нѣжности, которые мы встрѣчаемъ тамъ и сямъ. Укажемъ, для примѣра, на рассказъ м-сь Гилль о смерти ея маленькаго сына въ *«Цецилии»* и на прощанье сэра Гью-Тирольда съ Камиллой, когда честный баронетъ считаетъ себя умирающимъ..

Грустно подумать, что вся слава м-ме Д'Арблэ поконится на томъ,

что она сдѣлала въ продолженіе первой половины своей жизни, и что все, изданное ею въ теченіе сорока-трехъ лѣтъ, предшествовавшихъ ея смерти, понизило ея репутацію. Однако, мы не имѣемъ повода думать, чтобы въ пору полного развитія ея способностей, онѣ были поражены какимъ-нибудь ударомъ. Въ *«Скитальцѣ»* отъ времени до времени блеститъ предъ нами лучъ ея таланта. Даже въ *«Мемуарахъ»* ея отца не видно и слѣдовъ глупой болтовни. *«Мемуары»* очень дурны, по намъ кажется, что они дурны не отъ упадка дарованія, а отъ полнѣйшаго извращенія дарованія.

Дѣло въ томъ, что слогъ м-мѣ д'Арблэ потерпѣлъ постепенное и въ высшей степени пагубное измѣненіе, измѣненіе, которому, мы думаемъ, не было примѣра въ литературной исторіи и развитіе котораго было бы, можетъ быть, полезно прослѣдить.

Когда она писала письма къ м-ру Криспу, начало дневника и свою первую повѣсть, ея слогъ не былъ, правда, ни блестящъ, ни энергиченъ, но онъ былъ простъ, ясенъ и свободенъ отъ всѣхъ непріятныхъ недостатковъ. Писавши *«Цецилію»*, она мѣтла выше. Она тогда жила много въ кружкѣ, центромъ котораго былъ Джонсонъ, и сама принадлежала къ числу его самыхъ ревностныхъ поклонницъ. Кажется, ей ни разу не пришло на мысль, что слогъ даже лучшихъ его сочиненій былъ вовсе не безукоризненъ, и что—будь онъ даже безукоризненъ—съ ея стороны было бы неблагоприятно подражать ему. Фразеологія годная въ изслѣдованіяхъ объ единствахъ или въ предисловіи къ лексикону—совершенно не уместна въ повѣсти изъ свѣтской жизни. Старые джентльмены не критикуютъ господствующихъ модъ, а молодые не объясняются въ любви тѣми разнѣренными періодами и звучными эпитетами, которые искусный писатель можетъ въ высокотожественныхъ случаяхъ успешно употребить въ дѣло.

Не въ добрый часъ авторъ *«Эвелины»* взялъ за образецъ себѣ *«Rambler'a»*. Это было бы неблагоприятно, еслибы даже м-мѣ д'Арблэ могла подражать своему образцу такъ же хорошо, какъ подражалъ ему Гоксвортъ. Но подобное подражаніе было не въ ея власти. У нея былъ свой собственный слогъ, который былъ довольно хорошъ и могъ бы, безъ спльных перемѣнъ, сдѣлаться очень хорошимъ. Она рѣшилась измѣнить его совершенно и принять слогъ, въ которомъ могла достичь

совершенства только одержавши почти сверхъестественную побѣду надъ природой и привычкой. Она могла перестать быть Фанни Борни, но не такъ легко было сдѣлаться Самюэлемъ Джонсономъ.

Въ «*Cecilia*» начала проявляться перемѣна манеры. Но въ «*Cecilia*» подражаніе Джонсону, хотя не всегда вполне удачное, иногда необыкновенно счастливо, и пассажи, которые такъ многорѣчивы, что положительно непріятны, — рѣдки. Были люди, говорившіе въ тихомолку, что Джонсонъ помогать своей молодой пріятельницѣ и что повѣсть своими лучшими страницами обязана его рукѣ. Это просто выдумка зависти. Истинныя дарованія м-съ Борни были такъ же недоступны для Джонсона, какъ его истинныя дарованія были недоступны для нея. Онъ такъ же мало былъ способенъ написать сцену въ Маскарадѣ и сцену въ Воксголлѣ, какъ она «*Жизнь Коули*» или рецензію на Сома Дженинза. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ просматривалъ «*Cecilia*» и поправлялъ слогъ многихъ страницъ. Мы знаемъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе очень щедро расточать подобнаго рода помощь. Гольдсмитъ, Гоксвортъ, Босвеллъ, лордъ Гейльзъ, м-съ Виллиамсъ пользовались его помощью. Даже больше — онъ поправлялъ стихи м-ра Крабба, котораго, мы полагаемъ, никогда не видалъ. Когда м-съ Борни задумала писать комедію, онъ обѣщавъ дать ей самый искренній совѣтъ, хотя признавался, что не особенно способенъ совѣтовать въ вещахъ, относящихся къ театру. Поэтому, мы считаемъ въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы его маленькая Фанни, находясь съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, издала бы такое значительное сочиненіе не посоветовавшись съ нимъ, и, просматривая «*Cecilia*», видимъ въ серьезныхъ и возвышенныхъ страницахъ такіе ясные слѣды его руки, что невозможно ошибиться. Прежде нежели закончимъ эту статью, мы представимъ два или три примѣра.

Когда м-ме Д'Арблэ въ слѣдующій разъ явилась предъ публикой въ качествѣ писательницы, она была въ совершенно другомъ положеніи. Она не захотѣла довольствоваться простымъ англійскимъ языкомъ, которымъ была написана «*Эвелина*». Она не имѣла уже того друга, который, мы убѣждены, придавъ силы слогу «*Cecilia*». Ей надлежало писать манерой Джонсона безъ помощи Джонсона. Слѣд-

ствіемъ этого было то, что въ «*Камиллы*» каждая страница, которую авторъ хотѣлъ сдѣлать возвышенной, — отвратительна, и что книга избѣгла осужденія только удивительной живостью и сплои тѣхъ сценъ, въ которыхъ онъ удовольствовался простымъ языкомъ.

Но м-ме Д'Арблэ предстояло спуститься еще ниже. Послѣ изданія «*Камиллы*» она прожила десять лѣтъ въ Парижѣ. Въ продолженіе этого времени между Англіей и Франціей почти вовсе не было сношеній. Съ трудомъ можно было изрѣдка пересылать короткія письма. Всѣ товарищи м-ме Д'Арблэ были французы. Она должна была писать, говорить и думать по-французски. Овидій высказывалъ опасеніе, что и менѣе продолжительное изгнаніе повредитъ чистотѣ его латини. Въ продолженіе болѣе короткаго изгнанія Гиббонъ разучился своему англійскому языку. М-ме Д'Арблэ увезла плохой слогъ во Францію. Она привезла оттуда слогъ, котораго мы, по истинѣ, не умѣемъ описать. Это какой-то исковерканный Джонсоповскій языкъ, варварскій *patois*, такъ же относящійся къ языку «*Rasselas*», какъ тарбарщина негровъ острова Ямайки къ англійскому языку палаты лордовъ. Иногда онъ напоминаетъ намъ изящѣйшія, т. е. самыя гадкія мѣста повѣстей м-ра Гольца, иногда риторическія рѣчи Эксетеръ-Гоула, иногда руководящія статьи «*Morning Post*». Но больше всего онъ походитъ на пuffed м-ра Ровланда и доктора Госсла. Все равно, какія бы идеи ни облакались подобнымъ языкомъ. Соединенный гений Шекспира и Бэкона не могъ бы спасти отъ всеобщаго осмѣянія книгу, написанную подобнымъ слогомъ.

Посредствомъ образчиковъ, мы можемъ дать нашимъ читателямъ возможность судить, какая значительная разница заключается между тремя слогами м-ме Д'Арблэ (*).

Проступокъ, за который заключаютъ въ тюрьму, называется, между прочимъ, на этомъ языкѣ м-ме Д'Арблэ проступкомъ, «который производитъ заточеніе». Умирать съ голоду значитъ «погружаться отъ истощенія въ небытіе». Сэръ Псалкъ Ньютонъ назы-

(*) Маколей приводитъ тутъ дозволено много цитатъ изъ сочиненій м-ме Д'Арблэ, но характеристичность ихъ теряется въ переводѣ. Мы сочли себя поэтому вправе выпустить ихъ, — тѣмъ болѣе, что дѣло касается только внѣшней стороны разбираемыхъ сочиненій.

взется «развивателемъ небесъ въ ихъ воплощенныхъ движеніяхъ». А м-съ Траль, когда общество умныхъ людей молчало, была «раздражаема скукой безмолвія, которая, среди столь знаменитыхъ собесѣдниковъ, производила такое же наркотическое оцѣпенѣніе, какое можетъ причинить самое полное отсутствіе всѣхъ человѣческихъ способностей». Рѣшительно нельзя открыть ни одной страницы въ послѣднихъ сочиненіяхъ м-ме д'Арблэ, не встрѣчая подобной риторической цѣлѣстности. Ни что въ языкѣ жаргонистовъ, надъ которыми смѣялся м-ръ Госпортъ, ни что въ языкѣ сэра Седли Кларендела не подходитъ къ этому новому эвфуизму.

Не изъ недружелюбнаго чувства къ памяти м-ме д'Арблэ говорили мы такъ рѣзко по поводу ея слога. Напротивъ, мы полагаемъ, что оказалъ услугу ея репутаціи. Что ея послѣднія творенія были исполнены неудачны — фактъ слишкомъ извѣстный, чтобы его скрывать; и мы полагаемъ, что нѣкоторые вывели изъ этого, что она была съ самаго пачала чрезчуръ расхваленной писательницей и не имѣла таланта, необходимаго, чтобы удержаться на той степенн, на которую ее поставили счастье и мода. Мы думаемъ, напротивъ, что ея прежняя популярность была не болѣе, какъ справедливымъ вознагражденіемъ за замѣчательное достоинство, и никогда бы не померкла, еслибъ м-ме д'Арблэ удовольствовалась естественнымъ слогомъ. Если она потерпѣла неудачу, когда оставила свою область и захотѣла овладѣть той, въ которой ей не было ни чести, ни мѣста, то она раздѣляетъ этотъ упрекъ съ цѣлой толпой даровитыхъ людей. Ньютонъ потерпѣлъ неудачу, когда обратился отъ звѣздъ и прилива и отлива океана къ апокалипсическимъ печатамъ и фіаламъ. Бентли потерпѣлъ неудачу, когда отъ Гомера и Аристофана обратился къ издаію *«Потерянную Рая»*. Иппо потерпѣлъ неудачу, когда задумалъ соперничать съ готическими церквами XIV столѣтія. Вильки потерпѣлъ неудачу, когда искалъ соревнованія съ Лоренсомъ въ портретной живописи. Подобныя неудачи слѣдуетъ записать для поученія потомства; но онѣ мало уменьшаютъ прочную славу тѣхъ, которые создали истинно великія вещи.

Еще одно слово. Не только ради существенной цѣнности первыхъ своихъ произведеній имѣетъ м-ме д'Арблэ право на почтенную память. Ея появленіе было важной эпохой въ нашей литературной

исторіи. «*Давелина*» была первой повѣстью, написанной женщиной и имѣвшей цѣлью быть картиной жизни и обычаевъ, повѣстью, которая жила и заслуживала жизни. «*Женскій Кихотъ*» не исключеніе. Это сочиненіе, разсматриваемое какъ дикая, сатирическая арлекинада, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое достоинство; разсматривая его какъ картину жизни и обычаевъ, мы должны провозгласить его болѣе нелѣпымъ, чѣмъ всѣ романы, которые оно пыталось осмѣять.

Въ самомъ дѣлѣ, большая часть популярныхъ повѣстей, предшествовавшихъ «*Давелинѣ*», были таковы, что ни одна лэди не могла бы написать, а многія изъ нихъ были таковы, что ни одна лэди не могла бы безъ смущенія сознаться, что читала ихъ. Самое слово повѣсть приводило въ ужасъ религіозныхъ людей. Въ порядочныхъ семействахъ, не выказавшихъ впрочемъ особенной святости, существовало сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ подобныхъ сочиненій. Сэръ Антонъ Абсолютъ, года за два или за три до появленія «*Давелины*», высказалъ мысль всѣхъ степенныхъ отцовъ и супруговъ, назвавъ библіотеки для чтенія вѣчно зеленымъ дьявольскаго знанія. Это предубѣжденіе, со стороны серьезныхъ и мыслящихъ людей, успивало зло, изъ котораго оно происходило. Такъ какъ романистъ имѣлъ мало читателей между серьезными людьми, и ему нечего было терять относительно своей репутаціи, то онъ и позволялъ себѣ, не стѣсняясь, вольности, которыя въ нашемъ поколѣніи кажутся почти невѣроятными.

М-съ Борни сдѣлала для англійскаго романа то, что Джереми Колльеръ сдѣлалъ для англійской драмы, и сдѣлала это лучше его. Она первая показала, что можно написать повѣсть, въ которой съ большой силой и богатымъ юморомъ можно представить и фешье-небелъную и вульгарную жизнь Лондона, не помѣстивши ни одной строки, несовмѣстной съ строгой правдивостью и даже дѣйственной чистотою. Она спала упрекъ, лежавшій на разрядѣ сочиненій, приносящемъ чрезвычайно много пользы и наслажденія. Она защитила права ея пола на равную долю въ изящной и благородной области литературы. Многія даровитыя женщины послѣдовали по пути, проложенному ею. Теперь романы, которыми мы обязаны англійскимъ лэди, составляютъ не малую часть литературной славы нашей страны. Ни одинъ классъ сочиненій не отличается болѣе тон-

кой наблюдательностью, граціей, деликатнымъ остроуміемъ и нравственнымъ чувствомъ. Многія изъ преемницъ m-me Д'АрблѢ сравнялись съ нею; двѣ, по нашему мнѣнію, превзошли ее. Но самый фактъ, что ее превзошли—еще увеличиваетъ ея право на наше уваженіе и благодарность, потому что, по истинѣ, мы обязаны ей не только «*Эвелиной*», «*Цециліей*» и «*Камиллой*» но и «*Мансфильдовымъ паркомъ*» и «*Absentee*»

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ АДДИСОНА.

(Июль, 1843).

«*The Life of Joseph Addison*». By Lucy Aikin. 2 vols. 8-vo London, 1843.

«Жизнь Джозефа Аддисона». Соч. Льюис Эйкинъ. 2 т. 8-vo Лондонъ, 1843.

Нѣкоторые рецензенты держатся мнѣнія, что женщина, осмѣливающаяся издать книгу, этимъ самымъ поступкомъ, отказывается отъ льготъ, принадлежащихъ ея полу, и не имѣетъ права на смягченіе крайней жесткости критической процедуры. Мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Мы допускаемъ дѣйствительно, что въ странѣ, которая славится многими женщинами-писательницами, по дарованіямъ и талантамъ, чрезвычайно способными имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, было бы въ высшей степени вредно, еслибъ пропускали, безъ порицанія, неточную исторію или ложную философію, только потому, что виноватою оказывается женщина. Но мы полагаемъ, что въ подобныхъ случаяхъ, критикъ поступилъ бы хорошо, подражая тому вѣжливому рыцарю, котораго долгъ принудилъ выступить на поле битвы противъ Брадаманты. Онъ, говорятъ, успѣшно защищалъ дѣло, за которое стоялъ, но, до начала сраженія, перемѣнилъ Балларду на менѣе смертоносный мечъ, тщательно притупивши его конецъ и лезвіе (*).

(*) Orlando Furioso. XIV. 68.

Льготы ея пола, не единственные льготы, на которыя м-съ Эйкинъ можетъ законно сослаться. Многія изъ ея сочиненій, и преимущественно очень занимательныя «*Мемуары царствованія Іакова І*» дали ей полное право на привилегіи, которыми пользуются хорошіе писатели. Одною изъ этихъ привилегій мы считаемъ то, что, когда подобнымъ писателямъ, или отъ неудачнаго выбора сюжета, или отъ безпечности, слишкомъ часто производимой успѣхомъ, случается погрѣшить, то ихъ не слѣдуетъ подвергать строгому наказанію, которое иногда необходимо налагать на невѣждъ и обманщиковъ, но просто напоминать имъ легкимъ прикосновеніемъ подобнымъ тому, какимъ запутскій хлопальщикъ пробуждалъ своего мечтающаго господина, что давно пора очнуться.

Наши читатели, вѣроятно, заключатъ изъ сказаннаго нами, что книга м-съ Эйкинъ разочаровала насъ. Дѣло въ томъ, что авторъ не очень знакомъ со своимъ предметомъ. Никто, не изучивши коротко политической и литературной исторіи Англіи, въ продолженіе царствованій Вильгельма III, Анны и Георга I, не можемъ написать хорошей жизни Аддисона. Мы не имѣемъ въ виду упрекать м-съ Эйкинъ, и многіе подумаютъ, что мы дѣлаемъ ей комплиментъ, говоря, что ея занятія приняли другое направленіе. Она лучше знакома съ Шекспиромъ и Рале, чѣмъ съ Конгривомъ и Прайоромъ, и гораздо больше на мѣстѣ среди брыжей и острокопечныхъ бородъ Теобальда, чѣмъ среди косынокъ и пышныхъ париковъ окружавшихъ чайный столъ королевы Анны въ Гамптонѣ. Она, кажется, писала о Елизаветинской эпохѣ, потому что много читала о ней; съ другой стороны, кажется, что она немного читала объ вѣкѣ Аддисона, потому что рѣшилась писать объ немъ. Слѣдствіемъ этого было то, что ей пришлось описывать людей и вещи, не имѣя правильной или ясной идеи объ нихъ, и что она часто впадала въ ошибки чрезвычайно серьезнаго рода. Репутація, справедливо пріобрѣтенная м-съ Эйкинъ стоитъ такъ высоко, и прелесть писемъ Аддисона такъ велика, что вѣроятно, потребуется второе изданіе этой книги. Если такъ, то мы надѣемся, что она будетъ пересмотрѣна, и всѣ числа и факты, на счетъ которыхъ можетъ возникнуть малѣйшее сомнѣніе, тщательно проверены.

Съ самимъ Алдисономъ мы связаны чувствомъ, которое на столько похоже на привязанность, на сколько можетъ это быть съ чувствомъ внутреннимъ человѣкомъ, сто двадцать лѣтъ покоящимся въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Мы надѣемся, однако, что это чувство не вовлечетъ насъ въ то низкое подолонклонство, которое мы часто порицали въ другихъ, и которое рѣдко не дѣлаетъ смѣшнымъ и подолонклонника, и подла. Человѣкъ гениальный и добродѣтельный—все-таки человѣкъ. Всѣ его способности не могутъ быть одинаково развиты; не можемъ мы ожидать отъ него и полного самопознаія. Поэтому мы не колеблясь, признаемъ, что Алдисонъ оставилъ намъ также и сочиненія, не возвышающіяся надъ посредственностью, героическія поэмы, врядъ-ли равныя поэмамъ Парнеелля, критики столь же поверхностныя, какъ критики доктора Блэра, и трагедію не много лучше трагедіи доктора Джонсона. Не малая похвала сказать про писателя, что въ высокомъ отдѣлѣ литературы, въ которомъ отличались многіе превосходные писатели, онъ не имѣлъ равнаго; а это можно съ строгой справедливостью сказать объ Алдисонѣ.

Какъ человѣкъ, онъ можетъ быть не заслуживалъ обожанія, съ какимъ нѣкоторыя, будучи очарованы его пріятельнымъ обществомъ и обязаны всѣми удобствами жизни его великодушнѣйшей и деликатной дружбѣ, поклонялись ему каждый вечеръ въ его любимомъ храмѣ—кофейнѣ Боттона. Но послѣ подробнаго разбора и безпристрастнаго размышленія, мы давно убѣдились, что онъ заслуживалъ всю любовь и уваженіе, на которое имѣетъ право нашъ немощный и заблуждающійся родъ. Безъ сомнѣнія, въ его характерѣ, отыщутся нѣкоторые недостатки; но чѣмъ тщательнѣе его разсматриваешь, тѣмъ больше находишь его, по выраженію старинныхъ анатомовъ, здоровымъ въ благородныхъ частяхъ, безъ малѣйшаго пятна вѣроломства, трусости, жестокости, неблагодарности, зависти. Можетъ быть, не трудно найти людей, въ которыхъ нѣкоторыя добрыя склонности были бы лучше развиты, чѣмъ въ Алдисонѣ. Но истинная гармонія качествъ, точная середина между суровыми и человѣчными добродѣтелями, постоянное соблюденіе всѣхъ законовъ не только нравственной честности, но и нравственной граціи и достоинства, отличаютъ его отъ всѣхъ людей, подвергавшихся

такимъ же сильнымъ искушеніямъ, и о поведеніи которыхъ мы имѣемъ такія же полныя свѣдѣнія.

Онъ былъ сыномъ его преподобія Ланселота Аддисона, который игралъ нѣкоторую роль въ свѣтѣ и съ честью занимаетъ двѣ страницы in folio въ «*Biographia Britannica*», — хотя впоследствии слава его помрачилась отъ славы его болѣе знаменитаго сына. Во время республики, Ланселота отправили, въ качествѣ бѣднаго ученика, изъ Вестморланда въ Королевскую коллегію въ Оксфордъ; тамъ онъ сдѣлалъ успѣхи въ наукахъ, сталъ горячимъ роялистомъ, подобно большей части своихъ сотоварищей, написалъ насквиль на университетское начальство, и принужденъ былъ на колѣняхъ просить за это прощенія. По выходѣ изъ коллегіи онъ зарабатывалъ себѣ скудное пропитаніе, читая литургію павшей церкви семьямъ тѣхъ грубыхъ сельскихъ сквайровъ, усадьбы которыхъ были разсѣяны по пустырямъ Соссекса. Послѣ реставраціи его вѣрность была вознаграждена мѣстомъ капелана въ гарнизонѣ Дюнкверхена. Когда этотъ городъ былъ проданъ Франціи, Ланселотъ потерялъ свое мѣсто. Но въ это время Португалія уступила Англіи Тангеръ, какъ часть приданнаго инфанты Катерины, и Ланселота Аддисона отправили въ Тангеръ. Врядъ ли можно себѣ представить болѣе жалкое мѣсто. Трудно рѣшить отъ чего наиболѣе страдали несчастные жители, отъ зноя или отъ дождя, отъ солдатъ внутри стѣнъ, или мавровъ извнѣ. На сторонѣ капелана было одно преимущество. Онъ имѣлъ превосходный случай изучить исторію и обычаи евреевъ и магометанъ; и этой возможностью онъ кажется, отлично воспользовался. Вернувшись послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанія въ Англію, онъ издалъ интересный томъ о политикѣ и религіи Берберинъ и другой объ обычаяхъ еврейскихъ и состояніи раввинской учености. Онъ достигъ высокаго мѣста въ своей профессіи и сдѣлался однимъ изъ королевскихъ капелановъ, докторомъ богословія, архидіакономъ въ Салсбѣри и деканомъ въ Личфильдѣ. Говорятъ, его сдѣлали бы епископомъ послѣ революціи, еслибъ онъ не разсердилъ правительство своей упорной оппозиціей либеральной политикѣ Вильгельма и Тиллотсона, во время convocаціи 1689 г.

Въ 1672 г., вскорѣ послѣ возвращенія д-ра Аддисона изъ Тан-

гера, родился его сынъ Джозефъ. О дѣтствѣ Джозефа мы имѣемъ мало свѣдѣній. Получивши элементарное образованіе въ сосѣднихъ школахъ его отправили въ Чартеръ-Хаусъ. Анекдоты объ его дѣтскихъ шалостяхъ не очень гармонируютъ съ тѣмъ, что мы знаемъ объ его болѣе зрѣлыхъ годахъ. Есть преданіе, что онъ былъ предводителемъ одного изъ бунтовъ, затѣянныхъ школьниками, и другое, что онъ убѣжалъ изъ школы и спрятался въ лѣсу, гдѣ питался ягодами и спалъ въ дуплѣ дерева, пока послѣ долгихъ поисковъ его не отыскали и не привели домой. Если эти исторіи истинны, то любопытно бы узнать, посредствомъ какой нравственной дисциплины такой предприимчивый и буйный мальчикъ превратился въ самаго кроткаго и самаго скромнаго изъ людей.

Мы имѣемъ многочисленныя доказательства, что каковы бы были проказы Джозефа, онъ учился успѣшно и прилежно. Въ пятнадцать лѣтъ онъ не только вступилъ въ университетъ, но имѣлъ уже классическій вкусъ и запасъ познаній, который могъ бы сдѣлать честь даже магистру. Онъ вступилъ въ Королевскую коллегію въ Оксфордѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, его латинскіе стихи попали въ руки доктора Ланкастера, декана Магдалинипской коллегіи. Слогъ и версификація молодого ученаго были уже таковы, что ветераны-профессора могли бы позавидовать имъ. Докторъ Ланкастеръ захотѣлъ быть полезнымъ мальчику, обѣщавшему такъ много и случай къ этому не замѣдлилъ представиться. Въ это время только что началась революція, которую, нигдѣ не привѣтствовали съ такимъ восторгомъ какъ въ Магдалинипской коллегіи. Іаковъ и его канцлеръ дѣйствовали относительно этой богатой и великой корпораціи съ такою наглостью и несправедливостью, которая даже въ подобномъ государствѣ и подобномъ министрѣ возбуждаютъ справедливое удивленіе; которые даже больше, чѣмъ процессъ епископовъ, способствовали отчужденію англійской церкви отъ трона. Выбранный, законнымъ образомъ, президентъ, былъ насильно изгнанъ изъ своего жилища, и королевское повелѣніе поставило паписта главою общества; члены согласно съ своей присягой, отказались подчиниться этому узурпатору и были выгнаны изъ своихъ мирныхъ обителей и садовъ, такъ что имъ оставалось или умереть съ голоду, или жить насчетъ общественной благопо-

ригельности. Но день удовлетворенія и возмездія былъ недалекъ. Пришельцы были изгнаны; почтенный домъ вновь заселился старыми обитателями; ученость процвѣтала подъ управленіемъ мудраго и добродѣтельнаго Гофа, а съ ученостью соединялся кроткій и либеральный духъ, въ которомъ царственный коллегіи Оксфорда часто нуждались. Вслѣдствіе смутъ, которымъ подвергалось общество, не было правильныхъ выборовъ новыхъ членовъ въ 1688 г. Поэтому въ 1689 г. обыкновенное число вакансій удвоилось, и д-ру Ланкастеру не трудно было дать своему молодому другу доступъ къ преимуществамъ учрежденія, считавшагося тогда богатѣйшимъ въ Европѣ.

Въ Магдалинской коллегіи, Аддисонъ прожилъ десять лѣтъ. Онъ былъ, сначала, однимъ изъ стипендіатовъ, но потомъ избранъ членомъ. Его коллегія до сихъ поръ гордится его именемъ, портретъ его виситъ въ залѣ, и иностранцамъ постоянно рассказываютъ, что его любимая прогулка была подъ вязами, которыя окаймляютъ лугъ на берегахъ Червелля. Говорятъ, и это въ высшей степени вѣроятно, что онъ отличался между своими сотоварищами деликатностью чувствъ, застѣнчивостью манеръ и прилежаніемъ къ своимъ занятіямъ, которые иногда продолжались далеко за-полночь. Достоверно извѣстно, что его дарованія и ученость приобрѣли ему высокую репутацію. Много лѣтъ спустя старшіе доктора коллегіи собираясь въ своей общей комнатѣ продолжали говорить объ его отроческихъ сочиненіяхъ, сожалѣя, что не сохранилось ни одного экземпляра столь замѣчательныхъ упражненій.

Здѣсь кстати будетъ замѣтити, что м-съ Эйкинъ сдѣлала ошибку, очень извинительную въ женщинѣ, а именно, она преувеличила значеніе классическихъ познаній Аддисона. Правда, его эрудиція въ одномъ отдѣлѣ была такъ обширна, что ее врядъ-ли можно преувеличить. Его знаніе латинскихъ поэтовъ, начиная отъ Лукреція и Катулла до Клавдіана и Пруденція было необыкновенно точно и глубоко. Онъ понималъ ихъ вполне, усвоивалъ ихъ духъ, и до тонкости изучилъ всѣ особенности мелодіи и стила каждаго изъ нихъ; мало того онъ копировалъ ихъ съ изумительнымъ искусствомъ, и, мы полагаемъ, превзошелъ, всѣхъ британскихъ подражателей, предшествовавшихъ ему, исключая Бохапана и Мильтона. Это высокая похвала, но справедливость не позволяетъ идти дальше.

Ясно, что, во время своего пребыванія въ университетѣ, Аддисонъ сосредоточилъ почти все свое вниманіе на латинской поэзіи и, если несовершенно пренебрегъ другими областями древней литературы, то посвятилъ имъ только поверхностный взглядъ. Его знакомство съ политическими и нравственными писателями было повидному самое обыкновенное и его латинская проза далеко отстаетъ отъ латинскихъ стиховъ. Хотя его знаніе греческаго языка и считалось въ эти времена, значительнымъ въ Оксфордѣ, но оно было, очевидно, менѣе того, которое теперь многіе юноши выносятъ ежегодно изъ Итона и Рогби. Подробный разборъ его сочиненій, будь у насъ время заняться этимъ разборомъ, вполне бы подтвердилъ наши замѣчанія. Мы кратко изложимъ кое-какія изъ фактовъ, на которыхъ основано наше сужденіе.

Большой похвалы заслуживаютъ замѣчанія, приложенныя Аддисономъ къ переводу второй и третьей книги *«Метаморфозъ»*. Однако, эти замѣчанія, хотя и показываютъ, что въ своей области, онъ былъ превосходнымъ ученымъ, показываютъ также, какъ ограничена была эта область. Они богаты привѣсными ссылками на Виргилія, Стация и Клавдіана, но они не заключаютъ ни одной иллюстраціи изъ греческихъ поэтовъ. Между тѣмъ, во всей латинской литературѣ нѣтъ нѣтъ мѣста не нуждается такъ сильно въ иллюстраціяхъ изъ греческихъ поэтовъ, какъ исторія Пентея въ третьей книгѣ *«Метаморфозъ»*. Овидій обязанъ этой исторіей Эврипиду и Теоокриту, которымъ онъ порой буквально слѣдовалъ. Но ни на Эврипида, ни на Теоокрита Аддисонъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека; и мы, поэтому, полагаемъ, что не оскорбляемъ его, предполагая, что онъ или мало, или совсѣмъ не зналъ ихъ твореній.

Его *«Путешествія въ Италію»*, тоже изобилуютъ удачными цитатами изъ классиковъ, но врядъ ли есть хоть одна цитата прозой. Онъ извлекалъ больше иллюстрацій изъ Авзонія и Маннлія, чѣмъ изъ Цидерона. Даже его понятія о политическихъ и военныхъ дѣлахъ римлянъ, кажется, заимствованы изъ поэтовъ и рифмачей. Мѣста, достопамятныя по событіямъ измѣнившимъ судьбы свѣта и достойно разказаннымъ великими историками, напоминаютъ ему только отрывки изъ какого-нибудь античнаго стихотворца. Въ ущельи Апеннинъ онъ натурально воспоминаетъ лишеныя, перенесенныя арміей

Аппиала, и приводить не достовѣрный разсказъ Полибия, не живописное описаніе Ливія, но туманные гекзаметры Спизы Италіка. На берегахъ Рубикона, ему не приходитъ на мысль ни живое описаніе Плутарха, ни суровая сжатость «*Комментаріевъ*», ни письма къ Аттику, которыя такъ сильно выражаютъ переходы впечатлительнаго ума отъ страха къ надеждѣ, въ такой критическій моментъ. Его единственный авторитетъ въ событіяхъ междоусобной войны—Лукавъ.

Всѣ лучшія античныя произведенія искусствъ въ Римѣ и Флоренціи—греческія. Аддисонъ видѣлъ ихъ, однако не припомнилъ ни одного стиха изъ Пиндара, Каллимаха или аттическихъ драматурговъ; но они привели ему на память безчисленные мѣста изъ Горация, Овидія, Ювенала и Стація.

Тоже можно сказать и объ «*Трактатъ о Медаллахъ*». Въ этомъ занимательномъ сочиненіи мы находимъ до трехсотъ выписокъ изъ римскихъ поэтовъ, выбранныхъ съ большимъ тактомъ, но не можемъ припомнить ни одной выписки изъ какого-нибудь римскаго оратора или историка и убѣждены, что изъ греческихъ писателей не приведено ни одной строкки. Никто, извлекая всѣ свои свѣдѣнія о медаляхъ только изъ книги Аддисона, не замодеритъ, что греческія монеты по историческому интересу равны, а по красотѣ исполненія далеко выше римскихъ монетъ.

Еслибы было необходимо представить дальнѣйшія доказательства того, что классическія познанія Аддисона заключались въ тѣсныхъ границахъ, эти доказательства доставилъ бы намъ его «*Essay on the Evidences of Christianity*». Римскіе поэты бросаютъ мало, или совсемъ не бросаютъ свѣта на литературные и политическіе вопросы, которые онъ необходимо долженъ разбирать въ этомъ опытѣ. Поэтому, авторъ бродитъ совершенно во мракѣ, и грустно видѣть, какъ беспомощно онъ впадаетъ изъ одной ошибки въ другую. Онъ выставяетъ основаніямъ своего религіознаго вѣрованія такія же вздорныя исторіи, какъ исторія о привидѣніи въ Кокъ-Лэнѣ, и поддѣлки, столь же грубыя, какъ прландскій Вортигернъ; онъ вѣрнѣ въ басню о гремящемъ легионѣ, убѣжденъ, что Тиверій уговаривалъ сенатъ помѣстить Иисуса въ число боговъ, и признаетъ за авторитетъ письма Агбары, царя Эдессы. Эти заблужденія не проходили отъ суеты-

рія, потому что Аддисонъ вовсе не былъ склоненъ къ суевѣрію. Дѣло въ томъ, что Аддисонъ писалъ о вещахъ, о которыхъ не имѣлъ понятія.

М-съ Эйкинъ отыскала письмо, изъ котораго видно, что, во время пребыванія Аддисона въ Оксфордѣ, онъ принадлежалъ къ писателямъ, приглашеннымъ книгопродавцами для составленія англійскаго перевода Геродота, и заключаетъ изъ этого, что онъ былъ хорошимъ знатокомъ греческой литературы. Мы придаемъ очень мало вѣса этому доказательству, принявши въ соображеніе, что его сотрудниками должны были быть Бойль и Блэкморъ. Бойля помпаетъ главнымъ образомъ, какъ номинальнаго автора самой дурной книги о греческой исторіи и филологіи, когда-либо напечатанной: и этой-то книги, какъ она ни плоха, Бойль не могъ написать безъ чужой помощи. А о познаніяхъ въ древнихъ языкахъ Блэкмора достаточно сказать, что, въ своей прозѣ, онъ смѣшивалъ афоризмъ съ апофегмой и, когда говорилъ о классическихъ предметахъ въ стихахъ, то имѣлъ обыкновеніе угощать своихъ читателей четырьмя фальшивыми размѣрами на страницахъ.

Вѣроятно классическія познанія Аддисона, будучи обширнѣе, не принесли бы ему большей пользы. Свѣтъ обыкновенно восхпщается не тѣмъ, кто дѣлаегъ то, чего никто другой даже не попытается сдѣлать, а тѣмъ, кто превосходно дѣлаегъ то, что многіе дѣлаютъ хорошо. Бенгли былъ такъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ ученыхъ своего времени, что очень немногіе между послѣдними могли замѣтить его превосходство. Но тотъ родъ сочиненій, въ которомъ Аддисонъ превзошелъ своихъ современниковъ, одинаково высоко цѣнился тогда, какъ и теперь, и былъ предметомъ усердныхъ занятій во всѣхъ англійскихъ центрахъ учепости. Каждый, кто былъ въ публичной школѣ, писалъ латинскіе стихи; многіе писали даже спосные стихи и могли вполне оцѣнить искусство, съ которымъ Аддисонъ подражалъ Виргилію, хотя не могли состязаться съ нимъ. Строфы «*On the Barometer*» и «*Bowling Green*» возбуждали рукоплесканія сотни людей, для которыхъ диссертация о «*Письмахъ Фалариса*» была непонятна, какъ іероглифы на обелискѣ.

Чистота слога и непринужденная плавность стиховъ общи всѣмъ латинскимъ стихотвореніямъ Аддисона. Наша любимая пьеса «*Бой*

Журавлей съ Пимелми», потому что въ этой повѣсти мы замѣчаемъ искры фантазій и юмора, которыя, много лѣтъ позже, оживляли тысячи обѣдненныхъ столовъ. Свифтъ хвалился, что онъ не укралъ ни одного намека, и, конечно, онъ былъ такъ же мало обязанъ своимъ предшественникамъ, какъ какой-либо изъ новѣйшихъ писателей. Однако, мы не можемъ удержаться отъ подозрѣнія, что онъ занялъ у Аддисона, быть можетъ, безсознательно, одинъ изъ удачнѣйшихъ штриховъ своего «*Путешествія къ Лилипутамъ*». Пусть судятъ наши читатели.

«Императоръ, говоритъ Гулливеръ, выше всѣхъ своихъ придворныхъ на ширину моего ногтя, и этого одного достаточно, чтобы вселять благоговѣйный ужасъ въ созерцающихъ его».

Лѣтъ за тридцать до появленія «*Гулливеровыхъ Путешествій*», Аддисонъ написалъ слѣдующіе стихи:

«*Jamque acies inter medias sese arduus infert
Pygmeadum ductor, qui, majestate verendus,
Incessuque gravis, reliquos supereminet omnes
Mole gigantea, mediamque exsurgit in ulnam.*»

Латинскія стихотворенія Аддисона возбуждали большое и справедливое восхищеніе въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ, прежде чѣмъ его имя стало извѣстно умнымъ людямъ, наполнившимъ кофейни вокругъ Дрюриленскаго театра. На двадцать-второмъ году онъ рѣшился явиться передъ публикой, въ качествѣ сочинителя англійскихъ стиховъ. Онъ написалъ нѣсколько похвальныхъ строфъ Драйдену, который послѣ многихъ триумфовъ и многихъ неудачъ достигъ, наконецъ, высокаго и одинокаго мѣста между литераторами своего времени. Драйденъ, кажется, былъ очень доволенъ похвалою юнаго ученаго, и за этимъ послѣдовалъ обмѣнъ вѣжливостей и взаимныхъ услугъ. Драйденъ, вѣроятно, представилъ Аддисона Конгриву, а послѣдній, конечно, представилъ его Чарльзу Монтегью, бывшему тогда канцлеромъ казначейства и предводителемъ партіи виговъ въ палатѣ общинъ.

Въ это время, Аддисонъ, кажется, выѣлъ намѣреніе посвятить себя поэзіи. Онъ издалъ переводъ одной части четвертой «*Георгикъ*», «*Спарфы къ королю Вильгельму*», и другія пьесы равнаго достоинства. т. е. безъ всякаго достоинства. Но въ то время публика имѣла обыкновеніе встрѣчать съ рукоплесканіями пьесы, которыя теперь едва-

ли заслужили бы Ньюдингтскую или Ситоніанскую премію. Причина этого проста. Героическая строфа была тогда любимымъ размѣромъ. Искусство распредѣлять слова по этому размѣру такъ, чтобы стихи текли ровно, ударенія падали правильно, слухъ поражался спланными рифмами и на концѣ каждого двустопія стояло по паузѣ, есть искусство такое же механическое, какъ чинить котелъ или ковать лошадь, и можетъ быть изучено всякимъ человѣческимъ существомъ, способнымъ научиться хоть чему-нибудь. Но, подобно другимъ механическимъ искусствамъ, оно постепенно улучшалось посредствомъ многихъ опытовъ и неудачъ. Попоу предстояло понять, въ чемъ фокусъ, вполне овладѣть имъ и научить ему другихъ. Со времени появленія его *«Пасторалей»* героическая версификація сдѣлалась дѣломъ правила и компаса; и вскорѣ всѣ артисты оказались на одномъ уровнѣ. Сотни невѣждъ, ни разу даже ошибкой не попадавшихъ на счастливую мысль или счастливое выраженіе, могли списывать стопы бумаги стихами, которые, относительно благозвучія, не отличались отъ стиховъ самого Попа, и которые восхищали бы и приводили въ отчаяніе иныхъ очень умныхъ писателей царствованія Карла II, напр. Рочестера, Марвеля или Ольдгама.

Бенъ Джонсонъ былъ великій человѣкъ, Гуль—весьма ничтожный человѣкъ. Однако Гуль, явившись послѣ Попа, научился фабриковать десятисложные стихи и изливалъ ихъ тысячами и десятками тысячъ, и всѣ они были выточены, гладки и похожи одинъ на другой, какъ блоки, вышедшіе изъ завода м-ра Брунеля въ Портсмутскомъ адмиралтействѣ. Героическія строфы Бэпа похожи на блоки, высѣченные грубо, непривычной рукой и тупымъ топоромъ. Возьмите, для образца, его переводъ знаменитаго мѣста изъ *«Энеиды»*:

«This child our parent earth, stirr'd up with spite
Of all the gods, brought forth, and as some write
She was last sister of that giant race
That sought to scale Jove's court, right swift of pace,
And swifter far of wing, a monster vast
And dreadful. Look, how many plumes are placed
On her huge corpse, so many waking eyes

Stick underneath, and, which may stranger rise
In the report, as many tongues she wears». (¹)

Сравните съ этими неровными, безобразными двустипшіями чистенькія выдѣлки, которыя машина Гуля производитъ въ неограниченномъ изобиліи. Возьмемъ первыя открывшіяся намъ строчки въ его переводѣ Тассо. Онѣ не хуже и не лучше остальныхъ:

«O thou, whoe'er thou art, whose steps are led,
By choice or fate, these lonely shores to tread,
No greater wonders east or west can boast
Than yon small island on the pleasing coast.
If e'er thy sight would blissful scenes explore,
The current pass, and seek the further shore». (²)

Со времянь Попа появилось множество стиховъ подобнаго рода, и мы теперь такъ же мало расположены удивляться человѣку, если онъ умѣетъ писать ихъ, какъ и тому, что онъ умѣетъ писать свое имя. Но во дни Вильгельма III подобная версификація была рѣдкостью, и рѣмачъ, сколько-нибудь искусный въ ней, считался великимъ поэтомъ, точно такъ же, какъ въ непросвѣщенные времена человѣкъ, умѣвшій написать свое имя, считался большимъ ученымъ. Поэтому-то Дѣнокъ, Степпи, Гранвиль, Вальшъ и другіе, единственное право которыхъ на славу заключалось въ умѣньи говорить сносными метрами то, что можно было бы сказать прозой, или чего даже совсѣмъ не стоило говорить,—были почтены такими знаками отличія, которые должны предоставляться только гению. На ряду съ ними пришлось бы поставить и Аддисона, еслибъ онъ не приобрѣлъ себѣ

(¹) «Наша мать земля породила эту дочь, разгнѣвавшись на всѣхъ боговъ, и, какъ пные пишутъ, она была послѣдней сестрой той расы гигантовъ, которая пыталась взобраться на тронъ Юпитера, съ быстрой походкой и еще болѣе быстрыми крыльями, громадное и ужасное чудовище. Взгляни, сколько перьевъ на ея огромномъ туловищѣ, столько же бдительныхъ глазъ подъ ними, и, что еще страннѣе покажется въ разсказѣ, столько же языковъ у нея.

(²) «О ты, кто бы ты ни былъ, чьи шаги судьба или собственный выборъ направили къ этимъ одинокимъ берегамъ, ни востокъ и ни западъ не могутъ похвалиться большимъ чудесамъ, чѣмъ тотъ маленький островокъ на цвѣтущемъ берегу. Если твои взоры хотятъ видѣть блаженные мѣста, переплыви потокъ и ищи дальнѣйшаго берега».

истиной и прочной славы пьесами, имѣвшими очень мало сходства съ его юпошескими стихотвореніями.

Драйденъ трудился тогда надъ Виргиліемъ и выпросилъ у Аддисона критическое предисловіе къ *«Георгикамъ»*. За эту и другія услуги такого же рода ветеранъ-поэтъ, въ постскриптумъ къ переводу *«Энеиды»*, расточалъ своему молодому пріятелю гораздо болѣе щедрыя, чѣмъ искреннія похвалы. Онъ показывалъ видъ, будто боится, что его собственные переводы не выдержатъ сравненія съ переводомъ четвертой *«Георгики»*, сдѣланнымъ «чрезвычайно талантливымъ м-мъ Аддисономъ изъ Оксфорда». «Послѣ его пчелъ, прибавлялъ Драйденъ, мой послѣдній рой едва стоитъ загонять въ улей».

Настало время, когда Аддисонъ долженъ былъ непременно выбрать себѣ профессію. Все, кажется, побуждало его вступить въ духовное званіе. Его привычки были правильны, мнѣнія правотѣрны. Его коллегія имѣла право раздавать важныя духовныя должности и похвалялась, что дала по крайней мѣрѣ по одному епископу каждой англійской епархіи. Д-ръ Ланселотъ Аддисонъ занималъ почетное мѣсто въ церкви и непремѣнно хотѣлъ видѣть своего сына священникомъ. Изъ стиховъ молодого человѣка также видно, что онъ намѣревался вступить въ духовное званіе. По ему помѣшала Чарльзъ Монтегью. Монтегью обратилъ на себя вниманіе недурно написанными стихами, которые однако, по нашему мнѣнію, не поднимались выше уровня посредственности. Но счастію для него и для его отечества, онъ рано покинулъ поэзію, въ которой никогда не могъ стать на ряду съ Рочестеромъ или Дорсетомъ, и обратился къ оффиціальнымъ и парламентскимъ занятіямъ. Джонсонъ рассказываетъ, что человѣкъ, взявшійся выучить Расселаса, принца абиссинскаго, искусству летать, поднялся на возвышенность, взмахнулъ крыльями, прыгнулъ въ воздухъ и немедленно упалъ въ озеро. Но крылья, не могшія поддержать его въ воздухѣ, дѣйствительно поддержали его, какъ скоро онъ очутился въ водѣ. Это довольно удачно прилагается къ судьбѣ Чарльза Монтегью и людей подобныхъ ему. Пытаясь парить въ странахъ поэтическаго вымысла, онъ потерпѣлъ полную неудачу; но когда онъ опустился со своей эфирной выси въ болѣе пыльный и грубый элементъ, его таланты немедленно подняли его надъ массами. Онъ сдѣлался замѣчательнымъ финансистомъ, де-

батеромъ, придворнымъ и вождемъ партіи. Онъ постоянно сохранялъ любовь къ своимъ прежнимъ занятіямъ, но показывалъ эту любовь, не надѣдая публикѣ собственными слабыми произведеніями, а открывая и поощряя литературныя достоинства въ другихъ. Толпа талантливыхъ людей и поэтовъ, которые легко бы побѣдили его въ качествѣ соперника, уважали въ немъ судью и покровителя. Его планы для поощренія знанія усердно поддерживалъ даровитѣйшій и добродѣтельнѣйшій изъ его сотоварищей, лордъ-канцлеръ Сомерсъ. Хотя оба эти великіе государственные челоѣка питали искреннюю любовь къ литературѣ, но не единственно изъ любви къ литературѣ желали они завербовать въ общественную службу юношей съ высокими умственными дарованіями. Революція измѣнила всю систему правительства. До того пресса находилась подъ контролемъ цензоровъ, а парламентъ засѣдалъ не больше двухъ мѣсяцевъ въ восемь лѣтъ. Теперь пресса освободилась и начала оказывать небывалое вліяніе на общественное мнѣніе. Парламентъ собирался ежегодно и засѣдалъ долго. Главная власть въ государствѣ перешла въ палату общинъ. Патурально, что, при такомъ стеченіи обстоятельствъ, литературныя и ораторскія дарованія приобрѣли болѣе важности. Можно было опасаться, что правительство, пренебрегающее подобными талантами, можетъ быть опрокинуто ими. Поэтому политика, побуждавшая Сомерса и Монтегью привязывать подобныхъ людей къ партіи виговъ самыми крѣпкими узами интереса и благодарности, была глубокой и просвѣщенной политикой.

Замѣчательно, что въ сосѣдней странѣ мы недавно видѣли подобныя же послѣдствія, вытекавшія изъ подобныхъ же причинъ. Июльская революція 1830 г. восстановила во Франціи представительное правленіе. Литераторы немедленно приобрѣли чрезвычайно высокое значеніе въ государствѣ. Въ настоящую минуту, большая часть людей столичныхъ во главѣ, какъ администраціи, такъ и оппозиціи, были прежде профессорами, историками, журналистами, поэтами. Вліяніе литературнаго класса въ Англіи, послѣ Революціи, было велико; но вовсе не такъ велико, какъ оно было послѣднее время во Франціи: потому что въ Англіи аристократія ума должна была бороться съ могучей и глубоко-укоренившейся аристократіей совершенно другаго

рода. Франція не имѣла ни Сомерсетовъ, ни Шрусбери, чтобы сдерживать своихъ Аддисоновъ и Прайоровъ.

Въ 1699 г., когда Аддисону минуло 27 лѣтъ, окончательно опредѣлился ходъ его жизни. Оба великіе человѣка, стоявшіе во главѣ министерства, были расположены къ нему. По политическимъ мнѣніямъ онъ уже былъ тѣмъ, чѣмъ остался въ продолженіе всей послѣдующей жизни, — твердымъ, хотя умѣреннымъ, вигомъ. Онъ написалъ въ честь Сомерза нѣсколько англійскихъ строкъ, лучшихъ и самыхъ энергическихъ изъ написанныхъ имъ, и посвятилъ Монтегью латинскую, истинно виргиліевскую поэму, какъ по слогу, такъ и по размѣру, сочиненную по поводу Ресвикскаго мира. Кажется, великіе друзья молодого поэта желали дать ему правительственное назначеніе за границей. Но для дипломата хорошее знаніе французскаго языка было необходимою; а его не зналъ Аддисонъ. Поэтому, для него сочли полезнымъ провести нѣсколько времени на континентѣ, чтобы приготовиться къ оффиціальному назначенію. Его собственныя средства не позволяли ему путешествовать; но лордъ-канцлеръ выхлопоталъ ему пенсію въ триста фун. стер. въ годъ. Кажется, опасался затрудненій со стороны начальниковъ Магдаленинской коллегии. Но канцлеръ казначейства написалъ Гофу въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: Государство — такова была сущность письма Монтегью — не можетъ, въ такое время, отдавать церкви людей, подобныхъ Аддисону. Уже слишкомъ много гражданскихъ мѣстъ занято искателями приключеній, которые, будучи лишены всякихъ знаній и талантовъ, въ одно и то же время позорятъ и грабятъ страну, которой должны бы служить. Необходимымъ стало употребить для общественной службы людей совсѣмъ другаго класса, — того класса, представителемъ котораго былъ Аддисонъ. Замѣчательно заключеніе письма министра. «Меня называютъ, пишетъ онъ, врагомъ церкви. Но я никогда не панесу ей никакой другой обиды, кромѣ отпуга у нея м-ра Аддисона».

Это вмѣшательство было успѣшно, и лѣтомъ 1699 г. Аддисонъ, сдѣлавшійся благодаря пенсіи достаточнымъ человѣкомъ и сохраняя университетскія права, покинулъ свой любимый Оксфордъ и отправился въ путь. Переплывъ изъ Дувра въ Кале, онъ двинулся въ Парижъ и былъ принятъ тамъ чрезвычайно ласково и вѣжливо родственникомъ

своего друга Монтегью—Чарльзомъ, графомъ Манчестеромъ только-что назначеннымъ посланникомъ при французскомъ дворѣ Граппя, въѣтъ и краса большого свѣта, была вѣроятно такъ же любезна, какъ ея супругъ, потому что Аддисонъ долго сохранялъ пріятное воспоминаніе о впечатлѣніи, которое она произвела на него въ это время, и въ нѣсколькихъ острыхъ стихахъ, написанныхъ на окнахъ Кит-Катскаго клуба, описалъ зависть, которую ея щеки, цвѣтущія природнымъ румянцемъ англичанокъ, возбуждали между раскрашенными красавицами Версаля.

Людовикъ XIV искупалъ въ это время грѣхи юности набожностью, корни которой заключались не въ разумѣ, и которая не приносила плодовъ милосердія. Рабская французская литература измѣнила свой характеръ, чтобы приладиться къ измѣнившемуся характеру короля. Всѣ вновь выходившія книги имѣли видъ святости. Распнѣ только что умершій, писалъ, въ послѣдніе годы жизни, священныя трагедіи; а Дасье отыскивалъ въ Платонѣ тайны Аѳанасія. Аддисонъ, въ короткомъ, но живомъ и увлекательномъ письмѣ къ Монтегью, описываетъ это положеніе вещей. Другое письмо, отправленное около того же времени къ лорду-канцлеру, заключаетъ сильнѣйшія увѣренія въ благодарности и привязанности. «Я могу отблагодарить вашу милость, говоритъ Аддисонъ, только отдавшись вполне своему дѣлу». Съ этою цѣлью, онъ покинулъ Парижъ и поселился въ Блуа, гдѣ, по общему мнѣнію, говорили чистѣйшимъ французскимъ языкомъ, и гдѣ онъ не могъ встрѣтить ни одного англичанина. Здѣсь онъ пріятно и полезно провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Объ его образѣ жизни въ Блуа рассказывалъ Жозефу Спенсу одинъ изъ товарищей Аддисона, аббатъ, по имени Филиппо. Если вѣрить этому рассказу, Аддисонъ много учился, много думалъ, мало говорилъ, часто былъ разсѣянъ и или не имѣлъ любовныхъ интригъ, или былъ слишкомъ скромнъ, чтобы довѣрить ихъ аббату. Человѣкъ, который, даже среди своихъ соотечественниковъ и товарищей-студентовъ, всегда былъ замѣчательно застѣнчивъ и молчаливъ, не могъ сдѣлаться разговорчивымъ на чужомъ языкѣ и среди чужихъ людей. Но изъ нѣсколькихъ писемъ Аддисона, изданныхъ долго спустя въ «*Guardian*», ясно, что, повидимому погруженный въ размышленія, онъ на самомъ дѣлѣ наблюдалъ французское общество

проницательнымъ и хитрымъ, хотя незлостнымъ косвеннымъ взглядомъ, составлявшимъ его особенность.

Изъ Буало онъ вернулся въ Парижъ и, овладѣвши теперь французскимъ языкомъ, нашелъ много удовольствія въ обществѣ французскимъ философамъ и поэтамъ. Въ письмѣ къ епископу Гофу онъ разсказалъ о двухъ, въ высшей степени интересныхъ разговорахъ, съ Малевраншемъ и съ Буало. Малевраншъ выказывалъ большое пристрастіе къ англичанамъ и превозносилъ гениіи Ньютона, но качалъ головой, когда упоминали имя Говвза и даже былъ такъ несправедливъ, что называлъ автора «*Leviathana*» жалкимъ пустымъ существомъ. Скромность Аддисона помѣшала ему разсказать въ письмѣ о всѣхъ подробностяхъ своего представленія Буало. Буало, пережившій всѣхъ пріятелей и соперниковъ своей юности, старый, глухой, грустный, жилъ въ уединеніи, рѣдко появлялся при дворѣ или въ академіи и былъ почти недоступенъ для постороннихъ. Объ англичанахъ и англійской литературѣ онъ не имѣлъ понятія. Врядъ ли онъ слышалъ имя Драйдена. Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, въ пылу патріотизма, утверждали, что это незнаніе было притворнымъ. Мы признаемся, что не видимъ основанія для подобнаго предположенія. Англійская литература для французовъ временъ Людовика XIV была тѣмъ же, чѣмъ нѣмецкая литература для нашихъ дѣдовъ. Мы подозреваемъ, что очень немногіе изъ образованныхъ людей, которые, назадъ тому шестьдесятъ-семьдесятъ лѣтъ, обѣдали въ Лестеръ-Скверѣ съ сэромъ Джошуа, или въ Стритгамѣ съ м-съ Тралъ, имѣли малѣйшее понятіе о томъ, что Виландъ былъ однимъ изъ первыхъ умовъ и поэтовъ, а Лессингъ, безспорно, первый критикъ въ Европѣ. Буало ровно столько же зналъ о «*Потерянномъ Раѣ*» и «*Авесаломъ и Ахитофель*», но онъ читалъ латинскія стихотворенія Аддисона и очень восхищался ими. Они дали ему, говоритъ онъ, совершенно новое понятіе о состояніи знанія и вкуса англичанъ. Джонсонъ утверждаетъ, что эти похвалы неискренни. «О Буало, говоритъ онъ, хорошо извѣстно, что онъ имѣлъ самое неразумное и капризное презрѣніе къ новѣйшей латыни, и потому его похвалы были скорѣе сказаны изъ вѣжливости, чѣмъ изъ сочувствія». Но относительно Буало скорѣе извѣстно, что онъ былъ удивительно бережливъ на комплименты. Мы не помнимъ ни одного при-

мѣра, чтобы дружба или боязнь побудили его похвалить какое-нибудь сочиненіе, если оно ему не нравилось. Въ литературныхъ вопросахъ, его ѣдкій, презрительный и самоувѣренный умъ возмущался противъ того авторитета, предъ которымъ склонялась вся остальная Франція. Онъ имѣлъ мужество высказать Людовикъ XIV твердо и даже жестко, что его величество ничего не смыслитъ въ поэзіи и восхищается отвратительными стихами. Что же было особеннаго въ положеніи Аддисона, чтобы заставить стараго сатирика, котораго суровый и взыскательный нравъ былъ ужасомъ двухъ поколѣній, сдѣлаться вдругъ льстецомъ? Презрѣніе Буало къ новѣйшей латыни вовсе не было безразсуднымъ или капризнымъ. Онъ думалъ, правда, что нельзя написать первоклассной поэмы на мертвомъ языкѣ. Но развѣ онъ думалъ ошибочно? Развѣ вѣковые опыты не подтвердили его мнѣнія? Буало полагалъ также, что въ лучшей новѣйшей латыни писатель августовскаго вѣка отыскалъ бы забавныя неправоуности. Да кто можетъ думать иначе? Какой новѣйшій ученый можетъ чистосердечно признаться, что находитъ малѣйшую неправоуность въ слогѣ Ливія. Однако развѣ намъ не извѣстно, что Поллѣонъ, вкусъ котораго образовался на берегахъ Тибра, открылъ въ слогѣ Ливія непознатиное нарѣчіе По? Зналъ ли какой-нибудь новѣйшій ученый латынь лучше, чѣмъ Фридрихъ Великій зналъ французскій языкъ? Однако извѣстно, что Фридрихъ Великій, читавши, говоривши, писавши по-французски и только по-французски, въ продолженіе больше полу-столѣтія, разучившись своему природному языку, чтобы выучиться французскому, проживши много лѣтъ въ короткомъ знакомствѣ съ французами,—не могъ до конца жизни писать по-французски, не подвергаясь сильной опасности сдѣлать какую-нибудь ошибку, способную вызвать улыбку въ литературныхъ кружкахъ Парижа? Неужели Эразмъ и Фракасторій писали по латыни такъ же хорошо, какъ д-ръ Робертсонъ или сэръ Вальтеръ Скоттъ писали по англійски? Однако развѣ въ «Разсужденіи объ Индіи», послѣднемъ сочиненіи д-ра Робертсона, въ «Восерлеи», въ «Марміонѣ» намъ не встрѣчаются шотландизмы, надъ которыми расхохотался бы лондонскій подмастерье? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы не можемъ восхищаться благородными алкапками Грея или игривыми элегіями Винсента Борна? Разумѣется, нѣтъ.

И Буало вовсе не былъ такимъ невѣждой и не былъ настолько лишенъ вкуса, чтобы не уметь цѣнить хорошей новѣйшей латыни. Въ самомъ письмѣ, на которое ссылается Джонсонъ, Буало говоритъ: «Ne croyez pas pourtant que je veuille par là blâmer les vers Latins que vous m'avez envoyés d'un de vos illustres académiciens. Je les ai trouvés fort beaux, et dignes de Vida et de Sanazar, mais non pas d'Horace et de Virgile.» ⁽³⁾

Многія поэмы, написанныя новѣйшей латынью, вызвали со стороны Буало весьма щедрыя похвалы. Напримѣръ, онъ говоритъ по поводу эпиграммъ отца Фрагье, что въ нихъ воскресъ Катуллъ. Но лучшимъ доказательствомъ, что Буало не чувствовалъ того неразборчиваго презрѣнія къ латинскимъ стихамъ, въ какомъ его обвиняютъ, служить то, что онъ самъ писалъ и издавалъ латинскіе стихи. Довольно любопытно, что самое строгое, высказанное имъ, порицаніе новѣйшей латыни, передано латинскими гекзаметрами. Мы говоримъ объ отрывкѣ, который начинается:

«Quid numeris iterum me balbutire Latinis,
Longe Alpes citra natum de patre Sicambro,
Musa, jubes?»

На этомъ основаніи мы увѣрены, что Буало искренно похвалялъ «*Machinae Gesticulantes*» и «*Gerano-Pygmachia*». Достоверно, что онъ высказывался передъ Аддисономъ со свободой, которая служить вѣрнымъ доказательствомъ уваженія. Литература была главнымъ предметомъ разговора. На свою любимую тему старикъ говорилъ много и хорошо,—безподобно хорошо, какъ казалось его юному слушателю. Буало, безъ сомнѣнія, обладалъ нѣкоторыми качествами великаго критика. У него не было воображенія, но было много здраваго ума. Его литературный кодексъ былъ основанъ на узкихъ принципахъ, но въ приложеніи его онъ выказывалъ много проницательности и пониманія. Въ его слогѣ, помимо идей, которымъ слогъ служить одеждой, было много вкуса. Буало былъ хорошо знакомъ съ великими греческими писателями и, хотя неспособный вполне

(3) «Не думайте, однако, что я этимъ хочу осуждать латинскіе стихи одного изъ нашихъ знаменитыхъ академиковъ, которые вы мнѣ прислали. Я нашелъ ихъ прекрасными и достойными Види и Санназара, но не Горація и Виргилія.»

оцѣнить ихъ творческій умъ, восхищался величественною простотою ихъ пріемовъ и научился у нихъ презирать надутость и погремущки. Не трудно, мы полагаемъ, замѣтить въ «*Spectator'н*» и «*Guardian'н*» слѣды того вліянія, частью полезнаго, частью вреднаго, какое умъ Буало имѣлъ на умъ Аддисона.

Въ бытность Аддисона въ Парижѣ, одно событіе сдѣлало эту столицу непріятнымъ мѣстопробываніемъ для англичанина и вига. Карлъ, второй этого имени король испанскій, умеръ и завѣщалъ свои владѣнія Филиппу, герцогу анжуйскому, младшему сыну дофина. Король французскій, прямо нарушая свои договоры и съ Великобританіей и съ генеральными штатами, принялъ наслѣдство именемъ своего внука. Домъ Бурбоновъ достигъ вершины величія. Англія была обманута и поставлена въ опасное и унижительное положеніе. Французскій народъ, не предвидя бѣдствій, которыми предстояло ему искупить вѣроломство своего государя, былъ виѣ себя отъ гордости и восторга. Каждый французъ имѣлъ видъ человѣка, только-что получившаго большое наслѣдство. «Французскій разговоръ, говоритъ Аддисонъ, начинаетъ дѣлаться невыносимымъ; нація, бывшая и прежде самой тщеславною въ свѣтѣ, стала теперь хуже чѣмъ когда-либо». Утомясь надменнымъ ликованіемъ парижанъ, и вѣроятно предвидя, что миръ между Франціей и Англіей будетъ непродолжителенъ, онъ отправился въ Италію.

Въ декабрѣ 1700 г. (а) онъ сѣлъ на корабль въ Марсели. Плывъ вдоль Лигурійскаго берега, онъ былъ очарованъ видомъ миртъ и оливковыхъ деревьевъ, сохранявшихъ свою зелень, несмотря на зимнюю пору. Скоро, однако, его застигла одна изъ страшныхъ бурь Средиземнаго моря. Капитанъ корабля, считая все потеряннымъ, началъ сповѣдываться у капуцина, случившагося на суднѣ. Между тѣмъ, англійскій еретикъ совсѣмъ иначе готовился къ смерти. Какое сильное впечатлѣніе произвело на него это опасное путешествіе, видно изъ оды: «*How are thy servants blest, o Lord!*» (какъ блаженны

(а) Странно, что Аддисонъ, въ первой строкѣ своихъ путешествій, ошибся цѣлымъ годомъ, обозначая время своего отъѣзда изъ Марсели; но еще страннѣе, что эта ошибка, запутывающая до крайности весь рассказъ, повторилась въ цѣломъ ряду изданій и не была замѣчена ни Тиккелемъ, ни Гордомъ.

рабы твои, Господи!), которая долго спустя была напечатана въ «*Spectator'*». Послѣ нѣсколькихъ тягостныхъ и опасныхъ дней, Аддисонъ съ радостью высадился въ Савонѣ и пробрался въ Геную по горамъ, гдѣ еще не было выстѣчено искусственной дороги.

Въ Генуѣ, управлявшейся еще своимъ дожемъ и патриціями, имена которыхъ были вписаны въ золотую книгу, Аддисонъ пробылъ недолго. Онъ полюбовался тамъ длинными рядами высокихъ дворцовъ, господствовавшихъ надъ узкими улицами, стѣнами, покрытыми богатыми фресками, великолѣпнымъ храмомъ Благовѣщенія и обоими, гдѣ изображалась давняя слава дома Дорія. Изъ Генуи онъ поспѣшилъ въ Миланъ, гдѣ съ удивленіемъ, скорѣе чѣмъ съ удовольствіемъ, смотрѣлъ на готическое великолѣпіе знаменитаго собора. Онъ переплылъ озеро Бенакусъ ⁽¹⁾ во время бури и видѣлъ яростныя волны, на которыя смотрѣлъ Виргилій. Въ Венеціи, бывшей тогда самымъ веселымъ городомъ въ Европѣ, путешественникъ провелъ карнавалъ, самое веселое время года, среди масокъ, танцевъ и серенадъ. Нелѣпость драматическихъ пьесъ, позорившихъ тогда итальянскіе театры, забавляла и раздражала его. Одной изъ этихъ пьесъ онъ, впрочемъ, обязанъ важнымъ указаніемъ. При немъ разъ давалась смѣшная пьеса на смерть Катона. Катонъ оказывался влюбленнымъ въ дочь Сципіона, которая отдала свое сердце Цезарю. Отвергнутый любовникъ рѣшился умертвить себя. Онъ является сидящимъ въ своей библіотекѣ, съ книжалою въ рукѣ и Плутархомъ и Тассомъ передъ собой; и въ этой позѣ, готовясь нанести ударъ, онъ произноситъ длинный монологъ. Мы удивляемся, что такое замѣчательное обстоятельство ускользнуло отъ вниманія біографовъ Аддисона. По нашему мнѣнію, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта пьеса, не смотря на свои нелѣпости и анахронизмы, поразила воображеніе путешественника и внушила ему мысль написать «*Катона*» для англійской сцены. Известно, что около этого времени онъ началъ свою трагедію и кончилъ первые четыре акта еще до возвращенія въ Англію.

На пути изъ Венеціи въ Римъ, желаніе видѣть самую маленькую независимую державу въ Европѣ заставило его свернуть на нѣсколь-

(1) Лаго ди Гарда.

ко миль съ большой дороги. На скалѣ, еще покрытой снѣгомъ, когда итальянская весна уже давно была на дворѣ, цѣплялась небольшая крѣпость Сап-Марино. Дороги, которыя вели къ уединенному городу, были такъ дурны, что очень немногіе путешественники посѣщали его, и не было еще ни одного описанія этой республики. Аддисонъ не могъ удержаться отъ добродушной улыбки, видя простые нравы и учрежденія этой оригинальной общины. Но онъ замѣтилъ, съ восторгомъ вида, что бѣдная нагорная мѣстность, составлявшая территорію республики, кишѣла честными, здоровыми, довольными крестьянами, между тѣмъ какъ богатая долина, окружавшая столицу духовной и свѣтской тиранин, имѣла почти такой же печальный видъ, какъ дѣвственные пустыни Америки.

Во время перваго проѣзда черезъ Римъ, Аддисонъ пробылъ тамъ такъ мало, что едва успѣлъ взглянуть на соборъ св. Петра и на Пантеонъ. Его поспѣшность тѣмъ удивительнѣе, что наступала святая недѣля. Онъ не говоритъ ничего, могущаго рѣшить, что заставляло его бѣжать отъ зрѣлища, привлекающаго ежегодно, изъ далекихъ странъ, людей съ гораздо меньшею впечатлительностью и меньшимъ умомъ. Можетъ быть, путешествуя по порученію правительства, отличававшегося своей неприязнью къ Римской церкви, онъ подумалъ, что съ его стороны будетъ неосторожностью присутствовать при самыхъ величественныхъ обрядахъ этой церкви. Взоры многихъ будутъ устремлены на него, и можетъ быть, онъ нашелъ труднымъ вести себя такимъ образомъ, чтобы не оскорбить ни своихъ покровителей въ Англіи, ни тѣхъ, среди кого онъ находился. Каковы бы ни были его побужденія, мы знаемъ, что онъ уклонился отъ самой величественной и поразительной изъ церемоній совершаемыхъ людьми, и отправился по Аппіевой дорогѣ къ Неаполю.

Въ Неаполѣ еще не было того, что составляетъ теперь, можетъ быть, его главную привлекательность. Была, правда, и прелестный заливъ, и грозная гора. Но надъ театромъ Геркуланума стояла ферма, а надъ улицами Помпеи росли ряды виноградниковъ. Никакіе перевороты въ природѣ не скрыли отъ людскихъ глазъ храмовъ Пестума, но, странно сказать, ихъ существованіе было тайной даже для артистовъ и антикваріевъ. Хотя эти благородные памятники древности лежали за нѣсколько часовъ ѣзды отъ великой столицы, гдѣ

Вико читалъ лекціи, а Сальваторъ не задолго до того писалъ свои прекрасныя картины,—но они были такъ же неизвѣстны Европѣ, какъ и разрушенныя города, поросшіе лѣсами Юкатана. Аддисонъ видѣлъ все замѣчательное въ Неаполѣ. Онъ взбирался на Везувій, осматрѣлъ гротъ Позиллипо и гулялъ среди виноградишковъ и миндальныхъ деревьевъ Капреи. Но ни чудеса природы, ни чудеса искусства не могли настолько занять его вниманіе, чтобы помѣшать ему бросить хоть поверхностный взглядъ на злоупотребленія правительства и бѣдствія народа. Великое королевство, только-что доставшееся Филиппу V, находилось въ положеніи отупѣвшаго паралитика. Даже Аррагонія и Кастилія были въ бѣдственномъ положеніи. Но въ сравненіи съ итальянскими владѣніями испанской короны, Кастилію и Аррагонію можно было назвать благоденствующими. Ясно, что всѣ наблюденія, сдѣланныя Аддисономъ въ Италіи, способствовали тому, чтобы утвердить его въ политическихъ мнѣніяхъ, принятыхъ имъ на родинѣ. До конца своей жизни, онъ называлъ заграничное путешествіе лучшимъ лекарствомъ противъ якобинизма. Въ его «*Freeholder's*» торійскій сквайръ спрашиваетъ, на что годно путешествіе, кромѣ того, чтобы выучиться тараторить по-французски и ратовать противъ безусловнаго повиновенія.

Изъ Неаполя Аддисонъ вернулся въ Римъ моремъ, вдоль берега, прославленнаго его любимцемъ Виргиліемъ. Фелука проплыла мимо мыса, гдѣ троянскіе авантюристы положили весло и трубу на могилу Мизенія, и бросила ночью якорь подъ покровомъ прославленнаго въ мифахъ мыса Цирцеи. Путешествіе кончилось Тибромъ, такимъ же ослѣпленнымъ темной зеленью и мутнымъ отъ желтаго песку, какимъ онъ предсталъ взорамъ Энея. Изъ разрушеннаго порта Остіи иностранецъ поспѣшилъ въ Римъ. Въ Римѣ онъ пробылъ тѣ знойныя и нездоровыя мѣсяцы, въ которые даже во времена Августа всѣ, кто могли, спѣшили удалиться изъ города, полнаго бѣшеныхъ собакъ, и его улицъ, чернѣвшихъ отъ похоронныхъ процессій, въ окрестности — рвать первыя фики. Весьма вѣроятно, что, когда онъ, долго спустя, изливалъ въ стихахъ свою благодарность Провидѣнію за то, что оно дало ему возможность безвредно дышать зараженнымъ воздухомъ, онъ думалъ объ августѣ и сентябрѣ, проведенныхъ имъ въ Римѣ.

Только въ концѣ октября Аддисонъ оторвался отъ образцовъ

древняго и новѣйшаго искусства, собранныхъ въ городѣ, бывшемъ такъ долго властелиномъ свѣта. Тогда онъ отправился на сѣверъ, проѣхалъ черезъ Сіенну и, созерцая ея прекрасный соборъ, забылъ на мгновеніе свои пристрастія къ классической архитектурѣ. Во Флоренціи, онъ провелъ нѣсколько дней съ герцогомъ Шрусберіи, который, пресытившись удовольствіями честолюбія и тяготясь его непріятностями, опасаясь обѣихъ партій и не любя ни которой, рѣшился уединиться въ Италію и скрыть тамъ таланты и достоинства, которые — будь они соединены съ твердыми принципами и гражданскимъ мужествомъ — могли бы сдѣлать его передовымъ чело-вѣкомъ своего времени. Мы слышали, что эти дни были проведены съ удовольствіемъ, и легко вѣримъ этому, потому что Аддисонъ былъ восхитительнымъ собесѣдникомъ, какъ скоро ему было пріятно общество; а герцога, хотя рѣдко забывалъ, что онъ изъ рода Тальбо-товъ, обладалъ неоцѣненнымъ искусствомъ дѣлать свое присутствіе пріятнымъ для всякаго, кто приближался къ нему.

Аддисонъ посвящалъ нѣсколько времени Флоренціи и особенно статуямъ музея, которыя онъ предпочиталъ даже статуямъ Ватикана. Оставивъ Флоренцію, Аддисонъ поѣхалъ по странѣ, въ которой еще видѣлись слѣды разорительной войны и жители которой съ ужасомъ ожидали новой еще болѣе жестокой борьбы. Евгенийъ уже спустился съ Альповъ, чтобы оспоривать у Катина богатые равнины Ломбардіи. Вѣроломный правитель Савойи все-еще считался въ числѣ союзниковъ Людовика. Англія еще не объявила формальной войны Франціи, но Манчестеръ выѣхалъ изъ Парижа, и переговоры, имѣвшіе послѣдствіемъ великій союзъ противъ дома Бурбоновъ, подвигались къ концу. Въ подобныхъ обстоятельствахъ нужно было, чтобы англійскій путешественникъ немедленно пробрался на нейтральную землю. Аддисонъ рѣшился ѣхать черезъ Монъ-Сеннезъ. Это было въ декабрѣ, и дорога значительно отличалась отъ той, которая теперь напоминаетъ иностранцамъ могущество и геній Наполеона. Зима, впрочемъ, была умѣренная, и переходъ былъ для того времени не труденъ. Аддисонъ намекалъ на это путешествіе, говоря въ упомянутой уже нами одѣ, что Божественная благодать согрѣла для него сѣдыя Альпійскія вершины.

Среди этихъ-то вѣчныхъ спѣговъ онъ написалъ свое посланіе

къ Монтегью, бывшему тогда уже лордомъ Галифаксомъ. Это по-
славіе, когда-то пользовавшееся обширной извѣстностью, знако-
мо теперь только немногимъ, и врядъ-ли эти немногіе считаютъ его
сколько-нибудь увеличивающимъ литературную славу Алдисона. Впро-
чемъ, оно рѣшительно выше всѣхъ сочиненій на англійскомъ язы-
кѣ, изданныхъ имъ прежде. Мы даже считаемъ его не хуже всѣхъ
поэмъ, появившихся въ промежутокъ отъ смерти Драйдена до из-
данія «Опыта о критикѣ». Въ этомъ посланіи заключаются мѣста,
которыя не уступаютъ второстепеннымъ вещамъ Попа и которыя
увеличили бы славу Прайора или Пагнелля.

Но, каковы бы ни были достоинства и недостатки «Посланія», не-
сомнѣнно, что оно дѣлаетъ честь принципамъ и душѣ автора. Гали-
факсъ не могъ теперь ничего сдѣлать. Онъ лишился власти, подверг-
ся позору, былъ обвиненъ пазатой общинѣ, и хотя перы оправ-
дали его, по ему, казалось, оставалось мало шансовъ снова зани-
мать высокое мѣсто въ государствѣ. Посланіе, написанное въ такое
время, служить однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ, что
въ мягкости и умѣренности, отличавшихъ Алдисона отъ всѣхъ дру-
гихъ общественныхъ дѣятелей этихъ бурныхъ временъ, не было
ни малѣйшей примѣси низости или трусости.

Въ Женеvѣ путешественникъ узналъ, что въ Англіи произошла
перемѣна въ министерствѣ и что графъ Манчестеръ сдѣлался
статсъ-секретаремъ. Манчестеръ употреблялъ все усилія, чтобы
быть полезнымъ своему другу. Министерство сочло нужнымъ имѣть
англійскаго агента при особѣ Евгенія въ Италіи, и для этого пѣ-
бранъ былъ Алдисонъ, окончившій свое дипломатическое образованіе.
Онъ приготавлился вступить въ эту почетную должность, какъ
вдругъ смерть Вильгельма III затмила на нѣсколько времени все
его видъ на будущее.

Анна давно уже чувствовала сильную личную, политическую и ре-
лигіозную непріязнь къ партіи виговъ. Эта непріязнь обнаружилась
въ первыхъ мѣрахъ ея царствованія. Манчестеръ лишился печати,
которой былъ хранителемъ только нѣсколько недѣль. Ни Сомерзъ,
ни Галифаксъ не были допущены въ ея тайный совѣтъ. Алдисонъ
раздѣлилъ судьбу своихъ трехъ покровителей. Его надежды на за-
нятіе общественныхъ должностей рушились; выдачу его пенсін оста-

повнил, и онъ долженъ былъ трудами поддерживать свое существованіе. Онъ сдѣлался наставникомъ одного молодаго англійскаго путешественника и проѣхалъ со своимъ воспитанникомъ, кажется, большую часть Швейцаріи и Германіи. Въ это время онъ написалъ свой интересный «Трактатъ о медаляхъ», который былъ изданъ только послѣ смерти автора; но многіе замѣчательные ученые видѣли рукопись и справедливо хвалили прелесть слога, эрудицію и вкусъ, выказанные въ приводимыхъ имъ цитатахъ.

Изъ Германіи Аддисонъ отправился въ Голландію, гдѣ узналъ печальную вѣсть о смерти своего отца. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Соединенныхъ Провинціяхъ, онъ вернулся къ концу 1703 г. въ Англію. Здѣсь онъ былъ дружески встрѣченъ своимъ пріятелями, которые ввели его въ Кигъ-Катъ, гдѣ сбирался всѣ разнообразные таланты и дарованія, украшавшіе партію вѣговъ.

Въ первые мѣсяцы послѣ возвращенія съ континента, Аддисонъ былъ въ очень стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Но скоро благородные покровители его нашли возможность оказать ему полезную услугу. Во внутренней политикѣ государства происходила постепенная и безмолвная, но въ высшей степени важная, перемѣна. Торіи съ радостью и надеждой привѣтствовали восшествіе Анны на престолъ; одно время казалось, что виги пали, и никогда не поднимутся. Престолъ окружили люди, считавшіеся преданными прерогативѣ и церкви, и между ними никто не пользовался такимъ благоволеніемъ государыни, какъ лордъ-казначей Годольфинъ и главнокомандующій Марльборо.

Сельскіе джентльмены и сельское духовенство вполне рассчитывали, что политика этихъ министровъ будетъ прямо противоположна той, которой почти постоянно держался Вильгельмъ; что поземельные интересы будутъ покровительствуемы на счетъ торговли; что уступки, сдѣланныя диссидентамъ, будутъ, если не отняты, то уменьшены; что, если и будетъ война съ Франціей, то съ нашей стороны она будетъ вестись почти исключительно на морѣ, и что правительство будетъ избѣгать тѣсныхъ союзовъ съ иностранными державами и особенно съ Голландіей.

Но сельскимъ джентльменамъ и сельскому духовенству суждено было ошибиться, и не въ послѣдній разъ. Предразсудки и страсти,

неистовавшіе безъ всякаго контроля въ домахъ викаріевъ, въ оградахъ церквей и въ замкахъ сквайровъ-охотниковъ, не раздѣлялись вождями министерства. Эти государственные люди поняли, что, ради общественнаго и своего собственнаго интереса, имъ слѣдуетъ принять политику виговъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ внѣшнихъ союзовъ и веденія войны. Но если держаться иностранной политики виговъ, то нельзя не принять и ихъ финансовую политику. За этимъ естественно послѣдовало, что крайніе торіи удалились отъ правительства, которому стали необходимы голоса виговъ. Голоса виговъ могли быть обезпечены только дальнѣйшими уступками—и королеву убѣдили на дальнѣйшія уступки.

Положеніе партій въ началѣ 1704 г. было совершенно сходно съ положеніемъ партій въ 1826 г. Въ 1826 г., какъ и въ 1704 г., министерство состояло изъ торіевъ, раздѣленныхъ на двѣ враждебныя факціи. Положеніе Каннинга и его пріятелей въ 1826 г. соотвѣтствовало положенію Марльборо и Годольфина въ 1704 г. Ноттингамъ и Джерси въ 1704 были тѣмъ же, чѣмъ были въ 1826 лордъ Эльдонъ и лордъ Вестморландъ. Виги 1704 г. стояли въ положеніи, похожемъ на положеніе виговъ въ 1826 г. Въ 1704 г. Сомерсъ, Галпфаксъ, Сондерландъ и Коуперъ не находились въ министерствѣ. Между ними и умѣренными торіями не было открытаго союза. Вѣроятно, еще не началось никакихъ прямыхъ сношеній для заключенія подобнаго союза; но все видѣли, что онъ неизбеженъ, мало того, что онъ даже почти заключенъ. Таково или почти таково было положеніе, когда пришло извѣстіе о великомъ сраженіи при Бленгеймѣ, выигранномъ 13-го августа 1704 г. Виги съ восторгомъ и гордостью привѣтствовали это извѣстіе. Они не хотѣли помнить никакой причины къ ссорѣ, никакой ошибки со стороны полководца, котораго геній въ одинъ день измѣнилъ дѣла Европы, спасъ имперскій тронъ, унижилъ домъ Бурбоновъ и обезпечилъ актъ о престолонаслѣдіи противъ всѣхъ нападеній со стороны иностранныхъ державъ. Чувства торіевъ были совсѣмъ иного рода. Правда, осторожность не позволяла имъ открыто выражать сожалѣніе, возбужденное въ нихъ событіемъ, столь славнымъ для ихъ родины; но ихъ поздравленія были такъ холодны и угрюмы, что глубоко обидѣли побѣдоноснаго полководца и его друзей.

Годольфинъ не былъ охотникомъ до чтенія. Все свободное отъ дѣлъ время онъ проводилъ обыкновенно въ Ньюмаркетѣ или за карточнымъ столомъ. Но онъ не былъ положительно равнодушенъ къ поэзіи и былъ слишкомъ умнымъ наблюдателемъ, чтобы не замѣтить, что литература была могучимъ орудіемъ для политической борьбы и что великіе вожди вѣговъ разумнымъ и щедрымъ покровительствомъ хорошимъ писателямъ укрепили свою партію и возвысили свою репутацію. Онъ былъ огорченъ, и не безъ основанія, крайне плохими поэмами, появлявшимися въ честь Бленгеймской битвы. Одна изъ этихъ поэмъ спаслась отъ забвенія крайней пелѣпостью слѣдующихъ трехъ строчекъ:

«Think of two thousand gentlemen at least,
 «And each man mounted on his capering beast;
 «Into the Danube they were pushed by shoals». ⁽⁵⁾

Лордъ-казначей не зналъ, гдѣ достать лучшихъ стиховъ. Онъ умѣлъ хлопотать о займѣ или переводѣ субсидій; хорошо пзучилъ исторію скаковыхъ лошадей и пѣтуховъ, назначавшихся для боя; по его знакомство съ поэтами было очень ничтожно. Онъ обратился за совѣтомъ къ Галифаксу, но послѣдній показалъ, что уклоняется отъ обязанности совѣтника. По его словамъ, онъ прежде дѣлалъ все, что могъ, для поощренія людей, которыхъ таланты и познанія могли сдѣлать честь странѣ. Эти времена прошли. Другіе принципы восторжествовали. Достоинству предоставлено чахнуть въ безвѣстности, а общественныя деньги раздаются недостойнымъ. «Я знаю, прибавилъ онъ, джентльмена, способнаго воспыть это сраженіе достойнымъ образомъ, но я не назову его». Годольфинъ, который былъ мастеръ отвращать гнѣвъ мягкимъ отвѣтомъ и котораго необходимость заставляла ухаживать за вигами, кротко отвѣчалъ, что жалобы Галифакса слишкомъ основательны, но что со временемъ все будетъ исправлено, а пока услуги человѣка, описаннаго Галифаксомъ, будутъ щедро вознаграждены. Г а л и ф а к с ъ называлъ тогда Аддисона, но, заботясь столько же о самолюбіи, сколько о денежныхъ интересахъ своего друга, настоялъ, чтобы министръ обра-

(5) «Представьте себѣ покрайней мѣрѣ двѣ тысячи джентельменовъ, которые, сидя на своихъ рѣзвыхъ животныхъ, толпами сталкиваются въ Дунай.»

тился какъ можно учтивѣе къ самому Алдисону, — и Годольфинъ обѣщаль это.

Алдисонъ занималъ въ то время чердакъ третьяго этажа надъ маленькой лавкой въ Геймаркетѣ. На утро, послѣдовавшее за разговоромъ между Галпфаксомъ и Годольфиномъ, Алдисонъ былъ удивленъ появленіемъ въ своей скромной квартиркѣ такой особы, какъ достопочтенный Генри Бойль, впоследствии лордъ Карльтонъ, бывшій тогда канцлеромъ казначейства. Этого знатнаго министра лордъ-канцлеръ отправилъ, въ качествѣ посла, къ нуждающемуся поэту. Алдисонъ охотно взялся за предложенный трудъ, который для такого ревностнаго вига былъ вѣроятно не трудомъ, а удовольствіемъ. Когда поэма была полуокончена, авторъ показалъ ее Годольфину, который пришелъ въ восторгъ, особенно отъ знаменитаго сравненія съ ангеломъ. Алдисону немедленно дали мѣсто комиссара съ двумя стами ф. въ годъ и обѣщали, что это только задатокъ большихъ милостей.

«Походъ» вышелъ въ свѣтъ и привелъ публику въ такой же восторгъ, какъ и министра. Въ цѣломъ, поэма нравится намъ менѣе *«Посланія къ Галифаксу»*. Однако она несомнѣнно занимаетъ высокое мѣсто среди произведеній, проявившихся въ промежутокъ времени отъ смерти Драйдена до появленія Попа. Мы думаемъ, что главное достоинство поэмы, замѣченное и Джонсономъ, состоитъ въ смѣломъ и рациональномъ отказѣ отъ вымысла. Первый великій поэтъ, творенія котораго дошли до насъ, пѣлъ о войнѣ задолго до того, какъ война сдѣлалась ремесломъ или наукой. Если, въ его время, между двумя небольшими греческими городами вспыхнула вражда, каждый городъ высылалъ толпы гражданъ, не знавшихъ дисциплины и вооруженныхъ орудіями труда, наскоро передѣланными въ оружіе. Съ обѣихъ сторонъ выдвигались изъ толпы нѣсколько вождей, которымъ богатство доставило хорошіе доспѣхи, коней и колесницъ, а досугъ далъ возможность заняться военными упражненіями. Одинъ подобный вождь, обладалъ большой силой, проворствомъ и мужествомъ, былъ бы, вѣроятно, страшнѣе двадцати обыкновенныхъ людей, а сила и ловкость, съ какими онъ кидалъ свое копье, могли не мало способствовать рѣшенію побѣды. Таковы были вѣроятно битвы, извѣстныя Гомеру. Но Гомеръ рассказывалъ о дѣяніяхъ людей преж-

нихъ поколѣній, людей, происходившихъ отъ боговъ, и сообщавшихъ съ богами лицомъ къ лицу, людей, изъ которыхъ одинъ могъ кидать камни такой величины, какихъ два дюжкихъ паряя позднѣйшаго періода не въ состояніи были бы даже приподнять. Весьма естественно поэтому, что онъ представлялъ ихъ вопиственные подвиги отчасти сходными, но далеко превосходящими подвиги самыхъ ловкихъ и сильныхъ бойцовъ своего времени. Ахиллесъ, облеченный въ небесныя доспѣхи, везомый небесными копытами, держащій копье, котораго никто кромѣ его не могъ поднять, гоня передъ собой троянъ и ликій, запружая Скамандръ мертвецами, не болѣе какъ великолѣпное преувеличеніе истиннаго героя, сильнаго, безстрашнаго, привыкшаго владѣть оружіемъ, охраняемаго щитомъ и шлемомъ лучшей Сидонской выдѣлки, мчащагося на коняхъ эссалійской породы и собственной правой рукой поражающаго одного врага за другимъ. Подобныя понятія встрѣчаются во всѣхъ грубыхъ обществахъ. И теперь есть страны, въ которыхъ лейбъ-гвардейца Шо сочли бы гораздо болѣе воинномъ, чѣмъ герцога Веллингтона. Бонапартъ любилъ описывать удивленіе, съ которымъ мамелюки смотрѣли на его незначительную фигуру. Марадъ-Бей, отличавшійся отъ всѣхъ своихъ соратниковъ тѣлесной силой и искусствомъ, съ какимъ онъ управлялъ своимъ конемъ и владѣлъ своей саблей, не могъ повѣрить, чтобы человѣкъ едва пяти футовъ росту и ѣздившій верхомъ какъ мясникъ, былъ величайшимъ воиномъ въ Европѣ.

Гомеровы описанія войны были слѣдовательно настолько истинны, насколько этого требовала поэзія. Но сочиненія тѣхъ, которые, писавши о битвахъ, не имѣвшихъ почти ничего общаго съ битвами его времени, рабски подражали его манерѣ, совершенно лишены истины. Нелѣпости Силія Италика особенно противны. Онъ взялся разсказать стихами превратности великой борьбы между первоклассными полководцами, и разсказъ его наполненъ описаніями страшныхъ ранъ, которыя полководцы собственноручно нанесли другъ другу. Аздрубалъ кидаетъ копьѣ и слегка задѣваетъ плечо консула Перона, но Перонъ прокалываетъ своимъ копьемъ бокъ Аздрубала. Фабій убиваетъ и Туриса, и Бутеса, и Мариса, и Арзеса, и длинноволосаго Адгербеса, и испанскаго Тлияса, и Сафара, и Моне-за и трубача Морина. Анибалъ пронзаетъ коломъ пахъ Пе-

рузипа, и огромнымъ камнемъ раздробляетъ спинную кость Телезипа. Эта отвратительная манера переппмалась и въ новѣйшія времена и господствовала до Аддисоновой эпохи. Многие рюемачи представляли Вплъгельма обращающимъ въ бѣгство тысячи вонновъ единственною силою своей доблести и обагрѣвающимъ Бойнѣ прландской кровью. Даже такой уважаемый писатель, какъ Джонъ Филиппсъ, авторъ *«Splendid Shilling»*, рассказывалъ, какъ Марльборо выигралъ Бленгеймское сраженіе единственно сплюю мускуловъ и искусствомъ фехтованія. Слѣдующія строки могутъ служить примѣромъ:

«Churchill, viewing where

«The violence of Tallard most prevailed,
Came to oppose his slaughtering arm. With speed
Precipitate he rode, urging his way
O'er hills of gasping heroes, and fallen steeds
Rolling in death. Destruction, grim with blood,
Attends his furious course. Around his head
The glowing balls play innocent, while he
With dire impetuous sway deals fatal blows
Among the flying Gauls. In Gallic blood
He dyes his reeking sword, and strews the ground
With headless ranks. What can they do? Or how
Withstand his wide-destroying sword? (6)»

Аддисонъ выказалъ много вкуса и ума, отступивши отъ этой смѣшной манеры. Онъ хвалилъ только качества, дѣлавшія Марльборо истинно великимъ: энергію, проникательность, военное искусство. Но больше всего онъ превозносилъ ту твердость ума, которая, среди смятенія, криковъ и рѣзни, обозрѣвала и располагала все съ особою ясностью.

(6) «Чорчилль, видя, гдѣ наиболѣе господствовала сила Таллара, противопоставилъ свою смертоносную руку. Съ поспѣшностью, мчался онъ, стремясь по холмамъ умиравшихъ героевъ и павшихъ коней. Гибель, ужасная своей кровью, сопровождала его яростный бѣгъ. Вокругъ его головы безвредно играютъ раскаленные пули, между тѣмъ, какъ онъ съ ужаснымъ, стремительнымъ увлеченіемъ наноситъ роковые удары бѣгущимъ галламъ. Галльской кровью обагрелъ его дымящійся мечъ; онъ покрываетъ землю рядами обезглавленныхъ. Что могутъ они сдѣлать? И какъ остановить его мечъ, далеко разносящійги бѣль?»

Здѣсь онъ вставилъ знаменитое сравненіе Марльборо съ ангеломъ, направляющимъ вихрь. Мы не будемъ оспаривать общую вѣрность Джонсоновыхъ замѣчаній на это мѣсто. Но мы считаемъ необходимымъ указать на обстоятельство, кажется, не замѣченное ни однимъ критикомъ. Необыкновенный эффектъ этого сравненія при первомъ его появленіи, необъяснимый для послѣдующаго поколѣнія, должно, безъ сомнѣнія, приписать главнымъ образомъ одной строчкѣ, на которую большая часть читателей смотритъ теперь, какъ на пустое вводное предложеніе.

«Such as, of late, o'er pale Britannia pass'd» (7).

Аддисонъ говорилъ не о бурѣ вообще, но объ извѣстной бурѣ. Великая буря, бывшая, въ ноябрѣ 1703 года, единственная буря въ нашихъ широтахъ, равнявшаяся яростью тропическому урагану, оставила страшное воспоминаніе въ умахъ всѣхъ людей. Ни одна буря, кромѣ этой, не бывала здѣсь причиною парламентскаго адреса или публичнаго поста. Цѣлыя флоты были разбросаны. Огромные дома разрушены. Одниѣ прелаты задавлены стѣнами своего дворца. Лондонъ и Бристоль представляли видъ только-что раззоренныхъ городовъ. Сотни семействъ носили еще трауръ. Повергнутые стволы высокихъ деревьевъ, развалины домовъ въ южныхъ графствахъ свидѣтельствовали объ ярости урагана. Популярность, какую сравненіе съ ангеломъ пользовалось между современниками Аддисона, казалась намъ всегда замѣчательнымъ примѣромъ преимущества частнаго надъ общимъ въ краснорѣчіи и поэзіи.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «*Похода*» вышелъ рассказъ о путешествіи Аддисона по Италіи. Первое впечатлѣніе этого разсказа было разочарованіе. Толпа читателей, ожидавшихъ политики и скандаловъ, разсужденій о проектахъ Виктора-Амедея и анекдотовъ о веселой жизни монастырей и любовныхъ интригахъ кардиналовъ и монаховъ, изумилась, увидя, что умъ автора былъ занятъ гораздо болѣе войной между троянцами и рутулами, чѣмъ войной между Франціей и Австріей, и что, повидямому, послѣдніе скандальныя исторіи, слышанныя имъ, были исторіи любовныхъ похищеній

(7) «Такой (бурѣ), которая недавно пронеслась надъ блѣдною Британіей.»

императрицы Фаустины. Впрочемъ, въ скоромъ времени, сужденіе меньшинства взяло верхъ надъ приговоромъ большинства, и прежде чѣмъ было сдѣлано второе изданіе, книгу такъ усердно раскупали, что она продавалась въптеро дороже первоначальной цѣны. И теперь чтеніе этой книги доставляетъ удовольствіе: слогъ ея чистъ и плавенъ, классическія цитаты и ссылки многочисленны и удачны, тамъ и сямъ насъ чаруетъ удивительно человѣчный и деликатный юморъ, въ которомъ Аддисонъ превосходилъ всѣхъ другихъ писателей. Однако это замѣательное сочиненіе, даже разсматриваемое просто какъ рассказъ о литературномъ путешествіи, заслуживаетъ справедливаго порицанія по причинѣ заключающихся въ немъ упущеній. Мы уже сказали, что богатая выписками изъ латинскихъ поэтовъ, книга почти не содержитъ ссылокъ на латинскихъ ораторовъ и историковъ. Мы должны прибавить, что въ ней мало, или—скорѣе—совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній объ исторіи и литературѣ современной ему Италіи. Сколько мы помнимъ, Аддисонъ не упоминаетъ ни о Дантѣ, ни о Петраркѣ, ни о Боккаччо, ни о Бойлардо, ни о Берни, ни о Лоренцо Медичи, ни о Маккиавелли. Онъ холодно говоритъ намъ, что въ Феррарѣ видѣлъ могилу Аріосто, и въ Венеціи слушалъ гондольеровъ, поющихъ стихи Тассо. Но Аддисонъ гораздо болѣе интересовался Сидоніемъ Апполлиаріемъ и Валеріемъ Флаккомъ, чѣмъ Тассо и Аріосто. Тихія струи Тичано напоминаютъ ему строфу изъ Силія. Сѣринистый потокъ Альбула подсказываетъ ему нѣсколько отрывковъ изъ Марціала. Но онъ не находитъ ни одного слова въ память славныхъ усопшихъ въ Санта-Кроче; переѣзжая Равеннскій лѣсъ, онъ не вспоминаетъ о привидѣніи-охотникѣ, и гуляя по Римпни, ни разу не подумалъ о Франческѣ. Въ Парижѣ онъ усердно добивался быть представленнымъ Буало, и кажется вовсе не подозрѣвалъ, что во Флоренціи находился въ сосѣдствѣ поэта, простаго сравненія съ которымъ не могъ выдержать Буало, величайшаго лирическаго поэта новѣйшихъ временъ, Виченцо Филікайя. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Филікайя былъ любимымъ поэтомъ Сомерза, подъ покровительствомъ котораго Аддисонъ путешествовалъ и которому посвящалъ свой рассказъ о путешествіи. Дѣло въ томъ, что Аддисонъ имѣлъ мало свѣдѣній о литературѣ новѣйшей Италіи и еще менѣе интересовался этой

литературой. Его любимыми образцами были сочиненія латинскихъ поэтовъ, любимыми критиками—французы. Половина прочитанныхъ имъ тосканскихъ стихотвореній показались ему уродливыми, а другая половина—пустой мишурой.

За «*Путешествіемъ*» послѣдовала оживленная опера «*Розамунда*». Пьеса была положена на плохую музыку, и потому не имѣла успѣха на сценѣ; но имѣла полный успѣхъ въ чтеніи, и дѣйствительно, въ своемъ родѣ, это превосходная вещь. Плавная текучесть стиховъ и упругость ихъ сочетаній очень пріятны, по крайней мѣрѣ для нашего уха. Мы готовы думать, что еслибъ Аддисонъ предоставилъ героическія строфы Попу и бѣлые стихи Роу, а самъ занялся сочиненіемъ легкихъ и веселыхъ пѣсень, то его репутація какъ поэта стояла бы гораздо выше, чѣмъ теперь. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, докторъ Ариъ положилъ «*Розамунду*» на новую музыку, и она была представлена съ полнымъ успѣхомъ на сценѣ. Многіе пассажи долго оставались популярными, и въ послѣдніе годы царствованія Георга II ежедневно разыгрывался на клавикордахъ всей Англіи.

Пока Аддисонъ забавлялся такимъ образомъ, его будущность и будущность его партіи становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Весною 1705 г. министры освободились отъ ограниченій, палагаемыхъ на нихъ палатой общинъ, гдѣ преобладали торіи самаго дурнаго свойства. Выборы благопріятствовали вигамъ. Коалиція, образовавшаяся безмолвно и постепенно, сдѣлалась открытою. Коуперъ получилъ большую печать. Сомерсъ и Галифаксъ сдѣлались членами тайнаго совѣта. Въ слѣдующемъ году, Галифаксу поручили отвезти курфирсту Ганноверскому орденъ Подвязки, и въ этой почетной миссіи его сопровождалъ Аддисонъ, только-что сдѣлавшій товарищемъ статсъ-секретаря. Сначала статсъ-секретаремъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Аддисонъ, былъ сэръ Чарльзъ Геджисъ, торіи. Но Геджисъ скоро долженъ былъ уступить свое мѣсто самому ревностному вигу, графу Чарльзу Сондерланду. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ государственныхъ отрасляхъ, высокоцерковники принуждены были уступать мѣста своимъ оппонентамъ. Къ концу 1707 г. торіи, оставшіеся при должностяхъ, пытались, имѣя во главѣ Гарли, соединить свои силы. Но эта попытка не удалась, хотя ей благопріятствовала королева, бывшая всегда торіемъ въ душѣ, и

находившаяся тогда въ ссорѣ съ герцогиней Марльборо. Ихъ время еще не пришло. Главнокомандующій былъ на вершинѣ славы и популярности. Большинство въ парламентѣ было на сторонѣ партіи низкоцерковниковъ. Сельскіе сквайры и ректоры, хотя и выказывали отъ времени до времени свое неудовольствіе ужаснымъ ропотомъ, но большей частью находились въ состояніи оцѣпенѣнія, которое продолжалось до обвиненія Сачеверелля, обвиненія, возбужденнаго въ нихъ дѣятельность, доходившую до безумія. Гарли и его приверженцы принуждены были подать въ отставку. Побѣда виговъ была позная. Общіе выборы 1708 г. доставили имъ неодолимое могущество въ палатѣ общинъ, и еще до конца года Сомерсъ сдѣланъ былъ лордомъ-президентомъ тайнаго совѣта, а Вартонъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи.

Аддисонъ засѣдалъ въ палатѣ общинъ, созданной въ 1708 г., въ качествѣ представителя мѣстечка Мамзбѣри. Но палата общинъ не могла быть поприщемъ для его дѣятельности. Природная застѣнчивость его дѣлала бесполезными для преній и его остроуміе, и его краснорѣчіе. Однажды онъ всталъ, но не будучи въ состояніи превозмочь неувѣренности въ себѣ, никогда не возобновлялъ попытки. Никому не покажется страннымъ, что великій писатель не имѣлъ успѣха, какъ ораторъ. Но многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что неудача Аддисона какъ дебатера не имѣла вліянія на его политическую карьеру. Въ наше время, человѣкъ высокаго происхожденія и съ большимъ состояніемъ, можетъ занимать значительное мѣсто, хотя бы онъ говорилъ очень мало и очень дурно. Но въ наше время невозможно себѣ представить, чтобъ простой авантюристъ, человѣкъ, который, въ случаѣ лишенія своей должности, принужденъ былъ бы жить пропзведеніями своего пера, сдѣлался въ теченіе немногихъ лѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, главнымъ секретаремъ Ирландіи и статсъ-секретаремъ, не имѣя, въ то же время, никакого ораторскаго таланта. Аддисонъ, не будучи высокаго происхожденія, не имѣя богатства, достигъ мѣста, которое считали бы честью занимать герцоги, главы высшихъ домовъ Галлеботъ, Росселля и Бентинка. Не открывая рта въ преніяхъ, онъ достигъ мѣста, выше котораго не поднимались ни Фоксъ, ни Чатамъ, и достигъ его, не пробывши и девяти лѣтъ въ парламентѣ. Мы должны искать объясненіе этого кажущагося чуда въ особенныхъ об-

стоятельствахъ, въ какихъ было поставлено это поколѣніе. Въ промежутокъ между прекращеніемъ цензуры и началомъ обнародованія парламентскихъ преній, литературные таланты для общественнаго дѣятеля—были гораздо болѣе, а ораторскія дарованія—гораздо менѣе важны, чѣмъ въ наше время. Теперь лучший способъ доставить какому-нибудь факту или аргументу обширную и быструю публичность состоитъ въ томъ, чтобы ввести этотъ фактъ или аргументъ въ рѣчь, произнесенную въ парламентѣ. Еслибъ теперь появился въ печати политическій трактатъ, стоящій выше «*Conduct of the Allies*» или лучшихъ померовъ «*Freeholder's*», то онъ все-таки расходился бы медленно, сравнительно съ быстротою циркуляціи всякаго замѣчательнаго слова, произнесеннаго въ законодательныхъ преніяхъ. Рѣчь, сказанная въ четыре часа утра въ палатѣ общинъ, къ десяти лежитъ на тридцати тысячахъ столахъ. Рѣчь, сказанная въ понедѣльникъ, въ среду читается толпами людей въ Антримѣ и Абердинширѣ. Съ помощью стенографа, ораторъ въ значительной степени замѣнилъ памфлетиста. Не такъ было въ царствованіе Анны. Самая лучшая рѣчь имѣла тогда вліяніе только на слушателей. На общественное мнѣніе, въ парламента, можно было дѣйствовать единственно съ помощью прессы, а это мнѣніе не могло не быть въ высшей степени важнымъ, въ странѣ, управляемой парламентами, и въ ту пору еще трехлѣтними парламентами. Поэтому, перо было болѣе грознымъ политическимъ орудіемъ, чѣмъ языкъ. М-ръ Питтъ и м-ръ Фоксъ состязались только въ парламентѣ, но Вальполь и Польшин — Питтъ и Фоксъ прежнихъ временъ, сядились, посреди восклицаній палаты общинъ, не сдѣлавъ и половины того, что было необходимо сдѣлать. Имъ оставалось еще защищать свое дѣло передъ страной, а это они могли сдѣлать только посредствомъ прессы. Ихъ сочиненія теперь забыты. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ Гробъ-Стритѣ было не много болѣе усердныхъ сочинителей разныхъ Мыслей, Писемъ, Отвѣтовъ, Замѣтокъ, какъ между великими предводителями партій. Польшин, будучи во главѣ оппозиціи, и въѣзъ 30 т. ф. въ годъ, издавалъ «*The Craftsman*». Вальполь, не будучи литераторомъ, написалъ по крайнѣй мѣрѣ десять памфлетовъ, исправляя и передѣлывая еще большее число. Эти факты достаточно показываютъ, какъ важна была въ то время литературная помощь для борющихся партій. Въ царствованіе Анны, Сентъ-Джонъ былъ безспорно лучшимъ торійскимъ

ораторомъ, а Коуперъ вѣроятно былъ тѣмъ же самымъ для виговъ. Но мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, сдѣлалъ-ли Сентъ-Джонъ столько же для торіевъ, какъ Свифтъ, и сдѣлалъ-ли Коуперъ столько же для виговъ, какъ Аддисонъ. Обративши должное вниманіе на эти обстоятельства, уже не покажется страннымъ, что Аддисонъ взобрался на такую высоту въ государствѣ, на какую ни одинъ англичанинъ никогда не могъ подняться посредствомъ однихъ литературныхъ талантовъ. Свифтъ, по всей вѣроятности, поднялся бы также высоко, еслибъ его не затрудняла длинная ряса и широкіе рукава. Что же касается до почтенія со стороны великихъ міра сего, то Свифтъ наслаждался имъ не менѣе, какъ еслибъ онъ былъ лордомъ-казначеемъ.

Къ вліянію, которое Аддисонъ извлекалъ изъ своихъ литературныхъ талантовъ, присоединилось вліяніе возникавшее изъ его характера. Міръ, всегда готовый видѣть бѣдныхъ политическихъ авантюристовъ въ дурномъ свѣтѣ, принужденъ былъ сдѣлать одно исключеніе. Неугомонность, запальчивость, дерзость, шапкость правилъ—вотъ пороки, обыкновенно приписываемые этому классу людей. Но даже противники его не могли отвергнуть, что Аддисонъ, во всѣхъ перемѣнахъ счастія, оставался строго вѣренъ своимъ прежнимъ мнѣніямъ и своимъ прежнимъ друзьямъ; что его честность была незапятнанна; что все его поведеніе было проникнуто тонкимъ чувствомъ приличія; что въ самомъ жару спора горячность его умѣрялась уваженіемъ къ истинѣ, гуманности и общественному декоруму; что никакая обида не могла побудить его къ мщенію, недостойному христіанина и джентльмена, и что единственными его недостатками были слишкомъ чувствительная деликатность и скромность, доходившая до застѣнчивости.

Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей своего времени, и большой долей этой популярности онъ обязанъ, какъ жатся, той самой робости, которой сокрушались его друзья. Эта робость часто мѣшала ему выставлять свои таланты въ лучшемъ свѣтѣ. Но она умножила Пемезиду. Она отвращала зависть, которую, въ противномъ случаѣ, возбудила бы такая блестящая слава и такое быстрое возвышеніе. Публика наиболѣе способна полюбить человѣка, который служить въ одно и то же время предметомъ восхищенія, уваженія и сожалѣнія; а таковы были чувства, внушаемыя Аддисономъ. Всѣ, пользовавшіеся привилегіей слышать его частную

бесѣду, объявляли единогласно, что она была даже выше его сочиненій. Блестящая Мери Монтегью говорила, что знала всё знаменитости, но это общество Аддисона было для нея самымъ пріятнымъ въ свѣтѣ. Извѣстный Попъ принужденъ былъ признаться, что разговоръ Аддисона имѣлъ прелесть, какой онъ не находилъ ни въ чемъ другомъ. Свифтъ, пламенѣя враждой къ вигамъ, не могъ не признаться Стеллу, что все-таки онъ не знавалъ другаго столь пріятнаго собесѣдника, какъ Аддисонъ. Стиль, превосходный судья оживленной бесѣды, говорилъ, что бесѣда Аддисона была въ одно и то же время самой вѣжливой и самой веселой, какую можно себя вообразить; что въ немъ соединялись Терепцій и Катуллъ, усиленные чѣмъ-то пизающимъ, которое не принадлежало ни Терепцію, ни Катуллу, но единственно Аддисону. Юнгъ, превосходный судья серьезнаго разговора, объявилъ, что когда Аддисонъ былъ въ своей тарелкѣ, строй его мыслей и рѣчей былъ такъ благороденъ, что приковывалъ вниманіе каждаго слушателя. Кромѣ того, вѣжливость и мягкость сердца, которыя высказывались въ бесѣдѣ Аддисона, заслуживали не меньшаго восхищенія. Въ то же время, нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно лишенъ нѣкоторой ѣдкости, которая, можетъ быть, нераздѣльно соединена съ тонкимъ чувствомъ смѣшнаго. Онъ имѣлъ обыкновеніе, восхищавшее и Свифта и Стеллу, обыкновеніе, котораго мы не рѣшаемся осуждать. Если его первыя попытки поставить на прямой путь самоувѣреннаго глупца были дурно приняты, онъ перемѣнялъ тонъ, соглашался «вѣжливо поддакивая» и увлекалъ польщеннаго фата глубже и глубже въ пелѣность. Мы могли бы догадаться объ этомъ обычаѣ изъ его сочиненій. Критика «*Taller'a*» на сонетъ м-ра Софтли и разговоръ «*Spectator'a*» съ политикомъ, такъ усердно хлопочущимъ о чести лэди О-р-і-с—превосходные образцы этой невинной злости.

Таковы были разговорные таланты Аддисона. Но эти рѣдкія дарованія не выставались передъ толпою или передъ постороннимъ. Какъ скоро онъ вступалъ въ большое общество, какъ скоро видѣлъ незнакомое лицо, его губы смыкались, а манеры становились принужденнымъ. Никто изъ тѣхъ, которые встрѣчали его только въ многочисленныхъ собраніяхъ, не могъ бы повѣрить, что это тотъ же самый человѣкъ, который иногда заставлялъ своихъ друзей засп-

живаться за столомъ, смѣясь и слушая его, съ минуты закрытія театра до тѣхъ поръ, когда на церкви св. Павла въ Ковентъ-Гарденъ было четыре часа. Но и не за такимъ столомъ ярче всего выказывалось его умѣнье говорить. Для того, чтобъ насладиться прелестью его бесѣды въ ея высшемъ проявленіи, необходимо было быть съ нимъ наединѣ и слышать, какъ онъ, по его собственному выраженію, думаетъ вслухъ. «Пстинная бесѣда,—говорилъ онъ всегда,—возможна только между двумя».

Эта робость, не будучи ни испріятной, ни нелюбезной, ввела однако Алдисона въ двѣ очень важныя ошибки, въ которыхъ его можно по справедливости обвинить. Онъ находилъ, что вино уничтожало чары, связывавшія его превосходно развитой умъ, и поэтому легко предавался излшшествамъ стола. Въ эту эпоху, подобныя излшества, даже въ глазахъ серьезныхъ людей, считались самымъ простибельнымъ изъ всѣхъ грѣшковъ, и не только не служили признакомъ дурнаго воспитанія, а, напротивъ, были почти существенно необходимы для репутаціи пстиннаго джентльмена. Но на бѣломъ фонѣ малѣйшее пятнышко замѣтно, и почти всѣ біографы Алдисона упоминали объ этомъ недостаткѣ. Говоря обо всякомъ другомъ писателѣ или политикѣ царствованія королевы Анны, намъ бы такъ же мало пришло въ голову говорить, о томъ, что этотъ джентльменъ иногда пилъ слишкомъ много вина, какъ и о томъ, что онъ носилъ длинный парикъ и шапку.

Мы должны приписать крайней скромности натуры Алдисона и другую ошибку, обыкновенно возникающую изъ совершенно другихъ причинъ. Онъ слишкомъ любилъ собирать вокругъ себя небольшой кружокъ поклонниковъ, смотрѣвшихъ на него какъ на короля или, лучше сказать, какъ на Бога. Всѣ эти люди были гораздо ниже его по способностямъ и нѣкоторые имѣли очень важныя недостатки. Эти недостатки не избѣгали его замѣчанія, потому что никто не умѣлъ лучше Алдисона видѣть людей насквозь. Но съ самой острой наблюдательностью и съ самымъ тонкимъ чувствомъ смѣшного въ немъ соединялась обширная любовь къ ближнимъ. Онъ смотрѣлъ на своихъ смиренныхъ товарищей съ чувствомъ благосклонности, слегка оттѣняемой презрѣніемъ. Въ ихъ обществѣ онъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ; онъ былъ благода-

решъ за ихъ привязанность и осыпалъ ихъ благодареніями. Ихъ почтеніе къ нему превосходило повидимому почтеніе, съ каковымъ Босвелль смотрѣлъ на Джонсона, или Гордъ на Варбуртона. Лестъ не въ силахъ была вскружить такую голову, или испортить такое сердце, каковымъ обладалъ Аддисонъ. Но надо откровенно сознаться, что въ немъ развились недостатки, почти неизбежно укореняющіеся въ человѣкѣ, который имѣетъ несчастье сдѣлаться оракуломъ маленькаго литературнаго кружка.

Однимъ изъ членовъ этого кружка былъ Юстесъ Боджелль—молодой юристъ, съ кой-какими литературными познаніями, и дальній родственникъ Аддисона. Въ это время, репутація Боджелля не была еще запятана, и весьма вѣроятно, что еслибъ жизнь Аддисона продолжалась, репутація Боджелля осталась бы почетной и незапятнанной. Но со смертью учителя, исчезло все, что сдерживало ученика, и онъ быстро прошелъ всѣ ступени порока и нищеты; сумасбродствами растратилъ онъ свое состояніе, хотѣлъ поправить его преступленіями и наконецъ кончилъ свою преступную и жалкую жизнь самоубійствомъ. Но этотъ несчастный, будучи игрокомъ, сочинителемъ пасквилей, плутомъ и уголовнымъ преступникомъ, до конца сохранилъ любовь и уваженіе къ Аддисону, и высказалъ эти чувства въ послѣднихъ строчкахъ, начертанныхъ имъ прежде, чѣмъ успѣлъ скрыться отъ позора подъ Лондонскимъ мостомъ.

Другой любимый собесѣдникъ Аддисона былъ Амброзъ Филиппсъ, добрый юзь и посредственный поэтъ, имѣвшій честь ввести въ моду родъ сочиненія, названный по его имени *Namby-Pamby*.^(*) Но самые замѣчательные члены «маленькаго сената», какъ, долго спустя, называлъ его Попъ,—были Ричардъ Стиль и Томасъ Тикелль.

Стиль зналъ Аддисона съ дѣтства. Они были въ одно время въ Чартеръ-Хаусѣ и въ Оксфордѣ, но обстоятельства разлучили ихъ на нѣкоторое время. Стиль оставилъ коллегію, не получивши степеней, былъ лишенъ наслѣдства однимъ богатымъ родственникомъ, велъ бродячую жизнь, служилъ въ арміи, охотился философскій камень и напечаталъ религіозный трактатъ и нѣсколько комедій. Онъ былъ одинъ

^(*) Nam—уменьшительное имя Амброза.

пзъ тѣхъ людей, которыхъ невозможно ни ненавидѣть, ни уважать. У него былъ мягкій нравъ, горячее сердце, живой характеръ, сильныя страсти и шаткія правила. Онъ всю жизнь грѣшилъ и раскаявался, всю жизнь толковалъ о томъ, какъ должно поступать хорошо, и поступалъ дурно. По теоріи онъ былъ честный и пажобный человѣкъ; по поступкамъ, онъ былъ большой кутила и немножко плутъ. Впрочемъ, онъ былъ такъ добродушенъ, что трудно было серьезно сердиться на него, и что даже строгіе моралисты скорѣе были расположены жалѣть, нежели бранить его, когда онъ проигрывался до долговаго отдѣленія или пплъ до горячки. Аддисонъ относился къ Стилю благосклонно, но не безъ примѣси презрѣнія; онъ пытался, хотя и безуспѣшно, вывести его изъ затруднительнаго положенія, доставилъ ему хорошее мѣсто, рекомендовалъ его вельможамъ, исправлялъ его комедіи, и будучи вовсе не богатымъ человѣкомъ, ссужалъ его большими суммами. Одна изъ этихъ ссудъ доходила, какъ видно изъ письма, написаннаго въ августѣ 1708 г., до тысячи ф. с. Эти денежныя дѣла вѣроятно вели къ частымъ столкновеніямъ. Говорятъ, что однажды небрежность или безчестность Стиля заставила Аддисона прибѣгнуть за уплатою долга къ помощи суда. Мы не согласны съ м-сь Эйкинъ, которая опровергаетъ эту исторію. Джонсонъ слышалъ ее отъ Саведжа, которому разсказалъ ее Стиль. Это подтверждается такими очевидными доказательствами, какими рѣдко подтверждается частное происшествіе, случившееся сто-двадцать лѣтъ тому назадъ. Но мы вовсе не согласны съ тѣми, которые осуждаютъ строгость Аддисона. Самый добрый человѣкъ въ свѣтѣ можетъ придти въ негодованіе, когда то, что онъ заработалъ трудомъ и ссудилъ съ большими неудобствами для себя, чтобы выручить пріятеля изъ бѣды, тратится съ безумной расточительностью. Мы пояснимъ нашу мысль примѣромъ, который не становится менѣе разптеленъ отъ того, что принадлежитъ къ области вымысла. Д-ръ Гаррисонъ, въ Фильдинговой «Амелии», представленъ самымъ добродушнымъ изъ людей, однако онъ распоряжается не только имѣніемъ, но и особой Бута. Д-ръ Гаррисонъ прибѣгаетъ къ этой сильной мѣрѣ, потому что узналъ, что Бутъ, ссылаясь на бѣдность при неплатѣ долговъ, покупалъ дорогія вещи и заводилъ экипажъ. Никто изъ тѣхъ, кому знакома жизнь и переписка Стиля, не можетъ со-

мнѣваться, что Стиль велъ себя относительно Аддисона не лучше, чѣмъ Бутъ относительно Гаррисона. Мы почти увѣрены, что на самомъ дѣлѣ случилось что-нибудь въ такомъ родѣ:—Аддисонъ получаетъ письмо, въ патетическихкихъ выраженіяхъ умоляющее о помощи и общающее исправленіе и скорую расплату. Бѣдный Диккъ^(*) увѣдомляетъ, что у него нѣтъ ни одного огарка, ни щепотки угля, ни кредиту у мясника на баранью лопатку. Аддисонъ тронутъ. Онъ рѣшается отказать себѣ въ нѣсколькихъ медаляхъ, недостающихъ въ его собраніи двѣнадцати цезарей, отложить покупку новаго изданія Бейлева словаря и пронести еще годъ свою старую шпагу и пряжки. Такимъ образомъ онъ ухитряется послать сотню ф. своему пріятелю. На слѣдующій день онъ отирается къ Стилю и застаётъ тамъ собраніе джентльменовъ и дамъ. Скрипки играютъ. Столы ломятся подъ шампанскимъ, бургонскимъ и пирамидами конфетъ. Чтбъ-же тутъ страннаго, что человѣкъ, добротою котораго такъ злоупотребляютъ, поручаетъ чиновникамъ шерифа вытребовать свой долгъ?

Тиккелль былъ молодой человѣкъ, только что вышедшій изъ Оксфордскаго университета и отрекомендовавшійся вниманію публики чрезвычайно умной и граціозной маленькой поэмой въ похвалу оперы «*Розамунды*». Онъ заслуживалъ и наконецъ достигъ перваго мѣста въ дружбѣ Аддисона. Стиль и Тиккелль оставались нѣсколько времени въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но они любили Аддисона слишкомъ сильно, чтобы любить другъ друга, и наконецъ сдѣлались такими же смертельными врагами, какъ были соперники-быки у Виргилія.

Въ концѣ 1708 г., Вартонъ сдѣлался лордомъ казначействомъ Ирландіи и назначилъ Аддисона главнымъ секретаремъ. Вслѣдствіе этого Аддисонъ принужденъ былъ покинуть Лондонъ для Дублина. Кромѣ должности главнаго секретаря, приносившей до двухъ тысячъ ф. въ годъ, онъ получилъ патентъ, назначавшій его пожизненнымъ начальникомъ ирландскаго архива съ жалованьемъ въ 300 или 400 ф. въ годъ. Боджелль сопровождалъ своего родственника въ качествѣ частнаго секретаря.

Вартонъ и Аддисонъ не имѣли ничего общаго между собою, кромѣ

(*) Уменьшительное имя Ричарда (Стиля).

вигизма. Лордъ-намѣстникъ былъ не только безвравственнымъ и продажнымъ человѣкомъ, но отличался отъ другихъ развратниковъ и лихоимцевъ какимъ-то одеревенѣлымъ безстыдствомъ, которое представляло разительный контрастъ съ кротостью и деликатностью секретаря. Многія отрасли ирландской администраціи заслуживали, кажется, въ это время, серьезнаго порицанія. Но противъ Аддисона не возникало никакого ропота. Долго спустя онъ утверждалъ, и все доказываетъ справедливость этого утвержденія, что его радѣніе и честность пріобрѣли ему дружбу всѣхъ значительнѣйшихъ лицъ въ Ирландіи.

Мы полагаемъ, что парламентская дѣятельность Аддисона въ Ирландіи совершенно ускользнула отъ вниманія всѣхъ его біографовъ. Лѣтомъ 1709 г. онъ былъ выбранъ членомъ за бургъ Каванъ, и его имя часто попадаетъ въ журналахъ двухъ сессій. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ можно понять, что онъ настолько преодолѣлъ свою робость, что рѣшился пропознестъ нѣсколько рѣчей. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что ирландская палата общинъ вовсе не такое грозное собраніе, какъ англійская палата, а многіе, языки которыхъ сковывали страхъ въ большихъ собраніяхъ, дѣлались говорливыми въ немногочисленныхъ. Герардъ Гампльтонъ, боясь потерять славу, пріобрѣтенную единственнымъ своимъ спичемъ, въ теченіе сорока лѣтъ, безмолвно засѣдалъ въ Вестминстерѣ; между тѣмъ въ Дублинѣ онъ произносилъ очень эффектные рѣчи, когда сдѣлался секретаремъ лорда Галлфакса.

Въ бытность Аддисона въ Ирландіи, случилось происшествіе, которому онъ обязанъ своимъ высокимъ и прочнымъ мѣстомъ въ ряду британскихъ писателей. До сихъ поръ его слава основывалась только на произведеніяхъ, которыя, несмотря на высокое достоинство, не могли быть долговѣчными и которыя, оставаясь единственными его произведеніями, были бы теперь почти забыты: на нѣсколькихъ превосходныхъ латинскихъ стихахъ, на нѣсколькихъ англійскихъ стихахъ, изъ которыхъ только нѣкоторые были выше посредственныхъ, и на книгѣ путешествій, написанной увлекательно, но не указывавшей на особенную силу ума. Эти сочиненія показали въ немъ человѣка со вкусомъ, здравымъ смысломъ и эрудиціей. Настало время, когда ему назначено было оказаться человѣкомъ, одареннымъ творческою силою, и

обогащать нашу литературу сочиненіями, которыя умрутъ только съ англійскимъ языкомъ.

Весною 1709 г. Стиль составилъ литературный планъ, послѣдствіи котораго онъ конечно вовсе не предвидѣлъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ въ Лондонѣ издавались періодическія газеты. Большая часть изъ нихъ были политическія, но въ нѣкоторыхъ разбѣрались вопросы, касавшіеся нравственности, вкуса и любовной казуистики. Литературное достоинство этихъ твореній было, по правдѣ сказать, не велико, и самыя имена ихъ теперь извѣстны только любознательнымъ.

Стиль получилъ отъ Сондерланда,—говорятъ, по просьбѣ Аддисона,—мѣсто главнаго редактора газеты, дававшее ему доступъ къ болѣе раннимъ и вѣрнымъ иностраннымъ извѣстіямъ, чѣмъ тѣ, которыя выпадали тогда на долю обыкновеннаго журналиста. Кажется, это обстоятельство внушило ему мысль издавать періодическую газету по новому плану. Она должна была выходить въ дни отхода лондонской почты въ провинцію, что было тогда по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Она должна была содержать иностранныя извѣстія, отчеты о театральныхъ представленіяхъ и литературныя слески Виллеовой и Греческой кофеенъ. Сверхъ того, она должна была помѣщать кое-какія замѣтки о текущихъ вопросахъ, комплименты красавицамъ, пасквили на знаменитыхъ плаутовъ и критическіе разборы популярныя проповѣдниковъ. Сначала Стиль, кажется имѣлъ только это въ виду. Онъ былъ человекомъ, способнымъ вести подобное дѣло. Общественныя новости онъ почерпалъ изъ лучшихъ источниковъ. Онъ зналъ городъ и дорого заплатилъ за свое знаніе. Онъ читалъ гораздо больше, чѣмъ имѣли тогда обыкновеніе читать люди, ведшіе разбѣянную жизнь. Онъ былъ кутилой между ученымъ и ученымъ между кутилами. Его слогу былъ свободенъ и довольно правдивъ, и хотя его остроуміе и юморъ не были очень высокаго достоинства, но живость и веселость его характера придавали и сочиненіямъ его нѣчто живое, которое дюжинные читатели едвали могли отличить отъ комическаго таланта. Его сочиненія ловко сравнивали съ тѣми легкими винами которыя хотя не имѣютъ ни крѣпости, ни букега, но составляютъ пріятный напитокъ, если не хранятся слишкомъ долго и привезены не издалека.

Исаакъ Биккерстафъ, сквайръ, астрологъ, былъ вымышленной личностью, приобрѣвшей тогда такую же пзвѣстность, какъ м-ръ Поль Прай или м-ръ Самюэль Пиквикъ въ наше время. Свифтъ принялъ имя Биккерстафа въ сатирическомъ памфлетѣ противъ Партриджа, издателя альмамаховъ. Партриджъ былъ такъ глупъ, что напечаталъ яростное возраженіе. Биккерстафъ отвѣчалъ другимъ еще болѣе забавнымъ памфлетомъ. Всѣ умные люди того времени поддерживали шутку, и городъ долго хохоталъ до упада. Стиль рѣшился воспользоваться именемъ, которому этотъ споръ доставилъ извѣстность, и въ 1709 г. послѣдовало объявленіе, что Исаакъ Биккерстафъ, сквайръ и астрологъ, готовится издавать газету, подъ заглавіемъ *«Болтунъ»*.

При составленіи этого плана не спрашивали совѣта Аддисона, но какъ только онъ услышалъ объ немъ, такъ рѣшился участвовать. Результатъ этой помощи лучше всего видѣнъ изъ собственныхъ словъ Стиля:—«Я очутился въ положеніи бѣдствующаго государя, который призывалъ на помощь могущественнаго сосѣда. Мой помощникъ меня окончательно сгубилъ. Разъ призвавши его, я уже не могъ существовать независимо отъ него.» «Газета,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—въ самомъ дѣлѣ получила толчекъ. Она приобрѣла гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ я рассчитывалъ.»

Отправляя чрезъ Британскій каналъ свою первую дань *«Болтуну»*, Аддисонъ, вѣроятно, не имѣлъ понятія объ обширности и разнообразіи собственныхъ силъ. Онъ былъ въ положеніи владѣльца прииска, содержащаго сотни рудъ. Но онъ зналъ только объ наименѣе драгоценной части своихъ сокровищъ и удовлетворялся тѣмъ, что извлекалъ иногда мѣдь, иногда свинецъ, съ небольшою примѣсью серебра. Вдругъ простой случай обнаружилъ передъ нимъ неизсякаемую жилу огничайшаго золота.

Одного выбора и расположенія его словъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать его опыты классическими. Никто, даже Драйденъ и Темплъ не писали на англійскомъ языкѣ съ такой мягкостью, граціей и легкостью. Но это—наименьшее изъ достоинствъ Аддисона. Еслибъ онъ облакалъ свои мысли въ полуфранцузскій слогъ Горация Вальполя, въ полулатинскій Джонсона или въ полуиѣмецкое варѣчье нашего времени, его гениальность восторжествовала бы надъ

всѣмъ погрѣшностями языка. Какъ сатирикъ, онъ не имѣлъ соперника. Если кто-нибудь могъ равняться съ лучшими номерами «*Болтуна*» и «*Зрителя*», то мы склонны думать, что это былъ Менандръ, въ своихъ погребшихъ комедіяхъ.

По остроумію, въ собственномъ смыслѣ слова, Аддисонъ не уступаетъ Коули и Ботлеру. Ни въ одной одѣ Коули не заключается столько удачныхъ аналогій, какъ въ письмѣ къ сэру Годфри Кнеллеру; и мы взяли бы выбрать изъ «*Зрителя*» столько же остроумныхъ иллюстрацій, сколько ихъ находятся въ «*Гудибрасѣ*». Высшей способностью творчества — изобрѣтательностью Аддисонъ владѣлъ еще въ большихъ размѣрахъ. Многочисленные вымыслы, обыкновенно оригинальные, часто дикіе и причудливые, но всегда удивительно удачные и граціозные, попадающіеся въ его опытахъ, даютъ ему право на мѣсто великаго поэта, чего не заслуживаютъ его стихотворныя произведенія. Онъ первоклассный наблюдатель жизни, правотъ, всѣхъ оттѣнковъ человѣческаго характера. Наблюденія свои онъ умѣлъ передавать двумя совершенно различными способами. Онъ могъ описывать добродѣтели, пороки, обычаи, причуды не хуже, чѣмъ Кларендонъ. Но онъ дѣлалъ больше. Онъ вызывалъ къ существованію человѣческой личности, и заставлялъ ихъ обрисовываться предъ собою. Если мы захотимъ искать нѣчто болѣе живое, чѣмъ лучшіе портреты Аддисона, то должны обратиться или къ Шекспиру, или къ Сервантесу.

Но что сказать объ юморѣ Аддисона, о чувствѣ смѣшнаго, о способности возбуждать это чувство въ другихъ и смѣшныя описаніемъ обыденныхъ происшествій и маленькихъ особенностей характера и манеръ, которыя можно встрѣтить въ каждомъ человѣкѣ? Мы чувствуемъ это очарованіе, поддаемся ему, но напрасно усаживаемся анализировать его.

Можетъ быть, лучший способъ описать особеннаго рода шутовство Аддисона — сравнить ее съ шутовствомъ другихъ великихъ сатириковъ. По нашему мнѣнію, замѣчательнѣйшіе писатели, воплотившіе искусствомъ осмѣивать, были въ XVIII столѣтіи Аддисонъ, Свифтъ и Вольтеръ. Вопросъ въ томъ, который изъ трехъ талантовъ умѣлъ возбуждать смѣхъ. По каждый изъ нихъ, въ своей собственной области, достигъ величайшей степени.

Вольтеръ царь шутниковъ. Его веселость открыта и неупорочна. Онъ дурачится, смѣется, держится за бока, показываетъ пальцемъ, поднимаетъ кверху носъ, высовываетъ языкъ. Манера Свифта совершенно противоположна. Онъ возбуждаетъ смѣхъ, но никогда не смѣется самъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ точно таковъ, какимъ явился въ обществѣ. Вся компанія покатывается со смѣху, между тѣмъ какъ деканъ, виновникъ всего веселья, сохраняетъ непоколебимо серьезный, даже угрюмый видъ, и высказываетъ самыя эксцентричныя и забавныя мысли, съ видомъ человѣка, проносящаго апогею.

Манера Аддисона далека отъ манеры какъ Вольтера, такъ и Свифта. Онъ не хохочетъ подобно французскому сатирику и не набрасываетъ, смѣясь въ душѣ, двойной строгости на лицо, какъ дѣлаетъ ирландскій; но сохраняетъ свой собственный взглядъ, полный спокойной ясности, которой прѣизявляетъ только лукавый блескъ глазъ, почти незамѣтное возвышеніе брови, почти незамѣтный изгибъ губъ. Онъ никогда не говоритъ тономъ весельчака или мизантропа. Онъ говоритъ тономъ джентльмена, въ которомъ самое живое чувство смѣшного постоянно умѣряется добродушіемъ и благовоспитанностью.

Мы сознаемся, что для насъ въ юморѣ Аддисона больше прелесть, чѣмъ въ юморѣ Вольтера и Свифта. Но крайней мѣрѣ, достоверно, что какъ Свифту, такъ и Вольтеру нашлись удачные подражатели; но еще ни одинъ человѣкъ не былъ въ состояніи подражать Аддисону. Письмо къ Хансоу аббата Кофе дотога было вѣрно Вольтеру, что долго обманывало парижскихъ академиковъ. Въ сатирическихъ сочиненіяхъ Аристопта есть мѣста, которыхъ—мы по крайней мѣрѣ—не можемъ отличить отъ лучшихъ произведеній Свифта. Но хотя изъ многихъ замѣчательныхъ людей, взявшихъ себя за образецъ Аддисона, нѣкоторые удачно подражали его слогу, никто не могъ уловить тонъ его шутокъ. Въ «Сельтъ», въ «Знатокъ», въ «Зеркаль», въ «Ротозль» — множество статей, напечатанныхъ съ очевиднымъ подражаніемъ его статьямъ въ «Болтуинъ» и въ «Зритель». Большая часть этихъ листовъ не безъ достоинства; многіе очень оживленны и забавны, но нѣтъ ни одного, который могъ

бы пройти за произведеніе Аддисона въ глазахъ критика, одареннаго хотя малѣйшей долей прощательности.

Но главныя качества, отличающія Аддисона отъ Свифта, Вольтера и почти отъ всѣхъ другихъ великихъ художниковъ смѣшнаго, это грація, благородство, нравственная чистота, которыя мы находимъ даже въ самомъ смѣхѣ его. Строгость, постепенно переходившая въ жестокую и мрачную мизантропію, характеризуетъ творенія Свифта. Природа Вольтера, конечно, не была лишена гуманности; но онъ ничего не почиталъ. Въ образцовыхъ произведеніяхъ искусства, въ чистѣйшихъ примѣрахъ добродѣтели, въ первой великой причинѣ бытія и въ страшной загадкѣ могилы—онъ видѣлъ только предметъ для шутокъ. Чѣмъ торжественнѣе и величавѣе была тема, тѣмъ болѣе его гримасы и кривлянія напоминали обезьянъ. Веселость Свифта можно сравнить съ веселостью Мефистофеля, а веселость Вольтера съ веселостью Пука. Еслибъ счастье серафимовъ и праведниковъ, достигшихъ совершенства, вытекало отчасти изъ чрезвычайно развитаго чувства смѣшнаго, какъ это рисуетъ намъ причудливое воображеніе Сома Дженинга, ихъ веселость вѣрно походила бы на веселость Аддисона, веселость, совмѣстную съ нѣжнымъ состраданіемъ ко всему бренному, и глубокимъ уваженіемъ ко всему высокому. Ничто великое, ничто достойное любви, никакая нравственная обязанность, никакая доктрина естественной или откровенной религіи не соединялась въ его умѣ съ какою-нибудь оскорбительной идеей. Его гуманность не имѣетъ себѣ равной въ литературной исторіи. Обладать безграничною силою и не употреблять ее во зло—служить величайшимъ доказательствомъ добродѣтели. А нѣтъ силы болѣе страшной, какъ способность дѣлать людей смѣшными; способность же Аддисона въ этомъ отношеніи была безгранична. Извѣстно, какъ грубо злоупотребляли этой способностью и Вольтеръ, и Свифтъ. Но объ Аддисонѣ можно съ увѣренностью сказать, что онъ не очернилъ ни одного человѣка, что во всѣхъ оставленныхъ имъ томахъ было бы трудно, если не невозможно, найти одну насмѣшку, которая заслуживала бы названія невеликодушнѣйшей или недоброй. Однако, онъ имѣлъ клеветниковъ, которыхъ злоба могла бы, кажется, оправдать такое же жестокое мнѣніе, каковыя люди, не будучи

выше его по таланту, поразил Беттсворта или Фран-де-Помпigny. Онъ былъ политикомъ, былъ лучшимъ писателемъ своей партии, онъ жилъ во времена пылкаго раздраженія, когда люди, обладавшіе высокой репутаціей и высокимъ мѣстомъ въ обществѣ, унижались до нечестности, на которую теперь способенъ только ничтожнѣйшій изъ людей. Однако ни раздраженіе, ни примѣръ не могли заставить его воздать за обиду обидой.

Трудно преувеличить услуги, оказанныя его *«Опытами»* нравственности. Правда, *«Болтуны»* появился когда уже мновало время оскорбительной профанціи и разврата, слѣдовавшихъ за Реставраціей, Джерми Колльеръ настолько пристыдилъ театры, что въ нихъ появились пьесы, которыя, сравнительно съ комедіями Вичерли и Этереджа, можно было назвать скромными. Но все-таки въ публикѣ еще не пчезло пагубное понятіе, что между гениальностью и развратомъ, между семейнымъ добродѣтелями и угрюмой формальностью пуританъ существуетъ связь. Слава Аддисону, что онъ разсѣялъ это заблужденіе! Онъ показалъ націи, что вѣра и нравственность Гелла и Тиллотсона можетъ соединяться съ остроуміемъ, болѣе блестящимъ, чѣмъ остроуміе Конгрива, и юморомъ, болѣе богатымъ, чѣмъ юморъ Вилбуръ. Дѣйствительно, онъ такъ удачно обратился противъ порока насмѣшки, которая недавно вызывала добродѣтель, что съ его времени открытое нарушеніе благопристойности постоянно считалось у насъ признакомъ глупости. И не должно забывать, что онъ произвелъ эту революцію, величайшую и полезнѣйшую, когда-либо совершенную сатирикомъ, не написавши ни одного личнаго насмѣху.

Въ первыхъ статьяхъ Аддисона, помѣщенныхъ въ *«Болтуны»*, еще не вполне оказалась особенность его дарованія. Но уже съ самаго начала его превосходство надъ остальными сотрудниками было очевидно. Нѣкоторые же изъ послѣднихъ номеровъ *«Болтуна»* равняются, по своимъ достоинствамъ, лучшимъ его сочиненіямъ. Между портретами намъ наиболѣе нравятся Томъ Фоліо, Недъ Софтли и обойщикъ-политикъ. Превосходными образцами того оживленнаго и остроумнаго вымысла, въ которомъ Аддисонъ превосходилъ всѣхъ людей, служатъ: *«Процедура суда чести»*, *«Термометръ усердія»*, *«Исторія замерзшихъ словъ»* и *«Записки шалопана»*. Есть еще лучшая статья въ такомъ же ро-

дѣ. Но хотя эта статья, назадь тому сто-тридцать-три года, была вѣроятно поучительна не менѣе проповѣди Смольгиджа, мы не смѣемъ указать на нее щепетильнымъ читателямъ XIX столѣтія.

Во время засѣданій парламента, начавшагося въ ноябрѣ 1709 и достопамятнаго обвинительнымъ актомъ противъ Сачеверелля, Аддисонъ, повидному жилъ въ Лондонѣ. «*Bolton*» достигъ популярности, какой не достигала ни одна періодическая газета, и всѣмъ извѣстно было его участіе въ ней. Впрочемъ, того, что все хорошее въ «*Bolton*» принадлежало перу Аддисона, не знали. Дѣло въ томъ, что пятьдесятъ или шестьдесятъ номеровъ, которыми мы ему обязаны, не только лучшіе, но до такой степени положительно лучшіе, что пять изъ нихъ болѣе цѣнны, чѣмъ всѣ двѣсти номеровъ, въ которыхъ онъ не участвовалъ.

Въ эту пору онъ нуждался во всѣхъ утѣшеніяхъ, доставляемыхъ ему литературнымъ успѣхомъ. Королева всегда не любила виговъ. Въ послѣднее время, она разлюбила и семейство Марльборо. Но, царствуя въ силу оспариваемаго права, она не рѣшалась стать въ прямую оппозицію большинству обѣихъ палатъ; и, начавши войну, отъ исхода которой зависѣла судьба ея короны, она не рѣшалась подвергнуть онаго великаго и побѣдоноснаго полководца. Наконецъ, въ 1710 г., исчезли причины, мѣшавшія ей выказать свою неаппетитность къ партіи низкоцерковниковъ. Судь надъ Сачевереллемъ пропала възрывъ общественнаго мнѣнія, врядъ ли менѣе сильный, чѣмъ тѣ, которыми мы были свидѣтелями въ 1820 и 1831 годахъ. Сельскіе джентльмены, сельское духовенство, городская чернь, стали всѣ на одну сторону. Очевидно было, что если общіе выборы послѣдуютъ, прежде чѣмъ уляжется раздраженіе, большинство будетъ на сторонѣ торіевъ. Услуги Марльборо были такъ блестящи, что перестали быть необходимыми. Тронъ королевы былъ обезпеченъ отъ всѣхъ нападеній со стороны Людовика. Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе можно было ожидать, что англійская и нѣмецкая арміи раздѣлять между собою расхищенные сокровища Версаля и Марли, нежели того, что прегендентъ воротится въ Сентъ-Джемсъ съ помощью французскаго маршала. Королева, дѣйствуя по совѣтамъ Гарли, рѣшилась уволить своихъ служителей. Въ іюнѣ началась перемѣна. Первый пазъ Сондерландъ. Его паденіе привело въ восторгъ торіевъ.

Впгп, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, старался убѣдить себя, что ея величество поступила такъ только по личной неприязни къ секретарю, и не имѣетъ въ виду дальнѣйшихъ переменъ. Но, въ началѣ августа, Годольфина поразило неожиданностью письмо Анны, повелѣвавшее ему сдать бѣлый жезлъ. Даже послѣ этого происшествія, нерѣшительность или притворство Гарли, въ продолженіе мѣсяца, поддерживало надежды виговъ; затѣмъ послѣдовало быстрое и жестокое ихъ паденіе. Парламентъ былъ распущенъ. Министры выгнаны. Ихъ мѣста замѣнились торіями. Общественное расположеніе въ пользу партіи высокоцерковниковъ быстро возростало. Эта слабая въ послѣдней палатѣ общинъ партія сдѣлалась теперь неодолимою. Торіи пользовались могуществомъ, столь внезапно приобрѣтённымъ, со слѣпой и слѣпой жестокостью. Вой, которой подняла цѣлая свора, требуя добычи и крови, испугала даже того, кто первый поднялъ ее и спустилъ съ цѣпи. Когда мы теперь спокойно разбпраемъ поведеніе уволенныхъ министровъ, мы не можемъ не чувствовать негодованія при мысли о несправедливости, съ какою съ ними обошлись. Ни одно человѣческое общество не управляло съ большей энергіей, большимъ умѣньемъ и большей умѣренностью; и успѣхъ былъ соразмѣренъ ихъ мудрости. Они спасли Голландію и Германію. Они унизили Францію. Они, повидному, почти оторвали Испанію отъ дома Бурбоновъ. Они сдѣлали Англію первой державой въ мірѣ. Въ дѣлѣ внутренней политики они соединили Англію съ Шотландіей. Они уважали права совѣсти и свободу подданныхъ. Удаляясь, они оставили страну на вершинѣ благоденствія и славы. И, тѣмъ не менѣе, во время удаленія, ихъ преслѣдовалъ такой вопль хулы, какой не поднимался ни противъ правительства, потерявшаго тринадцать колоній, ни противъ правительства, отправившаго доблестную армію гибнуть въ рвахъ Вальхерена.

Изъ всѣхъ виговъ, никто не пострадалъ болѣе Аддисона въ этомъ крушеніи. Когда у него отняли должность секретаря, онъ только-что потерпѣлъ тяжелыя денежныя потери, — въ чемъ именно онъ состоялъ, намъ не вполне извѣстно. Онъ имѣлъ основаніе думать, что отнимутъ и небольшую прландскую должность, данную ему патентомъ. Онъ только-что отказался отъ мѣста общинника въ Магдалининской коллегіи.

Есть причины думать, что онъ осмѣлился уже подпять взоры на одну знатную леди, которая, по выраженію тогдашнихъ модныхъ романовъ, «позволяла ему надѣяться»,—пока его политическіе друзья были въ силѣ и его собственное состояніе возрастало. Но м-ръ Аддисонъ, остроумный писатель, и м-ръ Аддисонъ, главный секретарь, были въ глазахъ дамы два совершенно различныя лица. Однако всѣ, соединенныя вмѣстѣ, бѣдствія не могли смутить ясную веселость духа, сознающаго свою невинность и свое внутреннее богатство. Онъ, съ улыбающеюся покорностью судьбѣ, сказалъ своимъ друзьямъ, что они должны дивиться его философіи, что онъ потерялъ заразъ богатство, мѣсто, возлюбленную, долженъ снова взять мѣсто наставника,—а между тѣмъ расположеніе духа его такъ же хорошо, какъ прежде.

У него было одно утѣшеніе. Онъ не имѣлъ доли въ непопулярности, какую навлекли на себя его друзья. Таково было уваженіе, съ которымъ смотрѣли на него, что онъ былъ избранъ въ парламентъ почти безпрекословно, когда какъ принимались самыя жестокія мѣры, чтобъ навязать торійскихъ членовъ вигскимъ корпораціямъ. Свифтъ, пріѣхавшій въ Лондонъ и уже рѣшившійся покинуть виговъ, написалъ къ Стеллу слѣдующія замѣчательныя слова: «Торіи имѣютъ между новыми членами большинство шести противъ одного. Выборы м-ра Аддисона прошли легко, безъ спора, и я полагаю, еслибъ онъ вздумалъ сдѣлаться королемъ, то врядъ ли получилъ бы отказъ.»

Доброжелательство, съ какими торіи относились къ Аддисону, дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ не покупалъ этого доброжелательства никакими уступками со своей стороны. Во время общихъ выборовъ, онъ издавалъ политическій журналъ, подъ названіемъ «*The Whig Examiner*». Достаточно сказать, что Джонсонъ, не смотря на свои сильныя политическія предубѣжденія, провозгласилъ, что по уму этотъ журналъ выше всѣхъ произведеній Свифта въ пользу противной стороны. Когда журналъ этотъ пересталъ появляться, Свифтъ, въ письмѣ къ Стеллѣ, высказалъ свою радость по случаю смерти такого могучаго антагониста. «Онъ имѣлъ право радоваться, говорить Джонсонъ, смерти того, кого не могъ убить.» Джонсонъ прибавляетъ: «Ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ

гепіяльность Аддисона не дѣйствовала энергичнѣе, и нигдѣ не выразилось яснѣе превосходство его дарованій.»

Расположеніемъ къ себѣ торіевъ Аддисонъ воспользовался, кажется, только для того, чтобъ спасти отъ общей гибели вигской партіи нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей. Онъ сознавалъ себя въ положеніи, обязывающемъ его рѣшительно стать на ту или другую сторону. Но положеніе Стиля и Амброза Филиппса было иное. Аддисонъ соглашался даже просить за Филиппса; имѣлъ ли онъ успѣхъ—не знаемъ. Стиль имѣлъ два мѣста. Онъ былъ редакторомъ газеты и членомъ штемпельной комиссіи. Первое мѣсто у него отняли, но позволили сохранить другое, въ штемпельной комиссіи, съ подразумеваемымъ, хотя не высказаннымъ, условіемъ, что онъ не будетъ дѣйствовать противъ новаго правительства; и по убѣжденію Аддисона, онъ довольно твердо соблюдалъ это перемиріе, въ теченіе двухъ лѣтъ съ лишкомъ.

Итакъ, Псаакъ Биккерсгафъ пересталъ говорить о политикѣ, и столбцы извѣстій, занимавшихъ третью часть его газеты, совершенно исчезли. Характеръ *«Болтуна»* совершенно измѣнился. Онъ сдѣлался просто рядомъ статей о книгахъ, нравственности и обычаяхъ. Поэтому, Стиль рѣшился прекратить его и начать новое изданіе, по измѣненному плану. Объявили, что новое изданіе будетъ выходить ежедневно. На это публика смотрѣла, какъ на смѣлое или, лучше сказать, опрометчивое предпріятіе; но исходъ его вполне оправдалъ увѣренность, съ какою Стиль полагался на богатство Аддисонова генія. Второго января 1711 г. вышелъ послѣдній номеръ *«Болтуна»*. Въ началѣ слѣдующаго марта появилась первая изъ несравненнаго ряда статей, заключавшихъ наблюденія воображаемаго зрителя надъ жизнью и литературой.

Самъ *«Зритель»* былъ задуманъ и обрисованъ Аддисономъ, и почти несомнѣнно, что этотъ портретъ снятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ самаго художника. *«Зритель»* — джентльменъ, который, проводя юность въ усердныхъ занятіяхъ въ университетѣ, путешествовалъ по классическимъ странамъ и обращалъ большое вниманіе на замѣчательные пункты древности. Вернувшись, онъ основался въ Лондонѣ, наблюдалъ жизнь этого громаднаго города, во всѣхъ ея проявленіяхъ, ежедневно выслушивалъ остроты Виллевой кофейни, курилъ съ философами Греческой кофейни, вмѣшивался въ общество священни-

ковъ въ Чайльдъ и политиковъ въ Сентъ-Джемсъ. Поутру, опъ часто прислушивается къ шуму голосовъ на биржѣ; вечеромъ его лицо постоянно виднѣется въ партерѣ Дрюриленскаго театра. Но непреодолимая застѣнчивость мѣшаетъ ему открыть ротъ, ппаче, какъ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ друзей.

Эти друзья были сначала очерчены Стилемъ. Четыре члена этого клуба, адвокатъ, священникъ, военный и купецъ были неппатересныя фигуры, годныя только для задняго плана. Но въ двухъ остальныхъ личностяхъ, старомъ деревенскомъ баронетѣ и старомъ городскомъ кутилѣ, не смотря на неочень деликатную обрисовку, замѣчалось нѣсколько хорошихъ штриховъ. Аддисонъ взялся за грубые эскизы, ретушпровалъ ихъ, раскрасплъ и сдѣлался истиннымъ творцемъ сара Роджера де Коверли и Вилля Гоникомы, съ которыми все мы хорошо знакомы.

Планъ «Зритель» можно признать и оригинальнымъ, и удивительно счастливымъ. Каждый хорошій опытъ этого ряда статей можно съ удовольствіемъ прочесть отдѣльно; между тѣмъ ватьсотъ или шестьсотъ статей составляютъ одно цѣлое, и это цѣлое имѣетъ весь интересъ романа. Надо вспомнить и то, что тогда еще не появлялось ни одного романа, представлявшаго оживленную и рѣзкую картину обыденной жизни и обычаевъ англичанъ. Ричардсонъ былъ наборщикомъ въ типографіи. Фильдингъ воровалъ пгичьи гнѣзда. Смоллетъ еще не родился. Слѣдовательно, рассказъ, связующій статьи «Зритель», первый познакомилъ нашихъ предковъ съ глубокимъ и неиспытаннымъ дотолѣ удовольствіемъ. Въ этомъ безыскусственномъ рассказѣ не было никакой патяжки. Проншествія въ немъ самыя простыя, обыденныя. Сэръ Роджеръ пріѣзжаетъ въ городъ посмотреть на Юдженио—такъ достойный баронетъ постоянно называетъ принца Евгенія; вмѣстѣ съ Зрителемъ отправляется оцъ по рѣкѣ въ Спрингъ-Гардензъ; гуляетъ среди могилъ въ аббатствѣ, пугается рбзбойниковъ, но настолько побѣждаетъ свою робость, что рѣшается идти въ театръ, посмотреть представленіе «Блѣдствующей матери». Зритель лѣтомъ отправляется въ гости въ Коверли-Гоуль, очаровывается старымъ домомъ, старымъ дворечкинымъ и старымъ капелланомъ. ѣдетъ молодую шуку, пойманную Виллемъ Вимблемъ, ѣдетъ въ судъ присяжныхъ и слушаетъ разсужденіе о законѣ Тома Точи. Наконецъ, въ клубѣ полу-

чается письмо отъ честнаго дворецкаго съ извѣстіемъ о смерти сэра Роджера. Вилль Гоникомъ женится и исправляется въ шестьдесятъ лѣтъ. Клубъ распускается, и Зритель слагаетъ съ себя свои обязанности. Подобныя проществія врядъ-ли могутъ составить завязку, но въ разсказѣ о нихъ столько истины, граціи, остроумія, юмору, пафоса, знанія человѣческаго сердца и знанія свѣта, что мы плѣняемся ими, перечитывая въ сотый разъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что есслбъ Аддисонъ написалъ романъ по болѣе обширному плану, этотъ романъ сталъ бы выше всѣхъ, какими мы обладаемъ. Теперь же, Аддисонъ не только величайшій изъ англійскихъ эссенстовъ, но и предвѣстникъ великихъ англійскихъ повеллистовъ.

Мы говоримъ это объ одномъ Аддисонѣ, потому что *«Зритель»* есть Аддисонъ. Около трехъ-седьмыхъ журнала принадлежать ему; и безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что слабѣйшій изъ его опытовъ не хуже лучшихъ опытовъ его сотрудниковъ. Его лучшіе опыты близко подходятъ къ абсолютному совершенству; и мы не знаемъ, чему больше удивляться, ихъ превосходству или разнообразію. Его изобрѣтательность, кажется, никогда не слабѣетъ, и никогда ему не приходится повторяться, или истощаться. Въ его винѣ нѣтъ осадка. Онъ угощаетъ насъ подобно тому расточительному набобу, который утверждалъ, что въ бугылкѣ вина только одинъ добрый стаканъ. Едва мы вкусили первую искрометную пѣну шутки, ее удаляютъ и подносятъ къ нашимъ губамъ свѣжій нектаръ. Въ понедѣльникъ намъ предлагаютъ аллегорію, живую и остроумную, какъ аллегоріи Лизциана, во вторникъ — восточный апологъ, раскрашенный такъ же роскошно, какъ сказка Шехеразады. въ среду — характеръ, описанный съ искусствомъ Лакрюйера, въ четвергъ — сцену изъ обыденной жизни, равную лучшимъ главамъ *«Векфильдскаго священника»*; въ пятницу — какую-нибудь лукавую гораціевскую шутку по поводу фешёнебельныхъ нелѣпностей, физмъ, мушекъ и кукольных комедій; въ субботу — религіозныя размышленія, выдерживающія сравненія съ прекраснѣйшими страницами Массильона.

Опасно выбирать тамъ, гдѣ столь многое заслуживаетъ величайшей похвалы. Впрочемъ, мы рѣшаемся высказать, что тому, кто желаетъ составить себѣ вѣрное понятіе объ обширности и разнообразіи дарованій Аддисона, слѣдуетъ прочесть за одинъ присѣсть слѣдую-

шіе листки: два посѣщенія аббатства, посѣщеніе биржи, дневникъ удалившагося отъ дѣлъ гражданина, видѣніе мязры, приключенія мартышки и смерть сэра Роджера де Коверли (а).

По мнѣнію нашего вѣка, критическія статьи Алдисона менѣе цѣнны, чѣмъ всѣ другія его статьи въ «Зритель». Однако его критическія статьи всегда свѣтлы и часто остроумны. Если приять въ соображеніе характеръ школы, въ которой онъ былъ воспитанъ, то надо сказать, что и слабѣйшія изъ нихъ дѣлаютъ ему честь. А лучшія были слишкомъ хороши для его читателей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не на столько отсталъ отъ нашего поколѣнія, на сколько опередилъ свое. Не было статей въ «Зритель», вызвавшихъ столько насмѣшекъ и порицаній, какъ тѣ, въ которыхъ онъ протестовалъ противъ презрѣнія, съ какою относились къ нашимъ прекраснымъ стариннымъ писаньямъ, и доказывалъ насмѣшникамъ, что то же самое золото, которое, подвергнутое полировкѣ и шлифовкѣ, придаетъ блескъ «Энеидѣ» и одамъ Горация, примѣшано къ грубой окалины Чевп-Чеза. (10)

Но мудрено, что успѣхъ «Зрителя» былъ таковъ, какого не имѣло ни одно подобное изданіе. Сначала расходилось ежедневно три тысячи экземпляровъ. Это число постепенно увеличивалось и доходило почти до четырехъ тысячъ, когда была установлена штемпельная пошлина. Эта пошлина убивла множество журналовъ. Но «Зритель» держался крѣпко, удвоилъ цѣну, и не смотря на то, что распродажа уменьшилась, все-таки приносилъ большой доходъ, какъ государству, такъ и авторамъ. Требованіе нѣкоторыхъ нумеровъ было безмѣрно. Нѣкихъ, говорятъ, спрашивалось до двадцати тысячъ экземпляровъ. Но это было не все. Имѣть каждое утро № «Зрителя» вмѣстѣ съ чаемъ и бутками было роскошью, которую не многіе могли себѣ позволить. Большинство ожидало, пока выйдетъ достаточное число опытовъ, чтобы составить томъ. Тогда немедленно раскупалось до десяти тысячъ экземпляровъ каждаго тома и требовались новыя изданія. Не должно забывать, что тогда населенію Англіи не составляло, кажется, и третьей части теперешняго. А число англичанъ, имѣвшихъ

а) №№ 26, 323, 69, 317, 450, 313, 517. Эти статьи заключаются все въ первыхъ семи томахъ. Въсвой можно считать отдельной книгой.

(10) *Chevy Chase*—названію одной изъ англійскихъ пѣсень XV столѣтія,

привычку читать, вѣроятно не составляло и шестой части настоящаго числа. Фермеръ или лавочникъ, находившіе какое-нибудь удовольствіе въ литературѣ, были рѣдкостью. Мало того: отыскался бы не одинъ представитель шира, въ замкѣ котораго не нашлось бы и десяти книгъ, включая сюда рецептурную книгу и книгу о коновальномъ искусствѣ. При такихъ обстоятельствахъ, продажу *«Зрителя»* надо считать доказательствомъ такой же популярности, какою пользовались въ наше время удачнѣйшія произведенія Вальтеръ Скотта и Диккенса.

Въ концѣ 1712 г. прекратился выходъ *«Зрителя»*. Вѣроятно, пробудилось сознаніе, что круглолицый джентльменъ съ своимъ клубомъ достаточно знакомъ городу; что пора удалить ихъ и замѣнить новымъ родомъ личностей. Черезъ нѣсколько недѣль вышелъ первый номеръ *«Опекуна»*. Но какъ рожденіе, такъ и смерть *«Опекуна»* были несчастны. Онъ началъ скукой и скончался въ бурѣ партій. Первоначальный планъ былъ плохъ. Аддисонъ началъ участвовать только послѣ появленія шестидесяти-шести номеровъ, а тогда уже не было возможности сдѣлать изъ *«Опекуна»* то, чѣмъ былъ *«Зритель»*. Несторъ Айровсайдъ и м-съ Ливардъ были личности, которымъ даже Аддисонъ не могъ придать интереса. Онъ могъ доставить только нѣсколько превосходныхъ опытовъ, какъ серьезныхъ, такъ и комичныхъ—и это онъ исполнилъ.

Вопросъ, почему Аддисонъ не помогалъ *«Опекуну»* въ первые два мѣсяца существованія журнала, затруднялъ его біографовъ и издателей, но для насъ онъ разрѣшается очень легко. Онъ тогда занимался постановкою на сцену своего *«Катона»*.

Первые четыре акта этой драмы лежали въ его конторкѣ со времени возвращенія изъ Италіи. Его скромную и щекотливую натуру страшила возможность публичнаго и постыднаго фляско, и хотя всѣ, видѣвшіе рукопись, громко восхваляли ее, нѣкоторые предполагали, что публикѣ можетъ наскучить даже очень хорошее краснорѣчіе и совѣтовали Аддисону напечатать пьесу, не рискуя на представленіе. Наконецъ, послѣ многихъ опасеній, поэтъ уступилъ настоячивости своихъ политическихъ друзей, надѣявшихся, что публика увидитъ нѣкоторую аналогію между послѣдователями Цезаря и торіями, между Септимиємъ и вигами-оготунистами, между Катонами, до

конца отстаивающимъ вольности Рима, и кучкой патриотовъ, которая твердо стояла вокругъ Галифакса и Вартона.

Алдисонъ отдалъ пьесу директорамъ Дрюриденскаго театра, не выговоривши себѣ никакой личной выгоды. Поэтому, они сочли долгомъ не жалѣть издержекъ на постановку и костюмы. Правда, декораций не поправились бы только опытному глазу м-ра Макредя. Одежда Юбы блистала золотомъ, флжмы Марціи не погнушалась бы надѣть любая герцогиня въ день своего рожденія, а на Катонѣ красовался парикъ, стоявшій пятьдесятъ гиней. Попъ написалъ прологъ, полный несомнѣннаго достоинства и ума. Роль героя превосходно исполнилъ Бутъ. Стиль взялся наполнить театръ. Ложи сверкали звѣздами перовъ, стоявшихъ въ оппозиціи. Въ партерѣ толпились внимательные и дружелюбные слушатели изъ адвокатскихъ корпорацій и литературныхъ кофеенъ. Сэръ Джильбертъ Гиткотъ, директоръ Англійскаго банка, находился во главѣ сильнаго корпуса союзниковъ изъ Сити, горячихъ людей и искреннихъ выговъ, но лучше извѣстныхъ въ Джона-тановой и Гарравейской кофейняхъ, чѣмъ въ кругу умниковъ и критиковъ.

Эти предосторожности были совершенно излишни. Торіи, какъ корпорація, не чувствовали нерасположенія къ Алдисону. И такъ какъ они высказывали глубокое уваженіе къ закону и преданію и ненависть къ народнымъ возмущеніямъ и регулярной арміи, то и не въ ихъ интересѣ было примѣнять къ себѣ упреки, дѣлаемые великому военному вождю и демагогу, который съ помощью легіоновъ и черни, опрокинулъ все древнія учрежденія своего отечества. Вслѣдствіе этого все аплодисменты членовъ кнѣз-катскаго клуба находили отголосокъ у высокоцерковниковъ—членовъ октябрскаго клуба; и наконецъ заставъсь упалъ среди грома единодушныхъ рукоплесканій.

«Опекунъ» описалъ восторгъ и удивленіе города въ такихъ выраженіяхъ, которыя мы могли бы считать пристрастными, еслибъ то же самое не повторилось въ «Испытатель» органѣ министерства. Правда, торіи нашли въ поведеніи своихъ противниковъ много предметовъ для насмѣшки. Стиль, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, выказалъ больше усердія, чѣмъ такта и смысла. Честные граждане, выступившіе подъ начальствомъ сэра Джибби, какъ его называли въ шутку, вѣроятно знали больше толку въ продажѣ

и покупкѣ государственныхъ бумагъ, чѣмъ относительно того, въ какихъ мѣстахъ пьесы слѣдуетъ шпикать и въ какихъ хлопать, и павло-кли на себя пасмѣшля, сдѣлавши лицемѣра Семпронія своимъ фаворитомъ и рукоплескала его нескрепшимъ, высокопарнымъ фразамъ усердіе, чѣмъ спокойному краснорѣчію Катона. Также и Вартоу, имѣвшій невѣроятное безстыдство апплодировать стихамъ, говорящимъ о бѣгствѣ отъ благоденствующаго порока и отъ власти нечестивыхъ людей и о предпочтеніи положенія частнаго человѣка, не избѣжалъ сарказмовъ людей, справедливо полагавшихъ, что самый нечестивый и порочный предметъ, отъ котораго онъ могъ бѣжать, былъ онъ самъ. Эпиплогъ, написанный Гартонъ, реванснымъ вигомъ, строго и не безъ основанія порицался, какъ неблагогородный и неумѣстный. Но даже самые ярые торійскіе писатели называли Аддисона умнымъ и добродѣтельнымъ джентльменомъ, дружба котораго осчастливила многихъ людей обѣихъ партій и имя котораго не слѣдовало выѣшивать въ раздоры этихъ партій.

Изъ всѣхъ шутокъ, смущавшихъ торжество вигской партіи—самой жестокой и удачной была шутка Боллингброка. Онъ пригласилъ во время антракта въ свою ложу Бута, и передъ цѣлымъ театромъ подарилъ ему кошелечекъ съ пятидесятью гинеями, за то, что онъ такъ хорошо защищалъ дѣло свободы противъ вѣчнаго диктатора. Это было язвительнымъ намекомъ на Марльборо, который незадолго до своего паденія, пытался получить патентъ, дѣлавшій его пожизненнымъ главнокомандующимъ.

Это происходило въ апрѣлѣ, а его тридцать лѣтъ тому назадъ апрѣль считался очень поздней порой лондонскаго сезона. Однако, «Катонъ» давался еще въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, постоянно наполняя театръ и принося ему вдвое больше прогнѣвъ обыкновеннаго въ весенній сезонъ барыша. Лѣтомъ, дриорпенская труппа отправилась на актъ въ Оксфордъ, и тамъ трагедія Аддисона давалась нѣсколько разъ передъ толпою слушателей, сохранившихъ нѣжное воспоминаніе объ его дарованіяхъ и достоинствахъ. Студенты начинали осаждать театръ съ утра, и къ полудню всѣ мѣста были заняты.

Мы полагаемъ, что публика сдѣлала свое заключеніе о достоинствахъ пьесы, имѣвшей такой необыкновенный эффектъ. Было бы неслѣдно сравнивать ее съ образцовыми произведеніями искусства аттич-

ской сцены, съ великими англійскими драмами временъ Елизаветы и даже съ прозаическими Шиллера въ эпоху его возмужалости. Но ея діалоги и слогъ превосходны и даютъ ей право на высокое мѣсто между пьесами, написанными по французскимъ образцамъ. Нельзя ее конечно поставить на ряду съ «Аталіей» или «Сауломъ», но, мы полагаемъ, она не ниже «Цинны», и навѣрно выше всѣхъ другихъ англійскихъ трагедій той же школы, выше многихъ пьесъ Корнеля, Вольтера и Альфьери и выше нѣкоторыхъ пьесъ Расина. Какъ бы то ни было, мы почти не сомнѣваемся, что «Катонъ» поднялъ славу Аддисона въ глазахъ его современниковъ не менѣе «Болтуна», «Зрителя» и «Фригольдера», соединенныхъ вмѣстѣ.

Скромность и добродушіе счастливаго драматурга смрачили даже злобу факціи. Но какъ видно, литературная зависть—страсть болѣе невнимримая, чѣмъ духъ партій. Самое жестокое нападеніе на вигскую трагедію было сдѣлано со стороны ревниста вига. Джонъ Деннисъ напечаталъ «Замѣтки о Катонѣ», написанныя довольно остро, но очень грубо и жестко. Аддисонъ не защищался и не мстилъ. Онъ могъ бы превосходно защищать нѣкоторые пункты, а отомстить было бы еще легче, потому что Деннисъ писалъ плохія комедіи, плохія трагедіи и плохія оды, кромѣ того, онъ былъ надѣленъ эксцентричностью и слабостями, возбуждавшими глубокой смѣхъ; а въ искусствѣ представлять въ свѣтѣ книжку или нечеловѣка Аддисонъ не имѣлъ соперниковъ. Однако, спокойно сознавая свое превосходство, онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на своего противника, правъ котораго, отъ природы раздражительный и мрачный, сдѣлался еще болѣе желчнымъ, вслѣдствіе нужды, полемики и литературныхъ неудачъ.

Но, между молодыми кандидатами на благорасположеніе Аддисона, былъ одинъ отличавшійся отъ всѣхъ остальныхъ, сколько своими талантами, столько же, кажется, и злостью и неискренностью. Поппу было только двадцать-пять лѣтъ. Не его дарованія достигли полной зрѣлости; и его лучшая поэма, «Политическое локона», только-что вышла въ свѣтъ. Аддисонъ всегда громко восхищался его гениемъ. Но Аддисонъ рано замѣтилъ то, что могли бы замѣтить и менѣе пронырливые глаза, а именно, что маленький, уродливый, болѣзненный юноша горячо желалъ то-

мстить обществу за неблагосклонность природы. «Зритель» похвалилъ «Опытъ о критикѣ» съ сердечной теплотою, но кротко замѣтилъ, что автору такой превосходной поэмы слѣдовало бы избѣгать злостныхъ намековъ на личности. Попъ, не смотря на то, что былъ больше оскорбленъ выговоромъ, чѣмъ обрадованъ похвалою, поблагодарилъ за поученіе и обѣщалъ воспользоваться имъ. Оба писателя продолжали обмѣниваться любезностями, совѣтами и небольшими услугами. Аддисонъ публично превозносилъ мелкія пьесы Попа, а Попъ написалъ Аддисону прологъ. Это продолжалось не долго. Попъ ненавидѣлъ Депписа, котораго самъ же обидѣлъ безъ всякаго повода. Появленіе «Замѣтокъ о Катонѣ» доставило желчному поэту случай выместить свою злобу подъ предлогомъ дружбы, и подобный случай не могъ не быть пріятнымъ для натуры, беспощадной въ своей непріязни и всегда предпочитавшей извилистый путь прямому. Поэтому, онъ напечаталъ «Разсказъ о бѣшенствѣ Джона Денниса». Но Попъ не расчелъ своихъ силъ. Онъ былъ большимъ мастеромъ на брань и сарказмъ, умѣлъ разобрать характеръ въ пязящихъ и звучащихъ куплетахъ, блестящихъ антитезами, но драматическаго таланта былъ совершенно лишенъ. Написавъ на Депписа пасквиль, подобный пасквилю на Аттика или Спора, старый ворчунъ былъ бы разбитъ въ прахъ. Но Попъ, писавшій діалогъ, походилъ, по выраженію Горация и его самого—на волка, который, вмѣсто того, чтобы кусаться, вздумалъ бы лягаться, или обезьяну, пробующую жалить. Разсказъ совершенно пустъ. Аргументовъ нѣтъ и тѣмъ; а каламбуры такого рода, что даже въ фарсѣ они вызвали бы свистки райка. Деннисъ бѣспуется по поводу драмы (drama), а сидѣлка полагаетъ, что онъ треплетъ чарочки (drum). «Въ трагедіи,—кричитъ онъ,—нѣтъ ни перипетій, ни переменъ судьбы, да и вовсе нѣтъ никакихъ переменъ» (change). «Пожалуйста, добрый сэръ,—говоритъ старуха,—не сердитесь, я принесу сдачу» (change).» Это не совсѣмъ похоже на шутки Аддисона.

Нѣтъ сомнѣнія, что Аддисонъ видѣлъ пасквозъ это оффиціальное усердіе и былъ глубоко огорченъ имъ. Такой безумный и злой памфлетъ не могъ сдѣлать ему добра, а еслибъ стали предполагать его участіе въ немъ, то положительно сдѣлалъ бы вредъ. Одаренный несравненнымъ искусствомъ представлять все въ смѣшномъ свѣтѣ, онъ никогда, даже и защищая себя, не забывалъ вѣжливости и гуман-

пости, и не имѣлъ желанія позволять другимъ, подъ прикрытіемъ его славы и интересовъ, наносить оскорбленія, отъ которыхъ самъ постоянно удерживался. Поэтому, онъ объявилъ, что не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, что не одобряетъ его, и еслибъ сталъ отвѣчать на замѣтки, то отвѣчалъ бы какъ джентльменъ,—и все это онъ постарался сообщить Деннису. Поиъ былъ глубоко оскорбленъ, и этому столкновенію мы готовы приписать ненависть, которую Поиъ питалъ съ тѣхъ поръ къ Аддисону.

Въ сентябрѣ 1713 года «*Онекунъ*» пересталъ выходить. Стиль помѣшался на политикѣ. На послѣднихъ всеобщихъ выборахъ онъ былъ выбранъ членомъ за Стокбриджъ, и рассчитывалъ играть первую роль въ парламентѣ. Громадный успѣхъ «*Болтуна*» и «*Зрителя*» вскружилъ ему голову. Онъ былъ издателемъ обѣихъ газетъ, и не подозревалъ, что онѣ вполне обязаны своимъ вліяніемъ и популярностью таланту его пріятеля. Тщеславіе, честолюбіе и духъ факцій довели его запальчивость до такой степени, что онъ ежедневно чѣмъ-нибудь оскорблялъ здравый смыслъ и тактъ человѣка. Всѣ благоразумные и умѣренные члены его партіи сожалѣли и порицали его безуміе. «Бѣдный Дикъ,—писалъ Аддисонъ,—причиняетъ мнѣ тысячу безпокойствъ, и я бы желалъ, чтобъ его усердіе къ обществу не повредило ему самому. Но онъ послалъ мнѣ сказать, что рѣшился продолжать, и что всѣ мои совѣты относительно этого не будутъ имѣть вѣса».

Стиль основалъ политическую газету подъ названіемъ «*Англичанинъ*», которая, не будучи поддерживаема статьями Аддисона, совершенно не имѣла успѣха. Этимъ журналомъ, нѣсколькими другими сочиненіями того же рода и своими выходками въ первое засѣданіе новаго парламента онъ дотого вооружилъ противъ себя торіевъ, что они рѣшились исключить его. Виги храбро отстаивали, но не могли удержать его. Всѣ безпристрастные люди считали резолюцію объ исключеніи дѣломъ тираніи, злоупотребленіемъ силы большинства. Но запальчивость и сумасбродства Стиля, вовсе не оправдывая рѣшенія, принятаго его врагами, совершенно оттолкнули его друзей, и онъ не могъ вернуть себѣ мѣста, пріобрѣтеннаго имъ сначала въ общественномъ уваженіи.

Около этого времени, Аддисонъ задумалъ прибавить восьмой томъ

къ «Зрителю». Въ июнѣ 1714 г. появился первый № новаго журнала и въ теченіе шести мѣсяцевъ выходили еженедѣльно по три номера. Нѣтъ ничего разительнѣе контраста, между «Англичаниномъ» и восьмымъ томомъ «Зрителя», между Стилемъ безъ Аддисона и Аддисономъ безъ Стиля. «Англичанинъ» забыть; восьмой томъ «Зрителя» содержитъ, можетъ быть, лучшіе опыты, написанные по-англійски, какъ въ серьезномъ, такъ и въ игривомъ тонѣ.

Не успѣлъ кончиться этотъ томъ, какъ смерть Анны произвела полную переменѣу въ управленіи общественными дѣлами. Ударъ палъ неожиданно. Онъ напелъ партію торіевъ разстроеною внутренними раздорами и неприготовленною ни къ какимъ великимъ усиліямъ. Гарли только что попалъ въ немилость. Полагали, что первымъ министромъ будетъ Боллингброкъ. Но до передачи блага жезла королева слегла, и ея послѣднимъ общественнымъ дѣломъ на смертномъ одрѣ было слабой рукой вручить жезлъ герцогу Шрусбери. Этотъ непредвидѣнный случай произвелъ коалицію между всѣми партіями общественныхъ дѣателей, приверженныхъ къ протестантской династіи. Георгъ I былъ провозглашенъ безъ всякой оппозиціи. Совѣтъ, въ которомъ присутствовали передовые вѣги, принялъ управленіе дѣлами до прибытія новаго короля. Первымъ актомъ правителей было назначить Аддисона своимъ секретаремъ.

Послѣ пустой слухъ, что ему поручили приготовить нисѣмо королю, что слогу этого сочиненія не удавался ему, и что правители призвали клерка, который немедленно написалъ требуемое. Нѣтъ ничего страннаго, что этотъ анекдотъ, столь лестный для посредственности, пріобрѣлъ популярность; и намъ жаль лишить невѣждаго этого утѣшенія. Но истина прежде всего. Сэръ Джемсъ Макинтошъ, который лучше всѣхъ зналъ эти времена, справедливо замѣтилъ, что Аддисонъ никогда, ни въ одномъ оффиціальномъ документѣ не высказывалъ похвалъ остроумію и краснорѣчію, и что всѣ его депешы, безъ исключенія, замѣчательны безиритязельной простотой. Всякій, знающій, какъ легко давался Аддисону его лучшіе опыты, не станетъ сомнѣваться, что еслибъ нужны были хорошо округленные фразы, онъ сумѣлъ бы найти ихъ. Впрочемъ, мы склонны повѣрить, что анекдотъ этотъ не лишень основанія. Легко можетъ статься, что Аддисонъ не зналъ, пока не посоветовался съ опыт-

ными клерками, помпившими время пребыванія Вильгельма III на континентѣ, въ какой формѣ должно быть написано письмо отъ правящаго совѣта къ королю. Мы считаемъ весьма возможнымъ, что способнѣйшіе политики нашего времени, какъ напримѣръ, лордъ Джонъ Россель, лордъ Пальмерстонъ, сэръ Робертъ Пилъ окажутся въ подобныхъ обстоятельствахъ, столь же несвѣдующими. Во всякой должности есть свои маленькія тайны, которыя самый тупой изъ людей можетъ понять, приложивши немного вниманія, а величайшій изъ людей не можетъ знать по вдохновенію. Одну бумагу долженъ подписать начальникъ департамента, другую его помощникъ. Для третьей необходима собственноручная подпись короля. Одно сообщеніе нужно внести въ реестръ, другое нѣтъ. Одинъ приговоръ пишется чернилами, другой красными чернилами. Способнѣйшій секретарь ирландскихъ дѣлъ, переведенный въ департаментъ ост-индскихъ дѣлъ, и способнѣйшій президентъ ост-индскаго департамента, переведенный въ военный департаментъ, могутъ встрѣтить надобность въ объясненіи подобныхъ пунктовъ; и мы не сомнѣваемся, что то же случилось и съ Аддисономъ, когда онъ сдѣлался, въ первый разъ, секретаремъ лордовъ-правителей.

Георгъ I вступилъ въ управленіе королевствомъ, не возбуждая ни чьей оппозиціи. Составилось новое министерство, и созванъ былъ новый парламентъ, благопріятный вигамъ. Сондерландъ былъ назначенъ лордомъ-наѣстникомъ Ирландіи, и Аддисонъ опять отправился въ Дублинъ, въ качествѣ главнаго секретаря.

Въ Дублинѣ жилъ Свифтъ. Много было толковъ по поводу отношеній между деканомъ и секретаремъ. Отношенія этихъ замѣчательныхъ людей составляютъ интересный и пріятный эпизодъ литературной исторіи. Сначала они прислали къ одной и той же политической партіи и имѣли однихъ и тѣхъ же покровителей. Пока вигское министерство Анны было въ силѣ, поѣздки Свифта въ Лондонъ и оффиціальное пребываніе Аддисона въ Ирландіи дали имъ возможность знать другъ друга. Оба были самыми острыми наблюдателями этого вѣка. Наблюденія другъ надъ другомъ повели ихъ къ благопріятнымъ заключеніямъ. Свифтъ отдавалъ полную справедливость рѣдкому дару слова, таившемуся подъ застѣчивымъ видомъ Аддисона. Съ своей стороны послѣдній

высмотрѣлъ много добродушія подъ строгимъ взглядомъ и манерой Свифта, и дѣйствительно, Свифтъ 1708 г. и Свифтъ 1738 г. были два совершенно различные лица.

Но дороги обоихъ пріятелей широко разошлись. Государственные люди вигской партіи благодѣтельствовали Аддисону солиднымъ образомъ. Свифта они хвалили, звали его на обѣды и больше ничего для него не дѣлали. Его профессія ставила ихъ въ затрудненіе. Они не могли дать ему свѣтскаго мѣста, а давши духовныя высшія мѣста автору «*The Tale of the Tub*», они могли произвести соблазнъ въ публикѣ, не имѣвшей высокаго мнѣнія объ ихъ правотѣ. Свифтъ не умѣлъ и не хотѣлъ понять затрудненій, мѣшавшихъ Сомерзу и Галпфаксу служить ему, считъ себя обиженнымъ, пожертвовалъ честью и послѣдовательностью ради мщенія, перешелъ къ торіямъ и сдѣлался самымъ грознымъ поборникомъ этой партіи. Впрочемъ, онъ скоро увидѣлъ, что старые друзья не такъ виноваты, какъ онъ полагалъ. Непрязнь, питаемая къ нему королевой и главами церкви, была неодолима; и только съ величайшими затрудненіями получалъ онъ второстепенный духовный санъ, съ условіемъ поселиться въ ненавистной ему странѣ.

Разность въ политическихъ мнѣніяхъ произвела не ссору, но холодность между Аддисономъ и Свифтомъ. Наконецъ, они совершенно перестали видѣться другъ съ другомъ. Однако между ними былъ безмолвный договоръ, подобный тому, какой существовалъ между послѣдственными гостями Пліады.

«Съ коньями нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ расходиться.
Множество здѣсь для меня и Троянъ и союзниковъ славныхъ;
Буду разить, кого Богъ приведетъ и кого я постигну.
Множество здѣсь для тебя Аргивянъ, поражай кого можешь».

(Пѣснь VI, ст. 226—229).

Нѣтъ ничего страннаго, что Аддисонъ, не клеветавшій и не оскорблявшій ни кого, не клеветалъ и не оскорблялъ Свифта. Но замѣчательно, что Свифтъ, для котораго ни геній, ни добродѣтель не были священны, а который, кажется, находилъ, подобно большей части ренегатовъ, особенное удовольствіе въ нападеніи на прежнихъ друзей, показывалъ такъ много уваженія и привязанности къ Аддисону.

Теперь счастье перемѣнилось. Восшествіе на престолъ Ганновер-

скаго дома обезпечило въ Англіи вольности народа а въ Ирландіи господство протестантской касты. Для этой касты Свифтъ былъ ненавистнѣе всякаго другаго человѣка. Проходя по дублинскимъ улицамъ, онъ былъ провожаемъ ругательствами, даже швырями, и безъ вооруженныхъ служителей не смѣлъ дѣлать прогулки верхомъ по морскому берегу. Многіе изъ тѣхъ, кому онъ прежде былъ полезенъ, теперь поносили и оскорбляли его. Въ это время пріѣхалъ Аддисонъ. Ему совѣтовали остерегаться отъ малѣйшихъ знаковъ вниманія къ декану Св. Патрика. Онъ удивительно умно отвѣчалъ, что, можетъ быть, для людей, которыхъ ревность къ своей партіи подозрительна, необходимо избѣгать сношеній съ политическими противниками; но что тотъ, кто былъ стойкимъ выгомъ въ худшія времена, можетъ, когда правое дѣло восторжествовало, пожать руку старому пріятелю, принадлежавшему къ побѣжденнымъ торіямъ. Его ласка успокоительно подѣйствовала на гордый и жестоко оскорбленный духъ Свифта; и два великіе сатирика опять подружились.

Тѣ изъ приверженцевъ Аддисона, которые раздѣляли его политическія мнѣнія, раздѣлили и его благосостояніе. Тиккелля онъ увезъ съ собой въ Ирландію. Боджеллю доставилъ выгодное мѣсто въ томъ же королевствѣ. Амброза Флиппса помѣстилъ въ Англію. Экцентричность и сумасбродства Стиля такъ повредили ему, что онъ получилъ только самую незначительную часть изъ того, на что считалъ себя вправѣ. Впрочемъ онъ былъ сдѣланъ найтомъ, имѣлъ мѣсто въ придворномъ штатѣ и впоследствии получилъ другіе знаки благорасположенія двора.

Аддисонъ не долго оставался въ Ирландіи. Въ 1715 г. онъ перемѣнилъ мѣсто секретаря на мѣсто въ торговомъ департаментѣ. Въ томъ же году его комедія *«Барабанишки»* была поставлена на сцену. Имя автора не было извѣстно, пьеса была принята холодно; и нѣкоторые критики выражали сомнѣнія, дѣйствительно-ли она принадлежала Аддисону. Для насъ и внутреннія и вѣшнія доказательства дѣлаютъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ. Пьеса не изъ лучшихъ произведеній Аддисона; но она содержитъ многочисленные пассажи, которыхъ не могъ бы написать никто другой изъ извѣстныхъ намъ писателей. Она давалась вторично послѣ смерти Аддисона, и зная ея автора, публика громко аплодировала ей.

Къ концу 1715 г., когда возмущеніе еще свирѣпствовало въ Шотландіи, Аддисонъ издалъ первый номеръ газеты, по имени «*Фригольдеръ*». Между его политическими сочиненіями «*Фригольдеръ*» имѣетъ право на первое мѣсто. Даже въ «*Зритель*» немного найдется серьёзныхъ статей лучше характеристики его пріятеля лорда Сомерзла, и конечно ни одной сатирической статьи выше той, въ которой выведенъ торн, охотникъ за лисцами. Этотъ характеръ—прототипъ сквайра Вестерна и описанъ со всей силой Филдингга и съ деликатностью, совершенно чуждой Филдингу. Какъ ни одно сочиненіе Аддисона не выказываетъ рѣзче его гениальности, такъ ни одно не дѣлаетъ болѣе чести его нравственному характеру. Трудно приискать выраженія вполне достойныя мягкости и гуманности политическаго писателя, который даже въ возбужденное время гражданской войны никогда не доходитъ до неприличнаго раздраженія. Оксфордъ, какъ извѣстно, былъ тогда опорой торизма. На High Street неоднократно появлялись штыки для усмиренія недовольныхъ студентовъ; и измѣнники, преслѣдуемые посланцами правительства, скрывались на чердакахъ многихъ коллегій. Однако даже въ подобныхъ обстоятельствахъ, увѣщаніе, сказанное Аддисономъ университету, было удивительно мягко, почтительно и даже пѣжно. Въ самомъ дѣлѣ, сердце его не допускало обращаться жестко даже съ вымышленными лицами. Его охотникъ лисецъ, несмотря на невѣжество, глупость и запальчивость, въ душѣ добрый малый, и подъ конецъ милосердіе короля обращаетъ его на путь истины. Стиль былъ недоволенъ умѣренностью своего пріятеля, и сознавая, что «*Фригольдеръ*» превосходитъ, жаловался въ то же время, что министерство играло на лютнѣ, когда нужно трубить въ трубу. Поэтому, онъ рѣшился сыграть фанфару на свой ладъ, и попытался поднять духъ націи посредствомъ газеты подъ названіемъ «*Городская молва*», которая теперь настолько же забыта, какъ и его «*Англичанинъ*», его «*Кризисъ*», его «*Письмо къ Байлифу Стокбриджа*», его «*Читатель*»—словомъ все, написанное имъ безъ помощи Аддисона.

Въ томъ же самомъ году, въ которомъ игрался «*Барабанщикъ*» появились первые номера «*Фригольдера*», между Попомъ и Аддисономъ поселилось полное отчужденіе. Аддисонъ съ самаго начала

впдѣлъ, что Попъ фальшивый и злой человѣкъ. Попъ замѣтилъ, что Аадисонъ завистливъ. Это открытіе произошло страннымъ образомъ. Попъ написалъ *«Похищеніе локона»* въ двухъ пѣсняхъ, не примѣшивая сверхъестественныхъ дѣятелей. Этими двумъ пѣснямъ громко рукоплескали, и Аадисонъ громче всѣхъ. Тогда Попъ задумалъ Сильфовъ и Гномовъ, Аріелъ, Моментиллу, Крисписсу и Умбриелъ, и рѣшился переплести мнелогію Розенкрейцеровъ съ прежней завязкой. Онъ обратился къ Аадисону за совѣтомъ. Послѣдній сказалъ, что поэма въ ея настоящемъ видѣ восхитительная вещь, и умолялъ Попа не рѣшаться поправлять того, что превосходно. Попъ потомъ объявлялъ, что этотъ коварный совѣтъ впервые открылъ его глаза на низость того, кто далъ его.

Несомнѣнно, что планъ Попа былъ въ высшей степени остроуменъ и въ послѣдствіи онъ весьма искусно и успѣшно выполнилъ его. Но развѣ изъ этого необходимо вытекаетъ, что совѣтъ Аадисона былъ дурень? И если совѣтъ Аадисона былъ дурень, то дѣйствительно ли изъ этого слѣдуетъ, что онъ былъ данъ изъ дурныхъ видовъ. Если нашъ пріятель спроситъ насъ, посоветуемъ ли мы ему рисковать всѣмъ состояніемъ въ лоттерей, въ которой за него одинъ шансъ изъ десяти, мы всѣми силами постараемся отклонить его отъ такого рискованнаго намѣренія. Будь онъ даже такъ счастливъ, что выигралъ тридцать тысячъ ф., и тутъ мы не согласимся, что совѣтъ нашъ былъ дурень, и конечно сочтемъ верхомъ несправедливости съ его стороны обвинять насъ въ томъ, что недоброжелательство внушило совѣтъ нашъ. Мы находимъ совѣтъ Аадисона хорошимъ совѣтомъ. Онъ имѣлъ своимъ основаніемъ здравый принципъ, результатъ обширной и долгой опытности. Общее правило, что удачное произведеніе воображенія, имѣвшее успѣхъ, не слѣдуетъ передѣлывать, несомнѣнно. Въ настоящій моментъ мы не можемъ припомнить ни одного примѣра, исключая *«Похищенія локона»*, въ которомъ нарушеніе этого правила сопровождалось бы счастливымъ результатомъ. Тассо передѣлалъ свой *«Іерусалимъ»*, Апенсайдъ—свое *«Удовольствіе воображенія»* и *«Посланіе къ Куріону»*. Самъ Попъ, ободренный, безъ сомнѣнія, успѣхомъ, съ какимъ ему удалось расширить и передѣлать свою поэму, сдѣлалъ такой же опытъ надъ *«Дуниадою»*. Всѣ эти попытки были неудачны. Кто же могъ предвидѣть, что

Попъ, разъ въ жизни, будетъ въ состояніи сдѣлать то, чего не могъ самъ сдѣлать вторично и чего никто другой не дѣлалъ?

Совѣтъ Аддисона былъ хорошъ. Но, будь онъ душень, отчего мы могли бы назвать его безчестнымъ? Скоттъ повѣствуетъ, что одинъ изъ его лучшихъ пріятелей предсказалъ паденіе «*Весерли*». Гердеръ заклипалъ Гёте не брать такого неблагоприятнаго сюжета, какъ «*Фаустъ*». Юмъ пытался отклонить Робертсона отъ намѣренія писать «*Историю Карла V*». Самъ Попъ находился въ числѣ тѣхъ, которые предсказывали, что «*Катонъ*» не будетъ имѣть успѣха на сценѣ, и совѣтовали Аддисону напечатать его, не рискуя на представленіе. Но Скоттъ, Гёте, Робертсонъ и Аддисонъ настолько обладали здравымъ смысломъ и великодушіемъ, что вѣрили добрымъ намѣреніямъ своихъ совѣтниковъ. Сердце Попа было не таково.

Въ 1715 г., занятый переводомъ «*Иліады*», онъ встрѣтилъ Аддисона въ кофейнѣ. Филиппсъ и Боджелль были тамъ, но ихъ властелинъ отдѣлался отъ нихъ и пригласилъ Попа отобѣдать съ нимъ вдвоемъ. Послѣ обѣда, Аддисонъ объявилъ, что онъ находится въ затрудненіи, которое желаетъ объяснить. «Тиккель,—сказалъ онъ,—нѣсколько времени тому назадъ перевелъ первую книгу «*Иліады*». Я общалъ просмотрѣть и исправить ее. Поэтому не могу просить позволенія видѣть вашъ переводъ, это было бы печально.» Попъ далъ учтивый отвѣтъ и попросилъ позволенія показать свой переводъ второй книги. Аддисонъ охотно согласился и возвратилъ ее съ горячими похвалами.

Переводъ Тиккелля появился вскорѣ послѣ этого разговора. Въ предисловіи Тиккелль отклонялъ всякое притязаніе на соперничество. Онъ объявилъ, что не будетъ продолжать перевода «*Иліады*», что предоставляетъ это предпріятіе дарованіямъ, которыя признавалъ выше своихъ. Единственная цѣль, заставившая его напечатать этотъ образчикъ, говорилъ онъ, это—предупредить публичку въ пользу перевода «*Одиссеи*», который идетъ довольно успѣшно.

Аддисонъ и преданные послѣдователи Аддисона называли оба перевода хорошими, но утверждали, что переводъ Тиккелля вѣрнѣе. Городъ далъ рѣшительное предпочтеніе переводу Попа. Мы не думаемъ, чтобъ стоило труда рѣшать этотъ вопросъ литературнаго первенства. Ни про котораго изъ соперниковъ нельзя сказать, чтобы

онъ перепелъ *«Иліаду»*, если не примѣнять слова «переводъ» въ томъ смыслѣ, какое оно имѣетъ въ *«Снѣ въ лѣтнюю ночь»*. Когда Боттомъ появляется съ головой осла, вмѣсто своей собственной, Питеръ Квинсъ восклицаетъ: «Помилуй Боттомъ, что съ тобою? ты переведенъ.» Безъ сомнѣнія и читатели, какъ Попа, такъ и Тиккелъ, могутъ воскликнуть въ томъ же смыслѣ: «Помилуй Гомеръ, ты въ самомъ дѣлѣ переведенъ.»

Наши читатели, падѣмся, согласятся съ нами въ томъ, что ни одинъ человекъ, въ положеніи Аддисона, не могъ бы поступить честнѣе и добрѣе какъ относительно Попа, такъ и Тиккелъ. Но въ умѣ Попа возникло гнусное подозрѣніе. Онъ вообразилъ и вскорѣ твердо убѣдился, что противъ его славы и удачи составленъ глубокий заговоръ; что хотѣли унижить цѣпу произведенія, на которомъ онъ полагалъ свою репутацію; что хотѣли уничтожить подписку, на которой основывалась его надежда на довольство. Съ этою цѣлью, Аддисонъ сдѣлалъ другой переводъ. Тиккелъ согласился усыновить его, а остроумцы Боттоновой кофейни взялись расхвалить его.

Есть ли какія-нибудь внѣшнія доказательства для поддержки этого важнаго обвиненія? Отвѣтъ коротокъ:—рѣшительно никакихъ.

Есть ли какія-нибудь внутреннія свидѣтельства, доказывающія, что Аддисонъ авторъ этого перевода? Было ли это сочиненіемъ, котораго Тиккелъ не въ состояніи былъ написать? Разумѣется нѣтъ. Тиккелъ былъ общникъ Оксфордской коллегіи, и вѣроятно могъ перевести *«Иліаду»*; а какъ версификаторъ, онъ былъ выше своего пріятеля. Мы не слыхали, чтобы Попъ претендовалъ на открытіе особенныхъ выраженій, свойственныхъ Аддисону. Даже и въ случаѣ ихъ открытія, они легко объясняются предположеніемъ, что Аддисонъ поправлялъ строфы своего пріятеля, въ чемъ онъ самъ признавался.

Есть ли что-нибудь въ характерѣ обвиняемыхъ лицъ, дѣлающее это обвиненіе вѣроятнымъ? Мы съ увѣренностію отвѣчаемъ: ничего. Самъ Попъ долго спустя послѣ этой исторіи описывалъ Тиккелъ, какъ очень честнаго и достойнаго человека. Аддисонъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, постоянно находился на глазахъ публики. Литературные соперники, политическіе противники слѣдили за нимъ. Но, ни литературная зависть, ни факція, въ моментъ даже крайняго раз-

драженія, ни разу не обвиняли его въ уклоненіи отъ законовъ чести и общественной нравственности. Будь онъ, въ самомъ дѣлѣ, чело-вѣкомъ, завистливымъ и способнымъ опуститься до подлыхъ и злобныхъ хитростей, съ цѣлю вредить своимъ соперникамъ,—развѣ эти пороки могли бы такъ долго скрываться? Онъ писалъ трагедіи: оскорблялъ ли онъ когда-нибудь Роу? Онъ сочинялъ комедіи: не отдавалъ ли онъ полной справедливости Конгриву, и не оказывалъ ли помощи Стилю? Онъ былъ памфлетистъ: развѣ его добродушіе и великодушіе не были признаны Свинфотомъ, его соперникомъ въ славѣ и противникомъ въ политикѣ?

Чтобы Тиккель былъ способенъ на подлость, кажется намъ въ высшей степени невѣроятнымъ. Чтобы Аадисонъ былъ способенъ на подлость, кажется намъ въ высшей степени невѣроятнымъ. Но чтобы эти двѣ личности соединились на подлость, кажется намъ въ десять разъ болѣе невѣроятнымъ. Все, что намъ извѣстно объ ихъ сношеніяхъ, убѣждаетъ насъ, что это не были сношенія двухъ сообщниковъ въ преступленіи. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, въ которомъ Тиккель излилъ свою печаль надъ гробомъ Аадисона.

«Or dost thou warn poor mortals left behind,

A task well suited to thy gentle mind?

Oh, if sometimes thy spotless form descend,

To me thine aid, thou guardian genius, lend.

When rage misguides me, or when fear alarms,

When pain distresses, or when pleasure charms,

— In silent whisperings purer thoughts impart,

And turn from ill a frail and feeble heart;

Lead through the paths thy virtue trod before,

Till bliss shall join, nor death can part us more.» (11)

(11) «Нли ты прадостерегаешь бѣдныхъ, оставленныхъ за тобою смертныхъ?—дѣло приличное твоей кроткой душѣ. О! если иногда твоя непорочная тѣнь спустится на землю, дай мнѣ твою помощь, мой ангелъ хранитель. Когда ярость направляетъ меня на ложный путь, или тревожитъ страхъ, если сокрушаетъ страданіе или удовольствіе изнѣжить, тихимъ шепотомъ внуши болѣе чистыя мысли и отврати отъ зла бранный и слабый сердце; веди по тропѣ, по которой прежде ступала твоя добродѣтель, пока мы соединимся для блаженства тамъ, гдѣ смерть уже не разлучитъ насъ.»

Желали бы мы знать, въ какихъ словахъ этотъ ангелъ-храпитель приглашалъ своего питомца принять участіе въ планѣ, какой издатель «Сатирика» врядъ ли рѣшился бы предложить издателю «Вѣка?»

Мы не обвиняемъ Попа въ томъ, что онъ возводилъ на Аддисона обвиненіе, ложность котораго самъ зналъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что онъ считалъ его истиннымъ и доказательства этого онъ находилъ въ своемъ собственномъ дурномъ сердцѣ. Его жизнь была длиннымъ рядомъ обмановъ, столь низкихъ и злобныхъ, какъ тѣ, въ которыхъ онъ подозрѣвалъ Аддисона и Тиккелля. Онъ былъ весь книжломъ и маской. Всю жизнь онъ имѣлъ обыкновеніе обижать и оскорблять людей и отдѣлываться отъ послѣдствій обиды и оскорбленія ложью и двусмысленностью. Онъ напечаталъ пасквиль на герцога Чандоса, и когда его уличили, онъ отпирался и лгалъ. Онъ написалъ пасквиль на Аарона Гилля, и когда его уличили, онъ отпирался и лгалъ. Онъ напечаталъ еще болѣе гнусный пасквиль на леди Мери Вортли Монтегью, и когда его уличили, онъ лгалъ съ большимъ противъ обыкновеннаго безстыдствомъ и запальчивостью. Онъ расхваливалъ себя и бранилъ своихъ враговъ подъ чужими именами. Онъ воровалъ у себя свои собственные письма и потомъ поднималъ крикъ, что его обокрали. Кромѣ обмановъ, совершенныхъ имъ изъ злобы, страха, корысти или тщеславія, были еще обманы, сдѣланные, кажется, единственно изъ любви къ искусству. Онъ привыкъ къ хитростямъ, и обманывать всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, доставляло ему удовольствіе. Каковы бы ни были его цѣли, онъ всегда предпочиталъ окольные пути прямымъ. Несомнѣнно, что Попъ чувствовалъ настолько любви и уваженія къ Болингеру, насколько это было въ его натурѣ. Однако, едва Попъ успѣлъ умереть, какъ открылось, что онъ единственно изъ любви къ плутовству, оказался виновнымъ въ грубомъ обманѣ относительно Болингера.

Нѣтъ ничего натуральнѣе того, что подобный человѣкъ приписываетъ другимъ то же, что чувствуетъ самъ. Ему предлагаютъ прямое, правдоподобное, толковое объясненіе. Онъ увѣренъ, что это все выдумки. Относительно его поступаютъ не только въ высшей степени добросовѣстно, но даже дружески. Онъ убѣжденъ, что эти поступки просто прикрываютъ низкую питригу, цѣль которой обезчестить и раззорить его. Напрасно стали бы требовать у него доказательства.

Онъ не мыслитъ и не нуждается ни въ какихъ, кромѣ тѣхъ, которыя находятъ въ своемъ собственномъ сердцѣ.

Мы не знаемъ достоверно, дѣйствительно ли нападки Попа заставили Аддисона въ первый и послѣдній разъ прибѣгнуть къ мщенію. Мы знаемъ эту исторію только отъ Попа, который рассказываетъ ее такимъ образомъ. Появился памфлетъ, содержащій въ себѣ порицанія, живо затронувшія Попа. Какого рода были эти порицанія и имѣлъ ли онъ право жаловаться на нихъ,—мы не имѣемъ возможности рѣшить теперь. Графъ Воррикъ, испорченный и сумасбродный юноша, питавшій къ Аддисону то чувство, какое обыкновенно подобные юноши питаютъ къ своимъ лучшимъ друзьямъ, сказалъ Попу—справедливо ли или нѣтъ—что этотъ памфлетъ былъ написанъ по указанію Аддисона. Когда мы подумаемъ, какъ преувеличиваются всякія исторіи, переходя даже отъ одного честнаго человѣка къ другому, и вспомнимъ при этомъ, что ни Попъ, ни графъ Воррикъ не имѣютъ права на названіе честныхъ людей, то мы не очень расположены придавать большое значеніе этому анекдоту.

Достоверно одно, что Попъ пришелъ въ ярость. Онъ уже сдѣлалъ очеркъ характера Аттика въ прозѣ. Полный гнѣва, онъ обратилъ эту прозу въ блестящія и энергичныя стихи, которые каждый знаетъ наизусть, или долженъ бы знать наизусть, и послалъ ихъ къ Аддисону. Одно обвиненіе, очень искусно выдвинутое Попомъ, было вѣроятно, не безъ основанія. Мы готовы вѣрить, что Аддисонъ черезчуръ любилъ председательствовать въ кружкѣ смиренныхъ друзей. Что касается до другихъ обвиненій, заключавшихся въ этихъ знаменитыхъ стихахъ, то врядъ ли доказана справедливость хотя одного изъ нихъ, а нѣкоторыя несомнѣнно-ложны. Что Аддисонъ не имѣлъ обыкновенія «губить слабой похвалою», это видно изъ безчисленныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, а особенно изъ тѣхъ, гдѣ онъ говоритъ о Попѣ. И не только несправедливо, но просто смѣшно характеризовать человѣка, устроившаго благосостояніе почти каждаго изъ его близкихъ друзей, «столь обязательнымъ, что онъ никогда не обязывалъ.»

Мы не можемъ сомнѣваться, что Аддисона глубоко уколола сатира Попа. Въ высшей степени вѣроятно и то, что онъ сознавалъ въ себѣ одну изъ слабостей, въ которыхъ его упрекали. Но мы твердо

вѣримъ, что въ своемъ сердцѣ онъ нашелъ оправданіе важнѣйшей части обвиненія. Онъ остался вѣренъ себѣ. Оружіемъ сатирика онъ умѣлъ владѣть еще лучше, чѣмъ Попъ, и за темой тоже не стало бы дѣло. Уродливое и болѣзненное тѣло, одушевляемое еще болѣе уродливымъ и болѣзненнымъ духомъ; злость и зависть, слегка прикрытыя благородными доброжелательными чувствами, подобными тѣмъ, которыми сэръ Питеръ Тизль восхищался въ м-рѣ Джозефѣ Сорфесѣ; слабое, болѣзненное распутство, гнусная любовь къ грязнымъ и мерзостнымъ образамъ—вогъ свойства, какими гепій, менѣе могучій, чѣмъ тотъ, которому мы обязаны «*Зрителемъ*», могъ бы легко возбудить смѣхъ и ненависть человѣчества. Сверхъ того, Аддисонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи другія средства мщенія, которыми дурной человѣкъ не посовѣстился бы воспользоваться. Онъ былъ человѣкомъ власти. Попъ былъ католикъ; а въ эти времена, миппистру было легко досадить самому невинному католику безчисленными мелкими обидами. Попъ, почти двадцатью годами позже, говорилъ, что «только снисходительность правительства позволяла ему жить въ покоѣ». «Примите въ расчетъ, восклицаетъ онъ, непріятности, которыя человѣкъ съ вѣсомъ и высокимъ положеніемъ можетъ причинить частному лицу, въ силу уголовныхъ законовъ и другихъ невыгодъ». Пріятно подумать, что единственное мщеніе Аддисона состояло въ томъ, что онъ написалъ въ «*Фригольдеръ*» горячую похвалу «*Иліадъ*» и убѣждалъ всѣхъ друзей просвѣщенія вписать свое имя въ листъ подписчиковъ. Судя по изданнымъ уже образцамъ, нельзя сомнѣваться, говорилъ онъ, что художественная рука Попа сдѣлаетъ для Гомера то же, что Драйденъ сдѣлалъ для Виргилія. Съ этого времени и до конца жпзпи онъ дѣйствовалъ относительно Попа, по собственному призванію послѣдняго, съ полной справедливостью. Дружба, разумѣется, пришла къ концу.

Одною изъ причинъ, побудившихъ графа Воррпка разыграть въ этой исторіи безчестную роль сплетника, могло быть неудовольствіе, возбужденное предстоявшимъ бракомъ между его матерью и Аддисономъ. Вдовствующая графиня, пропеходившая изъ почтеннаго и стариннаго рода Миддлтоновъ изъ Чѣрка, рода, который, во всякой другой странѣ, кромѣ Англіи, былъ бы названъ аристократичнымъ, жила въ

Голландъ-Гаусъ. Аддисонъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, занималъ въ Челси маленькій домъ, бывшій прежде жилищемъ Нелли Гвиннъ. Теперь Челси составляетъ часть Лондона, и Голландъ-Гаусъ можетъ назваться городскимъ домомъ. Но во дни Анны и Георга I молочки и охотники бродили между зелеными изгородями и по полямъ, покрытымъ маргаритками, которыя тянулись отъ Кенсингтона почти до береговъ Темзы. Аддисонъ и леди Воррикъ были дачными сосѣдями и сдѣлались искренними друзьями. Великій писатель и ученый пытался отвлечь юнаго лорда отъ фешенебельныхъ забавъ, состоявшихъ въ томъ, чтобы колотить городскихъ сторожей, бить окна, скатывать женщинъ въ бочкахъ съ Гольборнъ-Гилля; онъ пытался пріохотить его къ серьезнымъ занятіямъ и добродѣтельной жизни. Впрочемъ, эти благонамѣренныя усилія принесли мало пользы и ученику, и учителю. Лордъ Воррикъ сдѣлался кутилой, а Аддисонъ влюбился. Поэты славили зрѣлую красоту графини такимъ языкомъ, который заставляетъ насъ думать, что она была прекрасная женщина, даже принимая въ расчетъ, что въ языкѣ этомъ много лести; а ея знатность, безъ сомнѣнія, усиливала ея прелесть. Сватовство продолжалось долго. Видно по всему, что надежды влюбленнаго поднимались и упали согласно съ тѣмъ, какъ шли дѣла его партіи. Наконецъ, его привязанность сдѣлалась дотогу извѣстной, что, когда онъ въ послѣдній разъ отправился въ Ирландію, Роу написалъ нѣсколько утѣшительныхъ стиховъ Хлоѣ въ Голландъ-Гаусъ. Намъ кажется немного страннымъ, что въ этихъ стихахъ Аддисонъ названъ Лиццдомъ, пмя, не предвѣщавшее ничего хорошаго юношѣ, готовящемуся переплыть каналъ св. Георгія.

Наконецъ Хлоя сдалась. Дѣйствительно, Аддисонъ могъ говорить съ ней, какъ съ равной. Онъ имѣлъ основаніе рассчитывать на должность еще выше той, которой уже достигъ. Онъ получилъ наслѣдство отъ брата, умершаго мадрасскимъ губернаторомъ. Онъ купилъ помѣстье въ Воррикширѣ, при въѣздѣ въ которое его привѣтствовалъ очень сносными стихами одинъ изъ сосѣднихъ сквайровъ, поэтический охотникъ за лисцами, Вилліамъ Сомервилъ. Въ Августѣ 1716 г. газеты объявляли, что Джозефъ Аддисонъ, эсквайръ, знаменитый авторъ многихъ превосходныхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, женился на вдовствующей графини Воррикъ.

Теперь онъ поселился въ Голландъ-Гаусъ, который можетъ похвалиться большимъ числомъ обитателей, отличавшихся въ политической и литературной исторіи, нежели все другіе частные дома въ Англіи. Его портретъ и теперь еще виситъ тамъ. Черты пріятны, цвѣтъ лица замѣчательно хорошъ; но въ выраженіи мы видимъ скорѣе кротость характера, чѣмъ силу и пронизательность ума.

Вскорѣ послѣ брака онъ достигъ крайней степени гражданского величія. Въ теченіе нѣкотораго времени, внутренніе раздоры колебали вигское правительство, Лордъ Таунзгендъ стоялъ въ главѣ одной партіи, лордъ Сондерландъ во главѣ другой. Наконецъ, весной 1717 г. Сондерландъ восторжествовалъ. Таунзгендъ, сопровождаемый Вальполемъ и Коуперомъ, удалился отъ дѣлъ. Сондерландъ принялся пересоздавать министерство и Аддисонъ получилъ мѣсто статсъ-секретаря. Достоверно извѣстно, что его убѣждали взять печать, отъ которой онъ отказался. Не трудно было найти людей, въ равной степени свѣдущихъ въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ; и его сотоварищи знали, что не могутъ разсчитывать на его помощь въ дебатахъ. Возвышеніемъ своей популярности онъ былъ обязанъ своей безукорызненной честности и литературной славѣ.

Но едва Аддисонъ вступилъ въ кабинетъ, какъ его здоровье стало ослабѣвать. Отъ перваго серьезнаго приступа болѣзни онъ оправился осенью, и Виссентъ Борнъ, бывший тогда въ Тронцкой коллегіи Кембриджскаго университета, воспѣлъ его выздоровленіе въ латинскихъ стихахъ, достойныхъ самого Аддисона. Вскорѣ болѣзнь вернулась, и слѣдующей весной, сильная одышка помѣшала Аддисону отправлять свои обязанности по службѣ. Онъ отказался отъ своего мѣста, которое перешло къ его пріятелю Краггзу, молодому человѣку, который своими природными блистательными, хотя мало развитыми воспитаніемъ, дарованіями, пріятной наружностью и привлекательными манерами расположилъ къ себѣ общество, и еслибъ остался живъ, былъ бы вѣроятно самымъ грознымъ противникомъ Вальполя.

Джозефа Юма еще не было. Поэтому, министры имѣли возможность назначить Аддисону пенсію въ тысячу-пятьсотъ ф. с. въ годъ. Біографы не говорятъ, въ какой формѣ давался этотъ пенсіонъ, а осмѣиваются объ этомъ нѣтъ времени. Но достоверно то, что Аддисонъ не покидалъ своего мѣста въ палатѣ общины.

Спокойствіе духа и тѣла повидимому возстановило его здоровье и онъ радостно благодарилъ Бога, освободившаго его разомъ и отъ должности и отъ одышки. Казалось, передъ нимъ было много лѣтъ, и онъ задумалъ много сочиненій: трагедію на смерть Сократа, переводъ Псалмовъ и трактатъ объ очевидности Христіанства. Отъ послѣдняго сочиненія остался намъ отрывокъ, безъ котораго мы могли бы легко обойтись.

Но роковой педулъ скоро вернулся и восторжествовалъ надъ всѣми медицинскими средствами. Грустно думать, что послѣдніе мѣсяцы такой жизни были омрачены, какъ семейными такъ и политическими неудовольствіями. Если вѣрить слуху, который скоро распространился, былъ вездѣ принять и опровергнуть котораго намъ нечѣмъ, — жена Аддисона была надменною и властолюбивою женщиной. Говорили, что пока его здоровье было хорошо, онъ съ радостью бѣжалъ отъ вдовствующей графини и ея великолѣпной столовой, сверкавшей позолоченными девизами дома Ричей—въ какую-нибудь таверну, гдѣ онъ могъ за бутылкой бордоскаго посмѣяться и потолковать о Виргиліи и Буало, съ друзьями счастливѣйшаго времени. Впрочемъ, и изъ этихъ друзей не всѣ оставались у него. Различныя причины постепенно отдалили сэра Ричарда Стиля. Онъ считалъ себя за человѣка, претерпѣвшаго мученичество за политическіе принципы, и требовалъ, когда партія виговъ восторжествовала, вознагражденія за то, что перенесъ, когда она находилась въ борьбѣ. Вожди виговъ посмотрѣли на его требованія съ другой точки зрѣнія. Они полагали, что онъ своей дерзостью и блажью повредилъ какъ имъ, такъ и себѣ, и хотя не пренебрегали имъ совершенно, по раздавали ему милости довольно скупо. Естественно, что онъ сердился на нихъ, и особенно на Аддисона. Но, кажется, больше всего раздражало сэра Ричарда возвышеніе Тиккелля, котораго на 30-мъ году Аддисонъ сдѣлалъ товарищемъ статсъ-секретаря, между тѣмъ какъ онъ, издатель *«Болтуна»* и *«Зритель»*, авторъ *«Кризиса»*, членъ за Стокбриджъ, подвергавшійся гоненію за твердую приверженность къ Ганноверскому дому, принужденъ былъ, почти въ пятьдесятъ лѣтъ, послѣ долгихъ просьбъ и жалобъ довольствоваться долей въ привлеченіи Дрюриленскаго театра. Стиль самъ говоритъ въ знаменитомъ письмѣ къ Конгриву, что Аддисонъ,

своимъ предпочтеніемъ къ Тиккелю «возбудилъ глубокую неприязнь джентльменовъ», и по всему видно, что Стиль былъ однимъ изъ этихъ негодующихъ джентльменовъ.

Пока бѣдный сэръ Ричардъ сѣтовалъ на то, что онъ называлъ недоброжелательствомъ Аддисона, возникла новая причина ссоры между ними. Новый расколъ раздиралъ партію виговъ, уже раздвоенную между собою. Внесли знаменитый билль, ограничивавшій число перовъ. Гордый герцогъ Сомерсетъ, первый въ ряду между тѣми аристократами, религія которыхъ позволяла имъ засѣдать въ парламентѣ, былъ номинальнымъ авторомъ этой мѣры. Но поддерживалъ, и по правдѣ сказать, задумалъ ее первый министръ.

Мы убѣждены, что билль этотъ былъ въ высшей степени вреденъ, и боимся, что причины, побудившія Сондерланда составить его, не дѣлали ему чести. Но нельзя отрицать, что онъ поддерживался многими изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ людей того времени. И тутъ нѣтъ ничего страннаго. На памяти поколѣнія, бывшаго тогда въ полной порѣ возмужалости, королевская прерогатива такъ грубо злоупотреблялась, что на нее все-еще смотрѣли съ опасеніемъ, можетъ быть и неумѣреннымъ, принимая въ расчетъ то особенное положеніе, въ какомъ стоялъ тогда Брауншвейгскій домъ. По мнѣнію виговъ, послѣднее министерство королевы Анны грубо злоупотребляло особенной прерогативой созданія перовъ; и даже торіи согласились, что ея величество, наводняя, какъ это потомъ называли, верхнюю палату, могла оправдываться только крайностью. По мнѣнію многихъ высокыхъ авторитетовъ, теорія англійской конституціи состояла въ томъ, что три независимыя власти, государь, аристократія и община должны постоянно сдерживать другъ друга. Если эта теорія основательна, то изъ нея, кажется, слѣдуетъ, что ставить одну изъ этихъ властей подъ познѣйшій контроль двухъ другихъ — будетъ нецѣлостью. Но если бы число перовъ было неограниченно, то нельзя отрицать, что верхняя палата была бы подъ контролемъ короны и палаты общины и только ихъ умѣренности была бы обязана той властью, какую удалось бы ей сохранить.

Стиль сталъ на сторону оппозиціи, Аддисонъ — на сторону министерства. Стиль, въ газетѣ, называемой «*Плебей*», запальчиво нападалъ на билль. Сондерландъ призвалъ на помощь Аддисона, и по-

слѣдшіи поспѣшилъ на призывъ. Опъ отвѣчалъ въ газетѣ «*Старый Виль*», и дѣйствительно опровергнулъ доводы Стиля. Намъ кажется, что первыя послыжки обонхъ противниковъ были ложны, что, опираясь на эти послыжки, Аддисонъ разсуждалъ послѣдовательно, а Стилъ плохо, отчего и произошло, что первый пришелъ къ ложному заключенію, а второй—наткнулся на петлю. Въ отношеніи слога, ума и гуманности Аддисонъ сохранилъ свое превосходство, хотя труды его въ «*Старомъ Виль*» вовсе не принадлежать къ числу его удачнѣйшихъ сочиненій.

Сначала оба анонимные оппонента соблюдали законы приличія. Но наконецъ Стилъ такъ забылся, что дошелъ до низкаго обвиненія главныхъ членовъ администраціи въ безнравственности. Отвѣтъ Аддисона былъ строгъ, но по нашему мнѣнію не настолько, насколько заслуживалъ того такой важный проступокъ противъ нравственности и приличія, и, несмотря на свой справедливый гнѣвъ, онъ и на минуту не забылъ законовъ хорошаго вкуса и благовоспитанности. Мы считаемъ своимъ долгомъ изложить одну клевету, которая часто повторялась и до сихъ поръ еще не встрѣчала противорѣчія. Въ «*Biographia Britannica*» показано, что Аддисонъ называлъ Стиля «маленькій Дикки». Это повторялъ Джонсонъ, которому оно простительно, потому что онъ никогда не впалъ въ «*Старую Вина*», повторяетъ и м-съ Эйквинъ, которой это менѣе простительно, потому что она видѣла «*Старую Вина*». Правда, что слова «маленькій Дикки» попадаютъ въ «*Старомъ Виль*» и что Стиля звали «Ричардомъ». Также справедливо и то, что слова «маленькій Псаакъ» попадаютъ въ «*Дуэнь*» и что Ньютона звали Псаакъ. Но мы съ полной увѣренностью утверждаемъ, что между «маленькимъ Дикки» Аддисона и Стилемъ такъ же мало общаго, какъ между «маленькимъ Псаакомъ» Шеридана и Ньютономъ. Примѣняя выраженіе «маленькій Дикки» къ Стилю, мы отнимаемъ у очень оживленной и умной страницы не только всякое остроуміе, но и всякій смыслъ. «Маленькій Дикки» было прозвище Генри Норриса, актера замѣчательно маленькаго роста, но съ большимъ юморомъ, игравшаго ростовщика Гомера, весьма популярную роль въ Драйденовомъ «*Испанскомъ монахѣ*». (а)

(а) Мы выпишемъ весь параграфъ. Мы не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ быть ложно понятъ,

Заслуженный упрекъ, полученный Стилемъ, хотя и былъ смягченъ нѣсколькими ласковыми и вѣжливыми выраженіями, чрезвычайно раздражилъ его. Его возраженіе было очень ѣдко, хотя не спльно; отвѣта не послѣдовало. Аддисонъ быстро спѣшилъ къ могилѣ, и надо предполагать, не былъ расположенъ ссориться съ старымъ пріятелемъ. Его болѣзнь кончилась водяной. Онъ страдалъ долго и мужественно. Но наконецъ, покинулъ всякую надежду, распростился съ своими докторами и спокойно приготовился къ смерти.

Свои сочиненія онъ поручилъ заботамъ Тиккелля, и за очень немногихъ дней до своей смерти посвятилъ ихъ Краггзу въ письмѣ, написанномъ съ мягкимъ и граціознымъ краснорѣчіемъ субботняго «Зрителя». Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи онъ говорилъ о своей приближающейся смерти въ такихъ мужественныхъ, веселыхъ и нѣжныхъ выраженіяхъ, что трудно читать ихъ безъ слезъ. Въ то же время онъ усердно поручалъ Тиккелля вниманію Краггза.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ окончанія имъ этого посвященія, Аддисонъ послалъ просить Гея, существовавшего тогда своими остроуміями на счетъ города, придти въ Голландъ-Гаусъ. Гей пришелъ и встрѣтилъ очень ласковый пріемъ. Къ его удивленію, умоляющій умолялъ его о прощеніи. Бѣдный Гей, самое добродушное и простодушное существо, не могъ себѣ представить, что-такое онъ долженъ прощать. Вѣдно было, что воспоминаніе о какой-то несправедливости, которую онъ очень желалъ загладить, тяготило умъ Аддисона. Онъ находился въ состояніи крайняго изнеможе-

«Но главная забота нашего автора—бѣдная палата общинъ, которую онъ представляетъ обиженной и беззащитною, когда корона, теряя эту привилегію, будетъ имѣть менѣ возможности охранять ее противъ самовласти палаты лордовъ. Кто можетъ удержаться отъ смѣха, когда испанскій монахъ рассказываетъ намъ, какъ маленький Дикки, въ роли Гомера, нападаетъ на полковника, который однимъ нахмуриваньемъ бровей могъ напугать его до-смерти? Этотъ Гомеръ, говоритъ онъ, налетѣлъ на него, какъ драконъ, повалилъ его, такъ какъ дьяволъ былъ силенъ въ немъ, и сыпалъ на него удары за ударами, и палкой, и кулакомъ, а бѣдный полковникъ, будучи простертъ на землѣ, переносилъ все это съ самымъ христіанскимъ терпѣніемъ. Неправдоподобность факта всегда возбуждаетъ смѣхъ въ слушателяхъ; и, принимая въ расчетъ прежнее поведеніе британской палаты общинъ, я рѣшаюсь ручаться за то, что она не будетъ ни такою смиренною, ни такою слабою, какъ предполагаетъ нашъ авторъ».

пія; и безъ сомнѣнія, разлука была дружескою съ обѣихъ сторонъ. Гей предполагалъ, что при дворѣ былъ составленъ планъ дать ему какое-нибудь выгодное мѣсто и что планъ этотъ былъ уничтоженъ вліяніемъ Алдисона. Это весьма вѣроятно. Гей былъ очень преданъ королевской фамиліи. Но въ царствованіе королевы онъ перевозносилъ Боллингброка и находился въ связи съ многими торіями. Нѣтъ ничего страннаго, что Алдисонъ, въ жару борьбы, считалъ себя вправѣ помѣшать возвышенію челоуѣка, котораго принималъ за своего политическаго врага. Нѣтъ ничего страшнаго и въ томъ, что разсматривая всю свою жизнь и тщательно взвѣшивая всѣ побужденія своихъ дѣйствій, онъ подумалъ, что сыгралъ недобрую и невеликодушную роль, воспользовавшись своимъ могуществомъ противъ несчастнаго литератора, безвреднаго и безпомощнаго, подобно ребенку.

Изъ этого анекдота можно вывести одно заключеніе. Видно, что Алдисонъ, на смертномъ одрѣ, призвалъ себя къ строгому отчету и не былъ покоенъ, пока не попросилъ прощенія за обиду, въ которой его даже не подозрѣвали, за обиду, которая могла тревожить только очень щекотливую совѣсть. Не слѣдуетъ ли изъ этого прямо, что будь онъ виновенъ въ составленіи низкаго умысла противъ репутаціи и благополучія какого-нибудь соперника, онъ выразилъ бы раскаяніе въ такомъ важномъ проступкѣ? Но бесполезно увеличивать число аргументовъ и доказательствъ для защиты, когда нѣтъ ни аргументовъ, ни доказательствъ для обвиненія.

Послѣднія минуты Алдисона были совершенно ясны. Подробности его свиданія съ пасынкомъ всѣмъ извѣстны. «Посмотрите, сказалъ онъ, какъ можетъ умирать христіанинъ». Въ самомъ дѣлѣ набожность Алдисона отличалась удивительно радостнымъ характеромъ. Преобладающее чувство во всѣхъ его религіозныхъ сочиненіяхъ благодарность. Богъ былъ для него всемудрымъ и всемогущимъ другомъ, который бодрствовалъ надъ его колыбелью больше чѣмъ съ материнскою пѣжностью; который внималъ его крикамъ прежде, чѣмъ изъ нихъ образовались молитвы; который охранялъ его юность отъ сѣтей порока; который переполнилъ его чашу земныхъ радостей; который удвоилъ цѣну этихъ радостей, давши благодарное сердце, чтобы наслаждаться ими, и дорогихъ друзей, чтобы раздѣлять ихъ;

который усмирить волны Ангурийскаго залива, очистилъ осенній воздухъ Кампаньи и остановилъ лавины Монъ-Сенн. Изъ псалмовъ онъ болѣе всего любилъ тотъ псаломъ, который изображаетъ властителя вселенной подъ кроткимъ образомъ пастыря, котораго посохъ безопасно ведетъ стадо, чрезъ унылые и мрачные пустыри, къ лугамъ, богатымъ водой и травой. На эту-то благодать, которой приписывалъ все счастье своей жизни, онъ уповалъ и въ часъ смерти съ любовью, изгоняющей страхъ. Онъ умеръ 17-го іюня 1719 г. Ему только что наступилъ сорокъ-восьмой годъ.

Его тѣло было торжественно выставлено въ Іерусалимскомъ Покоѣ, и оттуда, при наступленіи ночи, перенесено въ аббатство. Хоръ пѣлъ похорошій гимнъ. Епископъ Аттербѣри, одинъ изъ тѣхъ торіевъ, которые любили и почитали самаго даровитаго изъ виговъ, встрѣтилъ тѣло, и при свѣтѣ факеловъ прошелъ съ процессіей вокругъ раки св. Эдуарда и могилы Плантагенетовъ, къ часовнѣ Генриха VII. На сѣверной сторонѣ этой часовни, въ склепѣ фамиліи Альбемарлей, гробъ Аддисона лежитъ подлѣ гроба Монтегью. Еще немного мѣсяцевъ, и тѣ же самые люди прошли по тому же самому мѣсту. Опять пѣли тотъ же самый печальный антифонъ. Тотъ же самый склепъ былъ отворенъ, и гробъ Краггза былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ Аддисона.

Многіе заплатили дань памяти Аддисона, но только одна осталась незабытой. Тиккелъ оплакалъ своего друга въ элегій, которая припесла бы честь величайшему имени въ нашей литературѣ и въ которой съ энергіей и величіемъ Драйдена соединяется чистота Кюпера. Эта прекрасная поэма была предпослана великолѣпному изданію сочиненій Аддисона, напечатанному по подпискѣ въ 1721 году. Имена подписчиковъ показываютъ, какъ далеко разошлась его слава. Не удивительно, что его соотечественники хлопотали о приобрѣтеніи его произведеній даже въ дорогой формѣ. Но удивительно то, что несмотря на малое знаніе тогдашней англійской литературы на континентѣ, между подписчиками стояли испанскіе графы, итальянскіе прелаты, маршалы Франціи. Между наиболѣе замѣчательными именами стояли имена королевы Шведской, принца Евгенія, великаго герцога Тосканскаго, герцоговъ Пармскаго, Моденскаго и Гвастальскаго, Дожа Генуэзскаго, Регента

Орлеанскаго и кардинала Дюбуа. Мы должны прибавить, что хотя это изданіе въ высшей степени роскошно, но въ нѣкоторыхъ очень важныхъ отношеніяхъ не полно, и, въ сущности, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ полнаго собранія сочиненій Аддисона.

Странно, что ни его богатая и благородная вдова, ни могущественные и преданные друзья не подумали наложить даже простой дощечки съ его именемъ на стѣны аббатства. Общественное уваженіе исправило это упущеніе не ранѣе, какъ только чрезъ три поколѣнія людей, смѣявшихся и плакавшихъ надъ его сочиненіями. Наконецъ, въ наше время его портретъ, мастерски вырѣзанный, появился «въ углу поэтовъ». Онъ представляетъ его такимъ, какимъ мы воображаемъ его себѣ, въ шлафрокѣ и безъ парика, идущимъ изъ гостиной въ Чельси въ свой уютный садикъ, держа въ рукѣ рассказъ объ «*Вѣчномъ клубѣ*» или «*Любви Гильпы и Шалума*», только-что конченный для слѣдующаго номера «*Зрителя*». Подобнаго памятникъ уваженія вполнѣ заслуживаетъ безукорызненный государственный человѣкъ, даровитый учепый, владѣвшій истинно англійскимъ краснорѣчіемъ, искуснѣйшій художникъ въ рисовкѣ жизни и обычаевъ. Этому особенно заслуживалъ великій сатирикъ, одинъ умѣвшій все представлять въ смѣшномъ свѣтѣ, не употребляя во зло этой способности,—сатирикъ, который, не нанося ни одной раны, сдѣлалъ великую общественную реформу и примирилъ умъ и добродѣтель послѣ долгаго и бѣдственнаго раздѣленія, въ продолженіе котораго развратъ сбивалъ съ прямого пути умъ, а фанатизмъ—добродѣтель.

ГРАФЪ ЧАТАМЪ.

(Октябрь, 1844).

«Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham». 4 vols. London, 1840. — *«Letters of Horace Walpole, Earl of Orford to Horace Mann»*. 4 vols. London, 1843—44.

«Переписка Виллама Питта, графа Чатама». 4 тома. Лондонъ, 1840.—*«Письма Горация Вальполя, графа Орфорда, къ Горацию Манну»*. 4 тома. Лондонъ, 1843—1844.

Болѣе чѣмъ десять лѣтъ назадъ, (¹) мы начали очеркъ политической жизни великаго лорда Чатама. Мы тогда остановились на смерти Георга II, съ намѣреніемъ вскорѣ возвратиться къ прерванному труду. Обстоятельства, излагать которыя было бы скучно, не позволили намъ исполнить это намѣреніе. Впрочемъ мы нисколько не сожалѣемъ объ отсрочкѣ, ибо матеріялы, которыми мы могли располагать въ 1834 году, были скудны и неудовлетворительны въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь находится у насъ въ рукахъ. Даже теперь, хотя мы имѣли доступъ ко многимъ весьма важнымъ источникамъ свѣдѣній, которые еще не были открыты для публики, нельзя не сознаться, что исторія первыхъ десяти лѣтъ царствованія Георга III извѣстна намъ далеко не вполне; тѣмъ неменѣе мы убѣждены, что можемъ представить нашимъ читателямъ рассказъ, не лишенный интереса и поучительно-

(¹) См. 2-й томъ этого изданія, стр. 258.

стп. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ возвращаемся къ работѣ, давно прерванной.

Мы оставили Питта въ зенитѣ его славы и благосостоянія, подломъ Англіи, страшилищемъ Франціи, предметомъ удивленія всего образованнаго міра. Со всѣхъ сторонъ приносились въ Англію извѣстія объ одержанныхъ побѣдахъ, взятыхъ приступомъ крѣпостяхъ, провинціяхъ, присоединенныхъ къ англійскимъ владѣніямъ. Въ самой Англіи партіи погрузились въ летаргическій сонъ, которому ничего подобнаго не бывало съ тѣхъ поръ, какъ великій религіозный расколъ XVI в. пробудилъ духъ націи.

Чтобы событія, о которыхъ намъ предстоитъ рассказывать, были ясно поняты, нужно указать на причины, временно сдержавшія оживленіе обѣихъ великихъ англійскихъ партій.

Если, откинувъ все чисто случайное, взглянуть на существенныя черты виговъ и торіевъ, то можно считать каждую изъ этихъ партій представительницею великаго начала, необходимаго для благосостоянія народовъ. Одна изъ нихъ главнымъ образомъ—охранительница свободы, другая—порядка; одна изъ нихъ—сила движенія, другая—сила охраненія въ государствѣ; одна—парусъ, безъ котораго общество не могло бы двигаться впередъ, другая—балластъ, безъ котораго въ бурю слишкомъ мало безопасности. Но въ первыя сорокъ-шесть лѣтъ, слѣдовавшія за вступленіемъ на престолъ Ганноверскаго дома, эти отличительныя особенности, казалось, сгладились. Вигъ понялъ, что онъ не могъ лучше служить дѣлу гражданской и религіозной свободы, какъ энергически поддерживая протестантскую династію; торіи понялъ, что не могъ лучше выразить свою ненависть къ революціи, какъ нападая на правительство, которое создано революціей. Обѣ партіи мало-по-малу стали приписывать болѣе важности средствамъ, чѣмъ цѣли; обѣ были поставлены въ неестественное положеніе, и обѣ, подобно животнымъ, переселеннымъ въ несвойственный имъ климатъ, слабѣли и вырождались. Торіи, удаленный отъ придворнаго солнца, былъ въ положеніи верблюда, переселеннаго въ сѣвѣ Лапландіи; а вигъ, согрѣваемый лучами королевской милости, похожъ былъ на оленя въ пескахъ Аравіи.

Дантъ рассказываетъ намъ, что видѣлъ въ Малепольгѣ страшную

борьбу между человѣческою тѣнью и змѣемъ. Враги, нанеши другъ другу жестокия рапы, останавливались на время и пристально смотрѣли другъ на друга. Большое облако тумана окружало ихъ, и тогда начиналось изумительное превращеніе. Каждое существо обращалось въ нѣчто похожее на своего врага: хвостъ змѣя раздѣлялся на двѣ части и обращался въ двѣ ноги; ноги человѣка сходились и образовывали хвостъ; изъ тѣла змѣя вырастали двѣ руки, руки человѣка приростали къ тѣлу. Наконецъ змѣй, ставъ на ноги, какъ человѣкъ, заговорилъ; а человѣкъ, какъ змѣй, упалъ на землю и, шипя, поползъ. Нѣчто подобное этому превращенію случилось въ царствованіе Георга I съ двумя англійскими партіями. Каждая изъ нихъ постепенно принимала видъ и цвѣтъ своего врага, пока наконецъ торп не всталъ ревнителемъ свободы, а вигъ не поползъ, дѣлая пряхъ у ногъ власти.

Правда, что когда эти вырождавшіеся политиканы разсуждали о предметахъ чисто отвлеченныхъ, особенно когда они вели пренія объ образѣ дѣйствій ихъ дѣдовъ, они, казалось, различались между собою именно тѣмъ, чѣмъ различались и ихъ дѣды. Вигъ, который въ продолженіе трехъ парламентскихъ сессій ни разу не подавалъ голоса противъ двора, готовъ былъ отдать душу за жезлъ контролера или должность гардеробмейстера, по-прежнему утверждалъ, что его политическія начала идутъ отъ Локка или Мпльтона, по-прежнему благоговѣлъ предъ памятью Пима и Гамидена, по-прежнему 30-го января ⁽²⁾ шелъ сначала за человѣка въ маскѣ, потомъ за того, кто сдѣлалъ бы то же самое и безъ маски. Торп, съ другой стороны, осуждая кроткаго и умѣреннаго Вальполя, какъ смертельнаго врага свободы, не видалъ ничего предосудительнаго въ желѣзной тираніи Страффорда и Лода. Но каковы бы ни были сужденія, которыя произносилъ вигъ или торп того вѣка о дѣлахъ давноминувшихъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ современныхъ практическихъ вопросахъ торп былъ реформаторомъ, да еще неумѣреннымъ и неосторожнымъ, а вигъ былъ консервативенъ до ханжества. Мы сами видѣли подобныя слѣдствія, произведенныя въ сосѣдней странѣ по-

(2) День смерти Карла I. — Палачъ, исполнившій приговоръ, былъ въ маскѣ.

добными же причинами. Кто повѣрилъ бы пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что Гизо и Вильмену придется защищать собственность и общественный порядокъ отъ нападеній враговъ, подобныхъ Желуду и ла-Рошъ-Жаклену.

Такимъ образомъ, потомки прежнихъ кавалеровъ обратились въ демагоговъ, а потомки прежнихъ круглоголовыхъ сдѣлались придворными. Взаимное перасположеніе ихъ долго не начинало смягчаться, — партіямъ свойственно хранить крѣпче свою вражду, чѣмъ основныя начала. Въ продолженіе многихъ лѣтъ поколѣніе виговъ, которыхъ Сидни презиралъ бы, какъ рабовъ, вело смертельную борьбу съ поколѣніемъ торіевъ, которое Джеффризъ перевѣшалъ бы, какъ республиканцевъ.

Во все царствованіе Георга I и въ первую половину царствованія Георга II на торіевъ смотрѣли какъ на враговъ царствующаго дома и лишали ихъ всѣхъ милостей двора. Хотя большая часть сельскихъ джентльменовъ принадлежала къ торіямъ, только виги возводились въ званіе перовъ и баронетовъ. Хотя большая часть духовенства принадлежала къ той же партіи, деканы и епископы постоянно назначались изъ виговъ. Въ каждомъ графствѣ богатые и знатные торійскіе сквайры жаловались, что ихъ имена не допускаются въ списокъ мировыхъ судей, между тѣмъ какъ люди менѣе богатые и не столь славные, стоящіе за терпимость, акцизы, семилѣтній срокъ парламента и постоянныя войска, председательствовали на четвертныхъ засѣданіяхъ судовъ и назначались помощниками лордовъ-памѣстниковъ.

Мало-по-малу начались попытки къ сближенію. Пока Вальполь стоялъ во главѣ управленія, неаппетитъ къ его власти побудила значительную и могущественную часть виговъ, предводительствуемую наслѣдникомъ престола, вступить въ союзъ съ торіями и даже заключить перемиріе съ якобитами. Послѣ паденія сэра Роберта проклятіе, лежавшее на торіяхъ, было снято; но главныя должности въ администраціи по-прежнему замѣщались вигами, да, по правдѣ, едва ли и могли замѣщаться иначе, потому что торійскія знать и джентри, хотя и сильныя числомъ и богатствомъ, едва ли заключали въ своихъ рядахъ хоть одного человѣка, отличавшагося способностями къ дѣламъ или преніямъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ были допущены ко второстепеннымъ должностямъ; это снисхожденіе произвело

смягчающее дѣйствіе на настроеніе цѣлой партіи. Первое Іевсе Георга II послѣ отставки Вальполя представляло замѣчательное зрѣлище. Между постоянными приверженцами Брауншвейгскаго дома, Росселями, Кавендишами и Нельгамами появилась толпа лицъ, совершенно неизвѣстныхъ намъ и церемоніймейстерамъ, владѣтели помѣстій, которыхъ эль и гончія собаки славилась въ окрестности Мендипскихъ холмовъ или близъ Рекина, но которые не переступали за порогъ дворца съ того дня, какъ Оксфордъ съ бывшимъ жезломъ въ рукѣ стоялъ за королевою Анною.

Въ продолженіе послѣдовавшихъ за тѣмъ восемнадцати лѣтъ обѣ партіи постепенно все болѣе и болѣе предавались покою. Общественная апатія можетъ отчасти быть объяснена несправедливою жестокостью, съ которою нападали на управленіе Вальполя. Въ политическомъ, какъ и въ физическомъ тѣлѣ, болѣзненная слабость слѣдуетъ обыкновенно за болѣзненнымъ раздраженіемъ. Народъ былъ доведенъ до безумія софистикою, клеветою, риторикою, возбужденіемъ національной гордости. При полномъ изобиліи, общество приходило въ отчаяніе, какъ будто въ странѣ свирѣпствовалъ голодъ. Пользуясь политическою и религіозною свободою въ степени, догола неведомой ни одному большому обществу, они призывали Брута или Тимолеона поразить въ сердце утѣснителя. Въ такомъ настроеніи были они, когда послѣдовала перемѣна министерства; но скоро замѣтили, что въ системѣ управленія не произошло перемѣны. Естественныя послѣдствія немедленно оказались: фанатическая ревность перешла въ мрачное равнодушіе. Патриотическіе толки не только перестали плѣнять общество, но стали ему такъ же противны, какъ и гнусныя сказки пуританъ послѣ паденія «Охвостья». Параксизмъ горячки прошелъ; начался параксизмъ лихорадки; много времени должно было пройти, чтобъ не только различные способы обольщенія, но даже дѣйствительное неудовольствіе могли снова вызвать то возбужденіе, которое, достигнувъ высшей своей степени, окончилось.

Сдѣлавы были дѣй попытки нарушить это спокойствіе. Изгнанный послѣдникъ дома Стюартовъ сталъ во главѣ возстанія; недовольный послѣдникъ дома Брауншвейгскаго сталъ во главѣ оппозиціи. Но и возстаніе и оппозиція кончились ничѣмъ. Битва при Куллоде-

нѣ ⁽³⁾ уничтожила якобитскую партію. Смерть принца Фридриха уничтожила ту факцію, которая, подъ его предводительствомъ, стремилась, хотя и слабо, противиться правительству его отца. Ея главные члены спѣшили примириться съ министерствомъ, и политическое усыпленіе сдѣлалось полнымъ.

Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти принца Фридриха общественное мнѣніе на-время было сильно взволновано. Но это возбужденіе не имѣло ничего общаго со старою враждою между вигами и торіями. Англія была тогда въ войнѣ съ Франціею. Война была ведена очень слабо. Мы лишились Минорки; флотъ нашъ долженъ былъ отступить передъ бѣлымъ флагомъ Бурбонскаго дома. Горькое чувство униженія, новое для самаго гордаго и самаго мужественнаго изъ народовъ, заглушило всѣ другія чувства. Во всѣхъ графствахъ и большихъ городахъ королевства раздавалось требованіе такой администраціи, которая возстановила бы честь англійскаго оружія. Два самые могущественные челоѣка въ странѣ были — герцогъ Ньюкастль и Питтъ. Попеременные побѣды и пораженія дали имъ понять, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ держаться безъ другаго. Интересъ государственный, въ соединеніи съ интересомъ ихъ личнаго честолюбія, принудилъ ихъ вступить въ союзъ. Министерство, составившееся вслѣдствіе этой коалиціи, управляло странюю, когда Георгъ III вступилъ на престолъ.

Чѣмъ внимательнѣе мы разсматриваемъ составъ этого знаменнаго министерства, тѣмъ болѣе видимъ причинъ удивляться тому умѣнию или тому счастью, которое соединило въ одно гармоническое цѣлое столь разнообразныя и повидимому столь несогласныя элементы силы. Вліяніе, основанное на неподкупной честности, и вліяніе, поддерживаемое самыми позорными подкупамъ, сила аристократическихъ связей и сила демократическаго энтузіазма—все это въ первый разъ сплосъ вмѣстѣ. Ньюкастль внесъ въ коалицію громадную силу, наслѣдованную имъ отъ Вальполя и Пельгэма. Общественныя должности, церковь, суды, армія, флотъ, дипломатія кишѣли его креатурами. Бурги, много лѣтъ спустя составившіе знаменитые списки А и В ⁽⁴⁾, имѣли представителей, назначенныхъ

⁽³⁾ Въ этой битвѣ разбитъ Карлъ-Эдуардъ, 27-го апрѣля 1746 г.

⁽⁴⁾ Въ биллѣ о реформѣ.

пмъ. Важнѣйшія вигскія семейства, которыя много поколѣній сряду изучали тактику партій и привыкли составлять одну твердую фалангу, признали его своимъ вождемъ. Питтъ, съ другой стороны, владѣлъ тѣмъ, чего не доставало Ньюкастлю: краснорѣчіемъ, способнымъ возбуждать страсти и плѣнять воображеніе, репутаціей высокаго безкорыстія, довѣріемъ и пламенною любовью миллионъ.

Раздѣленіе власти, которое сдѣлали между собою эти два министра, было необыкновенно счастливо. Каждый изъ нихъ завѣдывалъ тою отраслью управленія, къ которой былъ особенно способенъ; ни одинъ изъ нихъ не выказалъ склонности вмѣшиваться въ дѣла другаго. Ньюкастль принялъ на себя казначейство, раздачу гражданскихъ и духовныхъ мѣстъ и распоряженіе тою частью секретныхъ суммъ, которая шла на подкупы членовъ парламента. Питтъ былъ статсъ-секретаремъ, управлявшимъ военнымъ и иностраннымъ дѣламъ. Такимъ образомъ грязь изъ зловонныхъ и заразительныхъ административныхъ клоаковъ стекала въ одну трубу; черезъ другую проходило только все блестящее и чистое. Низкіе и эгоистическіе политики, искатели государственныхъ и придворныхъ должностей, стекались къ огромному дому на углу Линкольнъ-Пинъ-Фильдза. Здѣсь, при каждомъ levée, появлялось до 18—20 батистовыхъ рукавовъ; ибо, какъ говорятъ, не было ни одного прелата, не обязаннаго Ньюкастлю или своимъ первоначальнымъ назначеніемъ, или послѣдующимъ повышеніемъ. Сюда приходили и тѣ члены палаты общинъ, которые, молчаливо подавая свои голоса, составляли главную силу правительства. Одинъ просилъ мѣста по акцизу для своего эконома. Другой — пребанды для своего сына. Третій шепталъ, что онъ постоянно стоялъ за его милость и протестантское наслѣдство; что послѣдніе его выборы были крайне раззорительны; что избиратели теперь совершенно безсовѣстны, что онъ принужденъ былъ заложить имѣніе, чтобы достать денегъ, и теперь не знаетъ, къ кому обратиться за 500 ф. ст. Герцогъ жалъ всѣмъ имъ руки, трепалъ ихъ по плечу, обнималъ ихъ и однихъ отпускалъ съ деньгами, другихъ съ обѣщаніями. Питтъ держалъ себя горделиво, вдали отъ всѣхъ подобныхъ сдѣлокъ. Онъ не только самъ былъ неподкупенъ, но съ ужасомъ отворачивался отъ гнусной обязанности подкупать другихъ. Тѣмъ не менѣе, засѣдая двадцать лѣтъ въ пар-

ламентъ и десять лѣтъ въ министерствѣ, онъ не могъ не знать, какъ ведутся правительственная дѣла. Онъ ясно видѣлъ, что товарищи его употребляютъ подкупъ въ широкихъ размѣрахъ. Ненавидя подкупъ, но отчаяваясь въ возможности искоренить его и сомнѣваясь, чтобы безъ него могло въ то время держаться какое-нибудь министерство, онъ рѣшился закрыть глаза. Ему хотѣлось ничего не знать, ничего не видѣть, ничему не вѣрить. Лица, приходившія къ нему говорить объ участіи въ какомъ-нибудь выгодномъ предпріятіи, или о пріобрѣтеніи голосовъ какой-нибудь кориваллійской корпораціи, скоро смущались его горделивымъ смиреніемъ. Онъ говорилъ имъ, что они дѣлаютъ ему много чести, но что подобные вопросы превышаютъ его способности; что, конечно, милостивый король благосклонно выслушиваетъ его скромное мнѣніе по предметамъ, касающимся войны и договоровъ; что если родится вопросъ о томъ, кому начальствовать въ сѣверной Америкѣ или быть посланникомъ въ Берлинъ, то его товарищи, вѣроятно, освѣдомятся о его мнѣніи. Но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на дѣла казначейства и не можетъ хлопотать о назначеніи даже ничтожнѣйшаго таможенного чиновника.

Можно еще сомнѣваться въ томъ, чему онъ болѣе обязанъ своею популярностью: неподкупности ли, которую онъ любилъ выставлять на показъ, или краснорѣчію и искусству управлять военными дѣлами. Вездѣ говорилъ съ удовольствіемъ и изумленіемъ, что «великій коммодеръ», не пользуясь привилегіями знатности или богатства, не смотря на перасположеніе двора и аристократіи, сдѣлался первымъ человекомъ въ Англіи и сдѣлалъ Англію первою страню въ мірѣ; что имя его произносится съ уваженіемъ во всѣхъ дворцахъ—отъ Лиссабона до Москвы; что графы его разсѣяны по четыремъ странамъ свѣта,—но что онъ остается просто Вилліамомъ Питтомъ, не имѣетъ ни титула, ни ленты, ни пенсіи, ни сипекуры. Когда ему придется удалиться отъ дѣлъ, онъ, спаситель отечества, долженъ будетъ продать своихъ упряжныхъ лошадей и серебряныя подсвѣчники. Какъ ни широко развилась язва подкуповъ, его руки оставались чисты. Онъ никогда не принималъ и не давалъ платы за безчестіе. Такимъ образомъ, коалиція находила поддержку и въ высшихъ и въ низшихъ степеняхъ человеческой природы и была сильна соединенными силами добродѣтели и мамоны.

Питтъ и Ньюкастль были первыми министрами на равныхъ правахъ. Для замѣщенія второстепенныхъ должностей принято было начало допущенія въ министерство всѣхъ партій и цѣлотовъ, за исключеніемъ открытыхъ якобитовъ, — даже каждаго общественнаго дѣятеля, который по своимъ способностямъ или по своему положенію могъ быть полезенъ въ должности или грозенъ въ оппозиціи.

Виги, согласно съ тѣмъ, что тогда считалось ихъ неотъемлемымъ правомъ, удержали за собой самую значительную долю власти. Главную поддержку себѣ министерство находило въ такъ-называемомъ *великомъ союзѣ виговъ*, который, въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ, пользовался сильною властью въ странѣ и громадный авторитетъ котораго основывался на знатности, богатствѣ, вліяніи на буржуа и полнымъ согласіемъ между членами. Къ этому союзу, главой котораго былъ Ньюкастль, принадлежали семейства Кавендишей, Лепоксовъ, Фицроевъ, Бенетиковъ, Маннерзовъ, Конвеевъ, Вентвортовъ и многія другія, очень пзвѣстныя.

Были еще два вигскіе союза, изъ которыхъ каждый могъ бы стать зерномъ сильной оппозиціи; но для обоихъ нашлось мѣсто въ правительствѣ. Они пзвѣстны подъ именемъ Гренвиллей и Бедфордовъ.

Главой Гренвиллей былъ Ричардъ, графъ Темплъ. Его способности къ администраціи и преніямъ были вовсе не высоки. Но богатство, безпокойный, несвязанный нравственными началами характеръ, безустанная дѣятельность, ловкость въ самыхъ безчестныхъ продѣлкахъ, свойственныхъ тактикѣ партій, — дѣлали его самымъ опаснымъ врагомъ министерства. Онъ былъ назначенъ хранителемъ малой печати. Его братъ Джорджъ былъ казначеемъ флота. Предполагали, что оба они — въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ Питту, который женился на ихъ сестрѣ и былъ крайне угодливымъ супругомъ.

Бедфорды или, какъ ихъ звали враги, *блумсбѣрійская шайка*, выдавали за своего предводителя Джона, герцога Бедфорда; но въ сущности они направляли его куда хотѣли и нерѣдко заставляли дѣлать то, на что онъ самъ никогда бы не рѣшился. У него было много хорошихъ нравственныхъ и умственныхъ свойствъ; онъ могъ бы быть почтеннымъ и даже замѣчательнымъ человекомъ, если бы только менѣе подчинялся вліянію друзей или былъ счастливѣе въ вы-

борѣ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, надо отдать имъ справедливость, были люди талантливые; но я боюсь, что этимъ и должна ограничиться похвала имъ. Сандвичъ и Ригби были искусны въ преніяхъ, отличались пріятностью въ бесѣдѣ, ловкостью въ пинтигѣ, знали до тонкости всѣ продѣлки биржи и выборовъ и были какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни нагло безнравственны. Веймутъ обладалъ природнымъ краснорѣчіемъ, иногда удивлявшимъ тѣхъ, кто зналъ, какъ мало онъ былъ образованъ; онъ былъ лѣнивъ и развратенъ; еще въ ранней молодости потерялъ онъ отличное состояніе въ игорномъ домѣ и разстроилъ въ попойкахъ крѣпкое здоровье. Богатство и значеніе герцога, таланты и смѣлость нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ могли бы составлять предметъ серьезныхъ опасеній для самаго прочнаго министерства. Но ихъ содѣйствіе было обезпечено: герцога сдѣлавъ былъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи, а Ригби—его секретаремъ; такимъ образомъ, вся партія благоговѣйно поддерживала мѣры правительства.

Еще незадолго передъ тѣмъ всѣ полагали, что два человѣка способны оспаривать у Питта мѣсто вождя палаты общинъ—Вилліамъ Моррей и Генри Фоксъ. Но Моррей перешелъ въ палату лордовъ и получилъ мѣсто главнаго судьи въ судѣ королевской скамьи. А Фоксъ хотя и оставался въ палатѣ общинъ, но найдено было средство обезпечить если не энергическое содѣйствіе, то молчаливое согласіе съ его стороны. Онъ былъ бѣдный человѣкъ и чрезчуръ пѣжрый отецъ. Должность военнаго казначея въ продолженіе раззорительной войны была въ то время, можетъ быть, самымъ прибыльнымъ мѣстомъ, каковымъ только могло распоряжаться правительство. Это мѣсто было дано Фоксу. Возможность составить въ нѣсколько лѣтъ значительное состояніе и тѣмъ обезпечить будущность своего милаго Чарльза была неотразимымъ соблазномъ для Фокса. Занять второстепенное, хотя и выгодное, мѣсто, для человѣка, бывшаго вождемъ палаты общинъ и нѣкогда получившаго порученіе составить министерство, было, по правдѣ, значительнымъ паденіемъ; но щекотливое чувство собственнаго достоинства не было въ характерѣ Фокса.

Намъ нѣтъ времени считать всѣхъ другихъ людей съ вѣсомъ, тѣмъ или другимъ способомъ привлеченныхъ на сторону правитель-

ства. Мы можемъ упомянуть о Гардвикѣ, считавшемся первымъ законопѣдомъ того времени,—о Лейггъ, считавшемся первымъ знатокомъ финансоваго дѣла,—о пропцательномъ и ловкомъ Освальдѣ,—о смѣломъ и остроумномъ Ноджентѣ, о Чарльзѣ Таунзгендѣ, самомъ блистательномъ и непостоянномъ человѣкѣ въ мірѣ,—объ Эллиотѣ, Барригтонѣ, Портѣ и Праттѣ. Дѣйствительно, сколько мы можемъ припомнить, въ палатѣ общинъ только два талантливые человѣка не были въ связи съ министерствомъ, но оба стояли такъ низко въ общественномъ мнѣніи, что единственною услугою, какую они могли оказать какому-нибудь правительству, было стать въ оппозицію. Мы говоримъ о лордѣ Джорджѣ Саквиллѣ и Робертѣ Доддингтонѣ.

Хотя большая часть оффиціальныхъ лицъ и всѣ члены кабинета считались вигами, но и торіи нѣсколько не были исключены изъ администраціи. Питтъ доставилъ многимъ изъ ихъ начальство надъ милиціей, что увеличило ихъ доходы и усилило ихъ значеніе въ графствахъ; вотъ почему они никогда не были въ такомъ хорошемъ настроеніи со смерти королевы Анны. Нѣкоторые изъ торіевъ продолжали роптать, сидя за пуншемъ въ кофейнѣ «Кокосовое дерево»; но въ палатѣ общинъ никто изъ недовольныхъ не смѣлъ поднять своихъ глазъ выше пряжки Питтова башмака.

Такимъ образомъ, оппозиціи вовсе не было; даже не было признаковъ, по которымъ бы можно было узнать, съ какой стороны возникнетъ оппозиція. Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ парламентъ, казалось, отрекся отъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей. Протоколы палаты общинъ за чегыре сессіи не представляютъ ни одного разногласія по вопросамъ партій. Дополнительные кредиты, которые далеко превосходили прежніе, были утверждаемы даже безъ преній. Самыми оживленными были въ то время пренія о дорожныхъ и межевыхъ билляхъ.

Старый король былъ доволенъ; да мало было и дѣла до того, доволенъ ли онъ, или нѣтъ: ему было невозможно, еслибы онъ даже и хотѣлъ этого, освободиться отъ вліянія столь могущественнаго министерства. Впрочемъ онъ и не имѣлъ этого намѣренія; правда, что однажды онъ былъ сильно предубѣжденъ противъ Питта и постоянно терпѣлъ непріятности отъ Ньюкастля; но энергія и успѣхъ, съ которыми велась война въ Германіи, и отличное состояніе об-

щественныхъ дѣлъ произвели благоприятное измѣненіе въ мысляхъ короля.

Таково было положеніе дѣлъ, когда 23-го октября 1760 г. Георгъ II скоростпжно умеръ и королемъ сдѣлался Георгъ III, которому было тогда двадцать-два года. Положеніе Георга III значительно отличалось отъ положенія его дѣда и прадѣда. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда англійскій король пользовался любовью какой-нибудь части своихъ подданныхъ. Первые два короля изъ Ганноверскаго дома не имѣли ни послѣдственныхъ правъ, которыя часто замѣняютъ личныя достоинства, ни личныхъ качествъ, которыя часто замѣняютъ послѣдственныя права. Государь можетъ быть любимъ народомъ, даже имѣя мало добродѣтелей и способностей, если онъ наследовалъ свою власть отъ длиннаго ряда предковъ. Похититель престола также можетъ быть любимъ, если его геній спасъ народъ, которымъ онъ управляетъ, или увеличилъ владѣнія народа. Можетъ быть, ни одинъ изъ государей нашего времени не былъ любимъ подданными болѣе императора Франца и его зятя — императора Наполеона I. Но представьте себѣ владѣтеля, права котораго были бы такъ же нетверды, какъ и права Наполеона, и который своими умственными способностями не превосходилъ бы императора Франца. Таковъ былъ Ричардъ Кромвелль, и едва лишь поднялась на него рука, онъ палъ безъ борьбы, при общихъ насмѣшкахъ. Георгъ I и II были въ положеніи, похожемъ на положеніе Ричарда Кромвелля. Отъ участи послѣдняго они были спасены только энергичнымъ и искуснымъ образомъ дѣйстви въ годовъ и общимъ убѣжденіемъ, что народу остается выборъ только между Брауншвейгскимъ домомъ и папизмомъ. Но никакой классъ народа не смотрѣлъ на гвельфовъ^(*) съ тѣмъ чувствомъ благоговѣйной преданности, многочисленныя доказательства котораго видѣли Карлъ I, Карлъ II и Іаковъ II, несмотря на свои величайшія ошибки и среди самыхъ страшныхъ своихъ неудачъ. Тѣ виги, которые такъ мужественно поддерживали новую династію деньгами и мечомъ, дѣйствовали по началамъ, не только независимымъ отъ чувства преданности, но

(*) Родоначальникомъ Ганноверскаго дома былъ Генрихъ Гордый, гвельфъ.

даже вообще несогласнымъ съ нимъ. Умѣренные торіи смотрѣли на иностранную династію какъ на великое зло, которое надо было перенести во избѣжаніе еще большаго. Въ глазахъ крайнихъ торіевъ курфюрстъ былъ самымъ ненавистнымъ изъ похитителей и тирановъ: на головѣ его была корона, принадлежащая другому, на рукахъ — кровь мужественныхъ и вѣрныхъ. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ король англійскіе были предметомъ сильной ненависти большинства своихъ подданныхъ, и никто не чувствовалъ къ нимъ сильной привязанности. Правда, что они находили твердую и сильную поддержку противъ претендента на ихъ корону; но ихъ поддерживали вовсе не для нихъ самихъ, а ради той политической и религіозной системы, которая подверглась бы опасности въ случаѣ ихъ паденія. За эту поддержку они должны были платить постояннымъ жертвованіемъ своихъ личныхъ поклонностей въ пользу той партіи, которая посадила ихъ на престолъ и поддерживала на немъ.

Въ концѣ царствованія Георга II, чувство ненависти, съ которымъ половина народа смотрѣла на Брауншвейгскій домъ, исчезло; но чувство преданности этому дому не зародилось. Дѣйствительно, въ характерѣ стараго короля было мало того, что могло бы внушить уваженіе или преданность къ нему. Онъ не былъ нашимъ соотечественникомъ и не бывалъ въ нашей странѣ до тридцатилѣтняго возраста; его рѣчь указывала на его иностранное происхожденіе и воспитаніе. Его любовь къ родинѣ — самая любезная сторона его характера — не могла привлечь къ нему британскихъ подданныхъ. Онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ когда ему удавалось промѣнять Сентъ-Джемсъ на Герренгаузенъ. Ежегодно нашъ флотъ употребляемъ былъ на то, чтобы провожать его на континентъ; и интересы королевства казались ему ничтожными въ сравненіи съ интересами курфюршества. Наконецъ, у него не было ни одного изъ тѣхъ качествъ, за которые прощаютъ слабость умственныхъ способностей, или — изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ привлекательною легкость поведенія. Онъ былъ дурной сынъ и еще худшій отецъ, невѣрный супругъ и непривлекательный любовникъ. О немъ не разсказывается ни одного великодушнаго или человѣколюбиваго поступка, но разсказывается много примѣровъ его пошлости и жестокости,

а эти качества — еслибъ ихъ не сдерживали крѣпкія конституціонныя ограды — могли бы послужить источникомъ бѣдствій для народа.

Онъ умеръ — и открылся новый міръ; молодой король былъ уроженецъ Англіи. Всѣ его вкусы и привычки, хорошіе или дурные, были чисто-англійскіе. Ни одна часть его подданныхъ не могла въ чемъ-либо упрекнуть его; даже оставшіеся приверженцы Стюартовъ едва ли могли поставить ему въ вину похищеніе престола. Онъ не могъ нести отвѣтственности ни за революцію, ни за актъ о престолонаслѣдіи, ни за усмиреніе возстаній 1715 и 1745 гг. Онъ былъ невпнекъ въ кровь Девентвотера и Кильмарнока, Бальмернио и Камерона. Родившись черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ изгнанія прежней династіи, правнукъ перваго изъ королей Ганноверскаго дома и наслѣдникъ втораго, онъ имѣлъ уже за себя нѣчто въ родѣ наслѣдственнаго права. Его возрастъ, наружность и все, что знали объ его характерѣ, пріобрѣло ему общую любовь. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ; его наружность и обращеніе были пріятельны. Сплетни не приписывала ему никакаго порока, и лесть безъ очевидной нелѣпости могла паходить въ немъ многія, приличныя государю, добродѣтели.

Вотъ почему немудрено, что чувство преданности, — чувство, казавшееся столь же несогласнымъ съ вѣкомъ, какъ вѣра въ колдуновъ или обычай пилигримства, должно было начать возрождаться со дня его вступленія на престолъ. Торіи, въ особенности всегда склонныя къ обожанію королей и давно мучившіеся отсутствіемъ дома, передъ которымъ могли бы упасть ницъ, были такъ же исполнены радости, какъ жрецы Аписа, когда они послѣ долгаго промежутка находили новаго быка для поклоненія. Скоро сдѣлалось яснымъ, что на Георга III ясть его подданныхъ смотрѣла совершенно съ другимъ чувствомъ, нежели на двухъ его предшественниковъ. Тѣ были просто первыми сановниками, дожами, штатгальтерами: онъ же торжественно явился королемъ, помазанникомъ божіимъ, ненагляднымъ сокровищемъ своего народа. Годы вдовства, печали миновали для торіевъ. Дидона довольно долго хранила вѣрность къ хладному праху своего перваго супруга; теперь она нашла утѣшителя и сознала въ себѣ признаки прежняго пламени. Золотые дни Гарли возвращаются снова; снова Соммерсеты, Ли и Виндгамы будутъ окру-

жать тронъ; прелаты-латитудинаріи, которые не стыдились переплываться съ Доддриджемъ и жать руку Вистону, будутъ замѣщены духовными лицами въ духѣ Соута и Аттербѣри. Преданность къ дому Стюартовъ, которая выдержала испытаніе пораженій, конфискацій и проскрипцій, которую не утомили коварство, угнетеніе и неблагодарность, — перешла теперь вполне къ дому Брауншвейгскому. Если Георгъ III приметъ выраженіе преданности кавалеровъ и высоко-церковниковъ, то онъ станетъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ были Карлъ I и Карлъ II.

Государь, котораго восшествіе на престолъ было встрѣчено, такимъ образомъ, великою партією, постоянно уклонявшеюся отъ сношеній съ его домомъ, получилъ отъ природы твердую волю, энергію характера, которой, пожалуй, можно было бы придать другое, болѣе суровое, названіе, и умъ—если не острый и просвѣщенный—то такой, который образуетъ хорошаго дѣловаго человѣка. По характеръ его еще не развился вполне. Онъ былъ воспитанъ въ строгомъ уединеніи. Враги вдовствующей принцессы Валлійской утверждали, будто она нарочно отдавала своихъ дѣтей отъ соприкосновенія съ обществомъ, чтобы имѣть нераздѣльную власть надъ ихъ умами; но она объясняла свой образъ дѣйствій иначе. По ея словамъ, она охотно допускала бы своихъ сыновей и дочерей обращаться въ свѣтъ, еслибы при этомъ не подверглась опасности ихъ нравственность, во ее тревожилъ развратъ знатныхъ людей. Молодые люди были всѣ развратны; молодыя женщины влюблялись, не ожидая, когда за ними начнутъ ухаживать. Она не могла согласиться подвергнуть тѣхъ, кого наиболѣе любитъ, заразителному вліянію подобнаго общества. Правительныя выгоды системы, по которой воспитаны были герцоги Йоркскій и Кумберландскій и королева датская, быть можетъ, подлежатъ сомнѣнію. Георгъ III, конечно, не былъ развратецъ; но когда онъ вззошелъ на престолъ, умъ его не былъ развитъ и нѣкоторое время былъ подъ исключительнымъ вліяніемъ своей матери и своего камергера Джона Стюарта, графа Бьюта.

Графъ Бьютъ едвали былъ извѣстенъ даже по имени той странѣ, которою былъ призванъ теперь управлять. Правда, что вскорѣ по достиженіи совершеннолѣтія онъ былъ выбранъ на мѣсто вышедшаго посреди сессіи шотландскаго пера. Подавая нѣсколько разъ

голось вмѣстѣ съ торіями, Бьютъ оскорбилъ вигское министерство; въслѣдствіе чего при ближайшемъ распушеніи парламента потерялъ свое мѣсто и никогда не былъ снова выбранъ. Прошло почти 20 лѣтъ, въ которыя онъ не игралъ никакой политической роли. Нѣкоторые изъ этихъ годовъ онъ провелъ въ своемъ замкѣ на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ; это уединеніе онъ оставилъ, чтобы вступить въ службу принца Фридриха. Лордъ Бьютъ, лишенный возможности участвовать въ политической жизни, нашелъ много способовъ услаждать свой досугъ. Онъ былъ сноснымъ актеромъ на домашнихъ театрахъ и особенно успѣшно игралъ роль Лотаріо. Прекрасная нога, которой живописцы и сатирики дали такую знаменитость, была однимъ изъ главныхъ его преимуществъ на сценѣ. Онъ искусно изобрѣталъ маскарадные костюмы. Онъ занимался немного геометріею, механикою и ботаникою; обращалъ нѣкоторое вниманіе на древности и произведенія искусства: въ своемъ кругу онъ считался знатокомъ живописи, архитектуры и поэзіи. Говорятъ, что онъ писалъ неправильно. Но хотя въ наше время неправильное правописаніе справедливо считается признакомъ грубаго невѣжества, несправедливо было бы прилагать то же правило къ людямъ, жившимъ сто лѣтъ назадъ. Романъ *«Серъ Чарльзъ Грандисонъ»* вышелъ въ свѣтъ почти въ то же время, какъ лордъ Бьютъ появился въ Лейстеръ-Гаусѣ. Наши читатели помнятъ, можетъ быть, отзывъ Шарлотты Грандисонъ о двухъ влюбленныхъ въ нее: одинъ изъ нихъ, фешьёнебельный баронетъ, говорившій бѣгло по-французски и по-итальянски, не могъ написать строчки на своемъ родномъ языкѣ безъ орфографической ошибки; о другомъ, который выставляется замѣчательнѣйшимъ образцомъ аристократической молодежи, чѣмъ-то въ родѣ виртуоза, говорится, что онъ писалъ очень хорошо для лорда. Вообще графа Бьюта по справедливости можно было назвать человѣкомъ образованнымъ. Онъ былъ также человѣкъ несомнѣнной честности; но пониманіе его было узко, манеры холодны и высокомерны. Его способности къ роли государственнаго человѣка были очень хорошо оцѣнены принцемъ Фридрихомъ, который часто позволялъ себѣ недостойную принца забаву—подсмѣиваться надъ своими приближенными. «Бьютъ, — говорилъ его королевское высочество, — вы какъ

будто созданы для того, чтобы быть посланникомъ при одномъ изъ германскихъ дворовъ, при которыхъ нечего дѣлать.»

Сплетня выдавала камергера за счастливаго любовника вдовствующей принцессы. Въ томъ, что онъ былъ ея другомъ и повѣреннымъ, нѣтъ никакого сомнѣнія. Соединенное вліяніе этихъ двухъ лицъ на короля было въ первое время неограничено. Принцесса, женщина и притомъ иностранка, не могла быть основательнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ государственныхъ. О графѣ едва ли можно сказать, что онъ достигъ хоть бы познаній новичка въ политическихъ дѣлахъ. Его понятія о правленіи составились въ обществѣ, которое обыкновенно собиралось вокругъ Фридриха въ Кью и Лейстеръ-Гаусъ. Это общество состояло главнымъ образомъ изъ торіевъ, примиренныхъ съ Ганноверскимъ домомъ благосклонностью къ нимъ принца Фридриха и надеждою получить высокое назначеніе, когда онъ вступитъ на престолъ. Ихъ политическія вѣрованія составляли особое видоизмѣненіе торизма. То не были ни убѣжденія торіевъ XVII в., ни убѣжденія торіевъ XIX в.; то не были убѣжденія ни Фильмера и Сачеверелля, ни Персеева и Эльдона, но убѣжденія той секты, главнымъ учителемъ которой можно назвать Боллингброка. Эта секта заслуживаетъ похвалы за то, что указала и справедливо осудила нѣкоторыя важныя злоупотребленія, возникшія во время продолжительнаго правленія вдовы. Но замѣтить и указать злоупотребленія легче, чѣмъ предложить благодѣтельныя реформы; реформы же, которыя предлагалъ Боллингброкъ, были или вовсе неприменимы, или вели ко злу, гораздо сильнѣйшему, чѣмъ то, которое онъ должны были излечить.

Революція избавила народъ отъ злыя одного рода, но въ то же время—таково несовершенство всего человѣческаго — породила или усилила бѣдствія другаго рода, противъ которыхъ потребовались новыя лекарства. Свобода и собственность были обезпечены отъ покушеній власти; совѣсть была уважаема. Никакое правительство не рѣшилось бы нарушить правъ, торжественно признанныхъ актомъ, призвавшимъ Вильгельма и Марію на престолъ. Но нельзя отрицать, что, при новой системѣ, общественные интересы и общественная правдивость подверглись сильной опасности отъ подкупа и духа партій. Во время продолжительной борьбы противъ Стюар-

товъ главною заботой всѣхъ, наиболѣ просвѣщенныхъ, государственныхъ людей было укрѣпленіе власти палаты общинъ. Когда борьба была окопчена, побѣда одержана, палата общинъ заняла высшее мѣсто въ государствѣ, недостатки въ представительной системѣ, скрывавшіеся до тѣхъ поръ, быстро раскрылись. Лишь только исполнительная власть сдѣлалась дѣйствительно отвѣтственною передъ палатою общинъ, оказалось, что отвѣтственность палаты общинъ передъ народомъ вовсе недѣйствительна. Многія изъ избирательныхъ коллегій находились подъ безусловнымъ контролемъ частныхъ лицъ; другія, какъ всѣмъ было извѣстно, поддавались тому, кто платилъ болѣе. Пренія не публиковались; за дверями парламента рѣдко было извѣстно, за что подать свой голосъ тотъ или другой членъ. Такимъ образомъ, министерство было отвѣтственно передъ парламентомъ, а парламентское большинство ни передъ кѣмъ не было отвѣтственно. При такихъ обстоятельствахъ, очень естественно было, что члены потребовали платы за свои голоса, что начали составлять между собою кружки, съ цѣлю—поднять цѣну на свои голоса, и въ критическихъ обстоятельствахъ требовали большія суммы, угрожая ударомъ. Такимъ образомъ, вигскія министерства Георга I и Георга II принуждены были обратитъ подкупъ въ систему и пользоваться имъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Если мы правы касательно причинъ этихъ злоупотребленій, то едвали можемъ ошибаться въ средствахъ противъ нихъ. Средство это состояло, конечно, не въ томъ, чтобы лишить палату общинъ ея значенія въ государствѣ. Такой образъ дѣйствій, безъ сомнѣнія, положилъ бы конецъ и парламентскимъ подкунамъ и парламентскимъ факціямъ, ибо когда мнѣнія членовъ палаты теряютъ свое значеніе, ихъ перестанутъ подкупать; когда стачки продажныхъ людей не будутъ ни къ чему вести, они перестанутъ стачиваться. Но уничтожить подкупъ и духъ партій введеніемъ деспотизма—значило бы лечитъ одно зло другимъ, болѣшимъ. Дѣйствительнымъ лекарствомъ, очевидно, было бы сдѣлать палату общинъ отвѣтственною передъ народомъ. Этого можно было достигнуть двумя путями: во первыхъ—обнародованіемъ дѣйствій парламента и такимъ образомъ ставя каждого члена передъ судомъ общественнаго мнѣнія; во вторыхъ—такъ преобразовать весь составъ палаты, чтобы никто не могъ за-

сѣдать въ ней, не бывъ выбранъ почтенною и независимою избирательною коллегіей.

Боллингброкъ и ученики его указывали совершенно иной способъ леченія болѣзней государства. По ихъ мнѣнію, энергическое употребленіе прерогативы, въ рукахъ патріотическаго короля, могло бы заразъ уничтожить всѣ стачки, основанныя на духѣ партій, и превозмочь воображаемую необходимость подкупать членовъ палаты. Королю стоило только рѣшиться быть повелителемъ, показать, что онъ не желаетъ оставаться въ зависимости отъ какой-нибудь горсти людей; что онъ будетъ назначать министрамъ только тѣхъ, къ кому имѣетъ довѣріе, безъ различія партій; что онъ не позволитъ своимъ служителямъ дѣйствовать безнравственными средствами ни на избирательныя коллегіи, ни на парламентъ. Этотъ ребяческій планъ свидѣтельствуетъ, что предлагавшіе его не имѣли никакого понятія о сущности зла, которое собирались исцѣлить. Истинная причина преобладанія подкуновъ и духа факцій состояла въ томъ, что палата общинъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственная, была сильнѣе короля. Лекарство, предлагаемое Боллингброкомъ, могло быть употреблено только королемъ, который былъ бы сильнѣе палаты общинъ. Какъ можетъ управлять патріотическій король, враждуя съ палатой, безъ согласія которой ему нельзя ни снарядить шлюпки, ни вооружить батальона солдатъ, ни послать посольства, ни даже платить жалованье чинамъ собственнаго двора? Распустить ли онъ парламентъ? Но тогда что же можно пріобрѣсти воззваніемъ къ Сидбери и Ольдъ-Саруму ⁽⁶⁾ противъ продажности ихъ представителей? Прибѣгнетъ ли онъ къ королевскимъ декретамъ или собиранію Корабельной подати? Но въ такомъ случаѣ хваленная реформа должна бы была, по всей вѣроятности, начаться съ междоусобной войны и, еслибы была совершена, привела бы къ торжеству неограниченной власти. Или патріотическій король склонитъ палату идти къ его благороднымъ цѣлямъ? Но какими средствами? Отказываясь отъ дѣйствія подкупами, съ чѣмъ онъ обратится къ Доддингтонамъ и Виннингтонамъ? Неужели нѣсколькими изящными сентенціями о добродѣтели и согласіи можно усыпить корысть, усилешную привычкой?

(6) Гиллы бурги.

Какъ ни была пелѣна эта теорія, она находила многихъ поклонниковъ, особенно между литераторамъ. Оставалось приложить ее къ практикѣ: въ результатѣ, — какъ могъ предвидѣть каждый проницательный человѣкъ, — оказались самыя жалкія и смѣшныя неудачи.

Въ самый день вступленія молодого короля на престолъ, показались нѣсколько признаковъ, предвѣщавшихъ наступленіе важной перемѣны. Рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести въ совѣтѣ, не была сообщена министрамъ. Она была составлена Бьютомъ и заключала въ себѣ нѣсколько выраженій, которыя можно было счесть за осужденіе мѣръ предшествующаго царствованія. Питтъ возсталъ противъ этихъ выраженій и просилъ смягчить ихъ въ печати; только послѣ нѣсколькихъ часовъ спора Бьютъ уступилъ; но даже и тогда король все-еще не соглашался до полудня слѣдующаго дня. Въ тотъ же день, когда происходилъ этотъ страшный споръ, Бьютъ не только былъ сдѣланъ членомъ тайнаго совѣта, но и введенъ въ министерство.

Вскорѣ послѣ того, лордъ Гольдернессъ, одинъ изъ статсъ-секретарей, въ исполненіе плана, составленнаго по соглашенію съ дворомъ, отказался отъ должности хранителя печати. Бьютъ немедленно былъ назначенъ на открывшееся мѣсто. Когда начались общіе выборы, новый статсъ-секретарь вступилъ въ парламентъ единственнымъ возможнымъ для него путемъ: онъ былъ избранъ въ число 16 шотландскихъ перовъ (а).

Еслибъ министры были прочно связаны между собою, то едвали можно сомнѣваться, что они были бы въ состояніи противодѣйствовать двору. Парламентское вліяніе вигской аристократіи, соединенное съ гениемъ, добродѣтелью и славой Питта, было бы несокрушимо. Но между министрами Георга II существовали скрытая зависть и ненависть, которыя теперь начали выказываться. Питтъ удался отъ своего стараго союзника — Лекка; канцлера казначейства. Нѣкоторые изъ министровъ завидовали популярности Питта. Другимъ не безъ основанія не нравился гордый и повелительный об-

(а) Въ царствованіе Анны, палата лордовъ постановила, на основаніи ст. 23 акта о соединеніи, что шотландскій перъ не можетъ быть возведенъ въ достоинство пера Великобританіи. Это постановленіе не было отмѣнено до 1782 г.

разъ его дѣйствій. Нѣкоторые вели честную оппозицію противъ извѣстныхъ сторонъ его политической дѣятельности; они соглашались, что Питтъ нашелъ страну въ глубокомъ униженіи и возвелъ ее на вершину славы, что онъ велъ войну энергично, искусно и съ блистательнымъ успѣхомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они намекали, что средства страны были истощены до того безпримѣрно, и національный долгъ возросъ такъ быстро, что Монтегью или Годольфинъ совершенно растерялись бы. Нѣкоторые изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ нашими арміями и флотами, они считали полезными и почетными. Но теперь, когда умеръ Георгъ II, придворный могъ спросить, почему Англія приняла участіе въ распрѣ двухъ германскихъ государствъ? Что ей до того, Габсбургскій или Бранденбургскій домъ будутъ владѣть Силезіей? Къ чему лучшимъ англійскимъ полкамъ сражаться на берегахъ Майна? Почему прусскимъ батальонамъ платять англійскимъ золотомъ? Великій министръ, казалось, считалъ недостойнымъ себя разсчитывать, чего стоитъ побѣда. Пока съ Тоуэра гремѣли пушечные выстрѣлы, пока улицы были иллюминированы и французскія знамена возлились съ торжествомъ по Лондону, Питтъ оставался равнодушнымъ къ тому, до какой степени увеличались общественныя тягости. Напротивъ, онъ, казалось, даже гордился тѣми жертвами, которыя народъ, обвороженный его краснорѣчіемъ и успѣхомъ, спѣшилъ принести и о которыхъ долженъ былъ потомъ долго и горько сожалѣть. Растратамъ и похищеніямъ общественныхъ суммъ не было предѣла. Наши комиссары, возвращаясь изъ лагеря принца Фердинанда, (?) покупали бурги, строили дворцы и въ великолѣпнѣ соперничали съ старинною аристократіей королевства. Въ четыре года войны, мы сдѣлали такой долгъ, какого не можетъ заплатить самое искусное и бережливое правительство въ сорокъ лѣтъ мира. Надежда на миръ была такъ же далека, какъ и прежде. Франція, печальная и униженная, безъ сомнѣнія, согласилась бы помириться на выгодныхъ условіяхъ; но не того было нужно Питту; война сдѣлала его спѣшнымъ и популярнымъ; съ войной соединялось все, что было блестящаго въ его жизни: для войны его

(?) Герцогъ Брауншвейгскій, бывшій предводителемъ прусскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

таланты были особенно пригодны. Наконецъ онъ началъ любить войну для войны и скорѣе готовъ былъ начать войну съ нейтральными странами, чѣмъ примириться съ врагами.

Таковы были взгляды герцога Бердфорда и графа Гардвика; но во всемъ министерствѣ никто не держался этого мнѣнія такъ крѣпко, какъ Джорджъ Гренвилль, морской казначей. Гренвилль былъ зять Питта и постоянно считался его личнымъ и политическимъ другомъ; но трудно представить двухъ талантливыхъ и честныхъ людей, болѣе несходныхъ между собой. Питтъ, какъ часто говорила сестра его, не зналъ ничего, кромѣ Спенсеровой поэмы: «*Царица фей*». Онъ никогда ревностно не занимался никакою отраслью наукъ, онъ былъ плохой финансеръ; онъ никогда не могъ познакомиться близко даже съ правилами той палаты, которой былъ блистательнѣйшимъ украшеніемъ. Онъ никогда не изучалъ международного права въ системѣ и былъ дотога невѣжественъ въ этомъ предметѣ, что разъ Георгъ II горько жаловался, что человѣкъ, никогда не читавшій Ваттеля, изъясняетъ притязанія управлять иностранными дѣлами. Но все эти недостатки искупались высокими и рѣдкими качествами: необычайною способностью внушать массамъ любовь и довѣріе, — краснорѣчіемъ, которое не только ласкало ухо, но воспламеняло кровь и вызывало слезы, — оригинальностью въ составленіи плановъ, энергіей въ ихъ исполненіи. Гренвилль, съ другой стороны, по природѣ и привычкамъ, былъ человѣкомъ частностей. Онъ получилъ юридическое образованіе и внесъ трудолюбіе и точность Темпла въ оффиціальную и парламентскую жизнь. Его считали глубоко знакомымъ съ фискальною системою страны. Онъ обращалъ особенное вниманіе на уставъ парламента и такъ хорошо зналъ всѣ привилегіи и постановленія палаты общинъ, что люди, наименѣе любившіе его, считали его единственнымъ достойнымъ преемникомъ Огисла на предсѣдательскомъ креслѣ. Его рѣчи были вообще поучительны, а иногда и производили впечатлѣніе, по той важности и серьезности, съ которой онъ говорилъ; но онѣ никогда не были блистательны и вообще были вялы. Дѣйствительно, Гренвиллю трудно было поддерживать вниманіе палаты даже тогда, когда онъ стоялъ во главѣ управленія. Какъ по склонностямъ, такъ и по уму онъ совершенно не походилъ на своего зятя. Питтъ былъ со-

першенно беззаботенъ въ отношеніи къ деньгамъ, онъ едвали протянулъ бы руку, чтобы взять пхъ; а когда онъ появлялся, онъ бросалъ пхъ съ ребяческою щедростью. Гренвиллъ, будучи строго безкорыстенъ, былъ скупъ и расчетливъ. Питтъ былъ человекъ нервный, легко поддающійся надеждѣ, легко увлекающійся успѣхомъ и популярностью, чувствительный къ обидѣ, но скорый на прощеніе. Гренвиллъ по характеру былъ суровъ, меланхоличенъ и упрямъ. Самая замѣчательная черта его — склонность всегда искать черную сторону. Въ палатѣ общинъ онъ былъ ворономъ, каркающимъ о порженіи посреди побѣдъ, — о банкротствѣ, когда сундуки казначейства полны. Боркъ возбудилъ общія рукоплесканія, сравнивъ его, во времена тишины и довольства, съ описаннымъ у Овидія злымъ духомъ, который, смотря на пышные храмы и богатую гавань Аѳинъ, едва могъ удержаться отъ слезъ о томъ, что не нашелъ ничего достойнаго оплакиванія. Такой человекъ не могъ сдѣлаться популярнымъ; но Гренвиллъ противопоставлялъ своей непопулярности такую упорную рѣшимость, что нерѣдко принуждалъ уважать себя даже людей, ненавидѣвшихъ его.

Естественно, что Питтъ и Гренвиллъ, будучи такими, какими были, должны были смотрѣть съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на положеніе дѣлъ. Питтъ видѣлъ только трофеи, Гренвиллъ только издержки. Питтъ хвастался, что Англія заразъ торжествовала въ Америкѣ, Индіи и Германіи, — стала властительницею судебъ континента, владычицею морей. Гренвиллъ упрекалъ въ субсидіяхъ, вздыхалъ о чрезвычайномъ увеличеніи войскъ и содрогался при мысли, что народъ въ одинъ годъ сдѣлалъ долгу восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Съ министерствомъ, несогласнымъ до такой степени, Бьюту было легко сладить. Первый палецъ Леггъ. Онъ оскорбилъ короля еще до вступленія его на престолъ тѣмъ, что отказался поддерживать креатуру Бьюта на гампширскихъ выборахъ. Онъ не только принужденъ былъ выйти въ отставку, но при сдачѣ должности былъ еще оскорбленъ грубымъ обращеніемъ.

Питтъ, не любившій Легга, смотрѣлъ на это событіе равнодушно, но опасность была близка и къ нему самому. Карлъ III, король испанскій, давно уже смертельно возненавидѣлъ Англію. За двадцать

лѣтъ передъ тѣмъ, бывши королемъ Обѣихъ Сидплій, онъ готовъ былъ вступить въ союзъ противъ Маріи Терезы, но англійскій флотъ неожиданно явился въ Неаполитанскомъ залпѣ. Англійскій капитанъ высадился, пришелъ во дворецъ, положилъ часы на столъ и сказалъ королю, что если черезъ часъ не подпишетъ онъ трактата о нейтралитетѣ, то городъ будетъ бомбардированъ. Трактатъ былъ подписанъ, и эскадра вышла изъ залива черезъ двадцать четыре часа послѣ того, какъ вошла въ него. Съ тѣхъ поръ преобладающею страстью унывшаго государя сдѣлалась ненависть къ англійскому пмевн. Наконецъ онъ достигъ положенія, подававшего надежды на удовлетвореніе этой страсти. Онъ только-что сдѣлался королемъ Испаніи и Индій. Съ завистью и страхомъ смотрѣлъ онъ на успѣхи нашего флота и расширеніе нашихъ колоній. Онъ былъ Бурбонъ и сочувствовалъ печальному положенію того дома, котораго былъ членомъ. Онъ былъ испанецъ, а ни одинъ испанецъ не могъ перенести мысли, что Гибралтаръ и Минорка находятся въ рукахъ иностранной державы. Побуждаемый такими чувствами, Карлъ III заключилъ секретный трактатъ съ Франціей. По смыслу этого трактата, извѣстнаго подъ пменемъ *Фамильнаго*, обѣ державы обязались вести сообща войну съ Англіей. Испанія отложила объявленіе войны только до возвращенія своего флота, нагруженнаго сокровищами Америки.

Существованіе трактата не могло оставаться тайною для Питта. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ слѣдовало ожидать отъ человека съ его способностями и энергіею. Онъ предложилъ объявить войну Испаніи и въ то же время захватить флотъ, идущій изъ Америки. Онъ рѣшился безъ замедленія напасть на Гаванну и острова Филиппинскіе.

Этотъ благоразумный и энергическій совѣтъ былъ отвергнутъ. Первый воспротивился ему Бьютъ и былъ поддержанъ почти всѣмъ кабинетомъ. Нѣкоторые министры сомнѣвались, или показывали видъ, будто сомнѣваются въ точности извѣстій, полученныхъ Питтомъ. Другіе отступили передъ отвѣтственностью, связанною съ поддержкой столь смѣлаго и энергическаго образа дѣйствій. Пнымъ надобно преобладаніе Питта, и они рады были всякому предлогу избавиться отъ него. Изъ всѣхъ министровъ только зять Питта, графъ Темплъ, соглашался съ нимъ.

Питтъ и Темплъ вышли въ отставку. Съ Питтомъ молодой король простился самымъ милоствнымъ образомъ. Питтъ, всюду гордый и надменный, но кроткій и смиренный въ кабинетѣ короля, былъ тронутъ даже до слезъ. Король и любимецъ его настаивали, чтобы онъ принялъ существенный знакъ королевской благодарности. Не желаетъ ли онъ быть назначеннымъ губернаторомъ въ Канаду? Въ такомъ случаѣ, онъ будетъ получать 5.000 ф. ст. жалованья въ годъ; пребываніе въ Канадѣ будетъ для него вовсе не обязательно. Правда, что, по тогдашнимъ законамъ, губернаторъ Канады не могъ быть членомъ палаты общины. Но можно предложить билль, позволяющій Питту соединить губернаторство съ мѣстомъ въ палатѣ; во вступленіи къ биллю можно изложить права Питта на благодарность страны. Питтъ деликатно отвѣчалъ, что онъ болѣе заботится о своей женѣ и дѣтяхъ, чѣмъ о самомъ себѣ, и что для него самымъ пріятнымъ знакомъ королевской милости было бы все, могущее принести пользу для лицъ, самыхъ дорогихъ ему. Намекъ былъ понятъ. Въ томъ же номерѣ газеты, гдѣ извѣщали объ отставкѣ статс-секретаря, извѣщали также, что, въ уваженіе его великихъ общественныхъ заслугъ, супруга его лично возводится въ перское достоинство, а ему самому назначается пенсія въ 3.000 ф. ст. ежегодно, имѣющая распространиться на три поколѣнія. Безъ сомнѣнія, позавали, что почести и награды, данныя великому министру, будутъ имѣть примпрительное вліяніе на общественное мнѣніе. Можетъ быть, думали также, что популярность, которою онъ обязанъ отчасти постоянно выдаваемому имъ презрѣнію къ деньгамъ, будетъ нѣсколько потрясена тѣмъ, что онъ получилъ пенсію. И дѣйствительно, появилось множество пасквилей, въ которыхъ обвиняли его въ томъ, что онъ продалъ свою страну. Многіе изъ его искреннихъ друзей думали, что онъ лучше сохранилъ бы достоинство своего характера, еслибы отказался отъ денежной награды двора. Тѣмъ неменѣе, общее мнѣніе о его талантахъ, добродѣтеляхъ и заслугахъ нисколько не измѣнилось. Изъ многихъ большихъ городовъ были посланы къ нему адреса. Лондонъ выразилъ свое сочувствіе и одобреніе болѣе осязательнымъ образомъ. Вскорѣ послѣ его отставки, наступилъ праздникъ лорда-мера. Король и королевское семейство обѣдали въ Гильдголлѣ. Питтъ былъ въ числѣ гостей. Молодой государь, ѣхавшій со своею

супругой въ парадной коляскѣ, получилъ памятный урокъ: на него едва обратили вниманіе; всѣ глаза были обращены на павшаго министра, всѣ восклицанія относились къ нему. Народъ, стоявшій на улицахъ, балконахъ, крышахъ, привѣтствовалъ его восторженными кликами; дамы махали изъ оконъ платками; простолюдины цѣплялись за колеса кареты, жали руку лакею и даже цѣловали лошадей. Кликъ: «Не нужно Бьюта! не нужно сома-Ньюкастля!» — смѣшпвались съ кликами: «Да здравствуетъ Питтъ на-вѣки!» Когда Питтъ вошелъ въ залу, его встрѣтили громкими криками и рукоплесканіями, въ которыхъ приняли участіе и члены городского управленія Сити. Въ то же время, Бьютъ былъ сопровождаемъ свистками и бранью черезъ весь Чипсайдъ; думали даже, что жизнь его подверглась бы опасности, если бы онъ не окружился своего экипажа сильными отрядомъ боксѣровъ. Многіе осуждали образъ дѣйствій Питта въ этомъ случаѣ, видя въ немъ неуваженіе къ королю. Даже самъ Питтъ признавался послѣ, что поступилъ дурно. Въ это заблужденіе, какъ послѣ въ болѣе серьезныя заблужденія, ввелъ его буйный и злобный зять его Темплъ.

Событія, непосредственно послѣдовавшія за отставкой Питта, возвысили славу его до такой степени, какой она никогда не достигала. Война съ Испаніей оказалась неизбежною, какъ онъ и предсказывалъ. Изъ Вестъ-Индіи получено было извѣстіе, что Мартиника взята экспедиціей, которую онъ снарядилъ. Гаванна пала, а извѣстно было, что онъ составилъ планъ нападенія на Гаванну. Манилья сдалась: предполагали, что онъ замышлялъ нанести ударъ Манильѣ. Американскій флотъ, который онъ намѣревался захватить, вошелъ въ кадикскую гавань съ огромнымъ грузомъ драгоценныхъ камней прежде, чѣмъ Бьютъ успѣлъ убѣдиться во враждебныхъ намѣреніяхъ мадритскаго двора.

Парламентская сессія, слѣдовавшая за удаленіемъ Питта, прошла безъ сильной бури. Лордъ Бьютъ принялъ на себя самую значительную роль въ верхней палатѣ. Онъ сдѣлался статсъ-секретаремъ и въ сущности былъ первымъ министромъ, хотя ни разу не говорилъ передъ публикою, кромѣ какъ съ подмостковъ театра. Вотъ почему всѣ интересовались узнать, какъ онъ исполнитъ свою роль. Члены палаты общины собрались у рѣшетки палаты лордовъ и тѣснились у ступеней трона. Всѣ ожидали, что ораторъ падетъ; но даже самые предубѣжденные слушатели должны были сознаться, что

онъ оказался талантливѣе, чѣмъ предполагалъ. Правда, что многіе смѣялись надъ его дикціею, слишкомъ театральною, надъ его слогомъ, слишкомъ напыщеннымъ. Особенно забавны были слишкомъ долгія паузы, происходившія не отъ колебанія, а изъ аффектаціи—при всякомъ словѣ, на которое онъ хотѣлъ обратить особенное вниманіе; и Чарльзъ Таунзгендъ кричалъ: «Минутный выстрѣлъ!» Впрочемъ, по общему мнѣнію, Бьютъ могъ бы сдѣлаться ораторомъ, способнымъ производить впечатлѣніе, еслибы раньше началъ упражняться въ реченіяхъ.

Въ палатѣ общинъ мѣсто вождя было поручено Джорджу Гренвиллю. Задача тогда не была трудною, ибо Питтъ не считалъ нужнымъ поднимать знамя оппозиціи. Его рѣчи той эпохи отличаются не только даромъ слова, которымъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ, но и умѣренностью и скромностью—качествами, которыхъ часто недоставало его характеру. Когда была объявлена война Испаніи, онъ справедливо требовалъ признанія за нимъ чести предвидѣнія того, что потомъ для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, но онъ тщательно воздерживался отъ высокоумныхъ и жесткихъ выраженій. Такое воздержаніе было тѣмъ почтеніемъ, что его характеръ, никогда не отягчавшійся спокойствіемъ, подвергся тогда тяжкому испытанію и отъ подагры, и отъ клеветы. Придворные избрали тогда такой способъ борьбы, который скоро съ громадиѣйшимъ успѣхомъ былъ обращенъ противъ нихъ самихъ. Половина населенія Грѣбъ-Стрита ^(*) заплатила счетъ своимъ молочницамъ и выкупила изъ залога свои рубашки нападеніями на Пигта. Его война въ Германіи, субсидіи, пенсія, полученная имъ, перство жены—все это для голодныхъ стихоплетовъ Флита обратилось въ куски говядины, въ джинъ, въ одѣяла на постели и въ корзины угля для отопленія. Даже въ палатѣ общинъ, во время этой сессіи, онъ подвергся разъ наглому и злостному нападенію, возбуждавшему негодованіе людей всѣхъ партій; но онъ сносилъ оскорбленія съ величавымъ терпѣніемъ. Въ свои молодые годы, онъ былъ скоръ на отмщеніе тѣмъ, кто нападалъ на него; но теперь, созная свои заслуги и мѣсто, которое онъ занималъ во мнѣніи цѣлаго міра, онъ не останавливался на личныхъ оскорбленіяхъ. «Теперь, — говорилъ

(*) Гдѣ жили мелкіе писатели того времени.

онъ при препіяхъ по поводу Испанской войны,—не время для перебранокъ и взаимныхъ обвиненій. Насталъ день, когда каждый англичанинъ долженъ защищать свою страну. Вооружимся всѣ, будемъ дѣйствовать единодушно, забудемъ все, кромѣ общаго дѣла! Я могу служить вамъ примѣромъ: преслѣдуемый клеветой, мучимый болѣзнію, я забываю для общественнаго блага и личныя оскорбленія и недугъ.» Обозрѣвая всю его жизнь, мы склоняемся къ тому мнѣнію, что его гений и добродѣтель никогда не сіяли болѣе чистымъ блескомъ, какъ во время сессіи 1762 г.

Сессія приближалась къ концу, и Бьютъ, поощренный покорностью палаты, рѣшился на другой важный шагъ — стать первымъ министромъ и по имени и на дѣлѣ. Коалиція, которая, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, казалась всемогущею, распалась. Отставка Питта лишила министерство популярности. Ньюкастль былъ чрезвычайно доволенъ паденіемъ своего славнаго товарища, которому онъ завидовалъ и котораго боялся, и не предвидѣлъ, что готовится его собственное паденіе. Онъ старался ободрить себя мыслью, что стоитъ во главѣ правленія; но оскорбленіе за оскорбленіемъ, наносимыя ему, скоро разубѣдили его. Должности, назначеніе на которыя онъ считалъ своимъ правомъ, теперь замѣщались безъ сношенія съ нимъ. Его жалобы только вызывали ясныя намеки, что ему пора удалиться. Однажды, когда онъ представлялъ Бьюту права одного прелата изъ выговъ на санъ архіепископа іоркскаго, тотъ сказалъ ему: «Если вы, ваша милость, такъ высоко цѣните этого человѣка, то я удивляюсь, почему вы не дали ему мѣста, когда власть была въ вашихъ рукахъ.» По старикъ, подобно утопающему, отчаянно хватался за каждую щепку. Дѣйствительно, рѣдко кротость и смиреніе истиннаго христіанина могли равняться съ кротостью и смиреніемъ его терпѣливаго и низкаго честолюбія. Наконецъ, онъ принужденъ былъ понять, что все миповало. Онъ поклонилъ дворъ, при которомъ, въ теченіе сорока пяти лѣтъ занималъ высокое положеніе, и скрылъ свой позоръ и сожалѣніе подъ тѣнью клермонтскихъ кедровъ. Бьютъ сдѣлался первымъ лордомъ казначейства.

Фаворитъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ важную ошибку. Невозможно представить себѣ орудіе болѣе годное для его цѣли, чѣмъ то, которое онъ отбросилъ или, лучше сказать, предалъ въ руки враговъ.

Еслибы Ньюкастля оставить разыгрывать роль перваго министра, то Бьютъ спокойно и безопасно могъ бы пользоваться сущностью власти. Постепенное введеніе торіевъ во всѣ отрасли управленія могло быть совершено безъ сльнаго шума, еслибы предводитель великаго вигскаго союза оставался по имени во главѣ правительства. Это было энергически высказано Бьюту лордомъ Мансфилдомъ, человѣкомъ, котораго по справедливости можно назвать отцомъ повѣйшаго торизма, торизма, принаровленного къ порядку дѣлъ, при которомъ палата общинъ—самая сльная власть въ государствѣ. Теоріи, ослѣплявшія Бьюта, не могли имѣть вліянія на тонкій умъ Мансфилда. Смѣлость, съ которой Бьютъ вызывалъ на бой могущественные и глубокоукоренившіеся интересы, не правилось Мансфилду, холодному и робкому отъ природы. Представленія его, впрочемъ, остались тщетными. Бьютъ нетерпѣливо слушалъ совѣты; успѣхъ ослѣпилъ его, и онъ сѣмилъ поскорѣе стать какъ по вѣщности, такъ и въ дѣйствительности главой администраціи. Онъ отважился на предпріятіе, въ которомъ шпрмы были безусловно необходимы не только для успѣха, но даже для личной его безопасности. Онъ нашелъ эти шпрмы именно тамъ, гдѣ онѣ были необходимы, и грубо оттолкнулъ ихъ.

Тогда новая правительственная система вступила въ полное дѣйствіе. Еще въ первый разъ со времени вступленія на престолъ Ганноверскаго дома, преимущество было на сторонѣ торіевъ. Самъ первый министръ былъ торп. Лордъ Эгремонтъ, занявшій мѣсто Питта въ должности статсъ-секретаря, былъ торп и сынъ торіа. Сэръ Франсисъ Дашвудъ, человѣкъ, способный только къ незначительнымъ ролямъ, малоопытный, извѣстный своею безправственностью, былъ назначенъ канцлеромъ казначейства, только на томъ основаніи, что онъ торп и былъ когда-то якобитомъ. Придворныя должности были замѣнены по большей части людьми, которыхъ любимый тостъ еще недавно былъ «за короля за моремъ». Относительное положеніе двухъ національных центровъ учености быстро измѣнилось. Оксфордскій университетъ давно былъ центромъ недовольныхъ. Въ смутныя времена, Гай-Стритъ былъ обставленъ штыками; въ коллегіяхъ производились обыски королевскими посланными. Важные доктора цинцеровскимъ тономъ проповѣдывали

пэмѣну; учащееся юношество шло якобитскіе тосты и пѣло якобитскія пѣсни. Изъ четверыхъ канцлеровъ университета одинъ открыто находился въ службѣ у претендента, а трое остальныхъ были подозрѣваемы въ тайной перепискѣ съ изгнанной династіей. Вотъ почему Кембриджскій университетъ пользовался особенною милостію государей изъ Ганноверскаго дома и былъ признателенъ за это покровительство. Георгъ I обогатилъ его библіотеку, Георгъ II щедро помогалъ Сенатъ-Гаусу. Епископства и деканства отдавались преимущественно его воспитанникамъ. Канцлеромъ его былъ Ньюкастль, глава вигской аристократіи; его оберъ-сенешаломъ былъ Гардвикъ, глава вигскихъ юристовъ; оба его парламентскіе депутата занимали мѣста въ вигскомъ управленіи. Времена перемѣнились. Кембриджскій университетъ былъ принятъ въ Сентъ-Джемсъ съ холодною, отвѣтъ на адресъ Оксфордскаго былъ чрезвычайно благосклоненъ и радушенъ.

Лозунгомъ новаго министерства были королевская прерогатива и неподкупность. Государь не долженъ быть игрой одного подданнаго или нѣсколькихъ подданныхъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Георгъ III не долженъ быть принуждаемъ принять негоднаго ему министра, какъ дѣдъ его былъ принужденъ принять Питта. Онъ не обязанъ увольнять тѣхъ, кого хотѣлъ бы наградить, какъ дѣдъ его былъ принужденъ разсѣяться съ Картеретомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, система подкуповъ, развившаяся въ предшествующее царствованіе, должна прекратиться. Было хвастливо провозглашено, что со вступленія на престолъ Георга III ни избиратели, ни представители не получали ничего изъ секретныхъ суммъ. Освободить Великобританію отъ подкуповъ и олигархическихъ партій, оторвать ее отъ континентальныхъ союзовъ, окончить кровопролитную и дорого стоящую войну съ Испаніей и Франціей—вотъ благодѣйныя цѣли, достигнуть которыхъ Бьютъ выразилъ намѣреніе.

Нѣкоторыхъ изъ этихъ цѣлей онъ достигъ. Англія прервала свой германскій союзъ, что стоило ей нарушенія даннаго обѣщанія. Война съ Франціей и Испаніей окончилась миромъ, конечно, почетнымъ и выгоднымъ, но менѣе почетнымъ и выгоднымъ, чѣмъ можно было ожидать послѣ длиннаго и почти непрерывнаго ряда побѣдъ во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Но во внут-

репнихъ дѣлахъ единственнымъ результатомъ правленія Бьюта было то, что партіи сдѣлались еще ожесточеннѣе, а подкупъ — еще грязнѣе.

Взаимная вражда виговъ и торіевъ начала ослабѣвать послѣ паденія Вальпола; казалось, совсѣмъ угасла въ концѣ царствованія Георга II. Теперь она воскресла во всей своей силѣ. Правда, что многіе виги еще сохраняли свои мѣста. Герцогъ Бедфордъ подписалъ трактатъ съ Франціей. Герцогъ Девоиширъ, хотя далеко не довольный, оставался лордомъ-каммергеромъ. Гренивилль, вождемъ палаты, и Фоксъ, въ тишинѣ пользовавшійся огромными выгодами своего мѣста въ казначействѣ, считались постоянно рѣзкими вигами. Но большинство партіи, разсѣянное въ странѣ, съ отвращеніемъ глядѣло на новаго министра. Дѣйствительно, не было недостатка въ поводахъ къ успѣшному нападенію на него. Онъ былъ фаворитъ, а фавориты всегда были ненавистны въ странѣ. Еще ни одинъ фаворитъ не стоялъ — единственно только въ силу фаворитства — во главѣ правительства съ тѣхъ поръ, какъ князь Фельтона поразилъ герцога Боккингама. Послѣ этого событія, самый деспотическій и самый легкомысленный изъ Стюартовъ понялъ необходимость вручить главное завѣдываніе дѣлами страны людямъ, представившимъ доказательства своихъ парламентскихъ или административныхъ способностей. Страффордъ, Фокландъ, Кларендонъ, Клиффордъ, Шафтсбери, Лодердалъ, Данби, Темплъ, Галфаксъ, Рочестеръ, Сондерландъ, каковы бы ни были ихъ недостатки, всѣ отличались признанными талантами. Своимъ возвышеніемъ они не обязаны были милости государя; но милостью государя они были обязаны своимъ достоинствамъ. Дѣйствительно, многіе изъ нихъ обратили на себя вниманіе двора способностями и энергіей, оказаннымъ въ оппозиціи. Революція, казалось, навсегда обезпечила страну отъ управленія какого-нибудь Карра или Вилльерса. Теперь однако, личная привязанность короля возвысила человека, ничего не понимавшаго въ государственныхъ дѣлахъ, ни разу не открывшаго рта въ парламентѣ, падъ цѣлою толпою отличныхъ ораторовъ, финансеровъ и дипломатовъ. Изъ частнаго человѣка этотъ счастливый любимецъ сдѣлался вдругъ статсъ-секрета-

ремъ. Свою «дѣвственную» рѣчь ⁽⁹⁾ опъ пропзнесъ уже будучи во главѣ администраціи. Масса объяснила этотъ феноменъ самымъ простымъ образомъ, и грубѣйшіе нападки на принцессу-мать появились въ памфлетахъ, прибитыхъ на стѣнахъ, въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ по улицамъ.

Мало этого, духъ партій, неполитичнымъ вызовомъ пробужденный отъ долгаго сна, поднялъ фурию, еще болѣе дикую, еще болѣе жестокою—духъ народной вражды. Съ ненавистью выговъ къ торіямъ соединилась ненависть англичанъ къ шотландцамъ. Двѣ вѣтви великаго британскаго народа еще не были слиты нераздѣльно. Событія 1715 и 1745 гг. оставили тяжелое и трудно изгладимое впечатлѣніе. Купцы корнгильскіе жили въ постоянномъ опасеніи видѣть свои конторки и магазины разграбленными голоногими гамианскими горцами; они помнили ту «черную пятницу», когда получено было извѣстіе, что мятежники въ Дерби; когда лавки въ Сити были закрыты и англійскій банкъ началъ производить платежи шестипенсовыми монетами. Шотландцы, съ другой стороны, припоминали съ естественною злобою строгое наказаніе мятежниковъ, оскорбленія солдатъ, унижительные законы, головы, воткнутыя на Темплъ-Баръ, костры и четвертованія на Кеннингтонъ-Коммонъ. Фаворитъ какъ будто не хотѣлъ, чтобы англичане забыли, изъ какой части острова онъ явился. Весь югъ поднялъ крикъ, что общественныя должности, армія и флотъ наводнены полнощекими Друммондами, Эрскинами, Макдональдами и Макгилливреями, которые не говорятъ христіанскимъ языкомъ и только недавно надѣли панталоны, какъ прилично христіанину. Всѣ старыя шутки о холмахъ безъ деревьевъ, дѣвушкахъ безъ чулокъ, людяхъ, питающихся лошадинымъ фуражемъ, ведрахъ, выливаемыхъ изъ четырнадцатаго этажа — были направлены противъ этихъ счастливыхъ искателей приключеній. Къ чести шотландцевъ надо замѣтить, что благоразуміе и гордость мѣшали имъ мстить тѣмъ же оружіемъ. Подобно принцессѣ въ «Арабской сказкѣ», они крѣпко заткнули уши; не обращая вниманія на рѣзкіе крики оскорбленія и, не смотря по сторонамъ, прямо пошли къ источнику золота.

(9) Maiden Speech — называется первая рѣчь, пропнесенная ораторомъ въ парламентѣ.

Бьютъ, котораго всегда считали человѣкомъ со вкусомъ и начитаннымъ, прінялъ на себя со времени возвышенія роль мецената. Если онъ надѣялся покровительствомъ литературѣ и искусствамъ примкнуть съ собою общественное мнѣніе, то жестоко ошибся. Дѣйствительно, выборъ лицъ, осыпавшихъ его милостями, за исключеніемъ Джонсона, нельзя назвать удачнымъ, и публика естественно приписывала выборъ Джонсона болѣе политическимъ предразсудкамъ, чѣмъ литературнымъ достоинствамъ доктора, ибо ничтожный писака, по имени Шеверъ, который сходился съ Джонсономъ только въ яромъ якобитизмѣ и который стоялъ у позорнаго столба за памфлетъ противъ Революціи, былъ удостоенъ такихъ же знаковъ королевской милости, какъ и составитель *«Англійскаго словаря»* и авторъ поэмы: *«Суетность человѣческихъ желаній»*. Всѣ замѣтили, что шотландецъ Адамъ съдѣланъ былъ придворнымъ архитекторомъ, а шотландецъ Рамсей — придворнымъ живописцемъ и предпочтенъ Рейнольдсу. Маллетъ, шотландецъ, не пользовавшійся высокою литературною славой и извѣстный своимъ безчестнымъ характеромъ, былъ сильно облагодѣтельствованъ дворомъ. Джонъ Гомъ, тоже шотландецъ, за трагедію *«Дюмазъ»* получилъ и пенсію и синекуру. Но когда авторъ *«Барда»* и *«Элеи на сельскомъ кладбищѣ»* ⁽¹⁰⁾ явился просить мѣсто профессора, въ жалованьи котораго онъ такъ сильно нуждался и для обязанностей котораго онъ былъ способенъ всякаго другаго, — ему отказали; мѣсто это занялъ педагогъ, подъ надзоромъ котораго въ сэрѣ Джемсѣ Локхартѣ, любимомъ зятѣ лорда Бьюта, развился въ такой замѣчательной степени грація и всѣ человѣческія добродѣтели.

Такимъ образомъ, многіе ненавидѣли въ первомъ лордѣ казначейства торія, другіе — фаворита, а иные — шотландца. Всѣ эти враждебныя чувства, исходяція изъ различныхъ источниковъ, скоро слились и цѣлымъ потокомъ устремились на мирный трактатъ. Герцогъ Бедфордъ, заключавшій его, былъ освистанъ на улицѣ. На Бьюта напали, когда онъ ѣхалъ въ экипажѣ и его едва выручили отрядъ гвардіи. Онъ едва ли могъ ходить по улицамъ, не переряжаясь въ чужой костюмъ. Джендльменъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, разсказывалъ, что онъ разъ встрѣтилъ графа-временщика у Ковентъ-

(10) Томасъ Грей, котораго элегія была два раза переведена Жуковскимъ.

гарденскаго театра, закутаннаго въ широкій плащъ, со шляпой и парикомъ, нагнутому на лобъ. Толпа обыкновенно олицетворяла его милость въ ботфортъ (jackboot)—жалкая игра словъ надъ его именемъ и титуломъ ⁽¹¹⁾. Такой ботфортъ, по большей части вмѣстѣ съ юбкой ⁽¹²⁾, то вѣшали на висѣлицу, то кидали въ огонь. Пасквили на дворъ въ стихахъ и прозѣ, смѣлостью и негодованіемъ превосходившіе все, написанное въ этомъ родѣ, появлялись ежедневно. Вилксъ дерзко и живо сравнивалъ мать Георга III съ матерью Эдуарда III; а шотландца-министра съ граціознымъ Мортимеромъ. Чорчилль со всею энергіей ненависти оплакивалъ судьбу своей страны, наводненной новымъ дикимъ племенемъ, болѣе жестокимъ и свирѣпымъ, чѣмъ пикты или датчане, бѣдные, гордые сыны проказы и голода. Замѣчательно и то незначительное обстоятельство, что въ этомъ году впервые начали вполнѣ выписывать имена тѣхъ важныхъ особъ, на которыхъ нападали. Георга II, обыкновенно, обозначали буквою к (King, король); его министровъ буквами: sir R. W. (Робертъ Вальполь), Mr. P. (Польтивъ), Duck of N. (герцогъ Ньюкастль), но порицатели Георга III, его матери и лорда Бьюта не выпускали ни одной буквы изъ ихъ именъ.

Предполагали, что лордъ Темплъ тайнѣ поощрялъ самыхъ яростныхъ враговъ правительства. Дѣйствительно, тѣ, кто хорошо знали его, слѣдили за нимъ, какъ люди слѣдятъ за вротомъ: онъ былъ способенъ къ подземной работѣ. Когда летѣлъ комокъ грязи, можно было предположить, что Темплъ приготовилъ его въ какомъ-нибудь подземномъ лабиринтѣ. Питтъ отвернулся отъ грязныхъ дѣлъ оппозиціи съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ отворачивался отъ грязныхъ дѣлъ министерства. Онъ величаво высказывалъ повсюду то презрѣніе, съ которымъ смотрѣлъ, какъ его же приверженцы оскорбляли шотландскій народъ, и не пропускалъ случая похвалить мужество и вѣрность, оказанныя полками гайлендеровъ во все продолженіе войны. Но, хотя онъ презиралъ всякое другое оружіе, кромѣ законнаго и честнаго, хорошо было извѣстно, что его открытые удары гораздо опаснѣе ранъ, наносимыхъ изъ-за угла кинжаломъ его зятя.

⁽¹¹⁾ Boot—Bute. Jack—уменьшительное отъ John.

⁽¹²⁾ Намекъ на шотландское происхожденіе.

Мужество начало оставлять Бьюта. Засѣданія парламента скоро должны были открыться. Трактатъ долженъ былъ немедленно подвергнуться обсужденію. Было весьма вѣроятно, что Питтъ, великая вигская коалиція и большинство стануть на одну сторону. Фаворатъ показывалъ пренебреженіе къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ предшествующіе министры поддерживали доброе расположеніе палаты. Теперь онъ началъ думать, не былъ ли онъ слишкомъ разблуживъ. Его утопическія грезы разсѣялись. Необходимо стало не только подкупать; но для вознагражденія потеряннаго времени приходилось дѣйствовать безстыднѣе и позорнѣе прежнихъ министровъ. Нужно было обезпечить себѣ большинство какими-бы то ни было средствами. Можетъ ли Гренвилль сдѣлать это? Захочетъ ли онъ дѣйствовать? Его твердость и искусство еще не подвергались испытанію въ опасныхъ кризисахъ. Его, обыкновенно, считали скромнымъ послѣдователемъ своего брата Темпля и своего зятя Питта, и предполагали, хотя и не совѣмъ основательно, что онъ слишкомъ благосклонно расположенъ къ нимъ, и нужно искать помощи въ другихъ. Къ кому же обратиться?

Былъ человѣкъ, твердая и сильная логика котораго нерѣдко поддерживала соперничество съ гордою и страстною рѣчью Питта, котораго талантъ къ интригѣ равнялся таланту къ преніямъ, — котораго смѣлый духъ не отступалъ ни предъ затрудненіемъ, ни предъ опасностью, — который такъ же мало смущался нравственными началами, какъ и страхомъ. Если Генри Фоксъ не отвратитъ угрожающей буря, то никто не въ состояніи сдѣлать этого. Тѣмъ неменѣе дворъ даже въ крайности неохотно бы обратился къ нему. Его всегда считали вигомъ изъ виговъ. Онъ былъ другомъ и ученикомъ Вальполя; онъ долго былъ связанъ тѣсными узами съ герцогомъ Виллиамомъ Кумберландомъ. Торіи ненавидѣли его болѣе, чѣмъ кого-либо другаго. Отвращеніе ихъ къ нему было такъ сильно, что когда, въ послѣднее царствованіе, онъ пытался составить коалицію противъ Ньюкастля, торіи всѣми своими силами поддержали Ньюкастля. Шотландцы ненавидѣли Фокса, какъ друга и повѣреннаго Куллоденскаго побѣдителя. Принцесса-мать имѣла личныя причины не любить Фокса, ибо, по смерти ея супруга, онъ совѣтовалъ покойному королю взять изъ ея рукъ воспитаніе ея сына, наследника

престола. Не задолго до того Фоксъ напесъ ей обиду, можетъ быть, еще болѣе чувствительную: онъ питалъ честолюбивую, пеленную пѣкотораго основанія, падежду на то, что его прекрасная свояченица—леди Сарра Лепноксъ сдѣлается англійскою королевою. Замѣчено было, что король, одно время, ежедневно проѣзжалъ близъ Голландъ-Гауса, а леди Сарра, въ маскарадномъ нарядѣ пастушки, собирала траву на лугу, тогда не отдѣлявшемся оградой отъ дороги. По извѣстности роли, которую принялъ на себя Фоксъ въ этой странной любовной исторіи, одинъ только онъ изъ членовъ тайнаго совѣта не былъ приглашенъ на собраніе, на которомъ его величество объявлялъ о своемъ предполагаемомъ бракѣ съ мекленбургскою принцессою. Казалось, что изъ всѣхъ государственныхъ людей того времени съ Фоксомъ менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ, могъ дѣйствовать за одно, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, Бьютъ—торп, шотландецъ, любимецъ принцессы-матери. Тѣмъ не менѣе, Бьютъ долженъ былъ обратиться къ Фоксу.

У Фокса было много благородныхъ и любезныхъ качествъ, проявлявшихся въ полномъ блескѣ въ частной жизни и возбуждавшихъ въ дѣтяхъ, слугахъ и друзьяхъ любовь къ нему; но, какъ человѣкъ общественный, Фоксъ вовсе не заслуживалъ уваженія. Свойства, общія всей вальполевской школѣ, выразились въ немъ, если не въ самой худшей, то въ самой выпуклой формѣ, ибо парламентскія и административныя способности его придавали болѣе рельефности его недостаткамъ. Мужество, необузданность характера и пренебреженіе къ внѣшности—побуждали его выставять на видъ то, что люди, столь же нещекотливые, какъ и онъ, прятали подъ покровомъ приличія. Онъ былъ самымъ непопулярнымъ изъ государственныхъ людей своего времени—не потому, что болѣе другихъ грѣшилъ, а потому, что менѣе лицемерилъ.

Онъ сознавалъ свою непопулярность, но сознавалъ, какъ сознаютъ люди, сильные духомъ. Онъ сдѣлался не осторожнѣе, а беззаботнѣе, и принималъ негодованіе всей страны съ гордымъ видомъ человѣка, вызывающаго на бой. Онъ былъ отъ природы мягокъ и великодушенъ; но, подстрекаемый и оскорбляемый, онъ сдѣлался свирѣпъ, что вовсе не было въ его характерѣ и что пзумяло и

огорчало людей, близко знавшихъ его.—Таковъ былъ человѣкъ, къ которому Бьютъ, въ крайности, обратился за помощью.

Фоксъ вовсе не былъ не расположенъ подать помощь. Хотя отъ природы нисколько не завистливый, онъ, безъ сомнѣнiя, смотрѣлъ на успѣхъ и популяристь Питта съ горькимъ чувствомъ. Онъ считалъ себя равнымъ Питту въ пренiяхъ и выше его въ веденiи дѣлъ. На нихъ привыкли смотрѣть, какъ на достойныхъ противниковъ. Долго они крѣпко держались на пути честолюбiя и шли не отставая другъ отъ друга. Наконецъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ Фокса: Питтъ палъ. Потомъ послѣдовала быстрая перемѣна счастья, какъ въ бѣгѣ, описанномъ Виргиліемъ. Фоксъ остушился въ грязь и не только былъ побѣжденъ, но и размаранъ. Питтъ достигъ цѣли и получилъ призъ. Жалованье казначея могло принудить государственнаго человѣка, потерпѣвшаго неудачу, молча покориться преимуществу своего соперника, но оно не могло успокоить духъ, сознающій въ себѣ великія силы, духъ, впавшій отъ множества оскорбленiй въ болѣзненное состояніе. Вотъ почему, лишь только поднялась партія, противившаяся войнѣ и преобладанію великаго военнаго министра, надежды Фокса начали оживляться. Онъ былъ готовъ забыть свою борьбу съ принцессой-матерью, шотландцамъ, торіямъ, если только, съ помощью своихъ старыхъ враговъ, онъ можетъ возвратитъ себѣ потерянное значеніе и вступить въ борьбу съ Питтомъ на равныхъ правахъ.

Вотъ почему союзъ былъ скоро заключенъ. Фокса увѣрили, что если онъ выведетъ правительство изъ затруднительнаго положенiя, то получитъ перство, чего онъ давно желалъ. Онъ взялся всѣми поз, воительными и невоительными средствами побуждать палату благосклонно принять мирный трактатъ. Вслѣдствіе этого условiя онъ сдѣлался вождемъ нижней палаты; Гренвилль, проглотивъ, какъ умѣлъ, обиду, печально припалъ это змѣненіе.

Фоксъ надѣялся своимъ вліяніемъ обезпечить двору искрепнюю поддержку нѣкоторыхъ замѣчательныхъ виговъ, бывшихъ личными его друзьями, особенно герцоговъ Комберланда и Девоншира. Онъ скоро разочаровался и увидѣлъ, что ко всѣмъ другимъ затрудненіямъ онъ долженъ еще присоединить оппозицію самаго способнаго изъ принцевъ крови и семейства великаго дома Кавендишей.

Но онъ далъ себѣ слово побѣднть, а къ отступленію онъ былъ неспособенъ. Деликатнчать было не время. Бьютъ далъ ему понять, что мннстерство можетъ быть спасено тольکو употребленіемъ тактики Вальполя въ размѣрахъ, передъ которыми остановился бы самъ Вальполь. Казначейство обратилось въ рынокъ для покупки голо-совъ. Сотни членовъ палаты, поочередно, зашнрлись съ Фоксомъ и, каждый, надо полагать, выноснлъ оттуда плату за свой позоръ. Лнца, имѣвшіе возможность получить свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ, утверждали, что 25000 ф. ст. было роздано въ одно утро. Самая меньшая сумма равнялась банковому билету въ 200 ф. ст.

Устрашеніе было соединено съ подкупомъ. Всюду старались внушить мысль, что король требуетъ повиновенія своей волѣ. Лорды намѣстники нѣсколькихъ графствъ были отставлены. Герцогу Девонширу суждено было сдѣлаться жертвой, судьба которой должна служить предостереженіемъ для другихъ англійскихъ вельможъ. Ни богатство, ни званіе, ни вліяніе, ни безукоризненный характеръ его, ни постоянная преданность его семейства Ганноверскому дому — не могли спасти его отъ грубаго, личнаго оскорбленія. Извѣстно было, что онъ не одобряетъ образа дѣйствій правительства, и потому было рѣшено смнрнть «кнзя виговъ», какъ его называла, въ насмѣшку, принцесса-мать. Онъ явился во дворецъ, представнться. «Передайте ему, сказалъ король пажу, что я не хочу видѣть его.» Намъ колебался.—«Ступайте же, сказалъ король, и передайте именно этими словами!»—Прнказаніе было исполнено. Герцогъ броснлъ свой золотой ключъ и вышелъ съ гнѣвомъ. Его родственники, бывшіе на службѣ, немедленно вышли въ отставку. Нѣсколько дней спустя, король велѣлъ принести къ себѣ списокъ членовъ тайнаго совѣта и собственноручно вычеркнулъ имя герцога.

Этотъ поступокъ, хотя и неблагоприятный и недобродушный, показывается, по крайней мѣрѣ, присутствіе мужества. Но если высокое положеніе не спасало отъ мщенія двора, то не спасало также и низкое. Преслѣдованіе, въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ ни прежде, ни послѣ, свнрѣпствовало во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Множество скромныхъ и дѣятельныхъ чиновниковъ было лишено куска хлѣба, не потому, чтобы они пренебрегали своими занятіями или дѣйствовали протнвъ мннстерства, а просто потому,

что были обязаны своимъ мѣстамъ рекомендаціи какого-нибудь noblemana или джентльмена, который былъ теперь противникомъ мира. Преслѣдованіе распространилось на таможенниковъ, досмотрщиковъ, швейцаровъ и т. п. Одинъ бѣднякъ, получавшій пенсію за мужество въ стычкѣ съ контрабандистами, лишился ея, потому что ему покровительствовалъ герцогъ Графтонъ. Престарѣлая вдова, получившая за заслуги мужа, бывшаго моряка, мѣсто экономки въ одномъ общественномъ заведеніи, лишилась этого мѣста, потому, что, какъ полагали, она была въ свойствѣ съ семействомъ Кавендишей. Общественный ропотъ становился, какъ и надо было полагать, день-ото-дня громче. Но чѣмъ громче онъ раздавался, тѣмъ энергичнѣе продолжалъ Фоксъ идти по избранному пути. Старые друзья его не могли понять, что имъ овладѣло. «Я могу простить Фоксу, говорилъ герцогъ Кумберландъ, его политическую измѣнчивость, но я совершенно сбить съ толку его безчеловѣчіемъ: до сихъ поръ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ добрейшимъ изъ людей.»

Наконецъ, Фоксъ зашелъ такъ далеко, что поднялъ юридическій вопросъ: обязываютъ ли Георга III патенты, подписанные Георгомъ II?—т. е., еслибы его товарищи не поколебались, онъ заразъ изгналъ бы всѣхъ контролеровъ казначейства и объѣздныхъ судей.

Между тѣмъ собрался парламентъ. Министры, болѣе чѣмъ когда-либо ненавидимые народомъ, были увѣрены, что большинство станетъ за нихъ, и имѣли причины рассчитывать на успѣхъ въ преніяхъ и подачѣ голосовъ, ибо сильный припадокъ подагры задерживалъ Питта въ комнатѣ. Друзья его старались—было отстрочить пренія о трактатѣ до его выздоровленія, но ихъ предложеніе было отвергнуто. Наступилъ великій день. Пренія уже начались, какъ вдругъ раздался, на дворѣ парламента, громкій крикъ, который все болѣе и болѣе приближался по лѣстницѣ и въ галлереѣ. Дверь открылась и, посреди рукоплесканій толпы, слуги Питта внесли его на рукахъ. Лице его было худо и блѣдно, ноги обернуты во фланель, въ рукахъ онъ держалъ костыль. Несшіе Питта оставили его у рѣшетки. Друзья немедленно окружили его, и съ помощью ихъ онъ добрался до своего мѣста близъ стола. Въ такомъ положеніи, онъ 3½ часа говорилъ противъ мира. Въ продолженіе этого времени, онъ принужденъ былъ постоянно садиться и принимать подкрѣпительныя

лекарства. Легко понять, что голосъ его былъ слабъ, мимика—неудовлетворительна, и самая рѣчь его, хотя мѣстами блестящая и эффектная, не могла выдержать сравненія съ лучшими его рѣчами. Но кто помнилъ, что онъ сдѣлалъ, и видѣлъ, что онъ теперь терпѣлъ, тотъ слушалъ его съ волненіемъ, болѣе слпнымъ, нежели можетъ произвести одно краснорѣчіе. Онъ не могъ дожидаться подачи голосовъ и былъ вынесенъ изъ собранія при рукоплесканіяхъ, столь же громкихъ, какъ и тѣ, которыми его встрѣтили.

Огромное большинство одобрило миръ. Восторгъ двора былъ безпредѣленъ. «Теперь, говорила принцесса-мать, сынъ мой настоящій король.» Самъ молодой государь говорилъ, что онъ свободенъ отъ тѣхъ узъ, которыя связывали его дѣда. Объявлено было, что въ одномъ отношеніи онъ всегда будетъ непоколебимъ: ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не допуститъ, чтобы вигскіе вельможи, порабовавшіе его предшественника и старавшіеся поработить его самого, снова получили власть.

Это хвастовство было преждевременно. Истинная сила фаворита несколько не соотвѣтствовала числу голосовъ, которыми онъ могъ бы располагать въ данномъ случаѣ. Скоро онъ снова испыталъ затрудненія. Самою важною статьей бюджета была подать съ сидра. Мѣра эта встрѣтила противодѣйствіе не только въ тѣхъ, кто былъ въ постоянной оппозиціи къ правительству, но и во многихъ изъ его приверженцевъ. Самое имя акциза было постоянно ненавистно торіямъ. Одно изъ главнѣйшихъ преступленій Вальпола, въ глазахъ ихъ, состояло въ его пристрастіи къ этому способу собранія доходовъ. Торп Джонсонъ опредѣлялъ слово *акцизъ* въ своемъ «Словарѣ» такимъ оскорбительнымъ образомъ, что акцизные комиссары серьезно считали нужнымъ преслѣдовать автора. Графства, на которыя падала эта новая подать, всегда отличались торійскими мнѣніями. Джонъ Филлингъ, поэтъ англійскихъ виноградишковъ, хвастался тѣмъ, что эти округи постоянно были вѣрны престолу и что каждый садовый ножъ тысячи ихъ садовъ обращался въ мечъ на службу злополучной семьѣ Стюартовъ. Слѣдствіемъ финансоваго плана, предложеннаго Блютомъ, было то, что джентри и йомены этихъ графствъ соединились со столпными вигами. Герфордширъ и Вустерширъ были облиты пламенемъ. Лондонское Сити, хотя и не такъ

прямо заинтересованное въ дѣлѣ, волновалось, если это возможно еще болѣе. Пренія по этому вопросу нанесли непоправимый вредъ министерству. Дашвудовы финансовыя соображенія были дотого неясны и невѣроятно цѣлѣны, что палата встрѣтила ихъ взрывомъ хохота. Онъ имѣлъ достаточно смысла, чтобы понять свою неспособность для занимаемой имъ должности, и воскликнулъ съ комическимъ отчаяніемъ: «что я буду дѣлать? Мальчики станутъ указывать на меня пальцами на улицахъ и кричать: вотъ идетъ самый худшій изъ когда-либо бывшихъ канцлеровъ казначейства.» Джорджъ Гренвилль подоспѣлъ къ нему на помощь и энергически говорилъ на свою любимую тему о расточительности, съ которой ведена послѣдняя война. Вслѣдствіе этой расточительности, по его словамъ, необходимы были налоги. Отъ противной партіи онъ требовалъ указанія, какіе налоги она предпочитаетъ; на этомъ вопросѣ онъ остановился и, съ обычной вѣлербчивостью, сказалъ: «Пусть они мнѣ укажутъ, съ чего надо взимать налоги? Я говорю, сэръ, пусть они укажутъ. Я повторяю это, сэръ; я считаю себя обязаннымъ повторить это: пусть они мнѣ укажутъ.» Къ несчастью для него, Питтъ прішелъ, въ этотъ вечеръ, въ палату и былъ сильно раздраженъ замѣчаніями о войнѣ. Онъ отомстилъ за себя гѣмъ, что произнесъ жалобнымъ голосомъ, подобнымъ голосу Гренвилля, стихъ изъ вѣстной пѣсни: «Gentle shepherd! tell me where?»⁽¹³⁾—«Если, вскричалъ Гренвилль, такъ будутъ обходиться съ джентльменомъ....» Питтъ, какъ онъ всегда дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ высказать свое презрѣніе, покойно всталъ, поклонился и вышелъ изъ залы, оставивъ своего зятя въ припадкѣ бѣшенства, а всю палату въ припадкѣ хохота. Гренвилль надолго сохранилъ за собой названіе: «милаго пастушка».

По министерству предстояло перенести еще болѣе серьезныя непріятности. Неправистъ торіевъ и шотландцевъ къ Фоксу была немолнима. Только въ минуту крайнеи опасности рѣшились они признать его своимъ вождемъ. Но отвращеніе къ нему высказалось, лишь только можно было предположить, что кризисъ миновалъ. Одинъ изъ нихъ падала на управленіе его казначействомъ, другіе прерывали рѣчь его смѣхомъ и проницательными рукоплесканіями. Онъ

(13) «Милый пастушокъ! скажи мнѣ: гдѣ?»

естественно хотѣлъ выйти изъ положенія, столь непріятнаго, и требовалъ званія пера, которое было обѣщано ему въ награду за услуги.

Ясно было, что въ составѣ министерства должно произойти измѣненіе. Но едвали кто-нибудь, даже изъ лицъ, казавшихся посвященнымъ во всѣ тайны управленія, могъ предсказать то, что дѣйствительно случилось. Къ удивленію парламента и народа, вдругъ было объявлено, что Бьютъ отказался отъ своей должности.

Этотъ странный поступокъ подалъ поводъ къ десяткамъ различныхъ объясненій. Нѣкоторые приписывали его обдуманному намѣренію, другіе—внезапному страху. Нѣкоторые говорили, что памфлеты оппозиціи принудили графа оставить свое поприще, другіе утверждали, что онъ хотѣлъ только прекратить войну, а потомъ, достигнувъ цѣли, удалиться. Въ обществѣ онъ объяснялъ свою отставку разстроеннымъ здоровьемъ; людямъ близкимъ онъ говорилъ, что товарищи вовсе не поддерживали его въ палатѣ; въ особенности лордъ Мансфилдъ, введенный имъ въ министерство, нисколько не помогалъ ему въ палатѣ перовъ. Дѣйствительно, лордъ Мансфилдъ былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы не видѣть опасность положенія Бьюта, и слишкомъ робокъ, чтобы подвергаться опасности для пользы другаго.

Вѣроятно, что образъ дѣйствій Бьюта въ этомъ случаѣ, какъ это почти всегда бываетъ, опредѣлялся смѣшанными побужденіями. Мы подозреваемъ, что управленіе надобно ему, ибо это чувство встрѣчается у министровъ гораздо чаще, чѣмъ думаютъ люди, издали смотрящіе на общественную дѣятельность. Весьма естественно, что это чувство овладѣло душой Бьюта. Обыкновенно, государственные люди возвышаются медленно и постепенно. Много трудныхъ годовъ проходитъ прежде, чѣмъ они достигнутъ высшей степени административной лѣтстницы. Въ раннюю пору своей дѣятельности, государственный человѣкъ постоянно увлекается тѣмъ, что видятъ люди, стоящихъ выше его. По мѣрѣ своего возвышенія, онъ мало-по-малу привыкаетъ къ непріятностямъ жизни, посвященной честолюбію. Когда онъ достигаетъ высшей степени, онъ дѣлается терпѣливымъ къ труду и способнымъ переносить оскорбленія. На своемъ поприщѣ, не смотря на всѣ его неудобства, онъ поддерживаетъ сначала надеждой, потомъ привычкой. Съ Бьютомъ было иначе. Его общественная жизнь его продолжалась немного болѣе двухъ лѣтъ.

Съ того дня, какъ онъ сталъ политическимъ дѣятелемъ, онъ сталъ и кабинетъ-министромъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и по имени и на дѣлѣ онъ былъ главою министерства. Болѣе возвыситься онъ не могъ. Если то, чѣмъ онъ владѣлъ до сихъ поръ, оказалось тщетнымъ обольщеніемъ ума, то теперь ему не оставалось никакой приманки. Онъ пресытился удовольствіями, доставляемыми честолюбіемъ, прежде, чѣмъ познакомился съ приносимыми имъ страданіями. Привычки его были вовсе не таковы, чтобы укрѣпить духъ противъ насмѣшекъ и общей ненависти. Онъ достигъ сорока-восьми лѣтъ въ спокойной жизни, не зная по опыту, что значитъ быть осмѣяннымъ и оклеветаннымъ. Сразу, безъ всякаго приготовленія, долженъ былъ онъ выдержать такой потокъ насмѣшекъ и оскорбленій, какой никогда не проливался на голову одного государственнаго человѣка. Жалованье было теперь для него не важно, ибо, по смерти своего тестя, онъ получилъ громадное состояніе. Всѣ почести, какія онъ могъ получить, онъ получилъ. Ему данъ былъ орденъ Подвязки, а сыну его—званіе пера Англіи. Онъ полагалъ, кажется, также, что, оставляя казначейство, онъ только избѣгаетъ опасности и нападеній, не отрекаясь отъ дѣйствительной власти и сохраняя возможность имѣть въ частной жизни главное вліяніе на умъ короля.

Каковы бы ни были его побужденія, онъ вышелъ въ отставку; Фоксъ удался въ палату лордовъ, а Джорджъ Гренвилль сдѣлался первымъ лордомъ казначеи и канцлеромъ казначейства.

Мы полагаемъ, что тѣ, кто такимъ образомъ устроивалъ министерство, имѣли въ виду, чтобы Гренвилль былъ игрушкой въ рукахъ Бьюта, ибо Гренвилль не былъ вполнѣ извѣстенъ даже тѣмъ, кто долго наблюдалъ за нимъ. Его считали простымъ канцелярскимъ работникомъ: онъ имѣлъ прилежаніе, мелочную точность, формализмъ, скучноватость—всѣ качества, свойственныя этому типу. Но у него были и другія качества, которыя до сихъ поръ еще не проявлялись: всепожирающее честолюбіе, неустрашимое мужество, самоувѣренность, доходящая до заносчивости, и характеръ, не выносящій никакого сопротивленія. Онъ нѣсколько не былъ расположенъ стать чьей-нибудь игрушкой и не имѣлъ никакой привязанности къ Бьюту—ни личной, ни политической. Дѣйствительно, между этими двумя лицами не было ничего общаго, кромѣ стремленія къ рѣзкому

и непопулярному образу дѣйствій. Ихъ основныя пачала были совершенно различны: Бьютъ былъ торп, Гренвилль разсердился бы на того, кто сталъ бы отрицать его притязанія на названіе вигъ. Онъ болѣе Бьюта былъ склоненъ къ деспотическимъ мѣрамъ, но любилъ деспотизмъ только подъ покровомъ формъ конституціонной свободы. Онъ смѣшивалъ, какъ дѣлали тогда многіе, теоріи республиканцевъ ХVІІ в. съ техникой англійской юриспруденціи, и такимъ образомъ ему удалось соединить апархическія воззрѣнія съ деспотическою практикой. Онъ думалъ, что гласъ народа гласъ Божій; по что единственнымъ законнымъ органомъ для выраженія народнои воли былъ парламентъ. Вся власть сосредотчивается въ народѣ; эта власть народа вполне передана парламенту. Ни однопъ оксоніанецъ, даже въ годы, немедленно слѣдовавшіе за Реставраціей, не требовалъ такого униженнаго, неразумнаго поклоненія королю, какое Гренвилль, на основаніи пачалъ, считаемихъ чисто-вигскими, требовалъ въ пользу парламента. Но какъ онъ желалъ видѣть парламентъ деспотически преобладающимъ надъ народомъ, точно такъ же онъ требовалъ преобладанія парламента надъ дворомъ. По его понятіямъ, первый министръ, пользующійся довѣренностью палаты общины, долженъ быть полатнымъ меромъ. Король не можегъ быть ничѣмъ пнымъ, какъ Хильперикомъ или Хильдерикомъ, который долженъ считать себя счастливымъ, что ему дозволено пользоваться такимъ прекраснымъ дворцомъ, какъ Сентъ-Джемсъ, и такимъ прекраснымъ паркомъ, какъ вилдзорскій.

Такимъ образомъ, мнѣнія Бьюта и Гренвилля были діаметрально противоположны. Личной дружбы тоже не было междуэтими двумя государственными людьми. Гренвилль былъ по природѣ злопаметецъ. Онъ очень хорошо помнилъ, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ былъ принужденъ уступить Фоксу мѣсто вождя въ палатѣ общины. Мы вообще готовы думать, что министерство, во главѣ котораго стоялъ Джорджъ Гренвилль, было самымъ худшимъ изъ министерствъ, управлявшихъ Англіею со времени революціи. Его общественныя дѣйствія можно подвести подъ два разряда: оскорбленіе народнои свободы и оскорбленіе достоинства короны.

Онъ началъ съ объявленія войны печати. Джонъ Вилькзъ, членъ парламента за Эйльсбѣри, первый подвергся гоненію. Вилькзъ неза-

долго передъ тѣмъ пріобрѣлъ репутацію одного изъ самыхъ развратныхъ, безпощадныхъ, по съ тѣмъ вмѣстѣ пріятныхъ въ обществѣ лондонскихъ повѣсь. Онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, начитанный и съ привлекательными манерами. Его оживленный разговоръ составлялъ наслажденіе кофеенъ и тавернъ, правился даже болѣе серьезнымъ слушателямъ, когда рассказчикъ воздерживался отъ повѣствованій о подробностяхъ своихъ любовныхъ похожденій и отъ шутокъ надъ христіанствомъ. Его разорительныя выходки принудили его обращаться за деньгами къ евреямъ. Скоро онъ совершенно разорился и рѣшился попробовать счастья на поприщѣ политическаго авантюриста. Въ парламентъ онъ не имѣлъ успѣха. Рѣчь его, хотя оживленная, была слаба и никакъ не могла заставить слушателей забыть безобразіе его лица, которое было такъ велико, что каррикатуристы волею-неволею должны были льстить ему. Какъ писатель, онъ стоитъ выше. Онъ началъ издавать еженедѣльную газету, подъ заглавіемъ «*North-Briton*». Этотъ журналъ, издававшійся съ остроуміемъ, огромною смѣлостью и безстыдствомъ, имѣлъ значительное количество читателей. Сорокъ-четыре нумера этого журнала появились еще до отставки Бьюта; хотя въ каждомъ номерѣ были страшныя пасквили, журналъ не подвергался преслѣдованію. Сорокъ-пятый нумеръ былъ невпеченъ въ сравненіи съ большинствомъ предшествовавшихъ и, по правдѣ, не заключалъ въ себѣ ничего такого, что могло бы равняться въ энергіи съ руководящими статьями, которыя мы ежедневно находимъ въ «*Times*» или «*Morning-Chronicle*». Но Гренвилль стоялъ тогда во главѣ управленія; администрація была проникнута новымъ духомъ. Прибѣгли къ власти. Правительство не должно было болѣе безнаказанно подвергаться нападенію. Вплѣкъъ былъ арестованъ, посаженъ по особому предписанію въ Тоуэръ и содержался съ величайшею строгостью. Его бумаги были захвачены и переданы статсъ-секретарю. Эти строгія незаконныя мѣры вызвали сильный взрывъ общественнаго негодованія, которое скоро перешло въ чувство радости и восторга: судъ общихъ тяжбъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ главный судья Праттъ, объявилъ арестъ незаконнымъ, и заключенный былъ освобожденъ. Эта побѣда надъ правительствомъ съ равнымъ энтузіазмомъ торжествовалась въ Лондонѣ и въ сѣдровыхъ графствахъ.

Въ то время, какъ министерство становилось день-о-го-дня ненавистнѣе народу, оно употребляло всѣ средства, чтобы сдѣлаться ненавистнымъ и двору. Министры ясно высказали королю, что не намѣрены быть креатурами лорда Бьюта и вынудили у короля обѣщаніе, что тайные совѣты не будутъ имѣть къ нему доступа. Скоро однако министры получили поводъ думать, что это обѣщаніе не исполняется. Они сдѣлали представленіе въ выраженіяхъ менѣе почтительныхъ, нежели тѣ, къ какимъ привыкъ государь, и дали ему двѣ недѣли на размышленіе, кого предпочесть, фаворита или министровъ.

Георгъ III былъ сильно смущенъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, онъ съ восхищеніемъ говорилъ о своемъ освобожденіи отъ ига великой вигской коалиціи. Онъ объявлялъ даже, что честь не дозволяетъ ему снова принять на службу кого-либо изъ членовъ этой партіи. Теперь онъ замѣтилъ, что промѣнялъ однихъ властителей на другихъ, еще болѣе жесткихъ и повелительныхъ. Въ своей бѣдѣ онъ вспомнилъ о Питтѣ: съ Питтомъ, казалось, можно было сойтись на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ съ Гренвиллемъ или тою партіею, во главѣ которой стоялъ Ньюкастль.

Гренвилль, возвратясь изъ поѣздки въ деревню, появился въ Боксфингамъ-Гаусѣ. При входѣ онъ удивленъ былъ видомъ портшеза, хорошо знакомаго какъ ему, такъ и всему Лондону: портшезъ имѣлъ особое приспособленіе для больной ноги *Великаго Коммонера*. Гренвилль понималъ все: его зять былъ въ то время въ кабинетѣ короля. Бьютъ, оскорбленный тѣмъ, что считалъ недружественнымъ и неблагодарнымъ въ образѣ дѣйствій своихъ преемниковъ, самъ предложилъ пригласить Питта во дворецъ.

Въ два дня Питтъ имѣлъ двѣ аудіенціи. То, что происходило въ первое свиданіе, подавало ему надежду на благопріятный исходъ переговоровъ; но на другой день онъ пашель короля менѣе стоворчивымъ. Лучшій, и въ сущности единственный достовѣрный рассказъ объ этомъ свиданіи, былъ слышанъ лордомъ Гардвикомъ изъ устъ самого Питта. Кажется, что Питтъ энергически настаивалъ на необходимости сближенія съ тѣми вождями партіи виговъ, которые имѣли несчастіе заслужить неблаговоленіе короля. Они, говорилъ Питтъ, были постоянными приверженцами Ганноверскаго

дома; ихъ вліяніе сильно; они давно привыкли къ общественнымъ дѣламъ. Если ихъ исключить, то нельзя составить прочнаго мнѣн-
стерства. Король не могъ помириться съ мыслью огдать себя въ
руки тѣхъ, кого еще недавно изгналъ изъ дворца съ энергическимъ
выраженіемъ неудовольствія. «Миѣ очень жаль, м-ръ Питтъ,—гово-
рилъ онъ,—но я вижу, что дѣло не сдѣлается, тутъ замѣшана моя
честь. Я долженъ поддерживать свою честь.» — Мы скоро увидимъ,
какъ удалось его величеству поддержать свою честь.

Питтъ удался, и король былъ вынужденъ упрашивать мнѣн-
стровъ, которыхъ готовился уволить, остаться въ должности. Въ
теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ, Гренвиллъ, тѣсно сошедшійся
теперь съ Бедфордами, былъ повелителемъ двора,—и суровымъ по-
велителемъ выказалъ онъ себя. Онъ зналъ, что его удерживали въ
должности потому только, что не было иного выбора, какъ между
нимъ и вигами, а примиреніе короля съ вигами казалось ему не-
возможнымъ ни въ какомъ случаѣ. Последняя попытка избавиться
отъ него вызвала въ немъ негодованіе, и неудача этой попытки
освободила его отъ всякихъ опасеній. Онъ никогда не отличался
вѣжливостью; теперь онъ началъ говорить такимъ языкомъ, какого
со временъ корнета Джойса и президента Брадшо, не приходи-
лось слышать ни одному англійскому королю.

Въ одномъ отношеніи Гренвиллъ, въ ущербъ справедливости и
свободѣ, удовлетворилъ страстямъ двора, удовлетворяя вмѣстѣ съ
тѣмъ и своимъ собственнымъ. Началось горячее преслѣдованіе
Вилькза. Онъ написалъ пародію на поему Попа: «*Опытъ о челове-
кѣ*». Пародія эта, посвящая заглавіе: «*Опытъ о женщинѣ*», сопро-
вождалась комментаріями, имѣвшими цѣлью осмѣять знаменитые
комментаріи Варбортона.

Это произведеніе было крайне неприлично; но въ этомъ отноше-
ніе не уступали ему нѣкоторые изъ произведеній самого Попа,
напримѣръ, «*Подражаніе второй сатирѣ первой книги Горация*». Падоб-
но отдать справедливость Вилькзу: онъ не выдалъ своей грязной
поэмы въ свѣтъ, какъ это дѣлалъ Попъ, а только напечаталъ ее,
частнымъ образомъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ для
нѣкоторыхъ изъ своихъ добрыхъ товарищей, которые такъ же мало
подвергались опасности испортить свою нравственность чтеніемъ

грязной кнѣжки, какъ кожа негра подвергается опасности почернѣть подъ лучами палящаго солнца. Правительственный агентъ, подкупивъ типографа, досталъ бракованный экземпляръ книжки и передалъ его миппстрамъ. Министры рѣшились наказать Вилькса, по всей строгости законовъ, за оскорбленіе прѣличій. Какъ мало участія въ этомъ рѣшеніи принимали благочестіе и уваженіе къ нравственности, читатели могутъ судить по тому, что за это дѣло, за преданіе уголовному суду распутнаго поэта, никто не взялся энергичнѣе лорда Морча, впоследствии герцога Квинсбѣрри. Въ первое же засѣданіе парламента, книжка, приобретенная такимъ неблаговиднымъ образомъ, была представлена палатѣ лордовъ графомъ Сандвичемъ, получившимъ, по ходатайству герцога Бедфорда, мѣсто статсъ-секретаря. Несчастный авторъ до того времени, пока его соблазнительная поэма не была представлена въ полномъ засѣданіи парламента, ни мало не подозрѣвалъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ типографа и нѣсколькихъ развратныхъ товарищей, зналъ объ ея существованіи. Хотя это былъ человѣкъ спокойнаго характера, не охотникъ до борьбы съ опасностями и не слишкомъ щекотливый, но неожиданность, позоръ и возможность конечнаго раззоренія привели его въ отчаяніе. Онъ затѣялъ ссору съ однимъ изъ приближенныхъ лорда Бьюта, дрался на дуэли, былъ серьезно раненъ и, поуправившись, бѣжалъ во Францію. Его врагамъ былъ теперь полный просторъ и въ парламентѣ и въ судѣ королевской скамьи. Онъ былъ осужденъ, исключенъ изъ палаты общины, поставленъ впѣ покровительства законовъ. Его сочиненіе предписано было сжечь рукою палача. Толпа, впрочемъ, оставалась преданною ему. Въ глазахъ даже многихъ людей нравственныхъ и религіозныхъ преступленіе его казалось легкимъ сравнительно съ преступленіемъ его обвинителей. Въ особенности общее негодованіе возбуждалъ образъ дѣйствій Сандвича. Его собственные пороки были извѣстны всѣмъ, и еще за двѣ недѣли предъ тѣмъ, какъ онъ представилъ палатѣ лордовъ *«Опытъ о женщинахъ»*, онъ пьянствовалъ съ Вильксомъ и распѣвалъ непристойныя пѣсни въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ лондонскихъ клубовъ. Вскорѣ послѣ открытія засѣданій парламента на копенгагенскомъ театрѣ давали оперу *«Низці»*. Лишь только Макетъ произнесъ слова: «признаюсь, самого меня удивляетъ, что Джейми Твичеръ

свидѣтельствуешь противъ меня», — въ партерѣ, ложахъ и галереяхъ раздались такія рукоплесканія, что, казалось, крыша театра готова была провалиться. Съ этого дня Сандвичъ былъ извѣстенъ всѣмъ подъ прозвищемъ Джемми Твичера. Церемонія сожженія «*North Briton'a*» была прервана народнымъ волненіемъ. Констабли были избиты, листки вырваны изъ пламени, и вмѣсто нихъ брошены туда ботфорты и куртки. Вилльксъ началъ процессъ противъ помощника статсъ-секретаря за конфискацію своей газеты. Присяжные приговорили послѣдняго къ уплатѣ тысячъ фунтовъ въ вознагражденіе за ущербъ. Но ни эти факты и ни какія другія выраженія общественнаго мнѣнія не могли поколебать Гренвилля. За него былъ парламентъ, а, по его политическимъ убѣжденіямъ, только парламентъ могъ выражать мнѣніе всего народа.

Вскорѣ, однако, опъ нашелъ достаточныя причины опасаться, что парламентъ отпадетъ отъ него. По вопросу о законности предписаній объ арестѣ оппозиція, имѣвшая на своей сторонѣ всѣ здравыя начала, всѣ конституціонныя авторитеты и голосъ всего народа, явилась въ значительныхъ сплахъ: къ ней примкнули многіе, въ обыкновенномъ порядкѣ не подававшіе голосовъ противъ правительства. При одномъ случаѣ у министерства, въ полномъ собраніи палаты, оказалось большинство только въ четырнадцать голосовъ. Буря, однакожь, пронеслась мимо. Пылъ оппозиціи, Богъ знаетъ отъ какой причины, началъ ослабѣвать въ ту самую минуту когда успѣхъ казался почти вѣрнымъ. Сессія закончилась безъ всякихъ перемѣнъ. Питтъ, котораго краснорѣчіе во всѣхъ главныхъ преніяхъ являлось въ обыкновенномъ своемъ блескѣ и котораго популярность была теперь сильнѣе, нежели когда-нибудь, оставался все еще частнымъ человѣкомъ. Гренвилль, равно несправедливый при дворѣ и въ народѣ, все еще былъ министромъ.

Лишь только палаты разошлись, Гренвилль принялъ мѣру, которая еще яснѣе, нежели всѣ предшествовавшія его дѣйствія, показала, въ какой степени деспотична, злобна и безстрашна была его натура. Въ числѣ людей, въ обыкновенное время не принадлежавшихъ къ оппозиціи и подававшихъ голосъ вмѣстѣ съ меньшинствомъ по великому конституціонному вопросу объ арестахъ, находился Генри Коувей, братъ лорда Гертфорда, храбрый солдатъ, снос-

ный ораторъ и благонамѣренный, хотя и не мудрый и не энергичный политикъ. У него отняли теперь полкъ—заслуженную награду за вѣрную и храбрую службу въ двухъ войнахъ. Конфиденціально увѣряли, что этой паспльственной мѣрѣ усердно содѣйствовалъ король.

Но какое бы удовольствіе ни доставили королю преслѣдованіе Вилк-за или отставка Конвея, несомнѣнно, что отвращеніе его величества къ министрамъ возрастало съ каждымъ днемъ. Гренвилль былъ столько же скупъ на деньги государственныя, какъ и на свои собственныя, и угрюмо отказалъ на просьбу короля израсходовать нѣсколько тысячъ фунтовъ на покупку полей, лежащихъ къ западу отъ садовъ Боккингамскаго дворца. Вслѣдствіе этого отказа поля вскорѣ покрылись зданіями, и изъ верхнихъ оконъ сотни домовъ можно было наблюдать за королемъ и королевою во время ихъ самыхъ любимыхъ прогулокъ. Но это было еще не самое худшее. Гренвилль былъ столько же щедръ на слова, сколько скупъ на деньги. Въмѣсто того, чтобы выражаться ясно, живо, точно, чѣмъ только и можно привлечь вниманіе молодого, неопытнаго въ дѣлахъ ума, онъ говорилъ въ кабинетѣ короля точно тѣмъ же языкомъ, какъ и въ палатѣ общины. Проговоривъ часа два, онъ смотрѣлъ на часы, подобно тому, какъ въ парламентѣ онъ привыкъ смотрѣть на часы, висѣвшіе за кресломъ спикера, пзвпнялся за длинноту своей рѣчи, и затѣмъ продолжалъ говорить еще часъ. Члены палаты общины могутъ или слушать оратора, или уйти обѣдать, и они, ни мало не стѣсняясь, пользовались этой привилегіей, когда Гренвилль стоялъ на ногахъ. Но бѣдный молодой король принужденъ былъ, хотя съ досадою, по вѣжливю выслушивать весь этотъ потокъ краспорѣчій. До конца жизни своей онъ говорилъ съ ужасомъ о рѣчахъ Гренвилля.

Къ этому времени относится одно изъ страшнѣйшихъ событій въ жизни Питта. Былъ нѣкто сэръ Вилліамъ Пинсентъ, сомersetширскій баронетъ изъ партіи виговъ; онъ былъ членомъ палаты общины во дни королевы Анны, и удался къ частной, деревенской жизни, когда партія торіевъ, къ концу этого царствованія, получила перевѣсъ въ совѣтѣ королевы. Въ поступкахъ своихъ онъ былъ эксцентрикъ. Его нравственность подвергалась страшнымъ нареканіямъ. Но вѣрность его своимъ политическимъ мнѣніямъ была непоколебима. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ своей уединенной жизни онъ продолжалъ

раздумывать о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заставили его удалиться съ общественнаго поприща: объ увольненіи вигскаго министръства, объ Утрехтскомъ мирѣ, о томъ, какъ союзники насъ оставили. Ему казалось теперь, что существуетъ близкая аналогія между хорошо-памятными ему событіями его юности и событіями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ послѣдніе годы своей жизни: между отставкою Марльборо и отставкою Питта, между возвышеніемъ Гарлицъ и возвышеніемъ Бьюта, между трактатомъ, заключеннымъ Септъ-Джономъ, и трактатомъ, заключеннымъ Бедфордомъ, между неправдами австрійскаго дома въ 1712 и неправдами бранденбургскаго дома въ 1762 году. Эта мысль такъ крѣпко засѣла въ умѣ старика, что онъ рѣшился оставить въ наслѣдство все свое имущество Питту. Такимъ образомъ, Питтъ неожиданно получилъ почти три-тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода. И вся злоба враговъ не могла найти никакого повода къ осужденію его въ этомъ дѣлѣ. Никто не могъ назвать его искателемъ наслѣдствъ; никто не могъ обвинить его въ присвоеніи того, на что другіе имѣли бы болѣе права: онъ въ жизнь свою ни разу не видалъ сэра Вилліама, и сэръ Вилліамъ не оставилъ послѣ себя родственниковъ столь-близкихъ, чтобы они были въ правѣ объявить какія-нибудь притязанія на оставшееся имущество.

Благосостояніе Питта, казалось, процвѣтало; но его здоровье было хуже, нежели когда-либо. Мы не знаемъ, являлся ли онъ хотя одинъ разъ въ парламентъ въ продолженіи сессіи, начавшейся въ январѣ 1765 года. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ въ самомъ глубокомъ уединеніи, въ Гейзѣ, своей любимой виллѣ, едва передвигаясь отъ кресла къ постели, отъ постели къ креслу, и часто въ своей наиболѣе-конфиденціальной перепискѣ пользуясь, вмѣсто секретаря, услугами своей жены. Нѣкоторые изъ его враговъ распускали слухъ, что это уединеніе его въ такой же степени должно быть приписано аффектаціи, какъ и подагрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни былъ высокъ и блестящъ его характеръ, ему недоставало простоты. Съ талантомъ, который не нуждался въ помощи сценическихъ прикракъ, и съ умомъ, который, казалось бы, долженъ былъ поставить его выше ихъ, онъ, однакоже, въ продолженіи всей своей жизни прибѣгалъ къ нимъ. Вотъ отчего теперь явились догадки, что, достигши всего то-

го значенія, которое можетъ быть приобрѣтено краспорѣчемъ и великими заслугами, оказанными государству, онъ рѣшился не сба-влять себя цѣны частнымъ появленіемъ въ обществѣ, но, подѣ пред-логомъ болѣзни, окружить себя таинственностью, появляться толь-ко въ длинныя промежутки и при особенныхъ случаяхъ, а въ осталь-ное время передавать свои верховныя приговоры только нѣсколькимъ близкимъ приверженцамъ, которымъ дозволено ходить на поклоне-ніе къ его рабѣ. Если такова была его цѣль, то нѣкоторое время она была вполне достигнута. Никогда магическое вліяніе его имени не было такъ сильно, никогда страна не смотрѣла на него съ такою суевѣрною почтительностью, какъ въ продолженіи этого года молча-нія и уединенія.

Между-тѣмъ, какъ Питтъ находился такимъ-образомъ вдали отъ парламента, Гренвилль предложилъ мѣру, долженствовавшую про-извести великую революцію, которой послѣдствія долго будутъ ощу-щать весь родъ человѣческій. Мы говоримъ о законѣ, налагавшемъ штемпельныя пошлины на сѣвероамериканскія колоніи. Проектъ от-лично характеризуетъ своего творца. Въ дѣтищѣ можно найти каж-дую черту его отца. Робкій государственный человѣкъ отступилъ бы со страхомъ передъ мѣрой, о которой въ то время, когда колоніи далеко еще не были такъ могущественны, Вальполь сказалъ: «Кто рѣшится предложить это, тотъ будетъ много смѣлѣе меня.» Но на-тура Гренвилля была недоступна страху. Дальновидный государст-венный человѣкъ почувствовалъ бы, что въ Вестминстерѣ налагать подати на Новую Англію и Нью-Йоркъ было дѣломъ, хотя, правда, и непротивнымъ буквѣ узаконеній, или какому-нибудь рѣшенію, содержащемуся въ судебныхъ протоколахъ, но противнымъ прин-ципамъ хорошаго правительства и духу конституціи. Дальновидный государственный человѣкъ почувствовалъ бы также, что даже вде-сятеро большій доходъ отъ предложенной имъ американской штем-пельной пошлины былъ бы все-таки дорого купленъ, еслибы, вслѣд-ствіе его, возникла даже временная распря между метрополіей и ко-лоніями. Но Гренвилль не понималъ различія духа учрежденій отъ буквы законовъ, не имѣлъ понятія о національных интересахъ, ис-ключая тѣхъ, которые выражаются фунтами, шиллингами и пенсами. Что его политика можетъ возбудить глубокое неудовольствіе во всѣхъ

провинціяхъ, начиная отъ береговъ Великихъ Озеръ и до Мексиканскаго Залива, что Франція и Испанія могутъ воспользоваться удобнымъ случаемъ къ мести, что Британская имперія можетъ быть раздроблена, что государственный долгъ, тотъ долгъ, котораго потомъ онъ постоянно упрекалъ Питта, вслѣдствіе его собственной политики можетъ быть удвоенъ — надъ возможностью всего этого никогда не задумывался этотъ узкій, хотя и острый умъ.

О штемпельномъ актѣ не забудутъ до тѣхъ поръ, пока продлится существованіе земнаго шара. Но въ то время онъ не возбуждалъ въ странѣ такого сильнаго вниманія, какъ другой актъ, теперь почти совершенно позабытый. Король сдѣлался болѣнъ и распространился слухъ, что его положеніе очень опасно. Его болѣзнь, мы думаемъ, была та же самая, отъ которой, въ послѣдующій періодъ своей жизни, онъ безпрестанно становился неспособнымъ къ отправленію королевскихъ обязанностей. Его наследнику было только два года отъ роду. Было какъ-нельзя-болѣе кстати позаботиться объ управленіи государствомъ на случай вступленія на престолъ несовершеннолѣтняго короля. Разсужденія объ этомъ вопросѣ довели распрю между дворомъ и министерствомъ до кризиса. Король желалъ, чтобы ему предоставлено было право назначить регента въ духовномъ завѣщаніи. Министры боялись, или показывали видъ, будто боятся, что въ случаѣ, если это право будетъ предоставлено королю, онъ назначитъ принцессу-мать, или даже, можетъ-быть, графа Бьюта. Они, поэтому, настаивали на томъ, чтобы въ билль были внесены слова, ограничивавшія королевскій выборъ членами королевскаго семейства. Исключивъ такимъ-образомъ Бьюта, они самымъ замѣтнымъ образомъ побуждали короля исключить также и вдовствующую принцессу. Они увѣряли его, что палата общинъ, безъ сомнѣнія, вычеркнетъ ея имя, и этою угрозою вырвали у него принужденное согласіе. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что представленія ихъ, которыми они довели короля до нанесенія такой грубой и публичной обиды своей матери, были не основательны. Друзья принцессы въ палатѣ общинъ предложили вставить ея имя. Министры, соблюдая принципіе, не смѣли нападать на мать своего государя. Они надѣялись, что на помощь къ нимъ явится оппозиція и сплосу принудить ихъ къ тому, на что они охотно были бы готовы согласиться. Но

большинство оппозиціи, которое хотя и ненавидѣло принцессу, но еще болѣе ненавидѣло Гренвилля, смотрѣло съ удовольствіемъ на его затруднительное положеніе и вовсе не хотѣло вывести его изъ этого затрудненія. Вслѣдствіе этого, имя принцессы было внесено въ списокъ лицъ, получившихъ право принять на себя регентство.

Неудовольствіе короля достигло теперь своей высшей степени. Настоящій ударъ казался ему болѣе невыносимымъ, нежели всѣ другіе. Даже союзъ знатныхъ вѣговъ не могъ обращаться съ нимъ хуже, чѣмъ обращались его настоящіе министры. Въ этомъ горестномъ состояніи онъ раскрылъ всю свою душу предъ своимъ дядею, герцогомъ Комберландомъ. Герцогъ былъ не такой человекъ, котораго можно было любить, но принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ можно довѣряться. Онъ отличался мужественнымъ характеромъ, сильнымъ умомъ и высокимъ чувствомъ чести и долга. Какъ генералъ, онъ принадлежалъ къ замѣчательному разряду полководцевъ, которымъ, мы думаемъ, уже какъ бы суждено проигрывать всѣ битвы и, несмотря на то, все-таки сохранить репутацію храбраго и искуснаго солдата. Такимъ полководцамъ были Коллингъ и Вильгельмъ III. Намъ можно бы, конечно, прибавить къ этому списку и маршала Сульта. Храбрость герцога Комберланда была такого рода, что отличала его даже въ ряду принцевъ дома, знаменитаго своею храбростью. Хладнокровіе, съ которымъ онъ развѣзжалъ подъ градомъ пуль и ядеръ, не служило еще высшимъ доказательствомъ его храбрости. Безнадежныя болѣзни, страшныя хирургическія операціи не только не наводили на него ужаса, но даже не страшивали его. Съ мужествомъ онъ соединялъ добродѣтели, родственныя мужеству. Онъ говорилъ правду, былъ искренъ во враждѣ и дружбѣ и честенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Но его натура была сурова, и то, что казалось ему справедливымъ, рѣдко смягчалось милостью. Онъ, поэтому, въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ людей въ Англіи. Строгость, съ которою онъ обошелся съ бунтовщиками послѣ битвы при Куллоденѣ, доставляла ему прозвище мясника. Его попытка ввести въ англійскую армію, находившуюся тогда въ самомъ безпорядочномъ состояніи, строгую потсдамскую дисциплину, навлекла на него еще болѣе-сильное неудовольствіе. Не было такой дурной мѣры, которой бы ему не

приписывали. Многіе достойные люди были такъ пелѣны, что думали, будто, если онъ будетъ регентомъ во время малолѣтства своихъ племянниковъ, въ Тоуэрѣ снова настанутъ сцены удушенія ⁽¹⁴⁾. Подобное настроеніе умовъ, однако, прошло. Герцогъ пѣсколь-ко лѣтъ прожилъ въ уединеніи. Англичане, злобно-расположенные къ шотландцамъ, упрекали теперь его королевское высочество только за то, что онъ оставилъ въ живыхъ значительное количество Камероновъ и Макферсоновъ, которые занимаютъ должности таможенныхъ смотрителей и сборщиковъ податей. Онъ, прѣтому, былъ любимъ теперь своими земляками и въ особенности жителями Лондона.

У него было мало причинъ любить короля, и онъ ясно, хотя и ненастойчиво, показывалъ свое нерасположеніе къ той системѣ, которой слѣдовали въ послѣднее время; но у него были высокія и почти романтическія понятія о долгѣ, которымъ, какъ принцъ крови, онъ былъ обязанъ главѣ своего дома. Онъ рѣшился освободить своего племянника отъ ига и, на условіяхъ, равно почетныхъ для обѣихъ сторонъ, содѣйствовать примиренію партій виговъ съ престоломъ.

Съ такимъ намѣреніемъ онъ отправился въ Гейзъ и былъ допущенъ въ комнату больного Питта, потому что Питтъ не хотѣлъ выйти изъ своей комнаты и не хотѣлъ вести переговоровъ чрезъ посредника, чрезъ какое-нибудь лицо низшаго достоинства. Теперь начался длинный рядъ заблужденій для знаменитаго государственнаго человека, заблужденій, вовлекшихъ страну въ затрудненія и бѣдствія, даже болѣе серьезныя, нежели тѣ, отъ которыхъ его геній пѣкогда избавилъ ее. Его языкъ былъ гордъ, неразуменъ, почти непонятенъ. Въ туманѣ неопредѣленныхъ и несовсѣмъ любезныхъ фразъ можно было распознать только то, что онъ въ это время не хотѣлъ вступать въ должность. Истина же, по нашему мнѣнію, заключалась въ слѣдующемъ. Лордъ Темплъ, бывшій злымъ духомъ Питта, только-что придумалъ новый планъ политикн. Ненависть къ Бьюту и къ принцессѣ-матери, какъ кажется, вполне овладѣла душою Темпля. Онъ разсорился съ своимъ братомъ Джорджемъ за то, что тотъ

(14) Какъ это было съ дѣтьми Эдуарда IV, которыхъ задушили по приказанію ихъ дяди, Ричарда III.

вступилъ въ сношенія съ Бьютомъ и съ принцессой. Теперь же, когда этотъ самый Джорджъ явился врагомъ Бьюта и принцессы, Темплъ старался довести дѣло до общаго семейнаго примиренія. Три брата, какъ называли обыкновенно Темпля, Гренилла и Питта, могли бы составить министерство, не обращаясь за помощью ни къ Бьюту, ни къ партіи виговъ. При такихъ намѣреніяхъ Темплъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы отклонить Питта отъ принятія предложеній герцога Комберланда. Питтъ не былъ убѣжденъ, но Темплъ имѣлъ на него такое вліяніе, какимъ никто никогда не пользовался. Это были старинные друзья, очень близкіе родственники. Если таланты и слава Питта были полезны для Темпля, то въ былыя времена, во времена крайней бѣдности, кошелекъ Темпля былъ полезенъ для Питта. Въ политическихъ принципахъ они никогда не раздѣлились. Дважды они вмѣстѣ вступили въ кабинетъ, дважды они вмѣстѣ оставили его. Питтъ не могъ вынести мысли вступить въ должность безъ своего главнаго союзника; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что дѣлалъ дурно, отказываясь служить странѣ въ самую удобную для того мнину. Темный и неудовлетворительный складъ отвѣтовъ, данныхъ имъ на предложенія герцога Комберланда, можетъ быть приписанъ затруднительности и душевному безпокойству чловѣка, который не былъ въ мирѣ съ самимъ собою. Говорятъ, что онъ съ грустью сказалъ Темплю:

«*Extinxi te meque, soror, populumque, patresque
Sidonios, urbemque tuam.*» ⁽¹²⁾

Предсказаніе было слишкомъ вѣрно.

Найдя Питта несговорчивымъ, герцогъ Комберландъ посовѣтовалъ королю подчиниться необходимости — удержать Гренилла и Бедфордъ. Конечно, не такое было время, чтобы безопасно можно было оставить государственныя должности незанятымъ. Неустановившееся положеніе правительства производило общее разслабленіе во всѣхъ отрасляхъ государственной администраціи. Министры, которые въ другое время были бы безвредны, теперь превратились въ мятежныя скопища и быстро возрастали почти до степени возмуще-

(12) «Я сгубилъ, сестра, тебя и себя, народъ, сидонскихъ отцовъ и твой городъ.»

ний. Парламентъ былъ блокируемъ спитальфилдскими ткачами. На Бедфордъ-Гаусъ напали со всѣхъ сторонъ разъяренныя толпы черни; его подобно было занять сильнымъ гарнизономъ изъ конницы и пѣхоты. Нѣкоторые приписывали эти безпорядки друзьямъ Бьюта, а другіе приписывали ихъ друзьямъ Вилькса. Но какова бы ни была причина, слѣдствіемъ ихъ было то, что общая безопасность исчезла. При такихъ обстоятельствахъ король не могъ дѣлать выбора. Съ горькимъ чувствомъ оскорбленія онъ извѣстилъ министровъ, что намѣренъ ихъ удержать.

Они отвѣчали на это требованіемъ, чтобы онъ своимъ королевскимъ словомъ обѣщался никогда не призывать въ совѣтъ лорда Бьюта. Обѣщаніе было дано. Тогда они потребовали еще большаго. Братъ лорда Бьюта, мистеръ Маккензи занималъ доходную должность въ Шотландіи. Мистера Маккензи слѣдовало отставить. Король возразилъ, что эта должность была поручена ему при особенныхъ обстоятельствахъ и что онъ обѣщалъ никогда не отнимать ея, пока живъ. Гренвиллъ былъ непреклоненъ, и король съ горечью уступилъ.

Парламентская сессія кончилась. Торжество министровъ было полное. Король былъ почти плѣшникомъ, находился почти въ такомъ же положеніи, какъ Карлъ I на островѣ Вайтъ. Таковы были плоды политики, о которой, только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, были того убѣжденія, что она навсегда обезопаситъ тронъ отъ необходимости повиноваться паглымъ подданнымъ.

Весьма естественное раздраженіе короля высказывалось въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ съ томительной надеждой обратился къ коалиціи виговъ, бывшей нѣкогда предметомъ его страха и неважности. Герцога Девонширъ, съ которымъ поступили съ такою неизвинительною строгостью, умеръ незадолго предъ этимъ, оставивъ наслѣдникомъ послѣ себя несовершеннолѣтняго сына. Король снизошелъ до того, что выразилъ свое прискорбіе о случившемся и пригласилъ молодого герцога ко двору. Благородный юноша явился въ сопровожденіи своихъ дядей и былъ принятъ съ замѣтною благосклонностью.

Это обстоятельство и многіе другіе подобнаго же рода симптомы

раздражали министровъ. У нихъ въ запасъ было еще одно оскорбленіе для ихъ государя, оскорбленіе, которое заставило бы его дѣда вытолкать ихъ изъ комнаты. Гренвилль и Бедфордъ потребовали у него аудіенціи и прочли ему длинное представленіе, составленное ими весьма старательно. Это было обвиненіе его величества въ нарушеніи слова и въ грубомъ обращеніи съ своими совѣтниками. О принцессѣ упоминалось въ выраженіяхъ далеко не лестныхъ. Вставлены были намеки на то, что голова Бьюта находится въ опасности. Королю было прямо сказано, что онъ не долженъ вести себя такъ, какъ онъ велъ себя до сихъ поръ; что онъ не долженъ показывать своего неудовольствія на то положеніе, въ которое поставленъ; что онъ долженъ хмуриться на оппозицію и публично оказывать благосклонность своимъ министрамъ. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ чтеніе, говорилъ, что прекратилъ всѣ сношенія съ Бьютомъ; но министры, не обращая никакого вниманія на его слова, продолжали чтеніе, и король слушалъ его молча, почти задыхаясь отъ бѣшенства. Когда они окончили чтеніе, онъ сдѣлалъ только движеніе, выражавшее желаніе остаться наединѣ. Впослѣдствіи онъ сознавался, что въ эти минуты былъ почти близокъ къ обмороку.

Доведенный до отчаянія, онъ снова обратился къ герцогу Комберланду, а герцогъ Комберландъ снова обратился къ Питту. Питтъ въ душѣ желалъ принять на себя управленіе государственнымъ дѣлами и въ почтительныхъ выраженіяхъ сознавался, что условія, предлагаемыя королемъ, заключали въ себѣ все, чего только можетъ желать кто-либо изъ подданныхъ. Но Темплъ былъ неговорчивъ, и Питтъ, къ крайнему своему прискорбію, объявилъ, что безъ содѣйствія своего зятя онъ не можетъ принять на себя управленіе.

Герцогъ видѣлъ теперь только одно средство освободить своего племянника. Надобно было составить правительство изъ оппозиціонныхъ виговъ, безъ помощи Питта. Трудности казались почти непреодолимыми. Смерть и отступничество сильно разстроили ряды партій, незадолго предъ тѣмъ господствовавшей въ государствѣ. Тѣхъ, между которыми предстояло дѣлать выборъ герцогу, можно было раздѣлить на два разряда: одни были люди слишкомъ старые для

занятія важныхъ должностей, другіе никогда до сихъ поръ не занимали никакой значительной должности. Кабинетъ предстояло составить изъ разбитыхъ пивалповъ или изъ незрѣлыхъ рекрутъ.

Это было зло—однакожъ не такое зло, къ которому бы не примѣшивалось ничего хорошаго. Если новые государственные люди изъ партіи виговъ имѣли мало опытности въ дѣлахъ и преніяхъ, то, съ другой стороны, они свободны были отъ заразы той политической безправственности, которою сильно страдали ихъ предшественники. Продолжительный успѣхъ испортилъ великую партію, изгнавшую Стюартовъ, ограничившую прерогативы короны и обуздавшую нетерпимость іерархіи. Неудача произвела уже спасительное дѣйствіе. Въ день вступленія на престолъ Георга III перевѣсъ вигской партіи кончился, и съ этого дня начинается ея очищеніе. Выдающіеся теперь вожди этой партіи были люди совершенно другого рода, чѣмъ Сандисъ, Виннигтонъ, чѣмъ сэръ Вилліамъ Пондъжъ и Генри Фоксъ. То были люди, достойные стать бокъ-о-бокъ съ Гампденомъ при Чальгровѣ или въ послѣдній разъ обняться съ Росселемъ на эшафотѣ Линкольнъ-Пинъ-Фильдза. Въ политическую жизнь они внесли тѣ же высокія начала добродѣтели, которыя опредѣляли ихъ частный образъ жизни; они не хотѣли унываться до того, чтобы достигать самыхъ благородныхъ и спасительныхъ цѣлей средствами, противными чести и справедливости. Такими людьми были лордъ Джонъ Кавендишъ, сэръ Джорджъ Савиль и другіе, которыхъ мы считаемъ достойными чести называться вторыми основателями вигской партіи, возстановителями ея первоначальной силы и энергіи послѣ полувѣковаго упадка.

Вождемъ этого достойнаго союза былъ маркизъ Роккингамъ, человѣкъ съ блестящимъ состояніемъ, отличнаго ума и незапятнанной репутаціи. Онъ, правда, былъ до такой степени нервенъ, что до конца своей жизни никогда не поднимался, чтобы говорить въ палатѣ лордовъ безъ затрудненія и сильнаго отвращенія. Но, не будучи великимъ ораторомъ, онъ въ значительной степени обладалъ нѣкоторыми изъ качествъ государственнаго человѣка. Онъ умѣлъ выбрать себѣ друзей и владѣлъ въ необыкновенной степени искусствомъ привязывать ихъ къ себѣ самыми чистыми и достойными узами. Непокосимая вѣрность, съ которою они были преданы ему

впродолженіе многихъ лѣтъ почти безнадежной оппозиціи, еще не такъ удивительна, какъ то безкорыстіе и та деликатность, которыя они показали, когда онъ достигъ власти.

Мы склоняемся въ пользу той мысли, что нѣтъ лучшаго средства разъяснить искусство пользоваться силами партіи и злоупотреблять ею, какъ проведе параллель между двумя сильными коалиціями этого времени, между Роккингамомъ и Бедфордамъ. Партія Роккингамъ была въ нашихъ глазахъ именно тѣмъ, чѣмъ должна быть партія. Она состояла изъ людей, связанныхъ между собою общими мнѣніями, общими государственными дѣлами, взаимнымъ уваженіемъ. Что они желали честными и конституціонными средствами достигнуть власти, въ этомъ они признавались открыто. Но хотя часто и являлись къ нимъ предложенія воспользоваться почестями и доходами, соединенными съ должностью, они упорно отказывались отъ этого, если условія не были согласны съ ихъ принципами. Партія Бедфорда, насколько мы можемъ судить, не имѣла, какъ партія, никакого принципа. Ригби и Сандвичъ нуждались въ общественныхъ деньгахъ и думали, что вдвоемъ могутъ больше получить, нежели поодиночкѣ. Они дѣйствовали поэтому сообща и привлекали къ содѣйствію себя людей, болѣе значительныхъ и лучшихъ, нежели сами.

Къ Роккингаму-то теперь и обратился герцогъ Комберландъ. Маркизъ согласился принять на себя казначейство. Ньюкастль, столь долгое время признаваемый главою виговъ, не могъ быть исключенъ изъ министерства; онъ былъ назначенъ хранителемъ малой печати. Весьма почтенный, умный джентльменъ, по имени Доудзвелль, сдѣлался канцлеромъ казначейства. Генераль Конвей, служившій подъ начальствомъ герцога Комберланда и сильно преданный его королевскому высочеству, сдѣлался статсъ-секретаремъ и вмѣстѣ вождемъ палаты общины. Сильный аристократъ изъ виговъ, человѣкъ въ самой цвѣтущей порѣ мужества, отъ котораго въ это время ожидали очень многого, герцогъ Августъ Графтонъ, былъ назначенъ другимъ статсъ-секретаремъ.

Изъ жившихъ въ то время людей самые дряхлые старики не могли припоминать правительствъ, столь слабого ораторскими талантами и опытностью въ дѣлахъ государственныхъ. Господствовало мнѣ-

ніе, что министры останутся у дѣлъ только до тѣхъ поръ, пока соберется парламентъ; но что первый день парламентскихъ преній будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ днемъ ихъ власти. У Чарльза Тоунзэнда спросили: «что думаетъ онъ о новомъ министерствѣ?»— «Это просто люстриръ: красивая лѣтняя матерія», отвѣчалъ онъ: «для зимы она никакимъ образомъ не годится.»

При такомъ положеніи дѣлъ лордъ Роккингамъ имѣлъ достаточно благоразумія оцѣнить и обезпечить себѣ помощь союзника, который съ краснорѣчіемъ, превосходившимъ краснорѣчіе Питта, и съ трудолюбіемъ, приводившимъ въ стыдъ трудолюбіе Гренвилля, соединялъ широту пониманія, до которой ни Питтъ, ни Гренвилль не могли подняться. Молодой прландецъ пребылъ незадолго предъ этимъ въ Лондонъ искать тамъ счастья. Онъ много писалъ для книгопродавцевъ; но болѣе всего сдѣлался пзвѣстенъ небольшимъ трактатомъ, въ которомъ съ удивительнымъ искусствомъ подражалъ языку и способу мышленія Боллингброка, и болѣе остроумною, нежели основательною теоріей наслажденій, доставляемыхъ пзвѣстнымъ. Онъ достигъ также большой пзвѣстности, какъ собесѣдникъ, и литераторы, сходившіеся ужинать въ «Головъ Турка», смотрѣли на него какъ на единственнаго человѣка, способнаго въ этомъ отношеніи помѣряться силами съ докторомъ Джонсономъ. Онъ сдѣлался теперь частнымъ секретаремъ лорда Роккингамъ, и въліяніемъ своего патрона получилъ мѣсто въ парламентѣ. Эти сдѣлки совершились, однакоже, не безъ затрудненій. Герцогъ Ньюкастль, во все вышпивавшійся и обо всемъ болтавшій, заклиналъ перваго лорда казначейства быть пасторожѣмъ противъ авантюриста, котораго настоящее имя было О'Буркъ, и который, какъ его мнлости пзвѣстно, ни что иное, какъ дикій прландецъ, якобитъ, папистъ, тайный іезуптъ. Лордъ Роккингамъ отнесся къ этой клеветѣ надлежащимъ образомъ, и партія виговъ была усилена и украшена вступленіемъ въ нее Эдмонда Борка.

Партія, безъ сомнѣнія, нуждалась въ усиленіи, ибо въ это время она попесла незнаградимую потерю. Герцогъ Комберландъ образовалъ министерство и былъ его главною опорою. Его высокое положеніе и великое имя уравнивали въ нѣкоторой мѣрѣ славу Питта. Какъ посредникъ между вигами и дворомъ, онъ занималъ

мѣсто, которое никто другой не могъ занять. Сила характера его восполняла то, что составляло главный недостатокъ въ новомъ министертвѣ. Конвей, въ особенности, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ намѣреніяхъ и почтенныхъ дарованіяхъ самый несамостоятельный и нерѣшительный изъ людей, почерпалъ въ совѣтахъ этого твердаго и мужественнаго человѣка ту рѣшимость, которой ему не доставало. Предъ началомъ засѣданій парламента герцога скоростигжно умеръ. Всѣ смотрѣли на эту смерть, какъ на знаменіе большихъ тревогъ, и вслѣдствіе этого, равно какъ изъ уваженія къ его личнымъ качествамъ, сильно оплакивали его. Замѣчено, что въ Лондонѣ былъ такой всеобщій и глубокій трауръ, какого никогда не бывало, и что онъ продолжался долѣе, нежели было предписано «Газетой».

Между тѣмъ каждая почта изъ Америки приносила тревожныя извѣстія. Жатву, посѣянную Гренвиллемъ, должны были теперь пожать его преемники. Колоніи находились въ состояніи, близкомъ къ возмущенію. Штемпеля были сожжены; сборщики податей облиты дегтемъ и обѣзжены перьями. Всѣ сношенія между недовольными провинціями и метрополіею были прерваны. Страхъ овладѣлъ лондонскою биржей. Половина торговыхъ домовъ въ Бристолѣ и Ливерпулѣ угрожало банкротство. Въ Лидсѣ, Манчестерѣ, Поттингамѣ изъ десяти работниковъ тремъ, какъ говорили, угрожала голодная смерть. Гражданская война, казалось, была близка, и не могло быть сомнѣнія, что, если когда-нибудь произойдетъ разъединеніе въ британскомъ народѣ, Франція и Испанія не замедлятъ принять участіе въ распрѣ.

Открыто было три пути для министровъ. Первый — подкрѣпить оружіемъ штемпельный актъ. Въ пользу этого пути равно склонялись и король и Гренвилль, хотя король и неавидѣлъ его болѣе, чѣмъ всякое другое живое существо. Натуры обоихъ были деспотичны и упрямы. Они до того были похожи другъ на друга, что никогда не могли сдѣлаться друзьями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они до того были похожи другъ на друга, что почти на всѣ важные практическіе вопросы смотрѣли съ одной и той же точки зрѣнія. Ни одинъ изъ нихъ не могъ позволить другому управлять собою; но оба они вполне были согласны относительно вопроса, какимъ способомъ лучше всего управлять народомъ.

Второй путь былъ предложенъ Питтомъ. Онъ стоялъ на томъ, что англійскій парламентъ не уполномоченъ конституціей налагать подати на колоніи. Онъ смотрѣлъ, поэтому, на штемпельный актъ какъ на недѣйствительный, какъ на актъ, имѣвшій не болѣе значенія, чѣмъ предписаніе Карла о корабельной подати, или прокламація Іакова, отмѣнявшая дѣйствіе уголовныхъ законовъ. Это воззрѣніе, мы должны сознаться, кажется намъ во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ.

Между этими двумя крайними путями лежалъ третій. Наболѣе благоразумные и умѣренные государственные люди той эпохи были того мнѣнія, что британская конституція не положила никакихъ предѣловъ законодательной власти британскаго короля, лордовъ и общинъ надъ всѣмъ британскимъ государствомъ. Парламентъ, думали они, имѣлъ законное право наложить подати на Америку, такъ-какъ парламентъ имѣетъ законное право совершать другого рода глупости и насилія, конфисковать имущество у всѣхъ купцовъ Ломбардъ-Стрита, или объявить кого угодно виновнымъ въ государственномъ преступленіи, не заслушавъ свидѣтелей и не давая ему средствъ защитить себя. Самый возмутительный актъ конфискаціи, или обвиненія, въ такой же точно мѣрѣ имѣетъ дѣйствительную силу, какъ актъ о терпимости, или Habeas Corpus-Act. Но что касается актовъ о конфискаціи или актовъ обвинительныхъ, то законодатели нѣкотораго рода нравственнымъ долгомъ обязаны систематически обуздывать себя. Подобнымъ же образомъ британское законодательство обязано было удержаться отъ наложенія податей на американскія колоніи. Штемпельнаго акта нельзя защищать не потому, чтобы онъ былъ внѣ предѣловъ конституціонныхъ правъ парламента, но потому, что онъ несправедливъ и не политиченъ, давалъ мало доходовъ и порождалъ много неудовольствій. Это здравое воззрѣніе было принято лордомъ Роккингхамомъ и его товарищами и въ продолженіе многихъ лѣтъ было повторяемо Боркомъ въ его рѣчахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя будутъ жить до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ англійскій языкъ.

Пришла зима, собрался парламентъ, и положеніе колоній сдѣлалось тотчасъ же предметомъ жаркихъ споровъ. Питтъ, котораго здоровье отъ Батскихъ водъ нѣсколько поправилось, снова явился въ

пазатъ общинъ и съ пылкимъ и страстнымъ краснорѣчьемъ не только порицалъ штемпельный актъ, но даже одобрялъ сопротивленіе Массачузетса и Виргиніи и, должно сознаться, вопреки разуму и всякому авторитету, упорно утверждалъ, что, на основаніи британской конституціи, высшая законодательная власть не имѣетъ права налагать подати. Языкъ Гренвилля, съ другой стороны, былъ похожъ на тотъ, которымъ Страффордъ говорилъ въ совѣтѣ Карла I, когда пришло извѣстіе объ эдинбургскомъ возстаніи противъ литургіи. Колонисты, по его словамъ, измѣнники; кто оправдываетъ ихъ, тотъ не лучше. Фрегаты, мортиры, штыки и сабли—приличнѣйшія средства отъ подобныхъ болѣзней.

Министры заняли посредствующее положеніе: они предложили объявить, что законодательный авторитетъ британскаго парламента надъ всемъ государствомъ есть высшій авторитетъ во всехъ случаяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложили отмѣнить штемпельный актъ. Противъ первой мѣры возражалъ Питтъ, но она была принята почти единогласно. Отмѣну штемпельнаго акта Питтъ сильно поддерживалъ; но противъ правительства поднялась страшная оппозиція. Гренвилль и Бедфордъ пылали яростью. Темплъ, тѣсно соединившійся теперь съ братомъ и отдѣлившійся отъ Питта, былъ не изъ такихъ противниковъ, которыхъ можно было презирать. Но не въ этомъ однако заключалось главное зло. Министерство было лишено своей естественной силы; оно принуждено было бороться не только противъ своихъ открытыхъ враговъ, но и противъ тайнаго недоброжелательства короля и нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ въ это время начали называть друзьями короля.

Характеръ этой факціи описанъ Боркомъ съ силою и живостью, даже у него необыкновеннымъ. Тѣ, кто знаетъ, какъ сильно впечатленіе всей жизни сужденіе его зависѣло отъ страсти, могутъ впасть въ весьма естественное подозрѣніе, что онъ оставилъ намъ скорѣе каррикатуру, нежели изображеніе; однако, во всемъ изображеніи нѣтъ ни одной черты, вѣрность которой не была бы доказана несомнѣнно достоверными фактами.

Публика смотрѣла вообще на друзей короля какъ на факцію, въ которой руководящею силою былъ Бьютъ. Напрасно графъ объявлялъ, что онъ пересталъ заниматься дѣлами политическими, что онъ годъ

отъ-году болѣе и болѣе удаляется отъ двора, что онъ ѣздилъ на сѣверъ, ѣздилъ въ Римъ. Представленіе о томъ, что какимъ-то непонятнымъ образомъ онъ внушаетъ всѣ мѣры двору, было крѣпко не только въ умахъ толпы, но даже и тѣхъ, которые имѣли полную возможность получать достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и которые, поѣтому, могли быть выше обыкновенныхъ предразсудковъ. Мы думаемъ, что эти предположенія неосновательны и что, незадолго до отставки Джорджа Гренилла, онъ прекратилъ всѣ сношенія съ королемъ по дѣламъ политическимъ. Нѣтъ, конечно, никакой надобности предполагать вліяніе Бьюта для объясненія тогдашнихъ событій. Въ 1765 году король не былъ уже тѣмъ, несвѣдущимъ и неопытнымъ юношей, которымъ въ 1760 году руководили его мать и камергеръ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ наблюдалъ борьбу партій и ежедневно разсуждалъ о важныхъ государственныхъ вопросахъ съ способными и опытными государственными людьми. Теперь онъ не былъ болѣе куклою въ рукахъ другихъ, но у него сложились довольно рѣшительныя мнѣнія и о людяхъ, и о предметахъ. Весьма естественно, что у него явились высокія понятія о своихъ собственныхъ правахъ, что онъ не могъ выносить оппозиціи и питалъ желаніе, чтобы всѣ общественные дѣятели были разъединены между собою и находились въ зависимости только отъ него одного; весьма естественно было далѣе, что при состояніи, въ которомъ тогда находился политическій міръ, онъ нашелъ достаточно орудій для выполненія своихъ намѣреній.

Такимъ образомъ возникъ и обозначился особый разрядъ пресмыкающихся политиковъ, никогда ни прежде ни послѣ того невиданный въ нашей странѣ. Эти люди отреклись отъ всѣхъ политическихъ связей, исключая тѣхъ, которыя соединяли ихъ съ трономъ; они готовы были при первомъ удобномъ случаѣ сойтись съ какою-угодно партіей, оставить какую-угодно партію, подкупать каждую партію, напасть на каждую партію. Для нихъ всѣ министерства и всѣ оппозиціи были равнозначущи. Они смотрѣли на Бьюта, Гренилла, Роккингамъ, Питта безъ особеннаго чувства расположенія и безъ отвращенія. Они были друзьями короля. Должно замѣтить, что эта дружба не вела къ личной интимности. Эти люди никогда не жили съ своимъ повелителемъ, какъ Доддингтонъ жилъ нѣкогда съ его

отцемъ, или какъ Шериданъ въ послѣдствіи жилъ съ его сыномъ. Они никогда не охотились съ нимъ по утрамъ, никогда не играли съ нимъ въ карты по вечерамъ, никогда не ѣли вмѣстѣ съ нимъ жареной баранины, не ухаживали вмѣстѣ съ нимъ за его рѣпою. Только одному или двумъ изъ нихъ случалось видѣть его не въ торжественные дни. Но тѣмъ неменѣе вся факція получала прежде всѣхъ, и самыя точныя, свѣдѣнія о его личныхъ желаніяхъ. Никто изъ этихъ людей не занималъ высокаго мѣста въ администраціи. Они обыкновенно занимали мѣста съ хорошимъ доходомъ, съ ничтожнымъ количествомъ работы и безъ всякой отвѣтственности, и эти мѣста они продолжали удерживать за собою въ то время, пока шесть или семь разъ смѣнялся кабинетъ. Ихъ специальнымъ назначеніемъ было не поддерживать министерство противъ оппозиціи, но поддерживать короля противъ министерства. Если его величество бывалъ вынужденъ давать противъ воли согласіе на внесеніе въ парламентъ какого-нибудь билля, который его конституціонные совѣтники считали необходимымъ, то можно было сказать навѣрное, что его друзья въ палатѣ общинъ будутъ говорить противъ билля, будутъ противъ него подавать голосъ, будутъ ставить на пути ему всякаго рода препятствія, совмѣстныя съ парламентскими формами. Если его величество находилъ необходимымъ допустить въ свой кабинетъ статсъ-секретаря, или перваго лорда казначейства, котораго онъ не могъ выносить, то можно было сказать навѣрное, что его друзья не упустятъ ни одного случая повредить такому нелюбимому министру или унизить его. Въ награду за эти услуги король бралъ ихъ подъ свое покровительство. Напрасно отвѣтственные слуги короля жаловались ему, что ежедневно предають ихъ и мѣшаютъ имъ люди, живущіе на хлѣбахъ у правительства. Онъ то оправдывалъ оскорбителей, то обвинялъ ихъ, то сознавался, что они заслуживаютъ порицанія, но говорилъ, что потребно время для разсмотрѣнія, можно ли ему отъ нихъ отдѣлаться. Онъ никогда не хотѣлъ ихъ выгнать; и между тѣмъ, какъ все въ государствѣ безпрестанно мѣнялось, этимъ спокончантамъ, казалось, суждено было оставаться вѣчно при своихъ должностяхъ.

Друзьямъ короля было хорошо извѣстно, что хотя его величество и согласился на отмыну штемпельнаго акта, но онъ далъ это согла-

сіе съ весьма недовольнымъ видомъ, и что хотя онъ ревностно благопріятствовалъ вигамъ, когда они, въ крайнемъ его положеніи и по его усердной просьбѣ, взяли на себя освободить его отъ невыносимаго гна, но онъ нисколько не перемѣнилъ прежнихъ своихъ предубѣжденій противъ своихъ освободителей. Предъ министрами вскорѣ открылось, что, между-тѣмъ какъ съ фронта имъ предстоятъ бороться со всѣми силами могущественной оппозиціи, съ тыла на нихъ нападаетъ многочисленная толпа тѣхъ самыхъ людей, которыхъ они считали своими союзниками.

Тѣмъ неменѣе лордъ Роккингамъ и его приверженцы рѣшительно шли впередъ съ своимъ биллемъ объ отменѣ штемпельнаго акта. На ихъ сторонѣ были всѣ промышленные и торговые интересы въ государствѣ. Въ преніяхъ правительство нашло могущественную поддержку. Двое великихъ ораторовъ и государственныхъ людей, принадлежавшихъ къ двумъ разнымъ поколѣніямъ, поочередно пускали въ ходъ всѣ свои силы, защищая билль. Палата общинъ слушала Питта въ послѣдній разъ, а Борка въ первый, и находилась въ сомнѣніи, которому изъ нихъ слѣдуетъ вручить пальму первенства въ краснорѣчіи. Безъ сомнѣнія, это былъ блестящій закатъ и блестящій восходъ.

Нѣкоторое время исходъ дѣла казался сомнительнымъ. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ министры были сильно стѣснены. При одномъ случаѣ не менѣе двѣнадцати друзей короля, все люди должностные, подали голоса противъ правительства. Напрасно лордъ Роккингамъ дѣлалъ представленія королю: его величество сознавался, что было достаточно причинъ жаловаться, но изъявлялъ надежду, что кроткими средствами можно привести этихъ противниковъ въ лучшее настроеніе духа. Если же они будутъ упорствовать въ своемъ дурномъ поведеніи, то онъ ихъ отставитъ.

Наконецъ насталъ рѣшительный день. Галлерея, сѣни, совѣстный судъ, ступеньки лѣстницы были наполнены купцами изъ всѣхъ большихъ портовыхъ городовъ острова. Пренія продолжались далеко за полночь. При подачѣ голосовъ министры получили значительное большинство. Страхъ гражданской войны и вопли всѣхъ торговыхъ городовъ королевства превозмогли соединенныя силы двора и оппозиціи.

При полусвѣтѣ занимавшагося февральскаго утра отворились двери палаты общины, и вожди враждебныхъ партій показались предъ толпой. Конвей былъ принятъ съ громкими рукоплесканіями. Но когда явился Питтъ, глаза всѣхъ устремились на него. Всѣ шляпы полетѣли вверхъ. Громкіе и продолжительные крики восторга сопровождали его до экипажа и толпа поклонниковъ слѣдовала за нимъ до самаго дома. Затѣмъ вышелъ Гренвилль. Какъ-скоро его узнали, поднялась дѣлая буря свистковъ и проклятій. Онъ съ яростью бросился на толпу и схватилъ одного человѣка за горло. Окружавшіе были въ большомъ безпокойствѣ. Еслибъ началась схватка, то никто не могъ сказать, чѣмъ бы она кончилась. Къ-счастью, человѣкъ, котораго онъ схватилъ такимъ образомъ, сказалъ только: «Если я не смѣю свистать, сэръ, то, надѣюсь, мнѣ позволительно смѣяться», и засмѣялся Гренвиллю въ лицо.

Большинство было столь рѣшительное, что всѣ члены парламента, стоявшіе въ оппозиціи министерству, за исключеніемъ одного, были готовы пропустить билль безъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ. Но всѣ увѣщанія и представленія были отвергнуты Гренвиллемъ. Его неукротимый духъ подъ тяжестью общественной ненависти только разгорячался спльнѣе и спльнѣе; онъ упорно велъ борьбу до конца. При заключительномъ чтеніи билля онъ велъ рѣзкій споръ съ своимъ затемъ—послѣдній изъ многочисленныхъ рѣзкихъ споровъ между ними. Питтъ энергически громилъ человѣка, который желалъ окунуть горностаеву мантию британскаго короля въ крови британскаго народа. Гренвилль возражалъ съ своимъ обыкновеннымъ безстрашіемъ и рѣзкостью. «Еслибъ теперь, сказалъ онъ, можно было еще наложить подать, то я наложилъ бы ее. За тѣ бѣдствія, къ которымъ она повела бы, отвѣчаетъ мой обвинитель. Его расточительность сдѣлала ее необходимою; высказанныя имъ мнѣнія противъ конституціонныхъ правъ короля, лордовъ и общины сдѣлали ее вдвойнѣ необходимою. Я не завидую тѣмъ восторженнымъ крикамъ, съ которыми его встрѣчаютъ. Я горжусь свистками. Еслибъ надобно было сдѣлать снова то же самое, я сдѣлалъ бы.»

Отмѣна штемпельнаго акта была главною мѣрою правительства лорда Роккингхэма. Но это правительство заслуживаетъ похвалы за то, что положило конецъ двумъ стѣснительнымъ обычаямъ, которые,

въ дѣлѣ Вилькса привлекли общее вниманіе и вызвали неудовольствіе публики. Подъ вліяніемъ министровъ палата общинъ приняла два закона: одинъ, которымъ отмѣнялось постановленіе объ арестахъ, другой, которымъ запрещалась конфискація газетъ по дѣламъ о пасквиляхъ.

Для прочной славы лорда Роккингхема должно прибавить, что въ длинномъ ряду годовъ, его администрація была первая, имѣвшая достаточно честности и мужества, чтобы удерживаться отъ подкупа парламентскихъ членовъ. Враги обвиняли его и его друзей въ слабости, въ высокомеріи, въ служеніи духу партіи; но даже клевета никогда не осмѣливалась связать его имя съ подкупомъ.

Къ сожалѣнію, это правительство, одно изъ лучшихъ, бывшихъ когда-либо въ нашей странѣ, было вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ самыхъ слабыхъ. Друзья короля, при каждомъ удобномъ случаѣ, нападали на министровъ и мѣшали имъ. Если они въ такихъ случаяхъ обращались къ королю, то это вело только къ новымъ обѣщаніямъ и новымъ отговоркамъ. Его величество былъ убѣжденъ, что тутъ существуютъ какія-нибудь недоразумѣнія. Лордъ Роккингхамъ пусть лучше самъ переговоритъ съ джентльменами. При слѣдующемъ проступкѣ они будутъ уволены. Слѣдующій проступокъ скоро совершался, и его величество продолжалъ лукавить. «Это слишкомъ дурно; это вполне откратительно, говорилъ онъ; но что за дѣло до этого? скоро парламентъ будетъ отсроченъ.» Онъ желаетъ дать виновнымъ еще возможность исправиться. Если въ ближайшую сессию они не измѣнятъ своего поведенія, то въ защиту пхъ онъ не скажетъ ни слова. Онъ ужъ рѣшилъ, что задолго до начала новой сессіи лордъ Роккингхамъ не будетъ министромъ.

Мы пришли теперь къ той эпохѣ въ нашей исторіи, которую, при всемъ нашемъ удивленіи къ гению и многимъ благороднымъ качествамъ Питта, не можемъ излагать безъ особенной скорби. Мы вѣримъ, что въ это время въ его власти было даровать побѣду партіи виговъ или друзьямъ короля. Что-бы оставалось дѣлать двору, еслибъ Питтъ тѣсно соединился съ лордомъ Роккингхамомъ? Тогда возможно было бы одно изъ двухъ: или виги, или Гренвилль, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, каковъ будетъ выборъ короля. Онъ помнилъ еще съ крайнею горечью—и имѣлъ еще основаніе помнить—

о томъ рабствѣ, отъ котораго освободилъ его дядя, и около этого времени сказалъ съ сильною раздражительностью, что скорѣе согласится вѣдѣть въ своемъ кабинетѣ дьявола, нежели Гренвилля.

И что могло бы помѣшать Питту соединиться съ лордомъ Роккингхамомъ? Относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросовъ мнѣшя ихъ были одинаковы; они равно порицали миръ, штемпельный актъ, постановленія объ арестахъ, конфискацію газетъ. Пункты, въ которыхъ они расходились, были немногочисленны и неважны. Въ честности, въ безкорыстїи, въ ненависти къ подкупамъ они были похожи одинъ на другаго. Личные ихъ интересы не могли сталкиваться. Они засѣдали въ различныхъ палатахъ, и Питтъ всегда говорилъ, что ничто не можетъ заставить его вступить въ должность перваго лорда казначейства.

Если былъ упущенъ удобный случай образовать коалицію, благотѣльную для государства и честную для всѣхъ участниковъ, то въ этомъ не слѣдуетъ обвинять вигское министерство. Министры держали себя относительно Питта съ такою почтительностью, которая, еслибъ не была слѣдствіемъ искренняго уваженія и заботливости объ общественныхъ интересахъ, съ достаточнымъ основаніемъ могла бы назваться рабскою. Они безпрестанно давали понять ему, что если онъ рѣшится примкнуть къ ихъ рядамъ, то они готовы приять его не какъ союзника, но какъ вожда. Они доказали свое уваженіе къ нему, возведя въ званіе пера человѣка, пользовавшагося въ то время значительною долею его довѣрія, главнаго судью Пратта. Что же такое отдѣляло тогда Питта отъ вѣговъ? Что, съ другой стороны, было общаго между нимъ и друзьями короля? отчего онъ отдался ихъ цѣлямъ, онъ, никогда не обязанный вѣщамъ лести или питригѣ, онъ, краснорѣчіе и независимый духъ котораго держали въ страхѣ два поколѣнія рабовъ и наемниковъ, и который дважды энтузіазмомъ удивлявшагося ему народа былъ, противъ воли короля, поставленъ во главѣ управленія?

Къ сожалѣнію, дворъ привлекъ къ себѣ Питта, правда, не тѣми педостойными средствами, которыя употреблялись въ дѣло, когда надобно было соблазнить такихъ людей, какъ Ригби и Веддерборнъ, но тѣми приманками, на которыя поддается натура, благородная въ

самыхъ заблужденіяхъ своихъ. Король поставилъ себѣ задачею обольстить единственнаго человѣка, который могъ столкнуть вгору и, однакожъ, не отдать управленія въ руки Гренвилля. Похвалы, любезности, обѣщанія расточаемы были предъ лицомъ народа. Онъ, и только онъ одинъ, можетъ положить конецъ раздорамъ партій, можетъ съ презрѣніемъ отнестись ко всемъ могущественнымъ партіямъ въ странѣ, къ вигамъ и торіамъ, къ Рокклингхамъ, Бедфордамъ и Гренвиллямъ, ко всемъ имъ вмѣстѣ. Подобнаго рода льстивыя рѣчи произвели сильный эффектъ, ибо хотя умъ Питта былъ возвышенный и мужественный, хотя его краспорѣчіе часто съ поразительнымъ эффектомъ боролось противъ двора, хотя его правительственная теорія была почерпнута изъ школы Локка и Сидни, но онъ постоянно смотрѣлъ на лицо государя съ глубокимъ уваженіемъ. Какъ скоро онъ становился лицомъ къ лицу съ королевскою властью, его воображеніе и его чувствительность брали перевѣсъ надъ его принципами. Его взглядъ таялъ и испарялся, и, на это время, онъ дѣлался торіемъ стараго ормондовскаго заката. Съ другой стороны, онъ нѣсколько не противился идее помочь дѣлу разложенія всѣхъ политическихъ партій. Собственное его значеніе въ государствѣ находилось въ полной независимости отъ всѣхъ партій. Онъ, поэтому, расположенъ былъ смотрѣть на нихъ съ неудовольствіемъ и находилъ слишкомъ мало различія между скопищами мошенниковъ, собравшихся единственно съ цѣлью грабежа, и собраниями почтенныхъ людей для содѣйствія великимъ общественнымъ цѣлямъ. У него не было настолько пропитательности, чтобы замѣтить, что энергическія успія, поднятыя имъ для уничтоженія всѣхъ партій, поведутъ только къ утвержденію перевѣса одной, и именно самой дурной изъ нихъ и самой печальной.

Можно сомнѣваться въ томъ, увлекся ли бы онъ въ такое заблужденіе, еслибъ его духъ находился въ полнотѣ своихъ здоровыхъ и свѣжихъ силъ. Но дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ былъ въ ненормальномъ состояніи раздраженія. До сихъ поръ еще не возникло подозрѣній, что онъ находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи. Его краспорѣчіе никогда не выказывалось въ большемъ блескѣ, какъ въ продолженіе послѣднихъ преній. Только впоследствии стали припоминать множество обстоятельствъ, которыя были спо-

собны возбудить подозрѣнія. Его привычки постепенно становились болѣе и болѣе эксцентричными; онъ, подобно Валленштейну, началъ бояться всякаго слишкомъ сильнаго шума. Будучи всегда самымъ пѣжнымъ отцомъ, онъ въ это время не могъ выносить голоса своихъ собственныхъ дѣтей и въ Гейзѣ расходовалъ значительныя суммы на покупку домовъ только для того, чтобъ сосѣди не мѣшали ему своимъ шумомъ. Затѣмъ онъ продалъ Гейзъ и купилъ виллу въ Гампстидѣ, гдѣ снова началъ скупать дома направо и налево. Поддержками онъ, безъ сомнѣнія, въ эту эпоху своей жизни соперничалъ съ богатѣйшими изъ завоевателей Бенгала и Танджора. Въ Бортонъ-Писсентъ онъ приказалъ засадить кедрами значительное пространство земли. Для этой цѣли достаточнаго количества кедровъ нельзя было найти въ Сомерсетширѣ; ихъ, поэтому, набрали, сколько могли, въ Лондонѣ и отвезли въ повозкахъ. Наняты были работники, смѣнявшіе другъ друга поочередно, и работа шла даже ночью при свѣтѣ факеловъ. Не было человѣка воздержнѣе Пипта, однакожъ, для кухни своей онъ расходовалъ такъ много, что это могло возбудить удивленіе даже въ эпикурейцахъ: постоянно было заготовлено по нѣскольку обѣдовъ, потому что вкусъ его былъ капризенъ и прихотливъ, и, когда бы онъ захотѣлся ему ѣсть, надобно было, чтобы обѣдъ тотчасъ же являлся на столѣ. Мы могли бы привести и другія обстоятельства, которыя, будучи разсматриваемы въ отдѣльности, имѣютъ ничтожное значеніе, но взятые вмѣстѣ и приведенныя въ соотношеніе съ послѣдующими его странными поступками оправдываютъ наше убѣжденіе, что его разсудокъ уже находился въ болѣзненномъ состояніи.

Вскорѣ послѣ закрытія засѣданій парламента, лордъ Роккингамъ получилъ увольненіе. Онъ удалился, сопровождаемый вѣрною толпою друзей, которыхъ постоянству и честности даже сами враги принуждены были отдать должное. Ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ и не получилъ пенсіона или синекуры, ни даже права выжидать ихъ. Подобное безкорыстіе было тогда явленіемъ рѣдкимъ между людьми государственными. Ихъ глава, при всемъ томъ, что былъ человѣкъ не съ блестящими талантами, пріобрѣлъ себѣ почетное имя, до послѣднихъ поръ остававшееся чистымъ. Несмотря на трудности, казавшіяся почти непреодолимыми, онъ устранялъ большія злоупотреб-

бленія и отклонилъ гражданскую войну. Вслѣдствіи, спустя шесть-надцать лѣтъ, въ тяжелое и страшное время, онъ снова былъ призванъ спасти государство, стоявшее почти на краю гибели вслѣдствіе такого же коварства и такого же упорства, которыя затрудняли и наконецъ сокрушили его первое министерство.

Питтъ сажалъ въ то время свои кедры въ Сомерсетширѣ, какъ собственноручное письмо короля призывало его ко двору. Онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Лондонъ. Болѣзненное состояніе его духа и тѣла усилилось вслѣдствіе той быстроты, съ которою онъ ѣхалъ; достигнувъ цѣли своей поѣздки, онъ занемогъ лихорадкою. Больной, онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Ричмондѣ и взялся составить министерство.

Питтъ находился въ положеніи человѣка, принужденнаго вести щекотливые и трудные переговоры. Въ письмахъ къ женѣ онъ жалуется, что конференціи, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе, разгорачиваютъ его кровь и ускоряютъ бѣненіе пульса. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что его тонъ даже съ тѣми, которыхъ содѣйствіе онъ желалъ пріобрѣсти, былъ настойчивъ и деспотиченъ. Нѣкоторыя изъ записокъ, написанныхъ имъ въ это время, сохранились до сихъ поръ; онѣ написаны въ такомъ тонѣ, что самъ Людовикъ XIV постыдился бы употребить его въ письмѣ къ какому-нибудь французскому дворянину.

Въ своей попыткѣ разстроить всѣ партіи Питтъ встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія. Нѣкоторые виги, которыхъ дворъ охотно желалъ бы отвлечь отъ лорда Роккингэма, отвергли всѣ предложенія. Бедфордъ былъ совершенно готовъ разорвать свою связь съ Гренвиллемъ; но Питтъ не желалъ согласиться на предлагаемыя имъ условія. Темплъ, котораго Питтъ сначала хотѣлъ поставить во главѣ казначейства, явился непреклоннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время охлажденіе между зятями, такъ долго и такъ тѣсно связанными между собою по вопросамъ политическимъ, усиливалось все болѣе и болѣе. Питтъ сердился на Темплъ за его оппозицію при отмѣнѣ штемпельнаго акта. Темплъ сердился на Питта за то, что онъ отказался пристать къ семейной лигѣ, которая теперь была самымъ любимымъ планомъ въ Стоу. Наконецъ графъ предложилъ раздѣлить поровну власть и вліяніе въ парламентѣ и хотѣлъ на этомъ

условіи пожертвовать своимъ братомъ Джорджемъ. Питтъ на-
шелъ требованіе чрезмѣрнымъ и положительно отказался принять
его. Затѣмъ послѣдовалъ сильный споръ. Каждый изъ родственни-
ковъ оставался вѣрнымъ своему характеру. Въ душѣ Темпля под-
палась злоба; душа Питта наполнилась презрѣніемъ. Темплъ вп-
дѣлъ въ Питтѣ самага непавпстиаго изъ лицемѣровъ и предателей.
Питтъ говорилъ въ другомъ тонѣ, можетъ быть, еще болѣе оскор-
бительномъ. Темплъ, по его словамъ, былъ изъ числа тѣхъ людей,
которыхъ единственное право на извѣстность заключается въ томъ,
что они владѣютъ обширнымъ садомъ съ большими прудами, съ зна-
чительнымъ количествомъ павпзынонъ и увеселительныхъ домиковъ.
Счастливой своей связи съ великимъ ораторомъ и государственнымъ
человѣкомъ онъ обязанъ значеніемъ въ государствѣ, котораго ни-
когда не приобрѣлъ бы одними собственными талантами. Это
значеніе вскружило ему голову: онъ вообразилъ себѣ, что можетъ
составлять мпнистерства и управлять государствами. Очень прискорб-
но видѣть разсудительнаго человѣка въ подобномъ заблужденіи.

Не смотря на всѣ эти затрудненія, мпнистерство составилось въ
томъ видѣ, въ какомъ желалъ король, мпнистерство, въ которомъ
расположились весьма комфортабельно всѣ друзья его величества
и въ которомъ, за исключеніемъ друзей его величества, не было
и четырехъ человѣкъ, привыкшихъ дѣйствовать вмѣстѣ. Люди,
ни разу не подававшіе вмѣстѣ голосовъ, теперь засѣдали въ совѣтѣ
за однимъ столомъ. Должность казначея была раздѣлена между дву-
мя лицами, которыя никогда не обмѣнялись между собою словомъ.
Большая часть важнѣйшихъ должностей была занята или личными
приверженцами Питта, или членами послѣдняго мпнистерства, ко-
торыхъ убѣдили остаться на своихъ мѣстахъ послѣ отставки лорда
Роккингэма. Къ первому разряду принадлежали Праттъ, теперь
лордъ Камденъ, получившій большую печать, и лордъ Шельборнъ,
назначенный однимъ изъ государственныхъ секретарей. Къ послѣд-
нему разряду принадлежали герцогъ Графтонъ, сдѣлавшійся пер-
вымъ лордомъ казначейства, и Конвей, удержавшій свое прежнее поло-
женіе въ правительствѣ и въ палатѣ общины. Чарльзъ Таупзгендъ,
принадлежавшій къ каждой партіи и ни объ одной незаботившійся,
сдѣлался канцлеромъ казначейства. Питтъ самъ былъ объявленъ

первымъ министромъ, но отказался взять на себя какую-нибудь должность съ портфелемъ. Ему пожалованъ былъ титулъ лорда Чатама и ввѣрена была тайная печать.

Почти нѣтъ надобности говорить, что паденіе, полное и позорное паденіе этой сдѣлки не должно быть приписываемо недостатку способностей въ тѣхъ людяхъ, которыхъ мы назвали. Ни у одного изъ нихъ не было недостатка въ способностяхъ, и четверо изъ нихъ, самъ Питтъ, Шельборнъ, Камденъ и Таунзгендъ, были люди высокыхъ умственныхъ дарованій. Слабость заключалась не въ матеріалахъ, но въ принципѣ, по которому эти матеріалы были вмѣстѣ сложены. Питтъ смѣшалъ эти несоединимые элементы въ томъ полномъ убѣжденіи, что онъ будетъ въ силахъ сдерживать ихъ въ совершенномъ повиновеніи себѣ и въ совершенной гармоніи между собою. Мы скоро увидимъ, какъ удался опытъ.

Въ тотъ самый день, когда новый первый министръ совершилъ обрядъ цалованія руки, его покинули три четверти той популярности, которою онъ такъ долго пользовался безъ всякаго соперничества и которой онъ былъ одолженъ значительною частью своего авторитета; поднялись сильные крики не противъ той части его поведенія, которая дѣйствительно заслуживала строгаго порицанія, но противъ поступка, въ которомъ мы не можемъ видѣть ничего достойнаго осужденія. Принятіе имъ перства произвело общій взрывъ негодованія. Конечно, никогда званіе пера не было приобрѣтено болѣе достойнымъ образомъ, и никогда не было государственнаго человека, болѣе нуждавшагося въ томъ отдыхѣ, который доставляетъ верхняя палата. Питтъ становился старъ; его состарили скорѣе болѣзни, чѣмъ годы. Съ величайшей опасностью для своей жизни онъ исполнялъ при нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ свои обязанности въ парламентѣ. Въ продолженіе сессіи 1764 года онъ не былъ въ силахъ принять участіе ни въ одномъ преніи. Почная работа, правительственные занятія въ палатѣ общинъ становились для него дѣломъ невозможнымъ. Его желаніе перейти, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ менѣе занятое и менѣе шумное собраніе было весьма естественно и благоразумно. Народъ, однако же, не обращалъ вниманія на всѣ эти соображенія. Тѣ самые люди, которые отличались наибольшою любовью и наибольшимъ почтеніемъ къ «великому ком-

моперу», разразились теперь самою громкою бранью противъ вповъ пожалованнаго лорда. До сихъ поръ Лондонъ, при всѣхъ переменѣхъ судьбы былъ ему вѣрно преданъ. Когда граждане Лондона узнали, что его вызвали изъ Сомерсетшира, что онъ имѣлъ въ Ричмондѣ тайное совѣщаніе съ королемъ и что онъ будетъ первымъ министромъ, они были вѣ себя отъ радости. Начался приготовленія къ великому празднеству и къ всеобщей иллюминаціи. Фонари были действительно разставлены вокругъ Монумента, когда «*Лондонская Газета*» объявила, что предметъ всего этого энтузіазма сдѣлался графомъ. Внезапно былъ отмѣненъ праздникъ; фонари были сняты. Газеты поднимали вопль упрека. Pamфлеты, пропитанные клеветой и грубыми остротами, наполнили лавки всѣхъ книгопродавцевъ, и изъ этихъ памфлетовъ самые желчныя были написаны подъ руководствомъ злобнаго Темпля. Вошло въ моду теперь сравнивать двухъ Вилліамовъ, Вилліама Польтти и Вилліама Питта. Оба—говорили тогда—своимъ краснорѣчіемъ и притворнымъ патриотизмомъ пріобрѣли огромное вліяніе въ палатѣ общинъ и въ цѣлой странѣ; обоимъ поручено было преобразовать правительство; оба, находясь на высшей ступени власти и популярности, были соблазнены блескомъ графской короны; оба сдѣлались лордами и оба, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлались предметомъ стращанія и насмѣшекъ народа, который, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, смотрѣлъ на нихъ съ чувствомъ любви и уваженія.

Брисы противъ Питта имѣли, казалось, серьезное вліяніе на вѣншія отношенія нашей страны. Его имя до сихъ поръ дѣйствовало магически на Версаль и Сентъ-Польдефонсо. Англичане, путешествовавшіе на континентѣ, замѣчали, что ничѣмъ лучше нельзя было заставить замолчать хвастливыхъ французовъ, какъ намекнуть на возможность возвращенія къ власти мистера Питта: въ одно мгновеніе въ комнатѣ, наполненной людьми, воцарялось глубокое молчаніе; у всѣхъ поднимались плечи и вытягивались лица. Теперь каждый иностранный дворъ, узнавъ, что онъ снова призванъ къ власти, къ сожалѣнію, узналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не владѣетъ болѣе сердцами своихъ согражданъ. Переставъ возбуждать любовь на своей родинѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пересталъ возбуждать страхъ вѣдъ ея предѣловъ. Имя Питта было пѣкогда чарующимъ именемъ. Наши посланники напрасно старались теперь заколдовать кого-нибудь именемъ Чатама.

Трудности, представившіяся Пипту, возрастали съ каждымъ днемъ въслѣдствіе того деспотическаго обращенія, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ окружающимъ. Лордъ Роккингамъ, во время министерской смѣны, дѣйствовалъ съ большою умѣренностью, выразилъ надежду, что новое правительство будетъ дѣйствовать въ смыслѣ принциповъ прежняго правительства, и даже самъ старался отклонить многихъ изъ своихъ друзей отъ выхода въ отставку. Такъ Сондерзу и Кеппелю, двумъ отличнымъ флотскимъ капитанамъ, онъ присовѣтовалъ остаться въ адмиралтействѣ, гдѣ спально нуждались въ ихъ услугахъ. Герцогъ Нортландъ остался лордомъ—камергеромъ, а лордъ Бесборо почтмейстеромъ. Но въ три мѣсяца лордъ Чатамъ нанесъ этимъ людямъ столько оскорбленій, что они, раздраженные, вышли въ отставку. Въ самомъ дѣлѣ, его тонъ, покорный въ тайномъ совѣтѣ предъ королемъ, былъ въ то же время невыносимъ своею тираніей въ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Его товарищи были простыми его клерками по дѣламъ флота, финансовъ и дипломатіи. Какъ ни былъ крогокъ Коивей, но при одномъ случаѣ и его поставили въ необходимость замѣтить, что такого языка, какимъ выражается лордъ Чатамъ, до тѣхъ поръ не слышали къ западу отъ Константинополя, и только съ трудомъ могъ отговорить его Горацій Вальполъ отъ выхода въ отставку и отъ присоединенія къ знаменн лорда Роккингама.

Брешь, образовавшуюся въ правительствѣ съ отпаденіемъ отъ него столькихъ людей изъ партіи Роккингама, Чатамъ думалъ завалить приверженцами Бедфорда; но съ ними онъ не могъ поступать такъ, какъ поступалъ съ другими партіями. Напрасно онъ предлагалъ значительныя выгоды одному или двумъ членамъ партіи, въ надеждѣ отдѣлить ихъ отъ остальныхъ: ихъ можно было привлечь къ себѣ, но не иначе, какъ привлечь всѣхъ вмѣстѣ. Конечно, одно время было нѣкоторое колебаніе и нѣкоторое разъединеніе между ними; но подъ конецъ превозмогли совѣты хитраго и рѣшительнаго Ригби. Они положили стоять крѣпко за одно, и прямо объявили Чатаму, что онъ долженъ взять ихъ всѣхъ, или же онъ не получитъ ни одного изъ нихъ. Исходъ дѣла доказалъ, что въ это время они были умнѣ всякой другой партіи въ государствѣ. Спустя нѣсколь-

ко мѣсяцевъ они были въ состояніи предписывать свои собственные условія.

Самою важною государственною мѣрою въ министерство лорда Чатама было его знаменитое вмѣшательство въ дѣла хлѣбной торговли. Жатва была очень дурна; цѣны на съѣстные припасы возвысились, и онъ счелъ необходимымъ принять на себя отвѣтственность за наложеніе запрещенія на вывозъ хлѣба. Когда парламентъ собрался, оппозиція напала на эту мѣру, какъ на противную конституціи; министры защищали ее, какъ вызванную крайнею необходимостью. Наконецъ, постановлено было вознаградить всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ отъ этого запрещенія.

Первыя слова, произнесенныя лордомъ Чатамомъ въ палатѣ лордовъ, были направлены въ защиту его образа дѣйствій при этомъ случаѣ. Онъ говорилъ съ спокойствіемъ, умѣренностью и достоинствомъ, вполне соотвѣтствовавшими характеру того собранія, къ которому слова его были обращены. Вторая рѣчь, произнесенная имъ о томъ же предметѣ, была менѣе удачна. Къ аристократическимъ связямъ онъ отнесся презрительно, съ такимъ высокомеріемъ, къ которому неры не привыкли; говорилъ онъ въ такомъ тонѣ и съ такими жестами, которые скорѣе были у мѣста въ многочисленномъ и шумномъ собраніи, чѣмъ въ той спокойной корпораціи, которой онъ теперь сдѣлался членомъ. Затѣмъ послѣдовали краткія пренія, и прямо было сказано, что ему не позволятъ отзываться съ презрѣніемъ о старой англійской аристократіи.

Мало-по-малу становилось ясно, что онъ страдалъ разстройствомъ ума. Его вниманіе было обращено на территоріальныя пріобрѣтенія Остъ-Индской Компаніи, и онъ рѣшился все это великое дѣло представить на разсмотрѣніе парламента. Однакожъ онъ не хотѣлъ переговорить объ этомъ дѣлѣ ни съ однимъ изъ своихъ товарищей. Напрасно Конвей, которому поручено было веденіе дѣлъ въ палатѣ общинъ, и Чарльзъ Таунзгендъ, лицо отвѣтственное по управленію финансами, просили его бросить какой-нибудь лучъ свѣта на то, что онъ имѣетъ въ виду: отвѣты Чатама были загадочны и темны. Онъ долженъ уклоняться отъ всякихъ разсужденій съ ними; онъ не нуждается въ ихъ помощи; онъ назначилъ лицо, которое должно проводить его мѣры въ палатѣ общинъ. Это былъ ольдер-

менъ Бекфордъ, членъ парламента, вовсе не принадлежавшій къ правительству, не имѣвшій значенія въ палатѣ и не заслуживавшій его, шумливый, гордый своимъ богатствомъ и необразованный демагогъ, котораго уличное лондонское произношеніе и дурно-выговариваемые обрывки изъ латинскихъ авторовъ служили предметомъ насмѣшекъ для газетъ. Легко можно представить себѣ, что этотъ странный поступокъ возбуждалъ волненіе во всемъ политическомъ мірѣ. Сити было взволновано. Остъ-Индская Компанія взывала къ непоколебимости и вѣрному исполненію хартій. Боркъ гремѣлъ противъ министровъ. Министры смотрѣли другъ на друга и не знали, что имъ говорить. Посреди этой тревоги лордъ Чатамъ объявилъ, что у него припадокъ подагры и удалился въ Батъ. Спустя нѣсколько времени было объявлено, что ему лучше, что онъ скоро все приведетъ въ порядокъ. Былъ назначенъ день прибытія его въ Лондонъ. Но, пріѣхавъ въ гостиницу «Замка» въ Марльборо, онъ тамъ остановился, заперся въ комнатѣ и остался въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Кто проѣзжалъ по этой дорогѣ, не могъ не изумляться многочисленности его свиты. Лакеи и конюха, одѣтые въ его фампльную ливрею, наполняли всю гостиницу, одну изъ огромнѣйшихъ въ Англіи, и толпились по улицамъ маленькаго города. Дѣло объяснялось просто: большой настоялъ на томъ, чтобы во время его пребыванія всѣ слуги и конюха въ гостиницѣ носили его ливрею.

Его товарищи были въ отчаяніи. Герцогъ Графтонъ предложилъ было отправиться въ Марльборо, чтобы посовѣтоваться съ оракуломъ. Но ему дали знать, что лордъ Чатамъ долженъ уклониться отъ всѣхъ дѣловыхъ разговоровъ. Между тѣмъ, всѣ партіи, не стоявшія у государственнаго кормила, партіи Бекфорда, Гренвилля, Роккингхема, соединились въ оппозицію разстроеному правительству при подачѣ голосовъ относительно поземельной подати. Онѣ были поддержаны почти всѣми представителями графствъ и имѣли на своей сторонѣ значительное большинство. Современн паденія сэра Роберта Вальполя министерство въ первый разъ потерпѣло такое важное пораженіе въ палатѣ общинъ. Министерство, подверженное пзвнѣ такимъ яростнымъ нападеніямъ, было разъединено внутри разпогласіемъ мнѣній. Его составъ не основывался ни на какомъ принципѣ. Съ самаго начала только авторитетъ Чатама могъ удерживать отъ схватокъ

враждебные элементы, изъ которыхъ состояли ряды. Этотъ авторитетъ былъ теперь далеко, и все пришло въ движеніе. Коввей, храбрый солдагъ, но въ дѣлахъ гражданскихъ самый робкій и нерѣшительнѣйшій изъ людей, боялся досадить королю, боялся подвергнуться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ въ газетахъ, боялся, что его сочтутъ мятежникомъ, если онъ выйдетъ въ отставку, боялся, что его сочтутъ корыстолюбивымъ, если останется, боялся всего, боялся наконецъ, что узнаютъ, что онъ всего боится; Коввей, какъ волапъ, перелеталъ то въ ту, то въ другую сторону, отъ Горація Вальполя, который хотѣлъ сдѣлать его первымъ министромъ, къ лорду Джону Кавендишу, который хотѣлъ привлечь его на сторону оппозиціи. Чарльзъ Тауизгендъ, человѣкъ съ блестящими талантами, съ шаткими правилами, съ безграничнымъ тщеславіемъ и высокоуміемъ, не хотѣлъ подчиняться ничьему контролю. Еще не раскрылась вся полнота его дарованій, его честолюбія и надменности, ибо онъ постоянно преклонялся предъ геніемъ и гордымъ характеромъ Питта; но теперь Питтъ оставилъ палату общинъ и, казалось, отказывался отъ должности перваго министра; теперь всѣ преграды разступались предъ Тауизгендомъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Чатамъ, наконецъ, возвратился въ Лондонъ. Впрочемъ, оставаясь онъ въ Марльборо, дѣла все-таки шли бы не хуже: онъ никого не хотѣлъ видѣть, онъ не хотѣлъ говорить, не хотѣлъ высказывать своихъ мнѣній объ общественныхъ дѣлахъ. Герцогъ Графтонъ усердно просилъ впустить его для переговоровъ къ Питту на одинъ часъ времени, на полчаса, на пять минутъ: ему отвѣчали, что это невозможно. Самъ король нѣсколько разъ списхотплъ до представленій, до просьбъ. «Вашъ долгъ,—писалъ онъ,—ваша собственная честь требуютъ, чтобъ вы сдѣлали успіе.» Отвѣты на всѣ эти представленія были обыкновенно написаны рукою леди Чатамъ подъ диктовку лорда, ибо онъ былъ не въ силахъ держать перо въ рукѣ. Онъ повергается къ ногамъ короля; онъ проникнутъ сознаніемъ королевской доброты, которая такъ ясно доказана несчастнѣйшему изъ людей, онъ умоляетъ продлить еще на нѣкоторое время списхождение; онъ теперь еще не можетъ заниматься дѣлами, онъ не можетъ видѣть своихъ товарищей. Менѣе всего онъ можетъ вынести напряженіе при свиданіи съ его величествомъ.

Многіе были педалеки отъ подозрѣній, что онъ напускалъ на себя болѣзнь. Онъ сдѣлалъ, говорили они, большую ошибку и созналъ это. Его огромная популярностъ, высокая слава его, какъ государственнаго человѣка, погибли навсегда. Упоевнный гордостью, онъ взялъ на себя задачу, превышавшую его силы. Теперь онъ не видитъ впереди себя ничего, кромѣ бѣдствій и униженій, и оттого онъ притворился больнымъ съ цѣлью избѣжать огорченій, которымъ противостоять недостаетъ у него мужества. Это подозрѣніе, хотя и получало нѣкоторое вѣроятіе отъ той слабости, которая была самымъ рѣзкимъ недостаткомъ его характера, но, безъ сомнѣнія, было неосновательно. Еще прежде, нежели онъ сдѣлался первымъ министромъ, его рассудокъ, какъ мы сказали, находился въ болѣзненномъ состояніи; а теперь присоединились физическія и нравственныя причины, вполне разстроившія его умственныя способности. Подагра, служившая мученіемъ всей его жизни, была подавлена сильными врачебными средствами. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи еще мальчикомъ, въ 'Оксфордѣ, онъ почувствовалъ признаки этой болѣзни, провелъ онъ теперь нѣсколько мѣсяцевъ безъ мученій; но его руки и ноги поправились въ ущербъ его нервамъ. Онъ впалъ въ меланхолію, сдѣлался капризенъ, раздражителенъ. Затруднительное положеніе государственныхъ дѣлъ, тяжкая отвѣтственность, на немъ лежавшая, сознаніе собственныхъ ошибокъ, ссоры его товарищей, дикіе крики, поднятые его порицателями, совершенно разстроили его ослабѣвшій духъ. Одно только, говорилъ онъ, можетъ спасти его: ему слѣдуетъ снова купить Гейзъ. Согласіе на это было кое-какъ исторгнуто у новаго владѣльца просьбами и слезами леди Чатамъ, и ея супругъ сдѣлался нѣсколько покойнѣе. Но когда напомнили ему о дѣлахъ, онъ, нѣкогда самый гордый и самый смѣлый изъ людей, велъ себя какъ истерическая дѣвушка, дрожалъ съ головы до пятокъ и разражался потокомъ слезъ.

Его товарищи нѣкоторое время поддерживали въ себѣ убѣжденіе, что здоровье его скоро поправится и что онъ выйдетъ изъ своего заключенія; но цѣлые мѣсяцы уходили одинъ за другимъ, а онъ все оставался въ своемъ таинственномъ уединеніи, и, насколько можно было узнать, впадалъ въ самое глубокое умственное разстройство. Наконецъ перестали и надѣяться на него и бояться его; и хотя онъ

все еще былъ помпально первымъ министромъ, товарищи его, несколько не стѣсняясь, принимали мѣры, которыя—имъ было достаточно известно—діаметрально-противоположны его мнѣніямъ и чувствамъ, соединились съ тѣмъ, кого онъ преслѣдовалъ, уволяли тѣхъ, кого онъ въ особенности уважалъ, и, несмотря на сильныя выраженія, въ которыхъ онъ недавно говорилъ о штемпельномъ актѣ, наложили подати на колоніи.

Послѣ того, какъ онъ провелъ въ мрачномъ уединеніи почти годъ и девять мѣсяцевъ, король получилъ нѣсколько строчекъ, написанныхъ рукою леди Чатамъ. Въ нихъ заключалась написанная со словъ лорда просьба о томъ, чтобъ король дозволилъ ему отказаться отъ званія хранителя малой печати. Послѣ нѣкотораго уচিতаго, для вида сдѣланнаго сопротивленія, отказъ былъ принятъ. На самомъ же дѣлѣ Чатамъ въ это время уже былъ забытъ всѣмъ, онъ какъ-будто лежалъ уже въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Наконецъ туча, собравшаяся надъ его умомъ, разразилась и прошла. Подагра возвратилась и освободила его отъ болѣе жестокой болѣзни; нервы снова укрѣпились; расположеніе духа сдѣлалось покойно. Онъ какъ-будто проснулся отъ тяжкаго сна. Это было очень странное выздоровленіе. Всѣ привыкли говорить о немъ, какъ о покойникѣ; и когда онъ въ первый разъ явился при дворѣ, всѣ пришли въ изумленіе, какъ-будто предъ ними предстало привидѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ видѣли его въ обществѣ, прошло болѣе двухъ лѣтъ съ половиною.

И у него, съ своей стороны, были причины придти въ изумленіе. Міръ, въ который онъ теперь вступалъ, не былъ похожъ на тотъ міръ, который онъ оставилъ. Министерство, имъ образованное, не подверглось измѣненіямъ въ цѣломъ своемъ составѣ; но столько членовъ его оставило и столько новыхъ членовъ въ него вступило, что онъ едва могъ узнать свое собственное созданіе. Чарльзъ Таунзгендъ умеръ. Лордъ Шельборнъ былъ уволенъ. Конвей впалъ въ полное ничтожество. Герцогъ Гraftonъ попалъ въ руки къ Бедфордамъ. Бедфорды оставили Гренвилля, заключили миръ съ королемъ и съ друзьями короля и были допущены къ должностямъ. Лордъ Портъ былъ канцлеромъ казначейства и быстро возрасталъ въ своемъ значеніи. Корсика была безъ борьбы отдана Франціи. Споры

съ американскими колоніями снова оживились. Проповедены были новые общіе выборы. Вилькзъ возвратился изъ изгнанія и, несмотря на то, что былъ лишень покровительства законовъ, былъ избранъ представителемъ Миддлсексшира; толпа была на его сторонѣ; дворъ упорно желалъ погубить его и собирався ради жалкой мести поколебать самыя основы конституціи. Палата общинъ, присвоивъ себѣ авторитетъ, который по праву принадлежалъ только всей законодательной власти, объявила Вилькза неспособнымъ засѣдать въ парламентъ; но что не выпустили его въ парламентъ, этого одного еще не считали достаточнымъ: другой долженъ былъ войти въ него. Такъ-какъ миддлсекскіе землевладѣльцы упорно отказывались выбрать представителя, угоднаго двору, то за нихъ выбрала себѣ члена сама палата. Это было не единственное, можетъ-быть, не самое позорное доказательство закоренѣлой испорченности двора. Раздраженные упорною оппозиціею роккингамовской партіи, друзья короля рѣшились у одного знатнаго дворянина изъ партіи виговъ отнять его частную собственность и, въ своей низкой злобѣ, наставляли на этомъ до тѣхъ поръ, пока, изъ отвращенія и стыда, не возстало противъ этого ихъ же собственное рабское большинство. Недовольствіе распространилось во всемъ народѣ и было поддерживаемо возбуждательными средствами, которыя рѣдко волнуютъ общественное мнѣніе. Юнгъ выступилъ въ поле, забилъ въ прахъ сэра Вилліама Драпера; почти надорвалъ сердце Блэкстоуна и до того разбилъ репутацію герцога Графтона, что его милость почувствовалъ утомленіе отъ своей должности и началъ тосковать по тѣплымъ рощамъ Юстопа. Не было ни одного принципа вишней, внутренней и колоніальной политики, дорогаго сердцу Чатама, котораго бы въ теченіе того времени, когда его духъ находился въ затмѣніи, не нарушило министерство, имъ же образованное.

Остальные годы его жизни прошли въ бесплодной борьбѣ противъ роковой политики, которую его заставили принять подъ свою защиту, когда онъ могъ нанести ей смертельный ударъ. Его усилія возстановили его славу, но мало принесли пользы его роднѣ.

Онъ нашелъ двѣ партіи, дѣйствовавшія противъ правительства, партію своего зятя, Гренвиллей, и партію лорда Роккингама. По вопросу о миддлсекскихъ выборахъ эти партіи дѣйствовали вѣстѣ;

по во множествѣ другихъ важныхъ вопросовъ онѣ далеко расходились и въ дѣйствительности между ними было не менѣе взаимной вражды, нежели вражды ко двору. Гренвилли, въ продолженіе многихъ лѣтъ, преслѣдовали Роккингамовъ цѣлымъ рядомъ жестокихъ памфлетовъ. Такъ шло дѣло долго, прежде нежели Роккингамы рѣшились отплатить тѣмъ же. Но одна гнусная брошюра, написанная подъ вліяніемъ Гренвилля и носившая заглавіе «Положеніе Народа», стоила имъ терпѣніе. Боркъ взялъ на себя защиту и месть за своихъ друзей и выполнилъ свою задачу съ удивительнымъ искусствомъ и силою. На всѣхъ пунктахъ онъ былъ побѣдителемъ и никогда не наносилъ онъ болѣе полного пораженія, какъ въ томъ случаѣ, когда подвѣлъ итоги къ тѣмъ сухимъ и мелочнымъ вопросамъ о статистическихъ и финансовыхъ подробностяхъ, въ которыхъ заключалась главная сила Гренвилля. Дѣловой труженикъ, даже на собственномъ своемъ полѣ, имъ самымъ избранномъ, оказался совершенно не въ силахъ поддерживать борьбу противъ великаго оратора и философа. Когда Чатамъ снова явился, Гренвилля все-еще корчило отъ недавняго позора и жгучей боли, нанесенныхъ этою заслуженною кáрою. Сердечное согласіе между двумя вѣтвями оппозиціи было невозможно, и нелегко могъ Чатамъ соединиться съ которой-либо изъ нихъ. Его чувства, несмотря на множество нанесенныхъ и полученныхъ оскорбленій, притягивали его къ партіи Гренвилля; ибо онъ отличался сильнымъ семейнымъ привязанностямъ, и его натура, какъ ни была надменна, никогда не была способна ожесточиться, а теперь, вслѣдствіе страданій, была расположена къ мягкимъ чувствамъ. Но отъ родственниковъ его отдѣляло рѣзкое различіе въ мнѣніяхъ по вопросу о колоніальныхъ податяхъ. Несмотря на то, настало примиреніе. Онъ посѣтилъ Стоу; онъ пожалъ руку Джорджу Гренвиллю, и вице-землевладѣльцы боккингамширскіе, за своими публичными обѣдами, выпили много стакановъ вина въ честь союза трехъ братьевъ.

По мнѣніямъ своимъ Чатамъ стоялъ несравненно ближе къ партіи Роккингамы, нежели къ своимъ родственникамъ; но между нимъ и Роккингамами лежала пропасть, которую нелегко было перейти. Онъ нанесъ этой партіи глубокое оскорбленіе, и, оскорбляя ее, въ то же время глубоко оскорбилъ свою страну. Когда всѣ колебались меж-

ду пии и дворомъ, онъ всю силу своего генія, своей славы, своей популярности бросилъ на чашку дурной правительственной системы. Къ этому должно прибавить, что многіе изъ значительныхъ членовъ этой партіи все-еще сохранили горькое воспоминаніе о жестокости и презрѣніи, съ которыми онъ обходился съ пии въ то время, когда вступилъ въ управленіе дѣламъ. Ясно изъ памфлетовъ и рѣчей Борка и еще болѣе ясно изъ его частныхъ писемъ и изъ бесѣдъ, что онъ смотрѣлъ на Чатама съ чувствомъ, весьма недалекимъ отъ ненависти. Чатамъ, безспорно, сознавалъ свои ошибки и желалъ ихъ загладить; но его дружественныя предложенія, сдѣланныя, хотя и съ искренностью и даже съ непривычнымъ смпреніемъ, были вначалѣ пріняты лордомъ Роккингхамомъ съ холодною и строгою сдержанностью. Только мало-по-малу сношенія между двумя государственными людьми сдѣлались вѣжливы и даже дружественны. Но прошлое никогда не было вполне забыто.

Чатамъ, однакожь, не стоялъ одиноко: вокругъ него собралась партія, слабая по числу, но сильная великими и разнообразными талантами. Лордъ Камденъ, лордъ Шельборнъ, полковникъ Барре и Доингъ, впоследствии лордъ Ашбортонъ, были главными членами этой партіи.

Нѣтъ основаній думать, чтобы въ слѣдовавшее за этимъ время и до своей предсмертной болѣзни Чатамъ страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Почти до конца жизни онъ говорилъ все съ тѣмъ же краснорѣчіемъ. Его слушали все съ тѣмъ же восторгомъ. Но это не было краснорѣчіе, къ которому привыкла палата лордовъ. Эта отрывочная и страстная, но несовѣтъ послѣдовательная, декламация, въ которой онъ превосходилъ всѣхъ и которую онъ украшалъ взглядами, выраженіями голоса и жестами, достойными Гаррика и Тальмы, была не на мѣстѣ въ маленькой залѣ, гдѣ слушателями часто были три или четыре сонливые прелата, три или четыре старые судьи, въ теченіе многихъ лѣтъ пріобрѣвшіе привычку не обращать вниманія на ораторское искусство и смотрѣть только на факты и доказательства, и три или четыре беззаботные и надменные фешьёнебельные джептъмены, которыхъ все, что имѣло видъ энтузіазма, возбуждало къ презрительной насмѣлкѣ. Въ палатѣ общій брошенный имъ взглядъ, движеніе его руки по временамъ стра-

шалп Моррея; но въ палатѣ перовъ самый горячій его пылъ и па-
еосъ производили меньшее дѣйствіе, нежели умѣренность, разсуд-
тельность, ясный порядокъ и спокойное достоинство, отличавшія
рѣчи лорда Мансфилда.

По вопросу о миддлсекскихъ выборахъ всѣ три вѣтви оппозиціи
дѣйствовали сообща. Ни въ одной палатѣ, ни одинъ ораторъ не за-
щищалъ этого конституціоннаго дѣла — въ чемъ теперь не можетъ
быть никакихъ сомнѣній—съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, какъ
Чатамъ. Прежде чѣмъ этотъ вопросъ пересталъ занимать обществен-
ное мнѣніе, умеръ Джорджъ Гренвилль. Его партія быстро разложил-
ась и въ скоромъ времени большая часть его приверженцевъ явил-
ась на министерскихъ скамьяхъ.

Еслибъ Джорджъ Гренвилль прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ долѣе,
то дружественныя связи между нимъ и его зятемъ, которыя, послѣ нѣ-
сколькихъ годовъ охлажденія и непріязни, были возобновлены недав-
но, по всей вѣроятности снова расторглись бы насильственно: распря
между Англіей и сѣверо-американскими колоніями приняла теперь
мрачный и угрожающій видъ. Угнетеніемъ было вызвано сопротивле-
ніе, сопротивленіе сдѣлалось предлогомъ новыхъ угнетеній. Предосте-
реженія всѣхъ величайшихъ, современныхъ той эпохѣ, государствен-
ныхъ людей прошли безъ всякой пользы для властолюбиваго двора
и для ослѣпленнаго народа. Скоро колоніальный сенатъ выступилъ
противъ британскаго парламента; затѣмъ колоніальная милиція скре-
стила свои штыки съ британскими полками. Наконецъ, весь госу-
дарственный порядокъ разстроился. Два милліона англичанъ, кото-
рые, за пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, были такъ же вѣрны своему го-
сударю и такъ же гордились честью своей страны, какъ жители Кен-
та или Йоркшира, торжественнымъ актомъ провозгласили свое отдѣ-
леніе отъ англійскаго государства. Нѣкоторое время казалось, что
писургенты будутъ бороться съ ничтожнымъ успѣхомъ противъ
огромныхъ финансовыхъ и военныхъ средствъ метрополіи; но бѣд-
ствія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, скоро разогнали плю-
зии національнаго тщеславія: большое британское войско, истощен-
ное, проголодавшееся, со всѣхъ сторонъ тревожимое враждеб-
нымъ населеніемъ, было принуждено сложить оружіе. Всѣ пра-
вительства, доведенныя Англіею въ предшествовавшую войну до

явнаго униженія и въ продолженіе многихъ лѣтъ злобвишіяся при воспоминаніяхъ о Квебекѣ, Мидденѣ, Моро, теперь съ восторгомъ увидѣли, что насталъ для нихъ день мщенія. Франція признала независимость Соединенныхъ Штатовъ, и не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что ея примѣру вскорѣ послѣдуетъ Испанія.

Чатамъ и Роккингамъ дѣйствовали единодушно, противясь во всѣхъ пунктахъ роковой политикѣ, приведшей государство въ такое опасное положеніе. Но ихъ пути разошлись теперь. Лордъ Роккингамъ думалъ и, какъ доказалъ послѣдствія, думалъ весьма справедливо, что взбунтовавшіеся колоніи должны будутъ навсегда отдѣлиться отъ государства и что единственнымъ слѣдствіемъ продленія войны на американскомъ континентѣ будетъ разъединеніе силъ, которыя желательно по-возможности сосредоточить. Еслибы были оставлены безнадежныя попытки подчинить англійской власти Пенсильванію и Виргинію, то легко можно было бы избѣгнуть войны противъ дома Бурбоновъ, или же, если эта война была неизбежна, ее можно бы вести съ бѣльшимъ успѣхомъ и бѣльшей славой. Мы даже отчасти могли бы вознаградить себя за потерянное насчетъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, начавшихъ войну въ надеждѣ поживиться отъ насъ, вслѣдствіе нашихъ домашнихъ раздоровъ. Поэтому лордъ Роккингамъ и его приверженцы думали, что для Англіи въ то время не было ничего лучшаго, какъ поступить слѣдующимъ образомъ: признать независимость Соединенныхъ Штатовъ и обратитъ всѣ свои силы противъ европейскихъ враговъ.

Чатамъ, повидимому, долженъ былъ бы принять ту же самую точку зрѣнія. Пока Франція не принимала никакого участія въ нашей расирѣ съ колоніями, онъ говорилъ безпрестанно и съ величайшей энергіей, что невозможно покорить Америку, и, не впадая въ цѣлность, онъ не могъ бы доказывать теперь, что легче побѣдить Францію и Америку вмѣстѣ, нежели одну Америку. Но у него страсти преобладали надъ сужденіемъ и закрыли ему глаза предъ собственною его непослѣдовательностью. Именно тѣ самыя обстоятельства, по которымъ отдѣленіе колоній являлось неизбежнымъ, дѣлали для него это отдѣленіе вполне невыносимымъ. Распаденіе государства казалось ему менѣе пагубнымъ и унижительнымъ, если оно произойдетъ вслѣдствіе домашнихъ раздоровъ, нежели въ томъ

случаѣ, когда къ этому припудить пноземное вмѣшательство. Его кровь кипѣла отъ чувства униженія его отечества. Все, что унижало его страну въ средѣ другихъ народовъ, онъ припмалъ за оскорбленіе, нанесенное лично ему самому. И это чувство было весьма естественно: онъ сдѣлалъ ее столь великою, онъ такъ гордился ею, и она такъ гордилась имъ. Онъ припмналъ, какъ, болѣе двадцати лѣтъ назадъ, въ день скорби и страха, когда ея владѣнія были отъ нея оторваны, когда флагъ ея былъ обезчещенъ, она призвала его на спасеніе свое. Онъ вспомпналъ о внезапной и славной перемѣтѣ, произведенной его энергіей, о длинномъ рядѣ тріумфовъ, о тѣхъ дняхъ, когда народъ приписалъ ему благодарность, о тѣхъ ночахъ, когда въ честь его горѣли огни. Волнуемый подобными воспоминаіями, онъ рѣшился отстать отъ тѣхъ, кто совѣговалъ признать независимость колоній. Что онъ заблуждался — это, по нашему мнѣнію, съ трудомъ можетъ быть оспариваемо самыми жаркими его поклонниками. Въ самомъ дѣлѣ, трактатъ, которымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, была признана республика Соединенныхъ Штатовъ, былъ дѣломъ самыхъ преданныхъ его приверженцевъ и его любимого сына.

Герцогъ Ричмондъ предложилъ подать адресъ королю противъ дальнѣйшаго продолженія непріязненныхъ дѣйствій съ Америкою. Чатамъ нѣкоторое время, вслѣдствіе усилившагося болѣзненнаго разстройства, не присутствовалъ въ парламентѣ. Онъ рѣшился при этомъ случаѣ явиться на своемъ мѣстѣ и объявить, что его мнѣнія совершенно расходятся съ мнѣніями партіи Роккпингама. Онъ нахотился въ состояніи сильнаго раздраженія; попадобилась даже помощь врача. Его сильно уговаривали уснокогться и остаться дома, но удержать его не было возможности. Его сынъ, Вилліамъ, и зять, лордъ Магонъ, сопровождали его въ Вестминстеръ. Онъ отдохнулъ въ комнатѣ канцлера до тѣхъ поръ, пока начались пренія, и тогда, оппраясь на двухъ своихъ молодыхъ родственниковъ, дотащился до своего мѣста. Малѣйшія подробности этого дня запомнились и заботливо переданы памяти потомства. Онъ кланялся, какъ было замѣчено, съ величайшею учтивостью тѣмъ перамъ, которые привста-ли, чтобъ дать дорогу ему и его опорамъ. Костыль свой онъ держалъ въ рукахъ. Одѣтъ онъ былъ, по обыкновенію, въ богатыя

бархатный кафтанъ. Ноги были обернуты въ фланель. Парикъ его былъ такъ великъ и лицо его такъ исхудало, что нельзя было распознать ни одной его черты, исключая высокаго изгиба его носа и глазъ, въ которыхъ все-еще сохранялся блескъ прежняго огня.

Когда герцогъ Ричмондъ кончилъ говорить, Чатамъ всталъ. Нѣкоторое время голоса его нельзя было слышать; наконецъ звуки сдѣлались явственными и дикція оживилась. По временамъ его слушатели ловили мысль или выраженіе, напоминавшія намъ Вилліама Питта; но ясно было, что то уже не былъ Вилліамъ Питтъ: онъ терялъ нить своей рѣчи, останавливался, повторялъ одни и тѣ же слова по нѣскольку разъ и былъ дотогу разсѣянъ, что, говоря объ актѣ о престолонаслѣдіи, не могъ припомнить имени курфюрстинны Софьи. Палата слушала въ торжественномъ молчаніи и съ видомъ глубокаго уваженія и сожалѣнія. Въ залѣ царствовала такая глубокая тишина, что слышно было бы паденіе носоваго платка. Герцогъ Ричмондъ возражалъ съ большою мягкостью и пріятіемъ; но въ то время, какъ онъ говорилъ, замѣтилъ, что старикъ сдѣлался безпокоенъ и раздражителенъ. Герцогъ сѣлъ. Чатамъ всталъ снова, приложилъ руку къ груди и упалъ, въ припадкѣ апоплексіи. Три или четыре лорда, сидѣвшіе возлѣ, поддержали его въ паденіи. Палата разошлась въ смущеніи. Умирающій былъ перенесенъ въ жилище одного изъ парламентскихъ чиповниковъ и такъ поправился, что былъ въ страхѣ вынести поѣздку въ Гейзъ. Въ Гейзѣ, послѣ томленій, продолжавшихся нѣсколько недѣль, онъ скончался на семидесятомъ году. На смертномъ одрѣ до послѣдней минуты за нимъ ухаживали съ самой заботливой нѣжностью его жена и дѣти, и онъ вполне заслуживалъ ихъ попеченій: слишкомъ часто надменный и деспотичный съ другими, къ нимъ онъ былъ добръ до нѣжности. Въ продолженіе своей жизни онъ внушалъ страхъ своимъ противникамъ на политическомъ поприщѣ, даже и самые союзники смотрѣли на него скорѣе со страхомъ, нежели съ любовью. Но никакой страхъ, казалось, не примѣшивался къ тому расположенію, которое внушала маленькому кружку въ Гейзѣ его нѣжность, постоянно выражавшаяся въ тысячѣ пріятельныхъ формъ.

У Чатама, во время его смерти, въ обѣихъ палатахъ парламента

не было и десяти личныхъ приверженцевъ. Половина государственныхъ людей той эпохи покинула его вслѣдствіе его заблужденій, а другая половина—вслѣдствіе его стараній загладить свои ошибки. Последняя его рѣчь была въ одно и то же время нападеніемъ на политику, которой слѣдовало правительство, и на политику, которую предлагала оппозиція. Но смерть возвратила ему прежнее мѣсто въ сердцахъ его согражданъ. Кто можетъ слышать безъ волненія о паденіи того, что было такъ велико и стояло такъ долго? Самыя обстоятельства его смерти принадлежать, кажется, скорѣе трагической сценѣ, нежели дѣйствительной жизни. О великомъ государственномъ человѣкѣ, обремененномъ годами и почестями, приведенномъ въ зданіе сената сыномъ, подававшимъ рѣдкія надежды, и сраженномъ въ полномъ собраніи въ то время, когда онъ напрягалъ свой слабый голосъ, чтобы возбудить падавшій духъ своей страны,—нельзя не вспомнить безъ особеннаго уваженія и сочувствія. Всѣ враги его замолкли отъ страха; замолкъ даже голосъ справедливаго и умѣреннаго осужденія. Ни о чемъ другомъ не вспоминали, какъ о высокомъ геніи, незапятнанной честности, безспорныхъ заслугахъ того, кого уже не было болѣе. Въ этомъ одномъ пунктѣ всѣ партіи были между собою согласны. Торжественныя похороны и памятникъ были присуждены ему съ общимъ энтузіазмомъ. Долги покойника были заплачены. Особенныя попеченія были приняты о его семействѣ. Лондонское Сити просило, чтобы останки великаго человѣка, котораго оно такъ долго любило и уважало, покоились подъ сводомъ его великолѣпнаго собора; но просьба явилась слишкомъ поздно: уже все было приготовлено для погребенія его въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Хотя люди всѣхъ партій соединились въ рѣшеніи назначить посмертныя почести Чатаму, но прахъ его провожали въ могилу почти исключительно противники правительства. Знамя лордства Чагама несъ полковникъ Барре, въ сопровожденіи герцога Ричмонда и лорда Роккингэма. Боркъ, Савиль и Доннингъ держали покровъ. Въ похоронной процессіи участвовалъ лордъ Камденъ. Погребальное шествіе велъ молодой Вилліамъ Питтъ. Спустя болѣе двадцати-семи лѣтъ, въ столь же мрачное и опасное время, его собственное изпуренное тѣло и растерзанное сердце были съ такою

же великолѣпною обстановкою положены въ ту же самую освященную землю.

Чатамъ покоится недалеко отъ сѣверныхъ дверей храма, на мѣстѣ, которое съ тѣхъ поръ было присвоено государственнымъ людямъ, подобно тому, какъ другой конецъ того же предѣла назначенъ для поэтовъ. Тамъ лежатъ Мансфилдъ, второй Вилліамъ Питтъ, Фоксъ, Граттанъ, Каннингъ и Вильберфорсъ. Нѣтъ другаго кладбища, на которомъ бы такъ много великихъ гражданъ лежало на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Высоко надъ этими почтенными могилами поднимается величественный памятникъ Чатама, и его изображеніе, художественно исполненное, своимъ орлинымъ взглядомъ и поднятою рукою, все-еще какъ будто взываетъ Англію къ мужеству и презрѣнію своихъ враговъ. Поколѣніе, воздвигшее этотъ памятникъ, уже исчезло. Пришло время, когда поспѣшныя и безъ надлежащей оцѣнки составленныя сужденія, господствовавшія у современниковъ о его характерѣ, могутъ быть спокойно проверены исторіей. И хотя исторія, въ предостереженіе пылкимъ, надмѣннымъ и смѣлымъ натурамъ, замѣтитъ его многочисленныя заблужденія, но по здравомъ соображеніи, она же признаетъ, что среди знаменитыхъ людей, которыхъ останки лежатъ рядомъ съ его прахомъ, едва ли кто-нибудь оставилъ по себѣ имя болѣе незапятнанное, и ни одинъ не оставилъ имени болѣе блестящаго.

ФРАНСИСЪ АТТЕРБЕРН.

(Декабрь, 1853.)

Франсисъ Аттербёрн, который занимаетъ видное мѣсто въ политической, церковной и литературной исторіи Англіи, родился въ 1662 году въ Миддлтонѣ, чго въ Боккингамширѣ, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Франсисъ воспитывался въ Вестминстерской школѣ, откуда перешелъ въ коллегію Христовой церкви съ запасомъ знаній, въ сущности довольно скуднымъ, по которому онъ въ продолженіе своей жизни выказывалъ такъ осмотритель-но и искусно, что поверхностные наблюдатели считали его познания громадными. Его способности, вкусъ и бойкій, высокоумный и повелительный характеръ много способствовали его быстрому отпичію въ Оксфордѣ. Здѣсь, 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ издалъ первое свое произведеніе: переводъ въ латинскихъ стихахъ прекрасной поэмы: *«Авессаломъ и Ахитофель»*. Ни слогъ, ни стихосложеніе молодого студента не подходили къ произведеніямъ времени Августа. Его сочиненія на англійскомъ языкѣ были гораздо удачнѣе. Въ 1687 году, онъ сдѣлался извѣстнымъ въ числѣ прочихъ способныхъ людей, писавшихъ въ защиту Англиканской церкви, гонимой тогда Іаковомъ II и оклеветанной отступниками, измѣнившими ей изъ-за личныхъ выгодъ. Между этими отступниками никого не было дѣятельнѣе и зловреднѣе Обадіи Вокера, начальника университетской коллегіи, въ которой онъ завелъ подъ покровительствомъ короля станокъ для печатанія сочиненій прогнвъ установленной религіи. Одно изъ этихъ сочиненій, вѣроятно написанное самимъ Вокеромъ,

было исполнено нареканій на Мартина Лютера. Аттербери взялся защищать великаго саксонскаго реформатора и выполнилъ эту задачу замѣчательнымъ образомъ. При внимательномъ разборѣ его отвѣта Вокеру, противоположность между слабостью доказательствъ и оборонительныхъ доводовъ и сплюю его краснорѣчія и пападковъ становится поразительна. Паписты были дотогу взбѣшены сарказмами и бранью молодаго полемика, что стали кричать объ измѣнѣ и обвиняли его въ томъ, что онъ косвенно называлъ короля Іакова Іудой.

Послѣ революціи, Аттербери посвѣшилъ присягнуть въ вѣрности новому правительству, хотя былъ воспитанъ въ правилахъ несопротивленія и страдательнаго повиновенія. Въ непродолжительномъ времени онъ былъ посвященъ въ священники. Онъ неоднократно говорилъ проповѣди въ Лондонѣ съ такимъ краснорѣчіемъ, что пріобрѣлъ извѣстность и вскорѣ удостоился чести быть назначеннымъ королевскимъ капеланомъ. Но обыкновеннымъ мѣстомъ его пребыванія былъ Оксфордъ, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ академическихъ дѣлахъ, руководилъ классическими занятіями студентовъ своей коллегии и былъ главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ декана Олдрича, богослова, который для насъ по преимуществу памятенъ своими кантатами, но для современниковъ имѣлъ значеніе какъ ученый, торъ и высокоцерковникъ. Однимъ изъ неказистыхъ обыкновеній Олдрича было занятіе самыхъ способныхъ юношей его коллегии изданіемъ греческихъ и латинскихъ книгъ. Въ числѣ прележвыхъ и способныхъ мальчиковъ, произведенныхъ, къ ихъ собственному несчастію, въ учителя филологій, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало довольствоваться ролью учениковъ, былъ Чарльзъ Бойль, сынъ графа Оррери и племянникъ Роберта Бойля, извѣстнаго естествоиспытателя. Задачею, выпавшею на долю Чарльза Бойля, было приготовленіе новаго изданія ничтожнѣйшей книги, когда-либо существовавшей. Между греками и римлянами, которые занимались риторикой какъ искусствомъ, существовала мода сочинять посланія и рѣчи отъ имени знаменитыхъ мужей древности. Нѣкоторыя изъ этихъ поддѣлокъ написаны съ такимъ утопченнымъ вкусомъ и ловкостью, что отличить ихъ отъ оригиналовъ составляетъ высшую задачу критики. Другія же исполнены такъ слабо и грубо, что врядъ

ли ввести въ заблужденіе свѣдущаго школьника. Лучшій образецъ, дошедшій до насъ, есть рѣчь въ защиту Марцелла, такое подражаніе краснорѣчію Туллія, что самъ Туллій прочелъ бы его съ удивленіемъ и восторгомъ. Худшій образецъ представляетъ собраніе писемъ, будто-бы написанныхъ Фаларисомъ, который управлялъ Агригентомъ слишкомъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Внутренняя и внѣшняя очевидность поддѣлки этихъ писемъ поразительна. Когда они сдѣлались пзвѣстными въ XV столѣтіи, вмѣстѣ съ другими гораздо лучшими сочиненіями, они были признаны подложными Полицианомъ, величайшимъ ученымъ Италіи, и Эразмомъ, величайшимъ ученымъ по сю сторону Альпъ. Дѣйствительно, такъ же трудно было бы убѣдить любого образованнаго англичанина, что одинъ изъ «*Ramblers*» Джонсона былъ написанъ Вилліамомъ Воллесомъ, какъ убѣдить человѣка, подобнаго Эразму, что педагогическое упражненіе, на легкомъ и искусственномъ аттическомъ діалектѣ временъ Юліана, было посланіемъ, писаннымъ коварнымъ и свирѣпымъ дорійцемъ, жарившимъ живыхъ людей задолго до существованія хотя бы одной прозаической книги на греческомъ языкѣ. Хотя collegія Христовой церкви могла справедливо гордиться многими хорошими латинистами, замѣчательными англійскими писателями и еще бѣльшимъ количествомъ свѣдущихъ и свѣтскихъ людей, чѣмъ какое-либо другое академическое заведеніе, въ ней не было однако ни одного человѣка способнаго различить произведенія, относящіяся ко временамъ младенчества греческой литературы, отъ сочиненій періода ея паденія. Познанія вожаковъ этого прославленнаго общества были такъ поверхностны, что они пришли въ восторгъ отъ статьи, написанной сэромъ Вилліамомъ Темпломъ въ похвалу древнихъ писателей. Теперь покажется страннымъ, чтобы даже важныя общественныя заслуги, вполне заслуженная популярность и изящный слогъ Темпля могли спасти такое пустое сочиненіе отъ всеобщаго презрѣнія. Его похвалы книгамъ, вызывавшимъ самое слѣпое увлеченіе, доказываютъ, что онъ вовсе не зналъ этихъ книгъ. Дѣйствительно, онъ не умѣлъ прочесть ни строки на томъ языкѣ, на которомъ онѣ были написаны. Въ числѣ многихъ другихъ несообразностей онъ говорилъ, что письма Фалариса древнѣйшія и лучшія въ мірѣ. Все, что бы ни написалъ Темплъ, обращало вниманіе публики.

Люди, никогда до тѣхъ поръ не слыжавшіе о посланіяхъ Фалариса, стали ими интересоваться. Олдеричъ, очень мало знакомый съ греческимъ языкомъ, основываясь на словахъ Темпля, вовсе его не знавшаго, заставилъ Бойля приготовить новое изданіе этого рѣдкаго сочиненія, бывшаго такъ долго подъ спудомъ и вдругъ сдѣлавшагося предметомъ всеобщаго вниманія.

Изданіе было приготовлено съ помощью Аттербёрни, бывшаго наставникомъ Бойля, и нѣкоторыхъ другихъ членовъ коллегіи. Оно вышло такимъ, какимъ можно было ожидать его отъ людей, взявшихся за изданіе подобной книги. Примѣчанія были достойны текста; латинскій переводъ стоилъ греческаго оригинала. Эта книга была бы забыта по прошествіи мѣсяца, еслибъ, по поводу одной рукописи, не возникло недоразумѣніе между юнымъ издателемъ и замѣчательнѣйшимъ ученымъ, когда-либо жившимъ въ Европѣ со времени возрожденія наукъ, съ Ричардомъ Бентли. Рукопись эта хранилась у Бентли. Бойль желалъ получить ее для сравненія съ другими экземплярами. Какой-то сплетникъ - книгопродавецъ увѣдомилъ его, что Бентли отказалъ дать рукопись, что было совершенно ложно, и прибавилъ, что Бентли отзывался презрительно о письмахъ, приписываемыхъ Фаларису, и о критикахъ, выдающихъ въ обманъ такими поддѣлками, что было совершенно справедливо. Бойль, задѣтый за живое, отозвался въ предисловіи о невѣжливости Бентли съ горькой пропіей. Бентли отомстилъ за себя въ коротенькой статьѣ, въ которой доказывалъ, что письма подложны, и что новое ихъ изданіе лишено всякаго достоинства, но о самомъ Бойлѣ онъ отзывался очень лестно, какъ о молодомъ человѣкѣ, подающемъ большія надежды и по своей похвальной любознательности, достойномъ лучшихъ наставниковъ.

Эта небольшая статья была причиною грозы, долотъ невданной въ исторіи литературы. Бентли сдержанно отозвался о Бойлѣ, но оказалъ неуваженіе къ коллегіи Христовой церкви; воспитанники же этого заведенія, гдѣ бы они ни были разсыяны, имѣли къ нему ту же привязанность, какую питаетъ шотландецъ къ своей роднѣ, или іезуитъ къ своему ордену. Вліяніе ихъ было значительно. Они владычествовали въ Оксфордѣ, были сильны въ адвокатскихъ корпораціяхъ и въ медицинскій коллегіи, имѣли значеніе въ

парламентъ и въ литературныхъ и великосвѣтскихъ кружкахъ Лондона. Они единогласно положили отмстить за оскорбленную честь своей коллегіи и уничтожить дерзкаго кембриджскаго педанта. Бѣдному Бойлю было это не подъ силу, и онъ отклонился отъ этой обязанности, которая была возложена на его наставника Аттербѣрпа.

Отвѣтъ Бентли, подъ которымъ стоитъ имя Бойля, въ сущности такъ же мало принадлежалъ ему, какъ писма, возбудившія этотъ споръ, Фаларису; теперь онъ читается лишь любопытнымъ, и по всей вѣроятности никогда не будетъ перепечатанъ, но въ свое время онъ приобрѣлъ громкую пзвѣстность. Его можно было найти не только въ кабинетахъ литераторовъ, но и на столахъ самыхъ блестящихъ гостининыхъ Сого-Сквера и Ковентъ-Гардена. Даже львы и львицы того времени, Вальдеры и леди Мьюрвелли, Мирабеллы и Милламанты, поздравляли другъ друга съ успѣхомъ веселаго молодого человѣка, который такъ легко владѣлъ своею ученостью и писалъ съ прѣвостію и тактомъ объ аттическомъ діалектѣ и анапестическомъ размѣрѣ, о сицилійскихъ талантахъ и терпкѣйскихъ чашахъ, и такъ ловко издѣвался надъ дерзкимъ докторомъ. Одобреніе толпы было вполне заслужено. Книга эта—дѣйствительно образцовое произведеніе Аттербѣра и даетъ болѣе высокое мнѣніе о его способностяхъ, чѣмъ какое-либо изъ подписанныхъ имъ сочиненій. Онъ заблуждался какъ въ главномъ, основномъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ побочныхъ; его знаніе языка, литературы и исторіи Греціи не равняется даже элементарнымъ знаніямъ новичковъ, ежегодно поступающихъ въ Оксфордъ или Кембриджъ, и нѣкоторыя ошибки скорѣе заслуживаютъ розогъ, нежели возраженія; но поэтому-то произведеніе его и представляетъ для свѣдущаго читателя такъ много живаго интереса. Все его достоинство заключается въ чрезмѣрныхъ недостаткахъ. Это самый замѣчательный примѣръ искусства блистать формою безъ содержанія. Ничего нѣтъ мудренаго, говоритъ дворецкій Молюерова Скупаго, приготовить великолѣпный обѣдъ, истративъ много денегъ: настоящій великій поваръ тотъ, кто можетъ устроить пиръ не истративъ ни гроша. Ничего не было удивительнаго, что Бентли прекрасно писалъ о древней хронологіи и географіи, о развитіи греческаго языка и происхожденіи греческой драмы. Но совершенно удивитель-

по то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Аттербѣри считали чело-
вѣкомъ лучше разсуждавшимъ объ этихъ предметахъ, нежели Бентли.
Правда, что защитникъ коллегіи Христовой церкви имѣлъ все содѣй-
ствіе, какое только могли оказать ему знаменитѣйшіе члены этого
общества: участіе Смольянича отозвалось въ блестящемъ остро-
уміи, участіе Френда и другихъ—въ очень плохихъ археологиче-
скихъ и филологическихъ свѣдѣніяхъ. Но большая часть книги была
написана самимъ Аттербѣри: все чужое было имъ пересмотрѣно и
исправлено; и общій характеръ книги носитъ отпечатокъ его ума,
чрезвычайно богатаго полемическими средствами и коротко знако-
маго со всѣми уловками выказывать ложь правдой и невѣжество зна-
ніемъ. У него было мало золота; но это малое количество онъ об-
ращалъ въ тончайшіе листки, которыми покрывалъ такую обшир-
ную поверхность, что бѣглый взглядъ принималъ блестящую груду
цегоднаго матеріала за безцѣнный массивный слитокъ. Всѣ ар-
гументы, какіе только были у него, онъ представлялъ въ наплуч-
шемъ свѣтѣ. Гдѣ ихъ не доставало, тамъ онъ говорилъ личности, иногда
серьезныя, большею же частью смѣшныя, но всегда мѣткія и остро-
умныя. Но серьезенъ ли онъ былъ или веселъ, разсуждалъ или на-
смѣхался, слогъ его всегда отличался чистотой, изяществомъ и лег-
костью.

Борьба партій была въ самомъ разгарѣ; но — несмотря на то,
что Бентли былъ вигомъ, а коллегія Христовой церкви — твер-
дынею торпизма—и при равно одобряли книгу Аттербѣри. Гартъ
обругалъ Бентли и превознесъ Бойля въ словахъ, которыя теперь
не вспоминаются безъ смѣха. Свифтъ въ своей *«Битвѣ Книгъ»* съ
большимъ юморомъ вводитъ Бойля, облеченнаго въ броню—даръ
всѣхъ боговъ, и руководимаго Аполлономъ, въ лицѣ друга, имя ко-
торого не указано, но легко приходитъ каждому на умъ. Юноша,
такимъ образомъ вооруженный и съ такимъ покровительствомъ, легко
одерживаетъ побѣду надъ своимъ невѣжливымъ и хвастливымъ врагомъ.
Бентли же поддерживало сознаніе неизмѣннаго превосходства, и
ободряли голоса того незначительнаго числа людей, которые могли
быть истинными судьями въ этой борьбѣ. «Никто не можетъ такъ вѣр-
но охарактеризовать челоѣка, какъ онъ самъ», справедливо и бла-
городно сказалъ онъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ готовилъ отвѣтъ,

который никогда не потеряет цѣны и интереса, пока гдѣ-либо на свѣтѣ будутъ изучать словесность древней Греціи. Этотъ отвѣтъ доказалъ не только, что письма Фалариса подложны, но и то, что Аттербѣрн, несмотря на все свое остроуміе, краснорѣчіе и полемическія способности, самый дерзкій изъ нахаловъ, писавшихъ о томъ, чего сами не смыслятъ. Но Аттербѣрни остался равнодушнымъ передъ этимъ изобличеніемъ. Онъ былъ запятъ споромъ о предметахъ гораздо важнѣе и живѣе законовъ Залевка и Харонда. Ожесточеніе религіозныхъ партій доходило до крайнихъ предѣловъ. Вся нація раздѣлялась на высокоцерковниковъ и низкоцерковниковъ. Большинство духовенства держало сторону высокоцерковниковъ, большинство же архіепископовъ короля Вильгельма склонялось къ латitudинаризму. Между обѣими партіями возникъ споръ по поводу предѣловъ власти нижней палаты конвокаціи. Аттербѣрни съ жаромъ бросился въ передовые ряды высокоцерковниковъ. Тѣ, которые окпнутъ обширнымъ и безпристрастнымъ взглядомъ всю его карьеру, не повѣрятъ въ искренность его религіозной ревности. Но характеромъ его обуславливалась необходимость — быть рьянымъ дѣятелемъ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ защищалъ подлинность подложной книги единственно изъ-за того, что она была изданіемъ коллегіи Христовой церкви; онъ теперь стоялъ за духовенство противъ свѣтской власти — просто потому, что самъ былъ духовнымъ лицомъ, и за священство противъ епископства — лишь отъ того, что самъ былъ еще только священникомъ. Онъ отстаивалъ притязанія своего сословія во многихъ трактатахъ, написанныхъ съ большимъ остроуміемъ, ловкостью, бойкостью и язвительностью. Въ этой полемикѣ, равно какъ и въ первой, его противники, своими познаніями по предмету спора, имѣли большое превосходство надъ нимъ; но и въ этотъ разъ, какъ въ первый, онъ дѣйствовалъ на толпу бойкою пастойчивостью, сарказмами, декламаціей и преимущественно ему свойственной уловкой — выказывать небольшую дозу учености такъ, чтобы она казалась значительною. Присвоивъ себѣ въ публикѣ репутацію большаго знанія по части классическихъ наукъ, чѣмъ Бентли, онъ теперь присвоилъ себѣ въ области богословія болѣе-большій авторитетъ, чѣмъ Вэкъ или Гибсонъ. Все духовенство смотрѣло на него, какъ на самаго способнаго и отважнаго бойца, когда-

либо защищавшаго ихъ права противъ олигархіи архіепископовъ. Нижняя палата конвокаціи постановила принести ему благодарность за его заслуги; въ оксфордскомъ университетѣ, онъ получилъ степень доктора богословія; а вскорѣ послѣ вѣдѣствія на престолѣ Анны, когда торіи стали во главѣ правительства, онъ былъ назначенъ карляйльскимъ деканомъ.

Вскорѣ послѣ его повышенія, партія виговъ получила перевѣсъ въ государствѣ. Отъ этой партіи онъ не могъ ожидать для себя никакой выгоды. Шесть лѣтъ прошли безъ всякой переменъ въ судьбѣ его. Наконецъ, въ 1710 году, преслѣдованія, направленные противъ Сачверелля, произвели страшный взрывъ фанатизма между высокоцерковниками. Въ подобную минуту Аттербѣри не могъ оставаться въ тѣни. Его необыкновенная преданность своей партіи, его спокойный и честолюбивый характеръ, его рѣдкія способности къ агитаціи и полемикѣ снова получили обширное поприще дѣятельности. Онъ принималъ главное участіе въ составленіи той искусной и изящной рѣчи, которую пропизнесъ обвиненный богословъ предъ палатою лордовъ и которая представляетъ поразительную противоположность съ пошлою и неприличною проповѣдью, удостоенною чести обвиненія. Въ продолженіе смутныхъ и тревожныхъ мѣсяцевъ послѣ процесса, Аттербѣри былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ памфлетистовъ, возбуждавшихъ націю противъ вигскаго министерства и вигскаго парламента. Когда произошла переменъ въ министерствѣ и парламентъ былъ распущенъ, благодарности посыпались на него градомъ. Нижняя палата конвокаціи избрала его своимъ предсѣдателемъ. По смерти его стараго друга и патрона Олдрича, королева назначила его деканомъ коллегіи Христовой церкви. Несмотря на то, что коллегія предпочла бы болѣе кроткаго наставника, онъ былъ принятъ со всевозможными почестями. При входѣ въ залу, его привѣтствовали поздравительною латинскою рѣчью; онъ отвѣчалъ увѣреніемъ въ самой горячей преданности къ достойному заведенію, въ которомъ получалъ воспитаніе, и очень любезно привѣтствовалъ своихъ будущихъ подчиненныхъ. Но не въ его натурѣ было—сдѣлаться кроткимъ и справедливымъ начальникомъ. Оставленный имъ карляйльскій капитулъ былъ полонъ раздора. При его поступленіи въ коллегію Христовой церкви, тамъ господство-

валъ совершенный миръ; но его деспотическій и безпокойный характеръ, въ три мѣсяца, привелъ и ее въ положеніе одинаковое съ капитуломъ. Преемникомъ его по обоимъ деканствамъ былъ чело-вѣколюбивый и образованный Смольриджъ, кротно жаловавшійся на состояніе, въ которомъ они оба были оставлены. «Аттербѣри предшествуетъ мнѣ и вездѣ все поджигаетъ. Я хожу вслѣдъ за нимъ, съ ведромъ воды.» Враги Аттербѣри говорили, что онъ возведенъ въ епископы за то, что былъ дурной деканъ. Во время его управленія, коллегія Христовой церкви была въ смятеніи: возникли непримиримыя ссоры, стали слышаться позорныя слова; и опасенія, что факультетъ торіевъ погубитъ благодаря тираніи торійскаго доктора, не были лишены основанія. Онъ былъ вскорѣ переведенъ въ рочестерское епископство, въ то время соединенное съ вестминстерскимъ деканствомъ. Ему предстоялъ рядъ высшихъ должностей, потому что, хотя въ средѣ епископовъ было много способныхъ личностей, не было никого равнаго или подходящаго къ нему по парламентскимъ талантамъ. Еслибъ его партія удержалась во главѣ власти, онъ навѣрное возвысился бы до архіепископства кентербѣрійскаго. Чѣмъ блистательнѣе были его надежды, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ основанія опасаться воцаренія династіи, извѣстной своимъ пристрастіемъ къ партіи виговъ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ входилъ въ числѣ тѣхъ политикановъ, которые надѣялись еще при жизни Анны подготовить событія такъ, чтобы послѣ ея кончины безъ затрудненія обойти актъ о порядкѣ престолонаслѣдія и возвести на престолъ претендента. Скоропостижная смерть ея разсѣяла замыслы заговорщиковъ. Аттербѣри, полный рѣшимости, умолялъ своихъ союзниковъ провозгласить Іакова III королемъ и предлагалъ сопровождать герольдовъ въ полномъ своемъ облаченіи. Но онъ встрѣтилъ нерѣшимость въ самыхъ отважныхъ дѣятеляхъ своей партіи, и, говорятъ, воскликнулъ, употребивъ выраженія, не подобавшія отцу церкви, что изъ-за ихъ трусости самое лучшее дѣло и самыя драгоценныя минуты пропали безвозвратно. Онъ подчинился тому, чего не могъ предотвратить: присягнувъ въ вѣрности Ганноверскому дому, служилъ во время коронаціи съ полнымъ виѣшнимъ усердіемъ и всячески старался пріобрѣсть расположеніе королевской фамиліи. Но его искательства были встрѣчены холоднымъ пре-

врѣніемъ. Нѣтъ на свѣтѣ существа болѣе мстительнаго, нежели гордецъ, который бесполезно унижался. Аттербёрп сдѣлался самымъ упорнымъ и дѣятельнымъ врагомъ правительства. Въ палатѣ лордовъ его ясное, колкое и оживленное краснорѣчіе, сопровождаемое изящнѣйшимъ выговоромъ и пріемами, постоянно возбуждало вниманіе и восторгъ даже враждебнаго большинства. Самые замѣчательные протесты въ журналахъ перовъ были его произведеніемъ, и въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ ядовитыхъ памфлетовъ, призывавшихъ англичанъ къ возстанію за отечество, противъ союзниковъ, пришедшихъ изъ-за моря, чтобы грабить и притѣснять ихъ, критики легко узнали его слогъ. Когда въ 1715 году вспыхнулъ бунтъ, онъ отказался подписать актъ, въ которомъ епископы Кентербёрійской провинціи изъявляли свою преданность протестантской династіи. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ выборахъ, преимущественно въ Вестминстерѣ, гдѣ, какъ деканъ, онъ имѣлъ большое вліяніе, и былъ даже сильно заподозрѣнъ однажды въ возбужденіи черни противъ выговъ-избирателей.

Находясь долгое время въ тайныхъ сношеніяхъ съ изгнаннымъ домомъ, онъ съ 1717 года началъ прямо переписываться съ претендентомъ. Первое письмо этой корреспонденціи сохранилось. Аттербёрп въ этомъ письмѣ гордится тѣмъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ не упускалъ ни одного подобнаго случая быть полезнымъ якобитамъ. «Я ежедневно возсылаю молитвы—пишетъ онъ—о низпосланіи вамъ успѣха. Да продлитъ Господь жизнь мою до этого дня, и да лишитъ онъ меня жизни, когда я не буду всѣми силами способствовать приближенію этого дня.» Не надо забывать, что писавшій эти строки обязанъ былъ, какъ пастырь церкви, служить образцомъ строгой честности; что онъ неоднократно присягалъ на вѣрность дому Брауншвейгскому; что онъ участвовалъ въ возложеніи короны на главу Георга I, и что онъ отрекся отъ Іакова III «безусловно и искренно, какъ добрый христіанинъ.»

Пріятно обратиться отъ общественной дѣятельности Аттербёрпа къ его частной жизни. Его безпокойный духъ, утомленный заговорами и измѣнами, требовалъ по временамъ отдыха, который онъ находилъ въ семейныхъ привязанностяхъ и въ кругу знаменитѣйшихъ людей. О женѣ его извѣстно не много; по между нимъ и

дочерью существовала необыкновенно тѣсная и нѣжная привязанность. Кротость его обращенія въ небольшомъ кругу друзей казалась почти невѣроятною тѣмъ, кто зналъ его лишь по сочиненіямъ и рѣчамъ. Прелесть его тихой бесѣды была въ незабвенныхъ стихахъ восхита однимъ изъ друзей его. Классическія познанія Аттербери были не велики, но онъ былъ отличнымъ знатокомъ англійской литературы, его поклоненіе гениальности было такъ сильно, что брало перевѣсъ даже надъ его политическими и религіозными антипатіями. Его страсть къ Мильтону, смертельному врагу Стюартовъ и церкви, была такъ глубока, что многимъ торіямъ казалась преступною. Въ печальную ночь, когда Аддисонъ былъ похороненъ въ часовнѣ Генриха VII, воспитанники вестминстерской школы замѣтили, что Аттербери служилъ съ особеннымъ чувствомъ и торжественностью. Однако, какъ и слѣдовало ожидать, знаменитый торійскій епископъ оказывалъ предпочтеніе тѣмъ изъ своихъ товарищей, которыхъ политическія убѣжденія имѣли хоть слабый оттѣнокъ торизма. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со Свинтономъ, Арботнотомъ и Гейемъ. Задушевымъ другомъ его былъ Прайоръ; но какое-то недоразумѣніе по поводу общественныхъ вопросовъ въ послѣдствіи совершенно разлучило ихъ. Поэтъ нашелъ въ Аттербери не только восторженнаго поклонника, но и самаго вѣрнаго, безстрашнаго и умнаго совѣтника. Поэтъ этотъ былъ частымъ посѣтителемъ епископскаго дворца подъ тѣнистыми вязами Бромли, и, глядя на хозяина его, согбеннаго подъ тяжестью лѣтъ, прикованнаго подагрой къ кресламъ и, повидимому, посвятившаго себя литературѣ, нимало не подозрѣвалъ, что въ глубинѣ его души таились преступные и опасные замыслы противъ правительства.

Духъ якобитовъ былъ подавленъ событіями 1715 года. Онъ снова ожилъ въ 1721 г. Неудача проекта компаніи Южнаго моря, папическій страхъ на денежномъ рынкѣ, банкротство значительныхъ торговыхъ домовъ, повсемѣстное раззореніе въ королевствѣ прозвели всеобщее неудовольствіе. Въ подобный моментъ возстаніе могло, казалось, имѣть большой успѣхъ. Планъ возмущенія былъ слѣдующій: намѣревались устроить баррикады на лондонскихъ улицахъ, овладѣть Тоуэромъ и Банкомъ, арестовать короля Георга, его семейство и главныхъ его полководцевъ и министровъ и провозгласить королемъ Іакова.

По планъ заговора дошелъ до свѣдѣнія герцога Орлеанскаго, регента Франціи, бывшаго въ дружескихъ сношеніяхъ съ Ганноверскимъ домомъ. Онъ предостерегъ англійское правительство. Нѣкоторыхъ зачинщиковъ заключили въ тюрьму; между ними былъ и Аттербёрнъ. Ни одинъ епископъ англійской церкви не былъ арестованъ, съ того достопамятнаго дня, когда рукоплесканіе и молитвы всего Лондона сопровождали семерыхъ епископовъ къ воротамъ Тоуэра. Оппозиціонная партія питала надежду на возможность возбудить въ народѣ энтузіазмъ, подобный изступленію ихъ отцовъ, кидавшихся въ Темзу, чтобы получить благословеніе Санкромфта. Въ окнахъ магазиновъ были выставлены картины, изображавшія героическаго псовѣдника въ его заключеніи. На улицахъ распѣвали стихотворенія въ честь его. Мѣры, принятія противъ его сношеній съ сообщниками, представлялись жестокостью, достойною темницы инквизиціи. Появились сильныя воззванія къ духовенству. Неужели они могли спокойно допустить такое оскорбленіе, нанесенное ихъ сану? Какъ могли терпѣть они, чтобы съ самымъ способнымъ, краснорѣчивымъ ихъ собратомъ, человекомъ, такъ часто возстававшимъ за ихъ права противъ свѣтской власти, обращались какъ съ амымъ отверженнымъ негодлемъ? Волненіе было сильно, но оно было нѣсколько смягчено умѣреннымъ и искуснымъ письмомъ къ духовенству, по всей вѣроятности произведеніемъ епископа Гибсона, который пользовался благосклонностью Вальполя и въ скоромъ времени былъ сдѣланъ министромъ духовныхъ дѣлъ.

Аттербёрнъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ содержался въ строгомъ заточеніи. Онъ продолжалъ такъ осторожно вести переписку съ изгнанною фамиліею, что хотя доказательства его виновности были достаточны, чтобы произвести полное моральное убѣжденіе, но не были настолько явны, чтобы оправдать законное преслѣдованіе. Его можно было сломить только биллемъ о наказаніяхъ и штрафахъ ⁽¹⁾. Партія виговъ, въ то время рѣшительно господствовавшая въ обѣихъ палатахъ, была совершенно готова поддерживать такой билль. Многіе ревностные члены этой партіи горячо хлопотали о повтореніи порядка, котораго держался въ дѣлѣ сэра

(1) См. т. I. стр. 142.

Джона Фепвика, и объ изданіи смертнаго приговора епископу. Кадоганъ, въ то время командовавшій арміей, храбрый воинъ, но необузданный полтикъ, говорятъ, воскликнулъ съ увлеченіемъ: «Бросьте его въ Тоуэръ на разтерзаніе лвамъ». Но Вальполь, болѣе сдержанный и человѣчный, всегда возставалъ противъ пролитія крови, и вліяніе его восторжествовало. При собраніи парламента, обвиненія противъ епископа были представлены комитетамъ обѣихъ палатъ. Комитеты признали его виновнымъ. Въ нижней палатѣ, приговоръ, признававшій его измѣнникомъ, прошелъ двойнымъ большинствомъ голосовъ. Тогда былъ внесенъ билль, приговорившій его къ лишенію духовнаго сана и къ изгнанію на вѣчныя времена изъ Англіи, съ воспрещеніемъ всякому британскому подданному входить съ нимъ въ сношеніе безъ особаго разрѣшенія короля.

Этотъ билль былъ принятъ нижней палатой безъ затрудненія. Хотя епископъ и былъ приглашенъ для своей защиты, но онъ предпочелъ предоставить оправданіе тому собранію, котораго былъ членомъ. Въ палатѣ лордовъ пренія были горячи. Молодой герцогъ Вартонъ, извѣстный своими способностями, развратомъ и непостоянствомъ, защищалъ Аттербѣри съ большимъ эффектомъ; и голосъ самого Аттербѣри раздавался въ послѣдній разъ среди враждебныхъ ему слушателей, такъ часто внимавшихъ ему со смѣшаннымъ чувствомъ отвращенія и восторга. Онъ приводилъ мало защитительныхъ свидѣтелей, и эти немногіе не принесли ему большой пользы. Въ числѣ ихъ былъ Поупъ. Отъ него требовали доказательства, что, во время пребыванія его въ Бромліискомъ дворцѣ, все время епископа было посвящено литературнымъ и домашнимъ занятіямъ, и не оставалось досуга для заговоровъ. Но Поупъ, совершенно не привыкшій говорить публично, такъ растерялся, что — какъ самъ впоследствии признавался — далъ два или три промаха, хотя ему пришлось сказать не болѣе десяти словъ.

Въ верхней палатѣ билль окончательно былъ принятъ большинствомъ 83-хъ голосовъ противъ 43. Епископы, исключая одного, были на сторонѣ большинства. Ихъ поведение навлекло строгое порицаніе лорда Баторста, горячаго приверженца Аттербѣри и ревностнаго торіи. «Дикіе подѣйцы—говорилъ онъ—никогда не даютъ пощадъ, потому что у нихъ существуетъ повѣрье, что къ нимъ переходятъ

дѣть храбрость и ловкость каждаго соперника, котораго они уни-
чтожать. Можетъ быть, враждебность высокопреосвященныхъ пасты-
рей церкви къ ихъ собрату объясняется подобнымъ же чувствомъ.»

Аттербѣри простился съ людьми, которыхъ онъ любилъ, съ достоин-
ствомъ и нѣжностью, свойственными лучшему человѣку. Онъ часто
повторялъ три прекрасныхъ стиха своего любимаго поэта:

«Some natural tears he dropped, but wiped them soon:
The world was all before him, where to chuse
His place of rest, and Providence his guide.» ⁽²⁾

При разставаніи съ Попомъ, онъ подарилъ ему библію, и ска-
залъ съ недостаткомъ чистосердечія, неподобающимъ человѣку, изу-
чавшему библію съ пользою: «Если вы когда-нибудь узнаете, что у
меня было что-либо общее съ претендентомъ, то позволяю вамъ ска-
зать, что наказаніе мое вполне заслужено.» Попъ въ то время
дѣйствительно думалъ, что епископъ страдаетъ безвинно. А рѣот-
нотъ, кажется, былъ того же мнѣнія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя,
Свифтъ въ «*Путешествіи въ Лануту*» съ большой злобой поднялъ
насмѣхъ улыки, которыми удовлетворился обѣ палаты парламента.
Вскорѣ, однакожъ, самые пристрастные друзья сосланнаго епископа
перестали подтверждать его невинность и довольствовались сожалѣ-
ніями и извиненіемъ того, чего не могли болѣе защищать. Послѣ
недолговременнаго пребыванія въ Брюсселѣ, онъ окончательно по-
селлся въ Парижѣ, гдѣ сталъ во главѣ выходцевъ-якобитовъ, на-
шедшихъ тамъ убѣжище. Претендентъ звалъ его пріѣхать въ Римъ,
гдѣ онъ жилъ, окруженный своимъ quasi-дворомъ, подъ непосред-
ственнымъ покровительствомъ папы. Но Аттербѣри, сознавая, что
епископъ Англиканской церкви былъ бы крайне неумѣстенъ въ Ва-
тиканѣ, отклонилъ его приглашеніе. Но онъ могъ, по крайней мѣрѣ въ
теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, лѣстить себя мыслью, что Іаковъ
высоко цѣнилъ его. Переписка между господиномъ и его слугой бы-
ла самая дѣятельная. Заслуги Аттербѣри были признаваемы съ горлч-
ностью, его совѣты принимались съ уваженіемъ, и онъ былъ, по-

(2) «Онъ проронилъ нѣсколько искреннихъ слезъ, но утеръ ихъ съ поспѣшностью:
предъ нимъ разстилался весь міръ, гдѣ ему предстояло избрать себѣ мѣсто по-
кой, и провидѣніе было его руководителемъ.»

добно Болингероку, первымъ министромъ короля — безъ королевства. Но новый любимецъ нашелъ, также какъ и предшественникъ его, что поддерживать призракъ власти странствующаго и ниществуящаго принца такъ же тяжело, какъ служить дѣйствительной власти въ Вестминстерѣ. Хотя у Іакова не было ни земель, ни доходовъ, ни арміи, ни флота, между его придворными было болѣе интригъ и заговоровъ, нежели между приверженцами его счастливаго соперника. Аттербѣри скоро догадался, что его совѣтамъ пренебрегаютъ и даже не довѣряютъ имъ. Глубокое оскорбленіе было нанесено его самолюбію. Онъ покинулъ Парижъ и поселился въ Монпелье, гдѣ, совершенно покинувъ политику, вполне посвятилъ себя литературѣ. На шестомъ году ссылки онъ такъ сильно занемогъ, что дочь его, тоже очень слабая здоровьемъ, рѣшилась всѣмъ пожертвовать, чтобы еще разъ взглянуть на отца. Получивъ дозволеніе отъ англійскаго правительства, она отправилась моремъ до Бордо, но прибыла туда въ такомъ положеніи, что продолжать путешествіе могла только въ лодкѣ или на носилкахъ. Отецъ ея, не смотря на свои недуги, поѣхалъ къ ней навстрѣчу изъ Монпелье; а она съ истерическимъ, часто предвѣщающимъ близкую кончину, спѣшила къ нему. Сопровождавшіе ее лица напрасно умоляли ея хать не такъ быстро. Она отвѣчала, что каждый часъ ей дорогъ, что единственное желаніе ея — увидать отца своего и потомъ умереть. Отецъ и дочь встрѣтились въ Тулузѣ, обнялись, онъ самъ причастилъ ее Св. Таинъ, и она благодарила Бога, что имъ удалось провести вмѣстѣ одинъ день, прежде чѣмъ разлучиться навѣки. Въ ту же ночь она умерла.

Много нужно было времени, чтобы опомниться отъ столь тяжкаго удара, даже и для такого сильнаго характера, какъ Аттербѣри. Какъ скоро онъ пришелъ въ себя, въ немъ снова пробудилась потребность дѣятельности и борьбы: горе, располагающее пѣжныя натуры къ уединенію, бездѣйствію и задумчивости, возбуждаетъ, напротивъ, къ дѣятельности натуры безпокойныя. Претендентъ, тупой и склонный къ ханжеству, понялъ, что онъ неблагоразумно поступилъ, оттолкнувъ отъ себя человека, который, несмотря на то, что былъ еретикомъ, своими способностями и дарованіями былъ поставленъ во главѣ якобитовъ. Онъ подластился къ епископу, и безъ боль-

шихъ затрудненій убѣдилъ его возвратиться въ Парижъ и снова сдѣлаться призрачнымъ министромъ призрачнаго монарха. Но его долговременная жизнь, полная событій и волненій, приближалась къ концу. Однакожъ онъ сохранилъ до послѣдней минуты всю бодрость и пропительность ума. На девятомъ году своего изгнанія онъ узналъ, что Олѣдмиксонъ, безчестный и злобный писака, подобный тѣмъ, которые спасены отъ забвенія *«Дуциадою»*, обвинилъ его, вмѣстѣ съ другими членами коллегіи Христовой церкви, въ искаженіи Кларендоновой *«Исторіи Революціи»*. Обвиненіе это въ отношеніи Аттербѣри не имѣло ни малѣйшаго основанія, потому что онъ не былъ въ числѣ издателей этой книги и никогда не видавъ ея до напечатанія. Онъ напечаталъ короткое оправданіе, могущее служить образцемъ ясности, умѣренности и достоинства. Однѣ экземпляры этого небольшого сочиненія онъ послалъ претенденту, съ письмомъ, замѣчательнымъ по его краснорѣчію и изяществу. Невозможно мнѣ было писать на подобную тему, говорилъ старецъ, не вспоминая о сходствѣ моей судьбы съ судьбою Кларендона. Оба были единственными англійскими подданными, подвергшимися, по приговору парламента, изгнанію изъ отечества и воспрещенію сношеній съ друзьями. Но этимъ только и ограничивалось сходство. Однѣ изъ изгнанныхъ имѣли счастье дѣятельно участвовать въ восстановленіи королевскаго дома. Все же, что выпало на долю другаго, было—защищать права этой династіи до послѣдней минуты жизни. Нѣсколько недѣль спустя послѣ сочиненія этого письма, Аттербѣри скончался; ему только-что исполнилось 70 лѣтъ.

Тѣло его было привезено въ Англію и погребено съ крайнею скромностью въ склепѣ Вестминстерскаго Аббатства. За гробомъ его шло только трое провожатыхъ. Надъ его могилой нѣтъ никакой надписи. Не стоить сожалѣть о томъ, что эпитафія, которою Поупъ почтилъ память своего друга, не красуется на стѣнахъ національнаго кладбища: ничего худшаго не могъ сочинить и Колли Спибберъ.

Желающіе имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ Аттербѣри могутъ легко почерпнуть ихъ изъ его проповѣдей и полемическихъ статей, изъ отчета парламентскихъ дѣйствій противъ него, напечатаннаго въ сборникѣ государственныхъ процессовъ, изъ пяти томовъ его переписки, изданной г. Никольсомъ, и изъ перваго тома до-

кументовъ Стюартовъ, издаваемыхъ г. Гловверомъ. Очень любопытный, но тѣмъ неменѣе интересный очеркъ политической карьеры епископа находится въ прекрасной *«Истории Англiи»* лорда Матона.

ДЖОНЪ ДРАЙДЕНЪ.

(Январь, 1828.)

«*The Poetical Works of John Dryden*». In 2 vols. University Edition. London, 1826.

«*Поэтическія произведенія Джона Драйдена*». 2 тома. Университетское изданіе. Лондонъ, 1826.

Голосъ общества отвелъ Драйдену передовое мѣсто во второмъ ряду нашихъ поэтовъ — мѣсто не мало важное въ столь богатомъ спискѣ знаменитыхъ именъ. Считается даже, что изъ немногихъ превосходившихъ его гениемъ никто не имѣлъ болѣе обширнаго и постояннаго вліянія на національный образъ мыслей и способъ выраженій. Жизнь его совпала съ періодомъ, въ теченіе котораго совершился великій переворотъ въ общественныхъ склонностяхъ, и въ этомъ переворотѣ онъ игралъ роль Кромвеля. Безъ разбора становясь во главѣ самыхъ неистовыхъ движеній на этомъ поприщѣ, онъ сдѣлался неограниченнымъ ихъ руководителемъ. Попирая ногами законы, онъ пріобрѣлъ авторитетъ законодателя. Выступивъ какъ самый дерзновенный и непочтительный мятежникъ, подписавъ онъ до достоинства признаннаго властителя. Онъ началъ свою карьеру самыми неистовыми насиліями. Онъ окончилъ ее въ спокойствіи установленной державности, какъ создатель новаго кодекса, какъ корень новой династіи.

Впрочемъ о Драйденѣ, какъ почти о каждомъ человѣкѣ, отличавшемся на литературномъ или политическомъ поприщахъ, можно сказать, что путь, которымъ онъ слѣдовалъ, и дѣйствіе, которое онъ

пропзвелъ, меньше зависѣли отъ его личныхъ свойствъ, нежели отъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ. Люди, съ толкомъ читавшіе исторію, знаютъ живность тѣхъ панегириковъ и обвиненій, которые приписываютъ отдѣльнымъ личностямъ совершеніе великихъ нравственныхъ и умственныхъ переворотовъ, испроверженіе установившихся системъ и запечатлѣніе вѣка новымъ характеромъ. Различіе между людьми вовсе не такъ велико, какъ предполагаетъ суевѣрная масса. Но тѣ же чувства, которыя приводили древній Римъ къ боготворенію популярнаго императора, а новый Римъ къ причтенію набожнаго прелата къ ялку святыхъ, заставляютъ людей дорожить иллюзіями, дающими имъ предметъ для обожанія. По закону внутренней связи явленій, отъ дѣйствія котораго не совѣтъ изъяты даже умы строго регулированные разумомъ, бѣдствіе располагаетъ насъ къ ненависти, а счастье—къ любви,—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда некому приписать причины того или другаго. Раздражительность больного обращается даже на тѣхъ, кто облегчаетъ его страданія. Хорошее настроеніе чловѣка, упоеннаго успѣхомъ, часто выказывается и въ отношеніяхъ къ врагамъ. Въ такомъ же родѣ чувства удовольствія и восхищенія, порождаемыя созерцаніемъ великихъ событій, создаютъ себѣ объектъ тамъ, гдѣ его не находятъ. Такимъ образомъ исходятъ народы до безсмысленностей египетскаго идолопоклонства, поклоняются чурбанамъ и гадамъ, Сачвереллямъ и Вилъкзамъ. Они даже падаютъ ницъ передъ божествомъ, которому сами дали форму, вызывающую ихъ обожаніе, и которое, не бывъ ими обработано, оставалось бы безобразной массой. Они увѣряютъ себя, что созданы тѣмъ, что сами создали. И дѣйствительно, вѣкъ создаетъ людей, а не люди вѣкъ. Великіе умы дѣйствуютъ, правда, на общество, которое ихъ сдѣлало тѣмъ, что они есть: но это только уплата съ процентами того, что получено. Мы превозносимъ Бэкона и насмѣхаемся надъ Томомъ Аквинскимъ. Но еслибы ихъ положенія были переменены, Бэконъ могъ бы быть Doctor Angelicus, тончайшимъ изъ аристотельянцевъ между схоластиками, а доминиканецъ вывелъ бы, можетъ быть, науки изъ дома ихъ рабства. Еслибъ Лютеръ родился въ X столѣтіи, онъ не совершилъ бы реформаціи. Еслибъ онъ вовсе не родился, то все-таки очевидно, что XVI столѣтіе не могло

пройти безъ великаго раскола въ церкви. Вольтеръ во времена Людовика XIV былъ бы, вѣроятно, подобно большинству литераторовъ того времени, ревностнымъ яansenистомъ, замѣчательнѣйшимъ изъ защитниковъ дѣйствительной благодати, жестокимъ противникомъ шаткой нравственности иезуитовъ и неразумныхъ постановлений Сорбонны. Еслибъ Паскаль выступилъ на свое литературное поприще, когда знанія были болѣе распространены, а злоупотребленія въ то же время болѣе сильны, когда церковь была оскверняема Искариотомъ Дюбуа, когда дворъ былъ запятнанъ оргіями Канпль-яка, а нація отдана въ жертву плутнямъ Ло; еслибъ онъ видѣлъ дикастію публичныхъ женщинъ, пустую казну и биткомъ-набитый гаремъ, армію, страшную только для тѣхъ, кого она должна бы охранять, духовенство, какъ-разъ настолько религіозное, чтобы быть нетерпимымъ,—еслибъ онъ видѣлъ все это, онъ, быть можетъ, какъ всякій гениальный человѣкъ во Франціи, пропикнулъ бы чрезмѣрнымъ предубѣжденіемъ противъ монархіи и христіанства. Остроуміе, разбиравшее софизмы Эскобара, страстное краснорѣчіе, защищавшее сестеръ Поръ-Рояля, умственная отвага, не падавшая даже предъ авторитетомъ папы, могли бы возвысить его до папиршаго достоинства философской церкви. Долго спорилъ, кому принадлежитъ честь открытія дифференціальнаго исчисленія—Ньютону или Лейбницу. Теперь всеми признано, что эти великіе люди сдѣлали это открытіе въ одно и то же время. Математика достигла той степени, что—хотя бы ни тогъ, ни другой не существовали—самый принципъ черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ бы неизбежно кого-нибудь натолкнуть на себя. Такъ въ наше время теорія ренты, повсюду принятая нынѣ политико-экономами, была изложена, почти въ одно и то же мгновеніе, двумя писателями, не бывшими вовсе въ сношеніяхъ между собой. Предшествовавшіе мыслители долго блуждали вокругъ нея, и, можетъ статься, сдѣлалось уже невозможнымъ для самаго невнимательнаго изслѣдователя пройти мимо этой теоріи, не замѣтивъ ея. Мы склоняемся къ предположенію, что то же самое справедливо относительно всякаго значительнаго приращенія къ капиталу человѣческихъ знаній: что мы безъ Коперника стали бы конериканцами; что Америка была бы открыта и безъ Колумба, что и безъ Локка мы имѣли бы вѣрную гео-

рію о происхожденіи человѣческихъ идей. Общество имѣетъ, конечно, слухъ великихъ и своихъ маленькихъ людей, какъ земля имѣетъ горы и долины. Но умственные неровности, такъ же какъ и неровности на поверхности земнаго шара, составляютъ такое ничтожное отношеніе къ массѣ, что при изслѣдованіи ея великихъ переворотовъ могутъ быть безопасно опущены. Солнце освѣщаетъ высоты, находясь еще ниже горизонта, и истина открывается высокими умами немного раньше, нежели она становится очевидною массѣ. Вогъ мѣра ихъ превосходства. Они первые принимаютъ и отражаютъ свѣтъ, который, безъ ихъ содѣйствія, въ короткое время долженъ бы сдѣлаться видимымъ для людей, стоящихъ гораздо ниже ихъ.

То же замѣчаніе примѣняется къ изящнымъ искусствамъ. Законы, отъ которыхъ зависить прогрессъ и упадокъ поэзіи, живописи и скульптуры, дѣйствуютъ едвали съ меньшей точностью, нежели тѣ, которые управляютъ періодическимъ возвращеніемъ жара и холода, плодородія и неурожая. Тѣ, кто, повидному, руководятъ чувствомъ изящнаго въ обществѣ, вообще только обгоняютъ общество въ направленіи, которое это чувство принимаетъ самостоятельно. Безъ точной оцѣнки законовъ, на которые мы указали, заслуги и недостатки Драйдена не могутъ быть безошибочно взвѣшены. Мы хотимъ поэтому изложить здѣсь то, что понимаемъ подъ этими законами.

Времена, въ которыя созданы были образцовыя произведенія фантазіи, отнюдь не были временами, въ которыя чувство изящнаго было бы наиболѣе чисто. Кажется, что творческая способность и критическая способность не могутъ существовать одновременно въ ихъ полнѣйшемъ развитіи. Причины этого явленія не трудно указать.

Правда, что человѣкъ, наиболѣе способный разобрать машину на части и наиболѣе ясно понимающій, какимъ образомъ всѣ колеса и пружины содѣйствуютъ достиженію общей цѣли, — что такой человѣкъ будетъ наиболѣе способенъ построить другую машину подобныхъ же свойствъ. Во всѣхъ отрасляхъ физическихъ и нравственныхъ наукъ, допускающихъ полный анализъ, человѣкъ, способный произвести разложеніе, будетъ способенъ произвести и соединеніе. Но анализъ поэзіи, который можетъ произвести критика, бываетъ необходимо неудовлетворителенъ. Одинъ элементъ постоянно ускользаетъ отъ изслѣдованія критики, и это именно тотъ элементъ,

который дѣлаетъ поэзію поэзіею. Въ какомъ-нибудь описаніи природы, напримѣръ, разсудительный читатель легко найдетъ нескладный образъ. Но ему окажется невозможнымъ объяснить, въ чемъ состоитъ искусство писателя, который въ нѣсколькихъ словахъ такъ живо изображаетъ какое-нибудь мѣсто, что оно дѣлается столь же знакомымъ читателю, какъ еслибы онъ съ малолѣтства жилъ тамъ. Между тѣмъ какъ другой писатель, употребляющій тѣ же матеріалы, ту же зелень, ту же воду, тѣ же цвѣты, не допускающій никакой неточности, не вводящій ничего, что можетъ быть признано положительно лишнимъ, не опускающій ничего, что можетъ быть признано положительно нужнымъ, произведетъ не больше эффекта, какъ объявленіе о великолѣпной квартирѣ и прекрасномъ паркѣ. Возьмемъ другой примѣръ: крупныя черты характера Готспура бросаются въ глаза поверхностному читателю. Мы тотчасъ понимаемъ, что его мужество блестяще, его жажда славы сильна, его живость чрезвычайна, его нравъ беззаботенъ, своеволенъ и дерзокъ; что онъ отдается своему настроенію, вовсе не заботясь о томъ, чье чувство онъ оскорбляетъ своимъ легкомысліемъ и чью вызываетъ вражду. Вотъ что даетъ критика. Но все-еще недостаетъ чего-то. Человѣкъ можетъ имѣть всѣ эти свойства и всякія другія свойства, которыя самый тщательный изслѣдователь можетъ ввести въ опись добродѣтелей и пороковъ Готспура,—и этотъ человѣкъ все-таки не будетъ Готспуромъ. Все, что мы сказали о немъ, можетъ одинаково быть сказано и о Фокоубриджѣ. Однако въ устахъ Фокоубриджа большая часть рѣчей Готспура была бы неумѣстна. Въ жизни подобныя вещи встрѣчаются постоянно. Мы замѣчаемъ большое различіе между людьми, которыхъ, еслибъ намъ нужно было описать, мы описали бы почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Еслибъ мы попробовали изложить выработанныя характеристики обоихъ, мы едвали были бы способны отмѣтить какое-нибудь существенное различіе между ними, — и мы все-таки подходимъ къ обоимъ съ совершенно различными чувствами. Мы не можемъ представить ихъ себѣ употребляющими одинаковые выраженія и жесты. Положимъ, что зоологъ хотѣлъ бы дать описаніе животнаго—дикобраза, напримѣръ—людямъ, никогда его не видавшимъ. Дикобразъ, сказалъ бы онъ, принадлежитъ къ роду *mamalia* и къ виду *gligres*; онъ имѣетъ волоса на мордѣ;

имѣть два фута длины; онъ имѣетъ четыре пальца на переднихъ лапахъ и пять на заднихъ, два переднихъ зуба и восемь коренныхъ. Туловище его покрыто волосомъ и пглами. Еслибъ все это было сказано, составилъ ли бы себѣ кто-нибудь изъ слушателей точное понятіе о дикобразѣ? Составилъ ли бы себѣ хоть двое изъ нихъ одинаковое понятіе? Могли бы существовать безчисленные породы живогныхъ, обладающихъ всѣми указанными свойствами и все-таки совершенно несхожія между собой. Какъ описаніе нашего натуралиста относится къ дѣйствительному дикобразу, такъ относится и замѣчанія критики къ поэтическимъ образамъ. То, что она такъ несовершенно разлагаетъ, она не въ состояніи совершенно возсоздать. Произвести Отелло или Макбета возстановленіемъ столь недостаточнаго анализа, очевидно, такъ же невозможно, какъ анатому создать живаго человѣка изъ частей тѣла, находящихся въ анатомической залѣ. Въ общихъ случаяхъ жизненный принципъ ускользаетъ отъ тончайшихъ инструментовъ и исчезаетъ въ тотъ самый моментъ, когда коснутся его мѣстонахожденія. Поэтому-то тѣ, кто, разсчитывая на свои критическія способности, пускаются въ поэзію, даютъ намъ не образы, а описи свойствъ. Ихъ характеры суть аллегоріи, не хорошіе и дурные люди, а основныя добродѣтели и смертныя грѣхи. Мы попадаемъ между знакомымъ нашего стараго друга Christian: то мы встрѣчаемся съ Mistrust и Timorous, то съ м-мъ Hate-good и м-мъ Love-lust, то съ Prudence, Piety и Charity. (1)

Что критической способности не достаточно для того, чтобы образовать поэта, — это всѣми признано. Но почему въ подобномъ случаѣ слѣдовало бы удерживаться отъ поэзіи — не въ такой мѣрѣ очевидно: дѣло въ томъ, что поэзія требуетъ не аналитическаго, а вѣрующаго склада ума. Тѣ лучше ее чувствуютъ и лучше пишутъ, которые забываютъ, что имѣютъ дѣло съ искусствомъ; для которыхъ его подражанія, какъ и дѣйствительности, служившія подражаніямъ, составляютъ не предметъ знанія, а предметъ слезъ и смѣха, вражды и симпатіи; которые находятся подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ иллюзіи, чтобы дивиться гению, создавшему ее; ко-

(1) См. т. 2, ст. «Богданъ».

которые слишкомъ боятся за Улисса въ пещерѣ Полфема, чтобы думать о томъ, хороша ли или дурна игра словъ съ Улиссомъ; которые, когда плачутъ и проклипаютъ вмѣстѣ съ Лпромъ, забываютъ, что существовалъ когда-либо такой человѣкъ, какъ Шекспиръ. Придавая вѣру созданіямъ воображенія, человѣкъ дѣлается поэтомъ. Обращаясь съ этими созданіями, какъ съ оболочечіями, и возможно подробно разлагая ихъ на ихъ элементы, человѣкъ дѣлается критикомъ. Въ тотъ моментъ, какъ становится замѣтною ловкость художника, чары искусства рушатся.

Этими соображеніями объясняются нелѣпости, въ которыя впадали величайшіе писатели, когда они пытались дать общія правила для искусства или произносить сужденія о сочиненіяхъ другихъ. Они не привыкли анализировать то, что чувствуютъ: поэтому они постоянно относятъ ощущенія свои къ причинамъ, которыя ни въ малѣйшей степени не содѣйствовали произведенію этихъ ощущеній. Они чувствуютъ удовольствіе въ чтеніи книги. Они никогда не берутъ въ соображеніе, что это удовольствіе есть, можетъ быть, слѣдствіе идей, вызванныхъ въ ихъ собственномъ умѣ какимъ-нибудь незначительнымъ выраженіемъ, попавшимъ въ первое звено цѣпи мыслей; что они сами придали произведенію автора красоты, которымъ дивятся.

Сервантесъ составляетъ отраду всѣхъ классовъ читателей. Всякій школьникъ зачитываетъ до лоскутьевъ плохіе переводы его романа и знаетъ наизусть щеки страстующаго рыцаря и толстыя щеки оруженосца такъ же хорошо, какъ фizioноміи товарищей своихъ пгръ. Самые опытные и строгіе судьи дивятся совершенству искусства, которое исторгаетъ нескончаемый смѣхъ величайшимъ изъ человѣческихъ страданій, ни разу не нарушая должнаго ему благоговѣнія; дивятся той тонкости красокъ, которая дѣлаетъ характеръ необычайно смѣшнымъ, не нарушая его цѣны, прелести или достоинства. Въ *«Донъ-Кихотъ»* есть нѣсколько разсужденій о законахъ поэзіи и драматургіи. Ни одно мѣсто въ цѣломъ произведеніи не носитъ болѣе глубокаго слѣда труда и вниманія, и ни одно мѣсто въ любомъ изъ извѣстныхъ намъ произведеній не поравняется ничтожествомъ и безцвѣтностью съ этими мѣстами. Въ наше время они едвали нашли бы себѣ мѣсто въ литературномъ отдѣлѣ *«Morning*

Post). Всякаго читателя «Божественной Комедіи» должно было поражать благоговѣніе, которое выражаетъ Данте къ писателямъ, стоявшимъ гораздо ниже его. Онъ не смѣетъ поднять глазъ въ присутствіи Брунетто, всѣ произведенія котораго не стоятъ худшей изъ его ста пѣсень. Онъ не осмѣливается стать на ряду съ надутымъ Стаціемъ. Его благоговѣніе предъ Виргіліемъ есть чистое подолжноклонство. Еслибъ оно вызывалось изящнымъ, блестящимъ гармоническимъ слогомъ римскаго поэта, оно не было бы совершенно неосновательно; но Данте цѣнитъ «Энеиду» болѣе какъ авторитетное произведеніе по всѣмъ вопросамъ философіи, нежели какъ созданіе воображенія. Самыя пошлыя мѣста считаетъ онъ непогрѣшимѣйшими изреченіями оракула и безднами глубокомыслія. Онъ характеризуетъ своего руководителя какъ море всяческой мудрости, какъ солнце, которое оживляетъ всякій жалкій видъ. Какъ онъ судитъ о Виргіліи, такъ судили итальянцы XIV столѣтія о немъ; они гордились имъ; они превозносили его; они чекали медали съ его изображеніемъ; они ссорились за честь обладанія его останками; они содержали профессоровъ для объясненія его сочиненій. Но то, чему они дивились, было не могучее воображеніе, вызвавшее къ бытію новый міръ и освоившее умственное око и ухо человѣка со всѣми видами и звуками этого міра. Они мало говорили о тѣхъ страшныхъ и тѣхъ прелестныхъ созданіяхъ, предъ которыми съ восторгомъ останавливаются позднѣйшіе критики: о Фаринатѣ, поднявшемъ свое гордое и невозмутимое чело изъ вѣчнаго пламени; о львиномъ спокойствіи Сорделло; о свѣтѣ, распространяющемся отъ небесной улыбки Беатриче. Они превозносятъ своего великаго поэта за его поверхностное знаніе древней литературы и исторіи, за его логику и теологию, за его нелѣпую физику и еще болѣе нелѣпую метафизику, — за все, кромѣ того, чѣмъ онъ особенно отличался. Подобно глупцу въ сказкѣ, разрушившему свое жилище, отыскивая золото, которое, какъ онъ видѣлъ во снѣ, сокрыто было подъ фундаментомъ, — разрушаютъ они одно изъ величайшихъ произведеній человѣческаго генія, ища въ немъ скрытыхъ сокровищъ мудрости, которыя существуютъ только въ ихъ собственныхъ дикихъ сповиданіяхъ. Лучшія мѣста мало цѣнились, покуда не были унижаемы до какой-нибудь уродливой аллегоріи. Болѣе громкое одобреніе вызывалось настав-

леніямъ о судьбѣ и свободной волѣ, нежели тѣмъ ужаснымъ строками, которыя открываютъ тайны башни голода, или той полурасказанной, столь страстной и полной плача повѣстью о грѣховной любви.

Мы не хотимъ сказать, чтобы современники Данте читали съ меньшимъ волненіемъ, нежели ихъ потомки, объ Уголино, блуждающемъ среди обезображенныхъ труповъ своихъ дѣтей, или о Франческѣ, вздрагивающей при трепетномъ поцѣлуѣ и роняющей роковую книгу. Мы далеки отъ этого. Мы думаемъ, что они меньше насъ любовались этими вещами, но сильнѣе чувствовали ихъ. Мы можетъ быть скажемъ, что они чувствовали слишкомъ сильно, чтобы восхищаться ими. Переходъ народа отъ варварства къ цивилизаціи производитъ переѣмну сходную съ той, какая является при переходѣ человѣка отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту. Кто не вспоминаетъ съ сожалѣніемъ то время, когда читалъ впервые «*Робинзона Крузо*»? Тогда, правда, читатель былъ не въ состояніи оцѣнить силы писателя; онъ даже не зналъ и не заботился о томъ, имѣла ли книга автора. Онъ, вѣроятно, не считалъ ее и вполнѣнну столь изящной, какъ какую-нибудь высокопарную болтовню Макферсона о чернобровомъ Фольдатѣ или блѣлогрудой Стрипадонѣ. Теперь онъ цѣнитъ Фингала и Темору только за ихъ свидѣтельство о томъ, какъ мало нужно доказательствъ разсказу, чтобы пріобрѣсти вѣру и съ какими ничтожными качествами книга можетъ сдѣлаться популярною. О романѣ Дефо онъ теперь самаго высокаго мнѣнія. Онъ узнаетъ руку мастера въ тысячѣ чертъ, которыхъ не замѣчалъ прежде. Но хотя онъ понимаетъ достоинства разсказа лучше, чѣмъ прежде, онъ далеко не такъ интересуется имъ. Ксури, Пятница и миловидный Ноѣ, шлюпка съ парусомъ-баранье-плечо и лодка, которую нельзя было стащить на воду, палатка съ ея оградой и н ея лѣстницами, гороженки козлятъ и пещера, гдѣ околѣлъ старый козелъ, не могутъ уже никогда сдѣлаться для него такими дѣйствительностями, какими были. Тѣ дни, когда любимая книга заставляла его дѣлать тачки и стулья, рыть пещеры и строить шалаши,—не могутъ уже никогда возвратиться. Таковъ законъ нашей природы. Наме сужденіе зрѣетъ; наше воображеніе увядаетъ. Мы не можемъ одновременно наслаждаться цвѣтами весны жизни и плодами ея

осепь, радостямъ серьезныхъ изслѣдованій и пріятныхъ заблужденій. Мы не можемъ одновременно быть передъ сценой и за кулисами. Мы не можемъ наслаждаться зрѣлищемъ, когда слѣдимъ за движеніемъ веревокъ и блоковъ, управляющихъ имъ.

Глава, въ которой Фильдингъ описываетъ состояніе Парtridge въ театрѣ, такъ освѣщаетъ наше положеніе, что мы не можемъ не привести оттуда нѣсколькихъ мѣстъ.

«Парtridge повѣрилъ м-ру Гаррику тамъ, гдѣ отказалъ въ вѣрѣ Джонсу, и впалъ въ такую дрожь, что колѣна его стучали одно объ другое. Джонсъ спросилъ его, въ чемъ было дѣло и не боялся ли онъ война на сценѣ. «О! сэръ, отвѣчалъ тотъ, я вижу теперь, что все такъ, какъ вы говорили мнѣ. Я ничего не боюсь, потому что знаю, что все это игра; да еслибъ онъ и былъ дѣйствительно духомъ, онъ не могъ бы ничего сдѣлать чело-вѣку въ такомъ отдаленіи и въ такомъ большомъ обществѣ:—а все-таки, если я испугался, я испугался не одинъ.» —«Какъ, кто? воскликнулъ Джонсъ. Не думаешь ли ты, что есть здѣсь еще трусъ, кромѣ тебя?»—«Ну, вы можете меня называть трусомъ, если хотите; но если тотъ маленькій чело-вѣкъ на сценѣ не испуганъ, то я въ жизни никогда не видалъ испуганнаго чело-вѣка.»..... Онъ сидѣлъ съ открытымъ ртомъ и съ глазами, уставленными частью на духа, частью на Гамлета; тѣ же ощущенія, какія слѣдовали одно за другимъ въ Гамлетѣ, повторились и въ немъ...

«Мало случилось затѣмъ замѣчательнаго въ продолженіе представленія, подѣ конецъ котораго Джонсъ спросилъ Парtridge: который изъ актеровъ понравился ему больше. «Конечно, король», отвѣчалъ онъ, повидимому нѣсколько недовольный вопросомъ: —«Значитъ, м-ръ Парtridge, замѣтила м-съ Миллеръ, вы не сходитесь во мнѣніи съ городомъ: всѣ согласны въ томъ, что Гамлетъ исполняется лучшимъ актеромъ, какой когда-либо былъ на сценѣ.»—«Онъ лучшій актеръ! воскликнулъ Парtridge съ презрительной улыбкой; я могъ бы самъ такъ же хорошо сыграть. Я увѣренъ, что еслибъ уви-дѣлъ привидѣніе, я выглядѣлъ бы такъ же, какъ онъ, и дѣлалъ бы то же, что онъ. А потомъ, въ этой сценѣ—какъ вы ее называли—между нимъ и матерью, гдѣ онъ по-вашему такъ хорошо игралъ,—право, всякій чело-вѣкъ, т. е. всякій хорошій чело-вѣкъ, у котораго была бы такая мать, сдѣлалъ бы совершенно то же. Я знаю, что вы только шутите со мною; но серьезно, сударыня, хотя я никогда не бывалъ въ театрѣ въ Лондонѣ, я видѣлъ представленія въ провинціи, и королемъ я доволенъ: онъ ясно произноситъ каждое слово и вдвое громче, нежели тотъ. Всякій скажетъ, что это актеръ.»

Въ этомъ прекрасномъ отрывкѣ Партриджъ представленъ весьма плохимъ театральнымъ критикомъ. Но никто изъ смѣющихся надъ нимъ не обладаетъ и десятой долей его чувствительности къ сценическому таланту. Онъ удивляется неумѣстно, но дрожитъ умѣстно. Именно потому, что онъ такъ раздраженъ игрою Гаррика, ставитъ онъ его ниже натянутого, кричащаго актера, который играетъ короля. Мы слышали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи и Португаліи, актеръ, искусно передающій порочный характеръ, вмѣсто того, чтобы вызвать рукоплесканія зрителей, бываетъ безпощадно ошканенъ и закиданъ. То же самое было бы и въ Англіи, еслибъ мы могли хоть на мигъ подумать, что передъ нами стоятъ Шейлокъ или Яго. Пока драматическое искусство въ Аѳинахъ было на степени дѣтства, оно производило подобное же дѣйствіе на пылкихъ и богатыхъ воображеніемъ зрителей. Говорятъ, они порпдали Эсхила за то, что онъ до изступленія пугалъ ихъ своими фуріями. Геродотъ повѣствуетъ, что когда Фригійцы поставили свою трагедію «*Паденіе Милета*», они приговорили его къ штрафу въ 1000 драхмъ за мученія, причиненныя имъ такимъ патетическимъ зрѣлищемъ. Они смотрѣли на него не какъ на великаго художника, а какъ на человѣка, причинившаго имъ страданія. Пробуждаясь отъ скорбнаго впечатлѣнія, они обращались съ авторомъ произведенія, какъ обращались бы съ гонимомъ, доставившимъ имъ пагубныя и тревожныя вѣсти, которыя оказались бы въ послѣдствіи ложными. Такъ же точно и дѣтя вскрикиваетъ съ ужасомъ при видѣ человѣка въ уродливой маскѣ. Оно видѣло, можетъ быть, какъ надѣвалась маска. Но его воображеніе слишкомъ сильно относительно разума, и дѣтя проситъ, чтобы маска была снята.

Мы дѣйствовали бы такимъ же образомъ, еслибъ чувства печали и ужаса, порождаемыя въ насъ произведеніями фантазіи, доходили до дѣйствительныхъ мученій. Но въ насъ эти волненія бываютъ сравнительно слабы. Они рѣдко имѣютъ вліяніе на нашъ апетитъ или на нашъ сонъ. Мы остаемся достаточно спокойны, чтобы выслѣдить причины этихъ волненій и оцѣнить силы, которыя производятъ ихъ. Наше вниманіе скоро отвлекается отъ образовъ, вызвавшихъ наши слезы, къ искусству, помощью котораго эти образы были избраны и сопоставлены. Мы рукоплещемъ

собственной нашей пропигательности и чувствительности, — и тѣмъ совершенно довольны. Однако, хотя мы и полагаемъ, что съ развитіемъ утонченности въ націяхъ мыслительныя силы возрастаютъ на счетъ воображенія, — мы признаемъ все-таки, что это правило имѣетъ многія кажущіяся исключенія. Исключенія эти мы считаемъ не болѣе какъ кажущимися. Люди разсуждали, напримѣръ, лучше во времена Елисаветы, нежели во времена Эгберта; но они писали и лучшіе стихи. Мы должны дѣлать различіе между поэзіею, какъ умственнымъ актомъ, и поэзіею, какъ родомъ литературнаго произведенія. Если мы возьмемъ ее въ послѣднемъ смыслѣ, ея совершенство будетъ зависѣть не только отъ силы воображенія, но и отъ средствъ, которыя оно употребляетъ. Поэтому, поэзія можетъ, въ извѣстной степени, возрастать тогда, когда поэтическая способность убываетъ. Живость картины, представляемой читателю, не находится въ строгой пропорціи къ живости прототипа, существующаго въ умѣ автора. Въ другихъ искусствахъ это ясно видно. Еслибъ человѣкъ, одаренный отъ природы всѣмъ гениемъ Каповы, попытался изваять статую, безъ всякихъ свѣдѣній о способахъ употребленія ваяла или безъ знакомства съ анатоміею человѣческаго тѣла, — онъ произвелъ бы вещь, въ сравненіи съ которой шотландскій горецъ—вывѣска табачной лавки, заслуживалъ бы удивленія. Еслибъ непосвященный Рафаэль вздумалъ писать картину — вышла бы только пачкотня; да знатоки и говорятъ, что первыя произведенія Рафаэля не многимъ лучше того. Однако, кто можетъ приписать это недостатку фантазіи? Кто можетъ сомнѣваться, что юность великаго художника протекла среди идеальнаго міра прекрасныхъ и величественныхъ формъ? Или кто захочетъ приписать разницу, являющуюся между его первыми грубыми опытами и его великолѣпнымъ *Преображеніемъ*, — перемѣнѣ въ складѣ его ума? Въ поэзіи, какъ въ живописи и ваяніи, необходимо, чтобы тотъ, кто подражаетъ, былъ хорошо знакомъ съ тѣмъ, чему намѣренъ подражать, и былъ бы свѣдущъ въ технику своего искусства. Гений не снабдитъ его словаремъ; онъ не подскажетъ ему, какое слово наиболѣе точно соответствуетъ его идеѣ и наиболѣе полно передаетъ ее другимъ; онъ не сдѣластъ его великимъ описательнымъ поэтомъ, если онъ не всматривался внимательно въ ликъ природы, или великимъ драма-

тургомъ, пока онъ серьёзно не почувствовалъ и не наблюдалъ вліяніе страстей. Поэтому знаніе и опытъ нужны не для того, чтобы укрѣпить воображеніе, которое ни у кого не бываетъ такъ сильно, какъ у людей неспособныхъ къ мышленію—у дикихъ, дѣтей, сумасшедшихъ и сновидцевъ; знаніе и опытъ нужны для того, чтобы сдѣлать художника способнымъ къ передачѣ своихъ концепцій другимъ.

Въ эпоху варварства воображеніе господствуетъ деспотически. Воспріимчивость къ сверхъестественному такъ сильна, что часто одолеваетъ все другія страсти души, все другія ощущенія тѣла. Въ началѣ, впрочемъ, фантастическое остается неразвѣтымъ, скрытымъ сокровищемъ, безсловесною поэзіею, невидимою живописью, нѣмою музыкою, сномъ, котораго наслажденія и муки извѣстны лишь сновидцу, горемъ, про которое только сердце знаетъ, радостью, о которой ни одна чужая душа не вѣдаетъ. Техника, помощью которой мысли передаются отъ одного лица другому, еще груба и несовершенна. Умы раздѣляетъ глубокая пропасть. Подражательныя искусства не существуютъ или стоятъ на низкой степени развитія. По дѣйствія человѣческія вполне доказываютъ, что сила, служащая источникомъ этихъ искусствъ, болѣзненно дѣлательна. Она не проявляется еще какъ вдохновеніе поэта или скульптора, но порождаетъ собою радости дил, ужасы ночи, и служатъ обильнымъ источникомъ дикихъ суевѣрій. Она превращаетъ облака въ колоссальныя фигуры и завыванія вѣтра въ заунывные голоса. Созданныя подъ ея вліяніемъ понятія кажутся безусловныя и несомнѣнныя любого изъ образовавшихся помощью наглядности. Она получаетъ въ глазахъ нашихъ такую же вѣру, какую мы придаемъ нашимъ ощущеніямъ. Такъ израненный арабъ не видѣлъ ничего, кромѣ черныхъ очей и зеленой чадры мающей его гуріи. Вопиѣ сѣвера въ предсмертныхъ мукахъ улыбался при мысли о медѣ Валгаллы.

Какъ мы уже сказали, первыя произведенія фантазіи бѣдны и грубы не вслѣдствіе недостатка гениальности, а вслѣдствіе недостатка матеріала. Фидій ничего бы не создалъ изъ стараго дерева и рыбьей кости, или Гомеръ—изъ ново-голландскаго языка.

Однако вліяніе этихъ первыхъ произведеній фантазіи—несмотря на все ихъ несовершенство, громадно. Все ихъ недостатки восполнялись воспріимчивостью тѣхъ, для кого предназначались эти произ-

веденія. Каждому извѣстно, какое удовольствіе доставляетъ маленькой дѣвочкѣ деревянная кукла въ какихъ-нибудь шесть пепсовъ. Другаго общества ей не нужно. Дѣвочка нянчить ее, одѣваетъ и разговариваетъ съ нею цѣлый день. Ни одинъ взрослый не можетъ почувствовать и половины того же удовольствія, любясь напимѣръ прелестными куклами Чантри. Точно такъ же, на дикарей скудные пѣсни ихъ бардовъ дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, нежели величайшія произведенія поэзіи на народъ болѣе цивилизованный.

Съ теченіемъ времени способы, посредствомъ которыхъ дѣятельность воображенія проявляется, становятся совершеннѣе. Способности вымысла въ новомъ поколѣніи не болѣе, нежели въ предыдущемъ. Мы твердо убѣждены, что ихъ даже стало меньше. Но онѣ производятъ лучшія созданія фантазій. Такимъ образомъ, съ извѣстнаго періода, уменьшеніе поэтическихъ способностей больше нежели вознаграждается улучшеніемъ всѣхъ средствъ и примѣненій, въ которыхъ нуждаются эти способности. Тогда настаетъ короткій періодъ блестящаго и полнѣйшаго совершенства. А затѣмъ, отъ причинъ, противъ которыхъ тщетно было бы бороться, поэзія начинаетъ приходить въ упадокъ. Успѣхи языка, сначала благопріятные, становятся гибельными для нея и вмѣсто того, чтобы вознаграждать упадокъ воображенія, ускоряютъ этотъ упадокъ и дѣлаютъ его очевиднѣе. Когда пекатель прпключеній арабской сказки смочилъ одинъ изъ своихъ глазъ влагой, заключавшейся въ волшебной склянкѣ, всѣ земныя сокровища, какъ далеко они ни были разсѣяны, какъ глубоко ни были сокрыты, явились его взору. Но повторивши опытъ надъ обоими глазами, онъ ослѣпъ. Чѣмъ очарованный элекспрь оказался для тѣлеснаго зрѣнія, тѣмъ оказывается языкъ для очей фантазій. Сначала, онъ вызываетъ цѣлый міръ блестящихъ иллюзій, но становясь слишкомъ богатымъ, совершенно упнчтожаетъ зрительную способность.

По мѣрѣ развитія ума, символы, служившіе для передачи образовъ, замѣняютъ самые образы. Цивилизованные люди думаютъ, такъ же какъ торгуютъ, не пальчимъ, но посредствомъ фиктивного капитала. При этихъ обстоятельствахъ науки развиваются быстро и въ числѣ другихъ критпка; но поэзія, въ высшемъ значеніи этого слова, исчезаетъ. Тогда наступаетъ дряхлость пзическихъ искусствъ, второе

дѣтство, столь же слабое, какъ первое, и гораздо болѣе безнадежное. Это вѣкъ критической поэзіи, поэзіи изъ вѣжливости, поэзіи, въ которой участвуютъ гораздо болѣе память, мышленіе и умъ, нежели фантазія. Мы охотно соглашаемся, что многія произведенія этого рода превосходны; не будемъ спорить съ тѣмъ, которые счѣтаютъ ихъ болѣе цѣнными, чѣмъ великія поэмы перваго періода. Мы только утверждаемъ, что они принадлежатъ другому роду сочиненій и созданы другою способностью.

Есть нѣкоторое утѣшеніе въ мыслѣ, что эта критическая школа поэзіи развивается, вмѣстѣ съ критикой, какъ наукой, и что эта наука критики, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, постоянно стремится къ совершенству. Но мѣрѣ умноженія опытовъ лучше понимаются правила.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. въ Англіи, былъ промежутокъ между паденіемъ творческой и возникновеніемъ критической школы, періодъ одряхлѣнія воображенія и младенчества вкуса. Подобное революціонное междоусобице бываетъ обезображено всякаго рода крайностями.

Первая побѣда изящнаго вкуса одерживается надъ надутостью и пустословіемъ, уродующимъ подобную эпоху. Но критика еще очень несовершенна. Случайное долго смѣшиваются съ существеннымъ. Общія теоріи извлекаются изъ отрывочныхъ фактовъ. Сколько часовъ можетъ продолжаться пьеса, сколько уподобленій позволено эпическому поэту помѣстить въ первой книгѣ его поэмы, можетъ ли пьеса, признавая имѣющей начало и конецъ, остаться безъ середины, — и подобные ребяческіе вопросы занимали прежде вниманіе французскихъ и даже англійскихъ литераторовъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, поэты выказывали всю узкость и слабость критики, которая ввела въ моду ихъ манеру. Правда, робость предохраняетъ ихъ отъ оскорбительной пелѣности. Но они постоянно жертвуютъ естественностью и здравымъ смысломъ произвольнымъ уставамъ вкуса. Въ своемъ усердіи избѣгать «*malà prohibita*» бессмысленнаго кодекса, они постоянно впадали въ «*malà in se*». Правда, ихъ великіе предшественники были такіе же дурные критики, какъ и они сами, или еще хуже ихъ; но, какъ мы старались доказать, эти предшественники вдохновлялись способностью, независимую отъ критики, и потому писали хорошо, обсуждая плохо.

Постепенно, взгляды людей на литературу становились рациональнѣе и шире. Анализъ поэзіи, который, какъ мы замѣтили, долженъ былъ сначала быть несовершеннымъ, приближается ближе и ближе къ точности. Достоинства дивныхъ образцовъ предъдущихъ вѣковъ получаютъ справедливую оцѣнку. Холодные произведенія позднѣйшаго времени ставятся въ уровень ихъ достоинствамъ. Появляются увлекательныя и остроумныя подражанія великимъ художникамъ. Поэзія отчасти возрождается; для нея настаетъ бабье лѣто, которое, приходя послѣ засухи и увяданія, пріятно напоминаетъ намъ о роскошной природѣ юныя. Собирается вторая жатва, хоть взойдя на изнуренной землѣ она и не такъ богата, какъ первая. Такъ въ наше время Монтъ удачно подражалъ слогу Данте; а многіе изъ нашихъ даровитыхъ соотечественниковъ уловили нѣчто изъ вдохновенія Елизаветинскаго вѣка. Но никогда Италія не произведетъ другаго «Ада», а Англія другаго «Гамлета». На красоты новѣйшихъ подражаній мы смотримъ съ тѣми же чувствами, съ какими смотримъ на цвѣты въ вазахъ для украшенія столичныхъ гостиницъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мы смотримъ на нихъ съ удовольствіемъ, быть можетъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, находясь въ чуждомъ для нихъ мѣстѣ, они напоминаютъ намъ о далекихъ странахъ, гдѣ цвѣтутъ въ самобытномъ изобиліи. Но въ нихъ недостаетъ соку, свѣжести и цвѣту. Или, заимствуя другую иллюстрацію изъ сказокъ Шехеразады, мы сравнимъ писателей этой школы съ ювелирами, которымъ поручили кончить недоделанное окно Алладинова дворца. Все, что могли сдѣлать искусство и деньги, было сдѣлано. Всѣ драгоценныя камни дворца и базара были употреблены въ дѣло. Однако художникъ, не смотря на все свое мастерство, на все усердіе и на громадность своихъ средствъ, не произвелъ ничего, могущаго выдержать сравненіе съ чудесами, созданными въ одну ночь духомъ высшаго разряда.

Мы думаемъ, что исторія всѣхъ знакомыхъ намъ литературъ подтверждаетъ изложенные нами принципы. Въ Греціи, мы видимъ, какъ поэтическая школа, полная фантазіи, постепенно исчезаетъ, замѣняясь критической. За Эсхиломъ и Пиндаромъ слѣдуетъ Софоклъ; за Софокломъ Эврипидъ; за Эврипидомъ версификаторы александ-

рійской школы. Изъ послѣднихъ, одинъ Теокрытъ оставилъ пьесы, заслуживающія чтенія. Блескъ и причудливость страны чудесъ въ старинной комедіи, страны, богатой такою роскошью и яркостью красокъ, населенной такими фантастическими образами и звучащей попеременно то музыкой, полной сладкой мелодіи, то громкимъ хохотомъ эльфовъ, исчезли навсегда. Образцовыя произведенія новой комедіи извѣстны намъ изъ латинскихъ переводовъ необыкновеннаго достоинства. Изъ этихъ переводовъ и изъ выражений древнихъ критиковъ ясно, что оригиналы отличались прелестью и граціей, что они вскрывали въ разумѣ и обилежали увлекательнымъ чувствомъ; но что творческая сила исчезла навсегда. Юлій Цезарь называлъ Теренція полу-Менандромъ,—вѣрное доказательство, что Менандръ не составлялъ и четвертой части Аристофана.

Римская литература была просто продолженіемъ греческой. Ученники двинулись отъ той точки, до которой, въ теченіе многихъ поколѣній, достигли ихъ учителя. Такимъ образомъ, они почти совсѣмъ не имѣли періода своеобразнаго творчества. Единственные латинскіе писатели, сочиненія которыхъ выказываютъ большую силу фантазій, это Лукрецій и Катуллъ. Августовскій вѣкъ не произвелъ ничего равнаго ихъ прекраснымъ страницамъ.

Во Франціи, за привилегированнымъ шутомъ, подъ шапкой съ погремушками и пестрымъ плащомъ котораго таилось больше геніяльности, чѣмъ сколько ея заключалось въ салонахъ Ninon и m^{me} Жофренъ, слѣдовали писатели, чопорные и скучные, какъ церемоніймейстеры.

Въ итальянской и испанской поэзіи тоже произошла перемѣна. Но нигдѣ этого переворотъ не совершался полнѣе и рѣшительнѣе, какъ въ Англіи. Тотъ же самый человекъ, который, будучи мальчикомъ, хлопалъ своими трепетными руками при первомъ представленіи «Бури», могъ, не отличаясь необыкновеннымъ долголѣтіемъ, дожить до чтенія первыхъ сочиненій Прайора и>Addisona. Мы полагаемъ, что перемѣна, рано или поздно, должна была совершиться. Но она ускорила свой ходъ и измѣнила характеръ вслѣдствіе политическихъ происшествій этого времени и особенно двухъ событій — закрытія театра во время Республики и реставраціи дома Стюартовъ.

Мы сказали, что критическія и поэтическія способности не только раздѣльны, но почти несомѣстны. Положеніе нашей литературы въ царствованіи Елизаветы и Іакова I служитъ рѣзкимъ подтвержденіемъ этого замѣчанія. Величайшія произведенія фантазіи, видѣнныя свѣтомъ, создались въ это время. Между тѣмъ народный вкусъ былъ до крайности дуренъ. Аллитераціи, игра словъ, антистетическія формы выраженій, расточаемыя тамъ, гдѣ нѣтъ соотвѣствующаго контраста между выраженными мыслями, натянутыя аллегоріи, педангическіе намеки,—короче, все жеманное и неестественное въ манерѣ и сущности, составляло то, что считалось тогда хорошимъ сочиненіемъ. Рѣчи адвокатовъ, проповѣдниковъ и государственнаго совѣта были пзуродованы такими отвлеченностями, которыхъ постыдились бы рпеующіе пастухи итальянской академіи. Король игралъ словамъ, сидя на тронѣ. Конечно, мы можемъ утѣшиться мыслью, что онъ былъ глупъ. Но съ нимъ заодно игралъ словами и канцлеръ, сидя на шерстяномъ мѣшкѣ; а канцлеръ былъ Франсисъ Бэконъ. Не стоитъ упоминать о Сидни и цѣломъ племеніи эвфуистовъ; потому что самъ Шекспиръ, величайшій изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, поэтовъ, впадаетъ въ такую же ошибку, когда хочетъ быть особенно краснорѣчивымъ. Пока онъ отдается полету своей фантазіи, его произведенія—не только самыя обаятельныя, самыя высокія, но и самыя безукоризненныя въ свѣтѣ. Но какъ скоро на сцену выступаютъ его критическія способности, онъ нисходитъ до одного уровня съ Коули, или, лучше сказать, онъ дѣлаетъ дурно то, что Коули дѣлалъ хорошо. Все дурное въ его сочиненіяхъ—дурно пзысканно и преднамѣренно. Для того, чтобы его творенія были совершенны, недостаетъ только, чтобы онъ не заботился о томъ, хороши они, или дурны. Подобно ангеламъ Мильтона, онъ падаетъ «отъ напряженія и усерднаго полета.» У него природное стремленіе вверхъ. Для того, чтобы парить, нужно только, чтобы онъ не хлопоталъ о томъ, чтобы не упасть. Онъ напоминаетъ американскаго кацка, который, обладая безмѣрнымъ количествомъ металловъ, въ образованныхъ обществахъ считающихся за самыя драгоценныя, совершенно не сознавалъ ихъ цѣнности и отдавалъ сокровища, дороже царскихъ коронъ пныхъ странъ, за какую-нибудь блестящую и пзы-

сканную, но пикуда негодную бездѣлушку, пуговицу пакладнаго серебра или ожерелье изъ цвѣтныхъ стеколъ.

Мы старались показать, что съ распространеніемъ знаній и развитіемъ ума подражательныя искусства приходятъ въ упадокъ. Поэтому мы должны ожидать, что порча поэзіи начинается въ образованныхъ классахъ общества. Такъ почти всегда и случается. Немногія великія произведенія фантазіи, появившіяся въ критическій вѣкъ, почти безъ исключенія принадлежатъ необразованнымъ людямъ. Такъ въ то время, когда знать переводила французскіе романы, а университеты воспѣвали смерть королей въ стихахъ, говорившихъ о тритонахъ и фавнахъ, проповѣдникъ изъ мѣдниковъ создалъ «*The Pilgrim's Progress*». Такъ, пахарь взволновалъ рассказомъ о приключеніяхъ Тома О'Шантера поколѣніе, считавшее Битти и Гейли великими поэтами. Даже въ послѣднюю половину царствованія Елизаветы модная поэзія выродилась. Она сохраняла только кой-какіе слѣды фантазіи предъидущей эпохи но не была еще подчинена правиламъ изящнаго вкуса. Мадригалы и сонеты окончательно заразились аффектаціей. Смѣшныя высокопарности и беззвучные размѣры Донна были во время Іакова любимыми образцами сочиненій въ Вайтголлѣ и Темплѣ. Но если придворная литература пришла въ упадокъ, зато народная процвѣтала. Святплемцемъ музъ сдѣлались театры, посѣщаемые классомъ, вкусъ котораго былъ не лучше вкуса достопочтенныхъ и удивительно добрыхъ лордовъ, восхищавшихся метафизическими любовными стихами, но который сохранилъ воображеніе во всей его свѣжести и силѣ; который могъ ошибочно раздавать похвалу и порицаніе, но слезы и смѣхъ котораго никогда не обманывался. Зараза, искажившая лирическую и дидактическую поэзію, только слегка коснулась драмы. Между тѣмъ, какъ аристократы и ученые сравнивали глаза съ зажигательными стеклами, и слезы съ земными глобусами, скромность съ эпитимею, отсутствіе съ циркулемъ и безнадежную страсть съ сороковымъ послѣдствомъ, множество зрителей, добрыхъ и простосердечныхъ, какъ хозяинъ и хозяйка Флетчерова Ральфа, насмотрѣвшись на Юлію, опирая уюся на балконъ, или Миранду, улыбающуюся надъ шахматной доской, возвращались домой и плакали, куда не засыпая.

Ни одинъ родъ вымысла не дѣйствуетъ на насъ такъ обяательно, какъ старая англійская драма. Даже ея низшія произведенія обладаютъ такимъ очарованіемъ, какого мы не находимъ ни въ какомъ другомъ родѣ поэзіи. Это самое прозрачное зеркало, въ какое когда-либо смотрѣлась природа. Созданія великихъ аѳинскихъ драматурговъ производятъ дѣйствіе великолѣпныхъ статуй, задуманныхъ могучей фантазіей, отшлифованныхъ съ крайней тонкостью, воплощающихъ идею непостижимаго величія и красоты, но холодныхъ, блѣдныхъ и безжизненныхъ, безъ краски на щекахъ, безъ выраженія въ глазахъ. Во всѣхъ драпировкахъ, фигурахъ и лицахъ, въ любовникахъ и тиранахъ, вакханкахъ и фурияхъ—та же самая мраморная холодность и мертвенность. Большая часть характеровъ французской сцены походятъ на восковыхъ джентльменовъ и леди, въ окнѣ парикмахера, парумяченныхъ, завязанныхъ и расфранченныхъ, по которымъ поза дотого пятапуты, а стоячіе глаза выражаютъ такое полнѣйшее отсутствіе всякаго смысла, что не производятъ даже минутной иллюзіи. Только въ англійскихъ пьесахъ находимъ мы теплоту, мягкость и реальность живописи. Мы знаемъ тутъ душу мужчинъ и женщинъ, какъ знаемъ лица мужчинъ и женщинъ Вандика.

Превосходство этихъ сочиненій происходитъ въ значительной степени отъ двухъ особенностей, которыя критики французской школы считаютъ недостатками: изъ смѣси комедіи и трагедіи и изъ длины и размѣровъ дѣйствія. Первое необходимо, чтобы сдѣлать драму вѣрнымъ представленіемъ свѣта, въ которомъ смѣющіеся и плачущіе постоянно сталкиваются, въ которомъ каждое событіе имѣетъ свою серьезную и смѣшную сторону. Последнее даетъ намъ возможность короче познакомиться съ характерами, съ которыми мы не въ состояніи усвоиться въ теченіе короткаго срока, требуемаго отъ поэта правиломъ о единствахъ. Въ этомъ отношеніи, творенія Шекспира — чудеса искусства. Въ пьесѣ, которую можно прочесть вслухъ въ три часа, характеръ постепенно раскрывается предъ нами во всей своей глубинѣ. Мы видимъ, какъ онъ измѣняется съ переменными обстоятельствами. Рѣзвый юноша развивается въ политическаго и воинственнаго государя. Тороватый и доброжелательный филантропъ превращается въ мизантропа, ненавидящаго и презирающаго человѣческаго родъ. Очищающая скорбь дѣлаетъ тирана задумчивымъ

моралистомъ. Ветеранъ-полководецъ, отличающійся хладнокровіемъ, принципательностью и самообладаніемъ, гибнетъ въ борьбѣ между любовью, сильной какъ смерть, и ревностью, жестокой какъ мгила. Храбрый и честный подданный шагъ-за-шагомъ доходитъ до крайностей человѣческой испорченности. Мы слѣдимъ за его поступательнымъ ходомъ по этому пути, начиная отъ перваго мерцанія незаконнаго честолюбія до цинической скорби и мученій совѣсти, въ смягчаемой раскаяніемъ. Однако, въ этихъ пьесахъ нѣтъ неестественныхъ переходовъ. Ничто не упущено; ничто не переполнено. Какъ ни велики перемѣны, какъ ни узки границы, въ которыхъ онѣ выказываются, онѣ такъ же мало поражаютъ насъ, какъ постепенныя измѣненія знакомыхъ лицъ, которыя мы видимъ каждый вечеръ и каждое утро. Волшебная ловкость поэта напоминаетъ Дривина въ «Зритель», который сжалъ событія семи лѣтъ въ единый моментъ, пока король держалъ свою голову подъ водою.

Достойно замѣчанія, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, пьесы людей, даже не отличавшихся особенною геніальностью, какъ напримѣръ Джонсона, стояли гораздо выше всѣхъ произведеній фантазіи въ другихъ отдѣлахъ литературы. Поэтому, хотя мы заключаемъ, что отъ причинъ, уже изслѣдованныхъ нами, наша поэзія должна была необходимо придти въ упадокъ, но все-таки думаемъ, что еслибы внѣшнія причины не ускорили исполненія ея участи, она могла бы умереть тихой смертью, — что драма поддержала бы жизнь генія, пока онъ замѣнился бы, до нѣкоторой степени, чувствомъ изящнаго, — что между вѣкомъ высокаго творчества и вѣкомъ увлекательнаго подражанія едвали существовалъ бы промежутокъ. Творенія Шекспира, которыя не раньше половины XVIII столѣтія получили сколько-нибудь справедливую оцѣнку, могли бы, въ теченіе послѣдней половины XVII ст., быть признанными образцами превосходства; а за ними и великими писателями Елизаветинской эпохи почти непосредственно послѣдовало бы поколѣніе поэтовъ, равныхъ тѣмъ, которые украшаютъ нашъ собственный вѣкъ.

Но пуритане изгнали фантазію изъ послѣдняго ея убѣжища. Они запретили театральныя представленія и заклеили цѣлое поколѣніе драматурговъ названіемъ враговъ нравственности и религіи. Въ писателяхъ, порицаемыхъ ими, есть много дурнаго; но намъ кажется

весьма сомнительнымъ, чтобы мѣры, принятые ими для прекращенія зла, были лучшими, и надо полагать, что они сами усумнились въ этомъ, когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, увидѣли, что нечистый духъ, изгнанный ими, вернулся въ старое жилище съ семью другими, еще болѣе гнусными духами.

Уничтоженіе драмы доставило модной поэтической школѣ, школѣ, лишенной истины чувства и музыкальности версификаціи, лишенной силы предъидущаго и правильности позднѣйшаго вѣка, неоспоримое преобладаніе. Уродливое остроуміе, развитая до болѣзненности способность быстро схватывать аналогіи и сходство между вещами, повидимому совершенно противоположными, — вотъ въ чемъ заключался почти всѣ ея права на восхищеніе. Сокленгъ умеръ. Милтонъ былъ погруженъ въ теологическія и политическія пренія. Если Воллеръ и отличался отъ школы Коули, то отличался къ худшему. Поэзіи въ немъ было такъ же мало, какъ и въ этой школѣ, а остроумія гораздо меньше, и вялость его стиховъ стѣбитъ шероховатости коуліицевъ. Только въ Девгамъ замѣтны были слабые проблески лучшей манеры.

Какъ ни плохо было положеніе нашей поэзіи во время междоусобной войнѣ, протектората, но ей предстояло еще болѣе глубокое паденіе. До сихъ поръ наша литература была своеобразна; въ умственномъ, какъ и въ географическомъ, отношеніи мы были островитянами. Перевороты въ нашихъ вкусахъ, подобно переворотамъ въ нашемъ правительствѣ, совершались безъ вмѣшательства прозаиковъ. Еслибъ это положеніе вещей продолжалось, то тѣ же самые здравые принципы логики, которые, около этого времени, съ небывалымъ успѣхомъ примѣнялись ко всѣмъ отраслямъ философіи, привели бы нашихъ предковъ къ основательному кодексу критики. Проявлялись уже рѣзкіе признаки улучшенія. Наша проза наконецъ очистилась отъ той затѣйливой высокопарности, которая все-еще искажала почти всѣ стихотворныя произведенія. Парламентскіе дебаты и дипломатическая корреспонденція этого, полного событіями, періода много способствовали реформѣ. Въ подобныя хлопотливыя времена положительно необходимо писать и говорить коротко и толково. Еще больше, быть можетъ, помогли пелѣности пуританства. Въ то время, когда отвратительный слогъ, уродующій сочиненія Галля и лорда Бэкона, былъ почти всеобщимъ, появилась изумительная кни-

га—англійская библія, книга, которая, если все другое, написанное на нашемъ языкѣ погибнетъ, одна можетъ показать всю громадность его красоты и мощи. Уваженіе переводчиковъ къ оригиналу мѣшало имъ прибавлять отвратительныя украшенія, бывшія тогда въ модѣ. Основа перевода принадлежала, разумѣется, болѣе раннему вѣку. Фамиллярность, съ какою пуритане, при всѣхъ почти случаяхъ, употребляли фразы изъ Священнаго Писанія, безъ сомнѣнія, была очень смѣшной, но имѣла хорошіе результаты. Это былъ искусственный языкъ, но онъ изгонялъ еще болѣе вопіющую искусственность.

Высшій родъ поэзіи, по большей части, зависитъ отъ обстоятельствъ, регулирующихъ слогъ прозаическихъ сочиненій. По относительно того низшаго рода поэзіи, который слѣдуетъ за первымъ, дѣло происходитъ совершенно иначе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, здравый смыслъ и очищенный вкусъ, искоренившіе аффектацію въ правственныхъ и политическихъ трактатахъ, при естественномъ ходѣ вещей произвели бы подобную же реформу въ сонетѣ и въ одѣ. Строгость побѣдоносныхъ сектаторовъ смягчилась. Господствующая религія иногда не бываетъ аскетической, и правительство потворствовало театральнымъ представленіямъ. Вліяніе Шекспира почувствовалось еще разъ. Но приближалась болѣе мрачныя дни. На нашу литературу легло иностранное иго. Карлъ, окруженный товарищами своего изгнанія, вернулся управлять націей, которая не должна бы изгонять его, или разъ изгнавши, не должна бы принимать его назадъ. Всякій лишній годъ, проведенный имъ между иностранцами, дѣлалъ его болѣе и болѣе неспособнымъ управлять своими соотечественниками. Во Франціи онъ видѣлъ строптивыхъ судей укрощаемыми, а королевскую прерогативу, хотя и употребляемую въ дѣло иностраннымъ духовнымъ во имя ребенка, побѣждающею всякую оппозицію. Это зрѣлище, естественно, правилось принципу, для фамиліи котораго оппозиція парламента была такъ гибельна. Вѣжливость была его единственнымъ хорошимъ качествомъ. Оскорбленія, перенесенныя въ Шотландіи, научили его цѣнить это качество. А пзѣженность и апатія характера способствовали развитію его до высшей степени. Изящество и живость французскихъ манеръ очаровали Карла. Съ политическими правилами и общественными правами своего любимого народа

онъ принялъ его литературные вкусы и, сѣдя на тронѣ, скоро ввелъ эти вкусы въ моду, частью своимъ непосредственнымъ покровительствомъ, а еще болѣе той презрѣнной политикой, которая, на время, сдѣлала Англію послѣдней изъ націй и подняла Людовика XIV на такую высоту могущества и славы, какой не достигалъ еще ни одинъ французскій государь.

Для того, чтобъ понравиться Карлу, въ наши театральныя пьесы впервые были введены рѣзны. Такимъ образомъ, англійской драмѣ, только-что оправившейся отъ слабости, нанесенъ былъ ударъ, который оказался бы смертельнымъ и во всякое другое время. Общественныя манеры, туземная и иностранная, теперь то боролась, то сливалась попеременно. Надутая пошлость новаго слога смѣшивалась съ замысловатой нелѣпностью стараго; а эта смѣсь производила нѣчто, чего свѣтъ никогда не видалъ прежде, и чего—падѣмся—никогда не увидитъ опять, нѣчто, рядомъ съ чѣмъ отвратительныя нелѣпости всѣхъ другихъ вѣковъ представляются въ выгодномъ свѣтѣ,—нѣчто, чему люди, пытавшіеся представить это въ каррикатурѣ, принуждены были невольно льстить,—чему трагедія Бейза служить еще благопріятнымъ образчикомъ. Чтб лордъ Дорсетъ замѣтилъ Эдварду Говарду, можно сказать почти всѣмъ его соотечественникамъ:

«As skilful divers to the bottom fall

«Swifter than those who can not swim at all;

«So, in this way of writing without thinking,

«Thou hast a strange alacrity in sinking»⁽²⁾

Отъ этого упрека должны быть изъяты нѣсколько умныхъ свѣтскихъ людей и между ними самъ Дорсетъ. Хотя отнюдь не великіе поэты, и даже не хорошіе версификаторы, они всегда писали толково, а иногда и остроумно. Дѣйствительно, ничто такъ разительное не доказываетъ до какого жалкаго положенія дошла литература, какъ громадное превосходство мелкихъ стихотвореній, беззаботно набросанныхъ на бумагу людьми этого класса, надъ изысканными произведеніями почти всѣхъ авторовъ по профессіи. Господствующій

(2) «Подобно тому, какъ искусные водолазы плывутъ ко дну скорѣе, чѣмъ тѣ, которые вовсе не умѣютъ плавать, ты съ этой манерой писать, не думая, удивительно способенъ быстро падать.»

вкусъ былъ до того дуренъ, что успѣхъ писателя былъ въ обратной пропорціи съ его трудомъ и желаніемъ достигнуть совершенства. Исключеніе надо сдѣлать въ пользу Ботлера, который обладалъ умомъ и начитанностью Коули и умѣлъ пользоваться ими, чего Коули не умѣлъ никогда. Полное знаніе хорошаго разговорнаго англійскаго языка еще рѣзче отличаетъ его отъ другихъ писателей того времени. Что касается до «Гондиберта»⁽⁵⁾, то пусть его разбираютъ тѣ, кто въ состояніи его прочесть. Фантазія угасла. Вкусъ развратился. Поэзія, изгнавшая изъ дворцовъ, коллегій и театровъ, нашла пріютъ въ убогомъ жилищѣ, гдѣ великій человѣкъ, рожденный не въ-время, опозоренный, нищій, больной и слѣпой, все-таки сохранялъ незапятнанную репутацію и геній, достойный лучшихъ временъ.

Въ Милтонѣ все чудесно, по чудеснѣ всего то, что въ вѣкъ, неблагоприятный для поэзіи, онъ написалъ величайшую изъ новѣйшихъ эпическихъ поэмъ. Можетъ быть, это слѣдуетъ приписать отчасти его слѣпотѣ. Извѣстно, что воображеніе наиболѣе дѣятельно, когда вѣншій міръ скрытъ предъ нами. Во снѣ его иллюзіи, вполне обманчивы. Онѣ производятъ весь эффектъ дѣйствительности. Въ темнотѣ, его видѣнія всегда отчетливѣе, чѣмъ при свѣтѣ. Это долженъ былъ испытать каждый, кто тѣшился такъ-называемой постройкой воздушныхъ замковъ. Мы знаемъ художниковъ, которые, прежде чѣмъ попытаются нарисовать на память лицо, закрываютъ глаза, чтобы лучше представить себѣ черты и выраженіе этого лица. Поэтому, мы расположены думать, что недугъ Милтона оберегалъ его геній отъ вліянія столь неблагоприятныхъ временъ. Какъ бы то ни было, а его творенія пользовались сначала очень малою популярностью. Пренебреженіе къ нему современниковъ было карой за его превосходство надъ ними. Его великая поэма, стала изучаться и доставлять наслажденіе только тогда, когда писатели гораздо ниже его, своей рабскою, угодливостью обществу вкусу, настолько вошли въ мѣлость, что могли приняться за реформу послѣдняго.

Самымъ даровитымъ изъ нихъ былъ Драйденъ. Въ толпѣ авторовъ, въ первые годы царствованія Карла II, помогавшихся извѣстности, всякаго рода нелѣпостью и аффектаціей, онъ быстро сдѣлалъ

⁽⁵⁾ Поэма Давенанта.

ся самымъ замѣтнымъ. Никто не имѣлъ такого вліянія на свой вѣкъ. Причина этого очевидна. Ни на кого вѣкъ не имѣлъ такого вліянія. Онъ быть можетъ величайшій изъ поэтовъ, названныхъ нами критическими; и въ его литературной карьерѣ выразилась, въ уменьшенномъ объемѣ, цѣлая исторія той школы, которой онъ принадлежалъ: шероховатость и крайности въ ея младенчествѣ, приличіе, грація, полный достоинства здравый смыслъ и умѣренный блескъ въ возмужалости. Фантазія Драйдена пахотилась въ состояніи оцѣпенѣнія, пока не пробудилась разсудкомъ. Онъ началъ затѣйливыми параллелями и пустою болтовней. Онъ постепенно приобрѣлъ энергію сатирика, серьезность моралиста и восторгъ лирическаго поэта. Въ его книгахъ можно видѣть въ миниатюрѣ переворотъ, совершавшійся въ англійской литературѣ, отъ временъ Коули до Скотта.

Его жизнь раздѣляется на двѣ части. Нельзя съ точностью опредѣлить общія границы ихъ, но общую черту можно провести довольно вѣрно. 1678-й г. мы готовы обозначить годомъ важной перемѣны въ его манерѣ. Въ предыдущихъ годахъ появились нѣкоторые изъ его панегириковъ двору—его «*Annus Mirabilis*» и большая часть театральныхъ пьесъ, всѣ рѣмованныя трагедіи. Послѣдующему періоду принадлежатъ его лучшія драмы: «*All for Love*», «*The Spanish Friar*» и «*Sebastian*»,—сатиры, переводы, дидактическія поэмы, басни и оды.

О небольшихъ пьесахъ, посвященныхъ канцлерамъ и приццамъ, врядъ ли слѣдуетъ говорить. Величайшая выгода, извлекаемая пэицами искусствами изъ распространенія знаій, заключается въ томъ, что покровительство частныхъ лицъ перестаетъ быть нужнымъ. Нѣкоторые писатели повидимому все-еще жалѣютъ о вѣкѣ покровительства. Но только дурные писатели имѣютъ на это основаніе. Это всегда вѣкъ общаго невѣжества. Когда десять тысячъ читателей жадно ждутъ выхода книги, то маленькая контрибуція со стороны каждаго изъ нихъ составитъ блестящій гонорарій для автора. Когда же литература — роскошь для немногихъ, каждый изъ этихъ немногихъ долженъ платить дорого. Еслибъ, напримѣръ, какому-нибудь богачу понадобилась эпическая поэма, ему пришлось бы исполнѣ содержать поэта, точно такъ же, какъ въ отдаленной деревнѣ, человѣку, нуждающемуся въ одной барабаньей котлеткѣ, приходится иногда брать цѣлаго барапа, — чего ни-

когда не случается тамъ, гдѣ общее требованіе на котлеты велко. Но люди, которые платятъ высокую цѣну за удовлетвореніе своему вкусу, захотятъ, чтобъ выѣстъ съ тѣмъ удовлетворялось и ихъ тщесловіе. Лестъ доходитъ до безстыдныхъ размѣровъ; а привычка къ лести почти неизбежно приводитъ за собой ложный вкусъ въ литературныхъ трудахъ. Ея языкъ состоитъ изъ гиперболическихъ общихъ мѣстъ, оскорбительныхъ по своей пошлости, еще болѣе оскорбительныхъ по своей нецѣпой крайности. Ни въ какой другой школѣ не усвоивается такъ легко привычка переступать границы естественной скромности. Писатель, найдя, что преувеличеніе пріятно и необходимо въ одномъ случаѣ, употребляетъ его во всѣхъ остальныхъ. Поэтому, нѣтъ ничего страннаго, что прежнія панегирическія стихотворенія Драйдена состояли изъ напыщенности и пустоты. Въ нихъ бездна отвлечен, постей, введенныхъ въ моду его непосредственными предшественниками. Но по языку и версификаціи онъ былъ уже выше ихъ.

«*Annus Mirabilis*» выказываетъ большое богатство выраженій и тонкій слухъ къ героическому размѣру. Но этимъ и кончаются его достоинства. Не только оно не имѣетъ никакого права на названіе поэтическаго, но скорѣе кажется сочиненіемъ человѣка, который никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не могъ бы написать поэтическаго произведенія. Лучшая часть этой поэмы— ея жеманныя сравненія. Пышныя пѣвелы представляютъ все-таки болѣе ободряющій видъ чѣмъ полное безплодіе. Въ цѣломъ длинномъ произведеніи врядъ ли найдется хоть одинъ стансъ, въ которомъ бы видно было участіе фантазіи. Оно не создано, а сочинено. Оно состоитъ не изъ образовъ, а изъ логическихъ выводовъ. Мы представимъ одинъ примѣръ, и примѣръ выгодный: четверостишіе, похваленное Джонсономъ. Драйденъ описываетъ морское сраженіе съ голландцами.

«Amidst whole heaps of spices lights a ball;
And now their odours armed against them fly.
Some precious by shattered porcelain fall,
And some by aromatic splinters die.» (4)

(4) «Въ груды пряностей падаетъ ядро; и вооруженные ароматы летятъ противъ нихъ. Одни падаютъ подъ обломками драгоцѣннаго фарфора; а другіе умираютъ отъ ароматическихъ осколковъ.»

Поэтъ долженъ ставить своихъ читателей, насколько это возможно, въ положеніе дѣйствующихъ лицъ или зрителей. Его разсказъ долженъ возбуждать чувства, подобныя тѣмъ, какія возбуждало бы само событіе. Такъ ли это здѣсь? Кто во время морской битвы будетъ думать о цѣнѣ китайскаго фарфора, разбивающаго голову матроса, или объ ароматѣ осколка, раздробляющаго его ногу? Эти нескладныя вещи введены въ разсказъ не актомъ фантазіи, сразу вызывающей всю сцену предъ умственными очу, но тяжелымъ размышленіемъ надъ сюжетомъ, перевертываньемъ его во всѣ стороны, — вслѣдствіемъ фактовъ въ самыхъ отдаленныхъ ихъ послѣдствіяхъ. Правда, что Гомеръ постоянно употребляетъ эпитеты, которые не всегда бываютъ кстати. Ахиллесъ — быстроногъ, даже и тогда, когда сидитъ. Улиссъ — многоперѣливъ, когда ему нечего терпѣть. Каждое копье бросаетъ длинную тѣнь, каждый волъ пмѣетъ загнутые рога, а каждая женщина — высокую грудь, даже когда эти частности не идутъ къ дѣлу. Въ нашихъ старинныхъ балладахъ преобладаетъ та же манера. Золото всегда красно, а дамы всегда веселы, хотя ни что не зависитъ отъ цвѣта золота и настроенія дамъ. Но эти прилагательныя не болѣе, какъ прибавленія. Въ силу обычая они сливаются со своимъ существительнымъ. Если они и придаютъ какой-нибудь колоритъ, то колоритъ столь легкій, что онъ вовсе не измѣняетъ общаго эффекта. Совсѣмъ не то въ четверостишіи, приведенномъ нами изъ Драйдена. Слова «*preciously*» и «*aromatic*» («драгоценный и ароматическій») обращаютъ все наше вниманіе на себя, и образъ битвы разсѣвается въ одну секунду. Все стихотвореніе напоминаетъ намъ Лукана, и еще худшую часть Лукана, напримѣръ, его битву въ марсельской бухтѣ. Описаніе двухъ флотовъ во время ночи, быть можетъ, единственное мѣсто, которое слѣдуетъ освободить отъ этого упрека. Если Мильтонъ, провозгласивъ Драйдена хорошимъ речеискусникомъ, но не поэтомъ, составилъ это мнѣніе по «*Annus Mirabilis*», онъ, разумѣется, былъ правъ. Но Драйденъ былъ, какъ мы уже сказали, одинъ изъ тѣхъ писателей, у которыхъ эпоха фантазіи не предшествуетъ, но слѣдуетъ за эпохой размышленія и наблюдательности.

Его театральныя пьесы, особенно рюмованныя, представляютъ отличный сюжетъ для желающихъ изучать патологическую анатомію

драмы. Онъ былъ совершенно лишенъ таланта изображать дѣйствительныхъ людей. Даже та гораздо низшая способность составлять характеры изъ элементовъ, на которые можетъ разложить ихъ несовершенный процессъ нашего разума, была въ немъ очень слабо развита. Его людей даже нельзя назвать хорошими олицетвореніями; это плохо разсортированныя собранія качествъ. Правда, порой онъ схватываетъ очень грубое и рѣзкое отличіе и даетъ намъ не портретъ, но сплывую каррикатуру, въ которой какая-нибудь особенность выдается, а все прочее остается безъ вниманія, напримѣръ: маркизь Грабпъ у воротъ гостиницы; извѣстный намъ только по своей лысѣ, или Вилкъзъ, который потому только Вилкъзъ, что косъ. Это лучшіе образчики его искусства, потому что большая часть его картинъ, подобно турецкимъ коврамъ, повидимому имѣетъ единственную цѣлью не на что не походить ни на небесахъ горъ, ни на землѣ шuzu, ни въ водахъ подъ землею.

Послѣдняя манера употребляется имъ главнымъ образомъ въ трагедіяхъ, первая въ комедіяхъ. Всѣ комическіе характеры безусловно отвратительны и ничтожны. Лица у Этереджа и Ванбро довольно дурны. У Смоллета они, можетъ быть, еще хуже. Но они нѣсколько не подходятъ къ Селадонамъ, Вильдблодамъ, Вудоллямъ и Родоффлямъ Драйдена. Пороки послѣднихъ выдаются еще рѣзче, отъ какого-то свирѣпаго, ожесточеннаго безстыдства, съ которымъ ничего нельзя сравнить. Ихъ любовь—скотское вожделѣніе; ихъ дружба—братство плутовъ. Дамы, кажется, созданы нарочно для того, чтобы служить достойнымъ соучастницами подобныхъ джентльменовъ. Обманывая и оскорбляя своихъ старыхъ отцовъ, онѣ, можетъ быть, и не переступаютъ привилегій, съ незапамятныхъ временъ предоставленной героинямъ. Но онѣ плутуютъ въ картахъ, воруютъ денежныя шкатулки, продаютъ свою любовь съ молотка, обманываютъ своихъ друзей, ругаютъ своихъ соперницъ и зазываютъ своихъ любовниковъ площаднымъ языкомъ. Надо помнить, что это не лакеи и горничныя, не Маскариллы и Неринны, но признанные герои и героини, которые являются представителями хорошаго общества и которые, подъ конецъ пятаго акта, жепятся и живутъ потомъ очень счастливо. Чувственность, низость и злоба ихъ натуръ не выкупаются ни однимъ качествомъ противоположнаго рода, ни од-

пой чертой доброты, даже и однимъ честнымъ взрывомъ искренней несправедливости и мщенья. Мы видимъ міръ, гдѣ нѣтъ ни чело-вѣчности, ни правдивости, ни чувства стыда, міръ, который всякій добродушный чело-вѣкъ охотно промѣнялъ бы на общество мильтоновскихъ дьяволовъ. Но какъ скоро мы вступаемъ въ область трагедіи, то находимъ большую переменѣ. Здѣсь нѣтъ недостатка въ возвышенныхъ чувствахъ. Метастазіо превзойденъ въ его собственной области. Сама Скюдери превзойдена. Намъ представляютъ людей, въ поступкахъ которыхъ мы не можемъ допустить побужденій, о чувствованіяхъ которыхъ мы можемъ составить себѣ такую же неясную идею, какъ о шестомъ чувствѣ. Мы покинули расу существъ, любовь которыхъ была такъ жеделикатна и горяча, какъ страсть какого-нибудь ольдермена къ супу изъ черепахъ. Мы очутились среди существъ, любовь которыхъ чисто безкорыстное ощущеніе, преданность, доходящая до пассивнаго повиновенія, религія, подобная религіи квіетистовъ, не поддерживаемая ни надеждой, ни страхомъ. Мы видимъ только деспотизмъ безъ силы, и жертвы безъ вознагражденія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ *«Аурелизель»*, Аримантъ, правитель Агры, влюбляется въ свою плѣнницу Пидамору. Она съ презрѣніемъ отталкиваетъ его любовь; но увѣряетъ, что воспользуется своей властью надъ нимъ. Онъ грозитъ разгнѣваться. Она холодно отвѣчаетъ:

«Do not: your anger, like your love, is vain:
Whene'er I please, you must be pleased again.
Knowing what power I have your will to bend,
I'll use it; for I need just such a friend.» (*)

Это не пустая угроза. Пидамора скоро приноситъ письмо, адресованное къ сопернику Ариманта, приказываетъ ему прочесть его, спрашиваетъ, находитъ ли онъ его достаточно нѣжнымъ, и наконецъ повелѣваетъ ему самому отнести это письмо. Можно ожидать, что подобная

(*) «Полно; вашъ гнѣвъ, какъ и любовь, будутъ тщетны; когда мнѣ вздумается, вы опять будете довольны. Зная, какую власть я имѣю надъ вашей волей, я буду пользоваться этой властью, потому что мнѣ нуженъ именно такой другъ.»

жестокость вызвала бы сопротивление. Дѣйствительно, Армантъ рѣшается протестовать:

«This fatal paper rather let me tear,
Than, like Bellerophon, my sentence bear.»^(*)

Отвѣтъ ея безподобенъ:

«You may; but twill not be your best advice;
'Twill only give me pains of writing twice.
You know you must obey me, soon or late.
Why should you vainly struggle with your fate?»^(?)

Бѣдный Армантъ, кажется, того же мнѣнія. Онъ бормочетъ что-то на счетъ судьбы и свободной воли и уходитъ съ любовной запиской.

Въ «Индійскомъ Императорѣ», Монтезума даритъ Азьмеринъ въ знакъ своей любви гирлянду, и предлагаетъ сдѣлать ее своей королевой. Она отвѣчаетъ:

«I take this garland not, as given by you;
But as my merit's and my beauty's due;
As for the crown which you, my slave, possess,
To share it with you would but make me less.»^(*)

Взамѣнъ такихъ доказательствъ пѣжноти, ея поклонникъ соглашается убить двухъ своихъ сыновей и благодѣтеля, къ которому питаетъ самую жаркую благодарность. Липдаракса, въ «Покореніи Гренады» принимаетъ такой же надменный тонъ, говоря съ Абдельмелехомъ. Онъ жалуется, что она улыбается его сопернику.

(*) «Дайте мнѣ, скорѣе разорвать эту роковую бумагу, чѣмъ, подобно Беллерофону, нести свой приговоръ.»

(?) «Можете, но это бесполезно; оно принесетъ мнѣ лишній трудъ писать вторично. Вы знаете, что рано или поздно, а должны исполнить мою волю; зачѣмъ же напрасно бороться противъ судьбы?»

(*) «Я беру эту гирлянду, не какъ подарокъ отъ тебя, но какъ должную дань моему достоинству и красотѣ; что касается до короны, которую ты, мой рабъ, вла-
дѣешь, то раздѣлить ее съ тобою значило бы умалить мои достоинства.»

Lynd. And when did I my power so far resign,

That you should regulate each look of mine?

Abdel. Then, when you gave your love, you gave that power.

Lynd. 'Twas during pleasure—'tis revoked this hour.

Abdel. I'll hate you, and this visit is my last.

Lynd. Do, if you can: you know I hold you fast.» (°)

Что эти мѣста нарушаютъ всякую историческую правдоподобность, что эти аффектированныя чувства, высказываемыя только европейскими рыцарями, перенеслись въ Мексику и Агру; это еще не важно. Мы ничего не имѣемъ противъ условнаго свѣта, противъ плимутскаго пуританина или богемской приморской гавани. Пока дѣйствующія лица хороши, мы мало заботимся о фонѣ. Сэръ Джошуа Рейнольдзъ говорилъ, что занавѣсы и гардины въ исторической картинѣ должны быть не бархатныя или бумажныя: должна просто быть драпировка. Тотъ же принципъ прилагается и къ поэзіи и роману. Самое главное—правдоподобность характера; правдоподобность мѣстности и времени вещи второстепенныя. Пuffed могъ сказать актеру, чтобы онъ выворачивалъ носки, и напомнить ему, что Гаттоъ былъ большимъ танцоромъ. Мы желали бы, чтобы въ наше время, писатель, совершенно отличный отъ Пuffed, не забывалъ такъ часто челоуѣческой природы, описывая бездѣлки мебельной лавки, моднаго магазина и кухоннаго искусства.

Мы порицаемъ Драйдена не за то, что дѣйствующія лица его драмъ не мавры и американцы, но за то, что они не мужчины и не женщины,—не потому, что любовь, какую онъ представляетъ не могла существовать въ гаремѣ или вигвамѣ, но потому, что она нигдѣ не могла существовать. Какова любовь его героевъ, таковы и всѣ другія ихъ чувства. Всѣ ихъ качества, мужество, великодушіе, гордость

(°) «*Lynd.* А я настолько отказалась отъ моей власти, чтобы отдать въ ваше распоряженіе даже и взгляды мои? .

Abdel. Отдавая свою любовь, вы отдали и эти взгляды.

Lynd. Только на время удовольствія,—и теперь беру ихъ назадъ.

Abdel. Я возненавижу васъ, и это посѣщеніе послѣднее.

Lynd. Да, если можете; вы знаете, я крѣпко держу васъ.»

принимають такіе же колоссальныя размѣры. Справедливость и осторожность—добродѣтели, которыя могутъ существовать только въ умѣренной степени, а доведенныя до крайностей, измѣняютъ и сущность и имя. Поэтому, Драйденъ совершенно лишаетъ своихъ любимцевъ справедливости и осторожности. Не имѣя возможности снабдить ихъ этими качествами безъ мѣры, онъ и не хлопочетъ о ихъ снабженіи ими. Его тираны и плуты тѣ же герои, только измѣненные нѣсколькими штрихами, подобными тѣмъ, которыми честное лицо сэра Роджера Коверли преобразовывается въ голову сараціна. Сквозь морщины и усмѣшку все-таки проглядываютъ основныя черты.

Эти нецѣлости поражаютъ насъ больше всего въ трагикомедіяхъ. Двѣ расы людей, или скорѣе ангелы и обезьяны представляются намъ вмѣстѣ. Въ одной сценѣ мы встрѣчаемъ только грубыхъ, самолюбивыхъ, безстыдныхъ, живыхъ и развратныхъ людей обоюго пола, которые — надо полагать — въ наказаніе за свою испорченность, обязаны говорить только прозой. Но какъ скоро мы встрѣчаемся съ пародомъ, говорящимъ стихами, то ужъ знаемъ, что попали въ общество, которое привело бы въ восторгъ Катоса и Маделону Мольера, въ общество, гдѣ Ороондаты показались бы слишкомъ холоднымъ любовникомъ, а Клея чрезчуръ большой кокеткой.

Такъ какъ Драйденъ не могъ сдѣлать свои пьесы интересными посредствомъ того, что составляетъ особенное превосходство драмы, то необходимо было замѣнить это чѣмъ-нибудь другимъ. Онъ и замѣнялъ эти свойства въ своихъ комедіяхъ, иногда умомъ, а чаще штригами, переодѣваніями, путаницею лицъ, перекрестными діалогами, спасеніями отъ грозныхъ опасностей, смущающими тайнами и неожиданными открытіями. Такимъ образомъ ему удалось, по крайней мѣрѣ, сдѣлать эти пьесы очень забавными.

Въ своихъ трагедіяхъ онъ полагался, и не совѣмъ безъ основанія, на свой слогъ и версификацію. По всей вѣроятности, это и было причиною, что онъ такъ охотно принялъ и такъ не охотно покинулъ обыкновеніе писать римованныя пьесы. Все неестественное кажется менѣе неестественнымъ въ такого рода стихахъ, чѣмъ въ строфахъ, болѣе подходящихъ къ обыкновенному разговору; а въ умѣнъ писать героическіе стихи еще никто не равнялся съ Драйденомъ. Безполезно приводить аргументы противъ моды, признав-

пой теперь всѣмъ за дурную. Но замѣчательно, что хотя Драйденъ и не имѣлъ того таланта, который ярче всего, выказывается въ бѣлыхъ стихахъ, и былъ лучшимъ писателемъ героическихъ стихотвореній, на нашемъ языкѣ, — однако пьесы, которыя со времени ихъ перваго появленія считались лучшими, написаны бѣлыми стихами.

Надо признаться, что даже худшія изъ римованныхъ трагедій содержатъ хорошія описанія и великолѣпную реторику. Но, съ другой стороны, если мы оставимъ безъ вниманія ихъ драматическія несообразности, а станемъ разсматривать ихъ только относительно языка, то и тогда насъ постоянно отталкиваютъ мѣста такого рода, что трудно понять, какъ они могли написаться какимъ-нибудь авторомъ, и выслушаться какимъ-нибудь слушателемъ: это высокопарности, въ которыхъ лепетовая горячность языка составляетъ странный контрастъ съ жалкой смиренностью мысли. Авторъ сложилъ всю вину на слушателей и отозвался тѣмъ, что, писавши эти пьесы, онъ считалъ ихъ достаточно дурными, чтобы поправиться. Эта защита недостойна даровитаго человѣка, и сверхъ того это не защита. Отвѣй правился безъ высокопарностей; того же достигнуть бы и Драйденъ, еслибы обладалъ талантомъ Отвея. Дѣло въ томъ, что Драйденъ имѣлъ склонность къ напыщенности, которую влияние времени и размышленія хотя и сгладило, но не уничтожило совершенно. Она проявлялась въ пьесахъ, не назначавшихся для развлечения грубой театральной черни.

Нѣкоторые снисходительные критики представляли этотъ недостатокъ доказательствомъ геніальности, расточительностью безграничнаго богатства, своеправіемъ безконечной мощи. Намъ кажется, что оно имѣетъ больше сродства съ мишурой бѣдности, со спазмами и конвульсіями слабости. Нѣтъ сомнѣнія, что у Драйдена не больше фантазіи, чѣмъ у Гомера, Данте или Мильтона, которые однако никогда не впадаютъ въ этотъ порокъ. Напыщенная дикція Эсхила и Псалма столько же походитъ на дикцію Альманзора и Максимиана, какъ выпуклость мускула на опухоль нарыва. Первая — симптомъ здоровья и крѣпости, вторая — слабости и болѣзни. Если Шекспиръ бываетъ высокопарнымъ, то не тогда, когда увлекается впередъ фантазіей, а когда затягиваетъ свою фантазію; когда его умъ ослабѣваетъ

на мнпу, когда онъ, какъ говорили объ Эврипидѣ, походитъ на льва, который возбуждаетъ въ себѣ ярость, подхлестывая себя своимъ же хвостомъ. Что бывало съ Шекспиромъ отъ случайнаго истощенія силъ, бывало съ Драйденомъ отъ постоянного безспія. Онъ, подобно своему товарищу Ли, обладалъ разсудкомъ настолько, чтобы оцѣнить великихъ поэтовъ предъидущаго вѣка, но не настолько, чтобы избѣгнуть конкуренціи съ ними. Онъ прочувствовалъ ихъ смѣлое и дикое величіе и дивился ему. Что оно принадлежало другому вѣку, а не тому въ которомъ онъ жилъ, и требовало другихъ дарованій, а не тѣхъ, которыми владѣлъ онъ, что, стремясь сравняться съ ними, онъ тратилъ, въ безнадежной попыткѣ, силы, которыя могли бы доставить ему преобладаніе на нномъ поприщѣ — это онъ поздно понималъ. Какъ плутоватыя энтузіасты, французскіе пророки, домогались вдохновенія, поддѣлывая корчи, обмороки и удушье, принимая это за признаки вдохновенія, такъ и онъ пытался; притворными припадками поэтической ярости, вызвать истинный пароксизмъ; и подобно имъ, за свои труды не получилъ ничего кромѣ уродливости.

Горацій очень удачно сравниваетъ тѣхъ, которые, въ его время, подражали Пиндару, съ юношей, старавшимся подняться на восковыхъ крыльяхъ на небо и испытавшимъ позорное и гибельное паденіе. Удивительный здравый смыслъ Горація предохранялъ его отъ этой ошибки и надоумилъ его заняться обработкой стиля, въ которомъ онъ могъ отличиться. Драйденъ не обладалъ такимъ самопознаніемъ. Онъ видѣлъ, что величайшіе поэты имѣли наибольшій успѣхъ, когда уносились за обыкновенныя границы, и что какое-то необъяснимое счастье предохраняло ихъ отъ паденія, даже тогда, когда они стояли на краю безсмыслицы. Онъ не замѣтилъ, что они руководились и поддерживались силой, въ которой ему было отказано. Они писали, что внушала имъ фантазія, и находили отвѣтъ въ фантазіи другихъ. Онъ, напротивъ, усидчиво и путемъ мышленія и аргументаціи, дорабатывался до обдуманной дичи, до раціональнаго бѣснованія.

Любуясь рисунками, приложеннымъ къ изданію «Фауста», мы всегда сильно поражались однимъ изъ нихъ, на которомъ чародѣй и искуситель представлены идущими во весь опоръ. Демонъ сидитъ на своемъ бѣшеномъ конѣ такъ же безопасно, какъ будто отдыхаетъ

въ креслѣ. Чтобы онъ могъ такъ держаться въ сѣдлѣ, показалось бы невозможнымъ всякому; не знающему, что его сверхъестественное происхождение обезпечиваетъ его отъ всякой опасности. Напротивъ, посадка Фауста—совершенство верховой ѣзды. Поэты первого класса могутъ безъ всякой опасности писать такъ же отчаянно, какъ Мефистофель скачетъ. Но Драйденъ, хотя и былъ допущенъ къ сообщению съ высшими духами, хотя и былъ вооруженъ частью ихъ могущества и владѣлъ нѣкоторыми изъ ихъ тайнъ, все-таки принадлежалъ къ другой расѣ. Съ его стороны было бы безуміемъ принимать за то, на что онъ могъ рѣшиться, не подвергаясь риску. Необходимо было, чтобы его поддерживали вкусъ и критика.

Мы дадимъ нѣсколько примѣровъ. Ничто не можетъ быть прекраснѣе описанія Гектора у греческихъ стѣнъ:

«...Ринулся Гекторъ великій,
Грозенъ лицомъ; какъ бурная почва; и сіялъ онъ ужасно;
Мѣдью, которой одѣянъ былъ весь; и въ рукахъ потрясалъ онъ
Два копья; не сдержалъ бы героя никто, кромѣ бога,
Въ мигъ, какъ въ ворота влѣтъ; онъ; огнемъ его очи горѣли.
Тамъ онъ Троянамъ приказывалъ, къ толпищу ихъ обратясь,
На стѣну быстро взлѣзть; и ему покорились Трояне:
Ринулись всѣ, и немедленно — тѣ подымались на стѣну;
Тѣ наводили ворота. Кругомъ побѣжали Ахейцы,
Къ чернымъ своимъ кораблямъ; и кругомъ поднялася тревога.»

Какія смѣлыя выраженія! Но какъ они полны значенія! Какъ они живописны! Гекторъ представляется намъ встающимъ во всей силѣ и простоты! Мракъ ночи на его челѣ, огонь, пламеннѣющій въ его взорахъ, дрожащія блестящія доспѣхи, могучіи и стремительный бѣгъ въ ворота и по зубчатой стѣнѣ, топотъ, и безконечный ревъ толпы; — все является передъ нашими глазами, все, дѣйствительно.

Драйденъ описалъ очень сходное событіе въ «Максимилианѣ» и употребилъ всѣ успія, чтобы быть возвышеннымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ:

«There with a forest of their darts he strove,
And stood, like Capaneus, defying Jove;
With his broad sword the boldest beating down,
Till Fate grew pale, lest he should win the town,

And turn'd the iron leaves of its dark book

To make new dooms, ой mend what it mi stook.» (10)

Какъ восхитительны образы волшебнаго сна въ «*Буря*» и въ «*Синь въ Лѣтнюю Ночь*»; Аріель, несущійся сквозь сумерки на крыльяхъ летучей мыши и высасывающій вмѣстѣ съ пчелою медъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ, или маленькія прислужницы Титанія, которыя гонять пауковъ отъ постели королевы! Драйдень справедливо сказалъ, что

«Shakspeare's magic could not copied be:

Within that circle none durst walke but he.» (11)

Хорошо было бы, еслибъ онъ самъ не осмѣливался переступить за заколдованную черту и навлекать на себя участь, подобную той, какою, по стариннымъ преданіямъ, наказывалось такое самоувѣренное вмѣшательство. Слѣдующія строчки составляютъ часть пѣсни его Фей:

«Merry, merry, merry we sail from the East,
Half-tiptled at a rainbow feast:
In the bright moonshine, whill winds whistle loud,
Tivy, tivy, tivy, we mount and we fly;
All racking along in a downy white cloud;
And lest our leap from the sky prove too far,
We slide on the back of a new falling star,
And drop from above
In a jelly of love.» (12)

(10) «Здѣсь онъ боролся съ цѣлымъ лѣсомъ ихъ стрѣлъ и стоялъ подобно Капанею, издающему вызовъ Зевсу, своимъ широкимъ мечемъ смѣлѣйшихъ побивая, пока судьба не побѣдила отъ страха, что онъ возьметъ городъ, и не перевернула желѣзный листъ своей мрачной книги, чтобъ записать новый приговоръ или исправить ошибку.»

(11) «Волшебству Шекспира нельзя подражать, никто кромѣ его не долженъ вступать въ этотъ кругъ.»

(12) «Весело, весело, весело мы плывемъ съ Востока, погулянные отъ прора-
дуги, при свѣтломъ, мѣсячномъ сіяніи, подъ громкій свистъ вѣтровъ, мы быстро, быстро, быстро поднимаемся и летимъ, то собираясь на бѣлое пушистое облако, то—чтобъ наши прыжки не слишкомъ далеко унесли насъ отъ неба—мы скользимъ на спинѣ падающей звѣзды и опускаемся сверху въ элексиръ любви.»

Это еще очень выгодные образцы. Тѣ, кто желаютъ имѣть невыгодные, могутъ прочесть предсмертныя рѣчи Максимиана и сравнить ихъ съ послѣдними сценами «Отелло» или «Короля Лира».

Еслибъ Драйденъ умеръ до истеченія перваго изъ періодовъ, на которые мы раздѣлили его литературную жизнь, его репутація стояла бы немного выше репутаціи Ли или Давенанта, — это самое большее, чего онъ могъ бы ожидать. Онъ былъ бы извѣстенъ только какъ писатель, расточившій на сюжеты, бывшіе ему не по силамъ, дарованія, которыя, при надлежащемъ употребленіи, приобрѣли бы ему отличіе; котораго дикція и версификація бывали порою очень хороши; но все сочиненія котораго были испорчены ложнымъ вкусомъ и грубо-небрежными ошибками. Можетъ быть, немногіе изъ его прологовъ и эпилоговъ запомнились бы и цитировались бы иногда. Въ этихъ маленькихъ пьесахъ, онъ рапорывказалъ тѣ дарованія, которыя впоследствии сдѣлали его величайшимъ изъ новѣйшихъ сатириковъ. Но въ теченіе второй половины своей жизни онъ постепенно оставлялъ драму. Его пьесы появляются съ долгими промежутками. Онъ отказался отъ романованныхъ трагедій. Его языкъ сталъ не такъ надутъ, характеры не такъ преувеличены. Конечно онъ не создалъ ни одного правильного изображенія человѣческой природы; но пересталъ стряпать чудовищныя химеры, подобныя тѣмъ, какими изобилуютъ его прежнія произведенія. Кое-гдѣ попадаются мѣста, достойныя лучшихъ вѣковъ британскаго театра. Стиль, требуемый драмою, измѣняется съ каждой переменой характера и положенія. Писатель, могущій измѣнять свой слогъ сообразно съ этимъ, великій драматургъ. Но тотъ, кто достигъ совершенства въ одной манерѣ, будетъ только, когда эта манера кстаті, казаться великимъ драматургомъ; подобно тому, какъ стрѣлки остановившихся часовъ правильно показываютъ время одинъ разъ въ день. Иногда встрѣчается сцена торжественныхъ преній. Простой реторикъ можетъ написать ее не хуже величайшаго изъ драматурговъ. Мы признаемся, что для насъ рѣчь Семпронія въ «Катонъ» очень близко подходитъ къ тому, какой можно было ожидать отъ Шекспира. Но когда сепать распускается, и мы видимъ, что любовники и любовницы, герой, плутъ и орудіе плута, все продолжаютъ ораторствовать тѣмъ же слогомъ, то видимъ раз-

нцу между человѣкомъ, могущимъ написать пьесу, и человѣкомъ, умѣющимъ написать рѣчь. Такимъ же образомъ остроуміе, талантъ описательный и повѣствовательный можетъ на время прослыть за драматическій. Драйденъ былъ неподобнымъ діалектикомъ въ стихахъ. Онъ сознавалъ свое могущество, гордился имъ; и авторы «*Rehearsal*» справедливо обвиняли его въ злоупотребленіи этой силой. Его воины и принцессы любятъ разбирать пункты любовной казупстики, которая привела бы въ восторгъ парламентъ любви. Они часто пускаются въ еще болѣе глубокіе вопросы, разсуждаютъ о философской необходимости и началѣ зла.

Впрочемъ, бывали случаи, положительно требовавшіе именно этого таланта. Тогда Драйденъ былъ дѣйствительно на своемъ мѣстѣ. Всѣ лучшія сцены, написанныя имъ, принадлежатъ къ этому разряду. Онѣ происходятъ между мужчинами, потому что герои Драйдена, подобно многимъ другимъ джентльменамъ, никакъ не могутъ говорить разумно, находясь въ обществѣ дамъ. Всѣ подобныя сцены ведутъ къ тому, чтобы изобразить господство разсудка надъ пылкой страстью. Передъ нами два дѣйствующихъ лица; одно изъ нихъ горячій и страстный человѣкъ, другое—возвышенный, холодный и разумный. Спокойный и раціональный характеръ постепенно приобретаетъ перевѣсъ. Его запальчивый спутникъ сначала воспаляется до ярости его упреками, потомъ побѣждается его покойной ровностью; убѣждается его доводами и успокаивается его убѣжденіями. Такъ происходитъ дѣло между Гекторомъ и Троиломъ, между Антоіемъ и Вентидіемъ, и между Себастіаномъ и Дораксомъ. У самого Шекспира нѣтъ ничего равнаго этимъ сценамъ въ подобномъ же родѣ, исключая ссоры между Брутомъ и Кассіемъ, которая стоитъ всѣхъ трехъ, вмѣстѣ взятыхъ.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, Драйденъ совершенно пересталъ писать для сцены. Онъ съ самымъ блестящимъ и рѣшительнымъ успѣхомъ повелъ свое дарованіе по новому пути. Развившійся вкусъ постепенно пробуждалъ его творческія способности. Первые мѣста въ поэзіи были недоступны для него, но онъ домогался и обезпечилъ за собой самое почетное изъ числа вторыхъ. Его фантазія наполнила крылья страуса. Она помогала ему бѣгать, но не парить.

Пытаясь взлетѣть высоко, онъ становился смѣшнымъ; но оставаясь въ нижнихъ слояхъ онъ перегонялъ всѣхъ соперниковъ.

Всѣ природные и приобретенные таланты: Драйдена дѣлали его способнымъ основать хорошую критическую школу поэзіи. Дѣйствительно, своими реформами онъ далеко опередилъ свой вѣкъ. Послѣ его смерти, наша литература пошла назадъ; и необходимо было цѣлое столѣтіе, чтобы опять поставить ее на ту точку, до которой онъ довелъ ее. Здравая основательность его ума, обширная, хотя не глубокая, знанія, остроуміе, едвали уступавшее остроумію самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей Донна, серьезное, рѣшительное и властительное краснорѣчіе не могли спасти его отъ позорнаго паденія, въ качествѣ соперника Шекспира, но подняли гораздо выше Буало. Его знаніе англійскаго языка было громадно. Съ нимъ умерла тайна старинной поэтической дикціи—искусства производить сильный эффектъ обыкновенными словами. Въ слѣдующемъ столѣтіи оно потерялось окончательно, какъ потерялся готическій родъ живописи на стеклѣ, и скудно замѣнился многотрудными, мозаичными подражаніями Мазона и Грея. Съ другой стороны, Драйденъ былъ первымъ писателемъ, подъ искуснымъ руководствомъ котораго ученый словарь перешелъ въ естественные и пріятные стихи. Въ этотъ отдѣлъ, онъ имѣлъ такой же полный успѣхъ, какой имѣлъ его современникъ Гиббонсъ въ сходномъ предпріятіи, а именно—, рѣзбѣ самыхъ изысканнѣйшихъ цвѣтовъ изъ сердцевины дуба. Сами грубые и угловатые части языка дѣлались гибкими подъ его прикосновеніемъ. Версификація, его, представляя первый образецъ той чистоты и точности, которая такъ высоко цѣнилась послѣдующими поколѣніями, являетъ, въ то же время, послѣдніе примѣры благородства, свободы, разнообразія паузы и каданса. Его римо-ванные трагедіи, какъ онѣ ни были ничтожны сами по себѣ, по крайней мѣрѣ исполнили назначеніе безсмысленныхъ стиховъ, онѣ научили его разнообразію мелодій, допускаемыхъ героическими куплетами. Новые сюжеты давали мало мѣста надутости, составлявшей его преобладающій порокъ, а развившійся вкусъ мало-по-малу совсѣмъ вытѣснилъ ее.

Онъ, какъ мы уже сказали, обладалъ, въ высшей степени, способностью логическаго разсужденія стихами; и эта способность была

теперь особенно полезна для него. Его логику не вездѣ можно назвать основательной. Относительно критическихъ пунктовъ, онъ разсуждаетъ всегда остроумно, и — когда бывалъ расположенъ быть честнымъ — правильно. Но теологическіе и политическіе вопросы, обсуждаемые имъ въ стихахъ, были именно такіе, въ которыхъ онъ наименѣе смыслилъ. Поэтому, его аргументы часто не имѣютъ цѣны. Но способъ ихъ изложенія — выше всякой похвалы. Слогъ ясенъ. Предметы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ самомъ удачномъ порядкѣ. Возраженія поставлены такимъ образомъ, чтобы на нихъ сосредоточивался весь огонь отвѣтовъ. Обороты, замѣняющіе техническія фразы, вездѣ ясны, отчетливы и точны. иллюстраціи, въ одно и то же время, украшаютъ и уясняютъ мысль. Покривстыя эпиграммы Коули и простоватая болтливость комическихъ итальянскихъ поэтовъ попеременно употребляются, самымъ удачѣйшимъ образомъ, для придачія эффекта очевидному и ясности темному.

Его литературная вѣра была католическая, доходившая до вольнодумства, не отъ недостатка пропитательности, но отъ склонности легко удовлетворяться. Онъ чутко распознавалъ малѣйшую искру достоинства; онъ былъ снисходителенъ даже къ грубымъ ошибкамъ, если онѣ сопровождалась какимъ-нибудь искупающимъ талантомъ. Если онъ выражался рѣзко, то ради какой-нибудь случайной цѣли — чтобы поддержать аргументъ, или помучить противника. Никогда столь искусный критикъ не былъ менѣе разборчивъ. Онъ любилъ старинныхъ поэтовъ, особенно Шекспира. Онъ дивился остроумію, столь дико употребляемому во зло Донномъ и Коули. Среди всеобщаго безмолвія, онъ отдавалъ справедливость памяти Мильтона. Онъ восхвалялъ до небесъ ученическія строфы Аддисона. Постоянно видя только хорошую сторону предмета, онъ восхищался крайностями ради изобрѣтательности, на которую, по его мнѣнію, онѣ указывали; извинялъ аффектацію изъ-за остроумія; терпѣлъ даже посредственность ради исправности, сопровождавшей ее.

Вѣроятно, скорѣе этому складу ума, чѣмъ тѣмъ, болѣе позорнымъ, причинамъ, которыя приводилъ Джонсонъ, должны мы приписать преувеличенія, искажающія панегирики Драйдена. Надо признаться, что ни одинъ писатель не довелъ до такихъ размѣровъ лесть посвященія. Но мы подозреваемъ, что это было не рабство, изъ

корыстныхъ видовъ, а изліяніе переполненной души, — души, удивительно способной восторгаться, — души, уменьшавшей проступки, и увеличивавшей добродѣтели и одолженія. Самое подобострастное изъ его стихотвореній то, въ которомъ онъ посвящаетъ «*The State of Innocence*» Маріи Моденской. Джонсону кажется страшнымъ, чтобы кто-нибудь могъ говорить подобныя вещи, не презирая самого себя. Но онъ не замѣтилъ, что той же самой книгѣ предпослана похвала Мильтону, которая никакъ не могла быть пріятной двору Карла II. Много лѣтъ спустя, когда вигскіе принципы большею частью торжествовали, Спратъ не согласился поставить памятникъ Джону Филиппсу въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, — потому что въ эпитафій случайно упоминалось имя Мильтона. Стѣны церкви, объявилъ онъ, не должны оскверняться именемъ республиканца! Драйденъ и по принципамъ, и изъ интересовъ былъ приверженцемъ двора. Но ничто не могло сдѣлать его чувствительнымъ къ совершенству. Мы не расположены строго судить его, потому что то же самое настроеніе духа, которое подсказало ему заплатить такую великодушную дань памяти поэту, ненавидимаго его патронами, увлекало его въ нелѣпыя крайности, при описаніи принцессы, отличавшейся блестящей красотой и очаровательностью обращенія.

Это характеръ достойный любви, но не характеръ великаго человека. Гдѣ есть возвышенность характера, тамъ бываетъ и высокомеріе. Только въ романахъ и на надгробныхъ плитахъ встрѣчаемъ мы людей, снисходительныхъ къ недостаткамъ другихъ и безпощадныхъ къ своимъ собственнымъ, и Драйденъ, во всякомъ случаѣ, не принадлежалъ къ образцамъ такой добродѣтели. Его христіанская любовь простиралась въ высшей степени щедро на другихъ, но начиналась, разумѣется, съ него самого. Онъ не совѣтъ былъ лишень вкуса. Его критическія сочиненія несравненно выше всѣхъ, появлявшихся до сихъ поръ въ Англіи. Они написаны вообще скорѣе съ цѣлью оправдать его собственные поэмы, чѣмъ изложить общія правила. Поэтому онъ часто пытается обмануть читателя софизмами, которыми врядъ ли могъ самъ обмануться. Его приговоры — не приговоры судьи, а приговоры адвоката, и часто адвоката за неправо дѣло. Однако, въ самомъ актѣ ложнаго толкованія литератур-

ныхъ законовъ, онъ указываетъ, какъ хорошо понимаетъ эти законы. Но онъ постоянно дѣйствовалъ вопреки своему знанію. Его прегрѣшенія были сознательными прегрѣшеніями. Онъ уповалъ, что вседурное простится ему ради хорошаго, а это хорошее онъ не старался улучшать. Онъ не былъ, подобно большей части людей, достигнувшихъ ослѣпленія, недоволенъ даже своими лучшими произведеніями. Онъ не ставилъ недостижимаго образца совершенства, созерцаніе котораго могло бы совершенствовать и стыдить его. Его путь не сопровождался недостижимымъ миражемъ превосходства, вѣчно отступающимъ и вѣчно преслѣдуемымъ. Небрежность другихъ не возбуждала въ немъ отвращенія, и онъ распространялъ эту терпимость и на себя. Его умъ былъ неряшливъ: онъ страстно любилъ пышность, но былъ равнодушенъ къ чистотѣ. Поэтому, большая часть его сочиненій, указываютъ, неопытное великолѣпіе восточнаго богача, покрытаго вшами и брилліантами, грязнымъ бѣльемъ и безцѣпными соборами. Время и мысль значительно упычгожилъ въ его поэмахъ этотъ недостатокъ, происходящій отъ аффектаціи. Но, безпечность свою онъ сохранилъ до конца. Если въ старости онъ, не такъ часто ошибался отъ небрежности, то только потому, что вслѣдствіе долгой привычки писать ему легче было идти по истинному пути. Въ его лучшихъ пьесахъ мы находимъ, фальшивыя рѣмы, тріолеты, въ которыхъ третья строка кажется, просто лишней, и, упычжая мелодію, ничего не прибавляетъ къ смыслу, — исполнскіе александрийскіе стихи въ четырнадцать и шестнадцать слоговъ, и обрѣзанные стихи, приписывать товарища или окончаніе для которыхъ онъ никогда не заботился.

Таковы красоты и недостатки, въ изобиліи попадающіеся въ послѣднихъ сочиненіяхъ Драйдена. Болѣе вѣрную и полную оцѣнку его природныхъ и приобретенныхъ способностей, достоинствъ и погрѣшностей его стили можно составить изъ «*Hind and Panther*», скорѣе, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ сочиненій. Какъ дидактическая поэма, она гораздо выше «*Religio Laici*». Сатирическія части, особенно характеръ Борнета, врядъ ли уступаютъ лучшимъ страницамъ въ «*Absalom and Achitophel*». Сверхъ того, въ ней попадаются черты нѣжности, тѣмъ болѣе трогательной, что она скромна, основа-

тельна; мужественна, и напоминаетъ намъ лучшія сцены его трагедій. Версификація понижается и повышается въ удачный унисонъ съ сюжетомъ; а богатство языка кажется безграницнымъ. Однако, безпечность, замѣтная въ постройкѣ завязки, и безчисленные несообразности, въ которыя онъ впадаетъ ежеминутно, значительно уменьшаютъ удовольствіе, доставляемое такимъ разнообразіемъ превосходныхъ мѣстъ.

Въ «*Absalom and Achitophel*» онъ попалъ на новую и богатую жилу, которую разработывалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Старинные сатирики — были подданными деспотическаго правительства. Они принуждены были удерживаться отъ политическихъ темъ и сосредоточить свое вниманіе на слабостяхъ частной жизни. Правда, иногда имъ позволялось затрогивать общественныхъ дѣятелей;

«*Quorum Flaminia tegitur cinis atque Latina*».

Такъ обезсмертилъ Ювеналъ тѣхъ подобострастныхъ сенаторовъ, которые собрались рѣшать судьбу достопамятнаго палтуса. Его четвертая сатира часто напоминаетъ намъ о великой политической поэмѣ Драйдена; но сатира Ювенала написана только послѣ паденія Доміціана, и въ ней недостаетъ того особеннаго букета, который принадлежитъ только современности. Гнѣвъ простоялъ такъ долго, что хотя сущность его не перемѣнилась; но броженіе, первая пѣна утратились. Буало подвергался такого же рода стѣсненіямъ, и еслибы былъ свободенъ отъ всякой узды, то былъ бы не чета нашему соотечественнику.

Выгодою, которую Драйденъ извлекалъ изъ сути своего предмета, онъ пользовался, насколько это было возможно. Его манера доведена почти до совершенства. Стиль Горація и Буало годенъ только для легкихъ сюжетовъ. Французъ пытался; правда, обратить въ стихи теологическія разсужденія «*Провинціальныхъ Писемъ*», но очень неуспѣшно. Блескъ Попа холоденъ. Пылкость Персія не имѣетъ блеска. Великолѣпная версификація и остроумныя комбинаціи рѣдко гармонируютъ съ выраженіями глубокаго чувства. Только въ Драйденѣ и Ювеналѣ мы находимъ жаръ и блескъ вмѣстѣ. Этими великими сатириками удалось сообщить горячность своихъ чувствъ самымъ негорючимъ матеріаламъ и озарить всю массу ослѣпительнымъ и истребительнымъ пламенемъ. Конечно, мы не можемъ безъ сожа-

лѣпія вспомнить роли, принятой Драйденомъ въ спорахъ этого періода. Безъ сомнѣнія, безуміе и злоба свирѣпствовали съ обѣихъ сторонъ. Но на одной сторонѣ стояла свобода, а на другой деспотизмъ. Впрочемъ, на этомъ пунктѣ мы не будемъ долго останавливаться. Въ сраженіи при Талаверѣ, французскія и англійскія войска приостановили на мигу бои, чтобы напиться изъ протекавшей между ними рѣки. Черпаки переходили отъ непріятеля къ непріятелю безъ всякихъ опасеній и оскорбленій съ той или другой стороны. Такъ и мы желали бы лучше помочь нашимъ политическимъ противникамъ, напиться вмѣстѣ съ нами изъ источника этого, умственного удовольствія, долженствующаго быть общимъ для всѣхъ, чѣмъ мутить и осквернять его, взрывами несвоевременной вражды.

«*Macflesное*» илиже «*Absalom and Achitophel*» только по сюжету. По исполненію, первое произведеніе даже выше. По величайшимъ твореніемъ Драйдена было послѣднее — ода на день Св. Цециліи. Это — образцовое произведеніе второклассной поэзии, и занимаетъ какъ-разъ мѣсто подъ великими образцами перваго класса.

Сравнивая ее съ немощными неистовствами героическихъ трагедій, мы можемъ, измѣрять, успѣхъ, сдѣланный Драйденомъ. Онъ научился избѣгать слишкомъ дерзновеннаго соперничанія съ высшими умами, держаться въ отдаленіи отъ надутости и чуждости, не рѣшаться на выраженія, которыя не представляютъ отчетливой идеи для его собственнаго ума. Тутъ нѣтъ, той «ясной темноты» слога, въ которую онъ прежде облачалъ свои сочиненія и которая можетъ удался только великимъ поэтамъ. Все опредѣлено, полно значенія и живописно. Первые его сочиненія можно сравнить съ исполненіями работами тѣхъ китайскихъ садовниковъ, которые пытались соперничать съ природой, образовывать водопады страшной высоты и съ оглушительнымъ шумомъ, поднимать обрывистые хребты горъ и подражать, въ искусственныхъ плантаціяхъ, обширности и мраку первобытныхъ лѣсовъ. Онъ покинулъ эту манеру, но не усвоивалъ и голландскаго вкуса, которымъ щеголялъ Попъ и который заключался въ правильныхъ клумбахъ и прямоугольных дорожкахъ. Онъ скорѣе походилъ на нашихъ Кентовъ и Броуновъ, которые, подражая великимъ очертаніямъ пейзажа и далекіе отъ соперничества съ нимъ, совѣщаясь съ геніемъ мѣстно-

сти, помогая природѣ и тщательно скрывая свое искусство, произвѣдши, не Шамуни и Ниагару, но Стоу или Галли ⁽¹³⁾.

Вообще же, мы сожалѣемъ, что Драйденъ не исполнилъ своего намѣренія написать эпическую поэму. Конечно, она не была бы первокласснымъ произведеніемъ. Она не могла бы соперничать съ «Илиадою», «Одиссеей» и «Потерянными Раемъ», но стала бы выше произведеній Апполонія, Лукана или Стація и не ниже «Освобожденнаго Иерусалима». Но всей вѣроятности, это было бы сильное повѣствованіе, оживленное частицей духа старинныхъ балладъ, богатое блестящими описаніями и перевитое прекрасной декламацией и псалмодіями. Для Драйдена опасность могла бы заключаться въ томъ, что онъ сталъ бы мѣтить слишкомъ высоко, останавливаясь, напримѣръ, чрезчуръ долго на своихъ ангелахъ царства и пускаясь въ соперничество съ тѣмъ великимъ писателемъ, которому такъ неподобно удалось передать намъ виды и звуки иного міра. Мильтону — и одному только Мильтону — извѣстна была тайна громаднхъ пропастей, сѣрнаго потока, огненного океана, дворцовъ падшихъ влаетителей, дворцовъ, блиставшихъ сквозь вѣчную тѣнь, тихой пустыни зелени и благовонія, въ которой вооруженные ангелы охраняли сонъ первыхъ любящихъ; ему одному была извѣстна тайна адамантоваго портка, яшмового моря, сафирового пути, разукрашеннаго розами небесными, и безконечныхъ рядовъ херувимовъ, блиставшихъ алмазами и золотомъ. Совѣтъ, турниръ, процессія, соборъ, наполненный людьми, лагерь, гауптвахта — вотъ предметы для Драйдена.

Но намъ нѣтъ возможности обозрѣть всѣ произведенія, написанныя Драйденомъ. Тѣмъ менѣе станемъ мы долге размышлять о такихъ, которыя онъ могъ бы написать. Вообще, о немъ должно сказать, что онъ былъ человекъ съ обширнымъ талантомъ, которымъ онъ часто злоупотреблялъ, и со здравымъ сужденіемъ, указаніями котораго онъ часто пренебрегалъ; человекъ, который отличался только въ одной изъ низшихъ областей своего искусства, но отличался

(13) Именья Боккингама и Литльтона.

въ пей необыкновенно, и который — при большей независимости ума, большемъ стремленіи къ совершенствованію и большемъ самоуваженіи — достигъ бы въ своемъ дѣлѣ положительнаго превосходства.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ:

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
17	1	были-бы	были
33	17	Понтійскихъ	Понтийскихъ
49	16	поддаются	не поддаются
59	17	можемъ	можетъ
64	18	привильными	правильными
73	16	отыскивалъ	отыскивала
86	31	поможность	возможность
92	5	ужаснымъ	угрюмымъ
94	29	которой	о которой
108	14	испугала	испугалъ
136	4	разсужалъ	разсуждалъ
162	4	Бердфорда	Бедфорда
179	25	отстрочить	отсрочить
182	36	ся	Вся
184	20	полатнымъ	палатнымъ
192	3	частнымъ	частымъ
215	2	лорда	графа
231	5	предѣла	придѣла
254	8	несхожія	несхожихъ
268	28	усвоиться	освоиться
277	22	которыми	которымъ
282	28	оно	онъ
286	33	тому	той

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

5-го Т О М А.

А.

Агуджари, пѣвица, 7.

Аддисонъ, Джозефъ: обзоръ его жизни, соч. м-сь Эйкинъ, 58—140; характеръ, 60; краткое описаніе жизни отца, 61; рожденіе и дѣтство, 62; становится стипендіатомъ Магдалнинской коллегіи въ Оксфордѣ, 63; классическія познанія, 63; «*Essay on the Evidences of Christianity*», 65, 134; предисловіе къ Драйденовымъ «*Георгикамъ*», 70; намѣреніе поступить въ духовное званіе, 70; правительство посылаетъ его на материкъ, 72; знакомство съ Буало, 74; оставляетъ Парижъ и отправляется въ Венецію, 77; пребываніе въ Италіи, 78—82; посланіе къ лорду Галифаксу, 82; смерть Вильгельма III, 82; получаетъ мѣсто наставника одного молодого англійскаго путешественника, 83; «*Трактатъ о медаляхъ*», 83; поѣздка въ Голландію, 83; возвращеніе въ Англію, 83; дружескій пріемъ и представленіе въ Кинъ-Катъ, 83; стѣсненія денежныя обстоятельства, 83; поэма въ честь подвиговъ Марльборо, 86; мѣсто комиссара, 86; достоинства его «*Похода*», 86; критика «*Путешествій Маколей, т. V*

стѣй въ Италіи», 64, 89; опера «*Розамунда*», 91; получаетъ мѣсто товарища статсъ-секретаря, и сопровождаетъ Галифакса въ Ганноверъ, 91; избраніе въ палату общинъ, 92; неуспѣхъ какъ оратора, 92; популярность и разговорные таланты, 94, 95; робость въ незнакомомъ обществѣ, 95; любимые собесѣдники, 97—99; получаетъ мѣсто главнаго секретаря въ Ирландіи при Вартонѣ, 99; начало «*Болтуна*», 102; отличительныя черты, какъ писателя, 103—106; сравненіе юмора Аддисона, Свифта и Вольтера, 103; денежные потери, 108; потеря мѣста секретаря, 108; отказъ отъ мѣста общинника Магдалнинской коллегіи, 108; ухаживанье за знатной дамой, 109; принятіе въ палату общинъ, 109; «*Whig Examiner*», 109; ходатайство у торіевъ за Амброза Филлипса и Стиля, 110; прекращеніе «*Болтуна*» и начало «*Зрителя*», 110; участіе въ «*Зрителѣ*», 112; начало и конецъ «*Онегуна*», 114; «*Катонъ*», 78 и 114; сношенія съ Попомъ, 117; безпокойство о Стилѣ, 119; продолженіе «*Зрителя*», 120; сношенія со Свифтомъ и Тиккеллемъ, 123; переходъ въ торговый департаментъ, 123; комедія «*Барабанщикъ*», 123; «*Фри-*
19 1/2

гольдерзъ, 124; отчужденіе отъ Попа, 124; долгое ухаживанье за вдовствующей графиней Воррикъ и бракъ съ нею, 132; жизнь въ Голландъ-Гаусъ, 133; получаетъ мѣсто статсъ-секретаря при Сондерландѣ, 133; разслабленіе здоровья и отказъ отъ должности, 133; пенсія, 133; разрывъ со Стилемъ и другими друзьями, 134; билль ограниченія числа пировъ, 135; опроверженіе взведенной на него клеветы, 136; передача сочиненій Тиккелю и посвященіе ихъ Краггау, 137; смерть и похороны, 139; элегія Тиккелю, 139; великолѣпное изданіе сочиненій, 139; памятникъ въ «Углу поэтовъ», въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, 140.

Аддисонъ, д-ръ Ланселотъ, 61.

Американскія колоніи Англіи: актъ о штемпельныхъ пошлинахъ, 192; непріязнь, возбужденная этой мѣрой, 202; споры съ колоніями возобновляются, 223; борьба усиливается, 226.

Анна, королева: положеніе партій при ея востшествіи на престолъ, 82; отставки выговъ, 107; перемѣна въ управленіи по смерти ея, 120.

Арботнотъ: сатирическія сочиненія, 104; дружба съ Аттербѣри, 242; не вѣрять въ виновность Аттербѣри, 245.

Ариъ, д-ръ, сочинилъ музыку для оперы Аддисона, «*Розамунда*», 91.

Аттербѣри, Франсисъ, 232—248: рожденіе, воспитаніе, 232; переводъ въ латинскихъ стихахъ поэмы «*Авессаломъ и Ахитофель*», 232; защита Англиканской церкви и Мартина Лютера противъ Воке-ра, 232, 233; послѣ Революціи сдѣланъ священникомъ, 233; необыкновенное краснорѣчіе, 233; мѣсто королевскаго капелана, 233; пребываніе въ Оксфордѣ, 233; изданіе «*Писемъ Фалариса*» съ Бойлемъ, 235; отвѣтъ Бентли, подписанный Бойлемъ, 236; участіе въ борьбѣ высо-

коцерковниковъ и низкоцерковниковъ, 238; характеръ дѣятельности, 238; назначается карляйльскимъ деканомъ при Аннѣ, 239; защита Сачверелля, 239; предсѣдательство въ нижней палатѣ конвокаціи, по отставкѣ вигскаго министерства, 239; деканство коллегіи Христовой церкви, 239; рочестерскій епископъ, 240; актъ о престолонаслѣдіи, 240; по смерти Анны предлагаетъ провозгласить королемъ Іакова III, 240; присяга Ганноверскому дому, желаніе списать его благосклонность, 240; дѣлается врагомъ правительства, 241; памолеты и рѣчи, 241; отказывается подписать актъ о преданности протестантской династіи, въ 1715 г., 241; участіе въ выборахъ, 241; переписка съ претендентомъ съ 1717 г., 241; характеръ частной жизни, 241; знаніе англійской литературы, 242; дружба со Свистомъ, Арботнотомъ. Гейемъ, Прайоромъ, 242; отношенія къ Попу, 242; участіе въ заговорѣ и заключеніе въ тюрьму, демонстраціи, 243; продолженіе переписки съ претендентомъ, 243; защита въ палатѣ лордовъ, 244; обвиненіе обѣими палатами, 244; прощанье и ссылка, 245; пребываніе въ Парижѣ, 245; отношенія къ претенденту, 245; разрывъ и удаленіе въ Монпелье, 246; болѣзнь, 246; свиданіе съ дочерью и смерть ея, 246; возвращается въ Парижъ, 247; оправданіе отъ нападокъ Ольдмиксона, 247; письмо къ претенденту, сравненіе съ Кларендономъ, 247; смерть, 247; похороны въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, 247.

и.

Баретти, поклонникъ м-съ Борни, 20.

Баррингтонъ, лордъ, 151.

- Баторствъ, лордъ, приверженецъ Аттербѳри, 244.
- Бедфордъ, герцогъ, 149; мнѣніе о политикѣ Чатама, 161; представленіе Георгу III, 198.
- Бедфорды, 149; оппозиція министерству Роккингама по поводу штемпельнаго акта, 204; оставляютъ Гренвилля и допускаются къ должностямъ, 222; параллель между ними и Роккингами, 200.
- Бедфордъ-Гаусъ атакованъ толпою черни, 197.
- Безпорядки публичныя, во время министерства Гренвилля, 196.
- Бекфордъ, ольдерменъ, 219.
- Беллинггамъ: недоброжелательство къ людямъ, 50.
- Бентли, Ричардъ, доказываетъ подложность «*Писемъ Фалариса*», 235, 238.
- Берберія, ея политика и религія, соч. д-ра Аддисона, 61.
- Биккерстафъ, Исаакъ, 102.
- Билль о наказаніяхъ и штрафахъ, 243.
- «Битва книгъ», Свифта, 237.
- Блакморъ, знатокъ древнихъ языковъ, 66.
- Бленгеймъ, сраженіе, 84; Аддисонъ пишетъ поэму въ честь этого сраженія, 86.
- Блуа, пребываніе тамъ Аддисона, 73.
- Блумсвѳрійская шайка, прозваніе Бедфордовъ, 149.
- Боджелль, Юстесъ, одинъ изъ друзей Аддисона, 97, 99.
- «Бой журавлей съ пигмеями», Аддисона, 66, 67.
- Бойль, Генри, достопочтенный, 86.
- Бойль, Чарльзъ: книга о греческой исторіи и филологіи, 66; «*Письма Фалариса*», 235.
- Болингброкъ, лордъ: шутка по поводу перваго представленія «*Катона*», 116; реформы, 157.
- «Болтунъ»: начало изданія, 102; популярность, 107; перемѣна характера, 110; конецъ, 110.
- Бонапартъ, 87.
- Боркъ, Эдмондъ: доброта къ м-съ Борни, 33; ея отношенія къ Борку по поводу Гастингса, 33; ранняя политическая карьера Борка, 201—204; первая рѣчь въ палатѣ депутатовъ, 207; оппозиція мѣрамъ Чатама касательно Индіи, 219; защита своей партіи противъ нападеній Гренвилля, 224; отношенія къ Чатаму, 225.
- Борни, д-ръ: социальное положеніе, 4—9; поведение при извѣстии о первомъ сочиненіи дочери, 18; приглашеніе дочери ко двору, 25.
- Борни, Франсизъ, см. m-me d'Арвлѳ.
- Борнъ, Винсентъ, 75; латинскіе стихи по поводу выздоровленія Аддисона, 133.
- Ботлеръ, 103 и 273.
- Брауншвейгскій домъ, 152.
- Бриджесъ, сэръ Иджертонъ, 49.
- Брюсъ, лордъ, 7.
- Буало: знакомство съ Аддисономъ, 74; мнѣніе о новѣйшей латыни, 75, 76; литературный талантъ, 76 и 292.
- Бутъ, при первомъ представленіи «*Катона*», 115.
- Бьютъ, графъ: характеръ и воспитаніе, 156; назначается статсъ-секретаремъ, 160; противится объявленію Испаніи войны при извѣстии о Фамильномъ трактатѣ, 164; непопулярность послѣ отставки Чатама, 166; дѣлается первымъ министромъ, 166; первая рѣчь въ палатѣ лордовъ, 166; заставляетъ герцога Ньюкастля выйти въ отставку, 168; дѣлается первымъ лордомъ казначейства, 168; внѣшняя и внутренняя политика, 170—181; отставка, 182; продолжаетъ быть тайнымъ совѣтникомъ короля, 186, 196, 204.

В.

- Валлійская вдовствующая принцесса, мать Георга III-го, 155; нападки на нее, 174.
- Валлійскій принцъ, Фридрихъ:

- предводительствует оппозиціей. 145, 146; насмѣшка надъ графомъ Бьютомъ, 156.
- Вальполь, 243, 244.
- Вартонъ, герцогъ, защищаетъ Аттербернъ, 244.
- Вартонъ, графъ, лордъ-наместникъ Ирландіи, 99; назначеніе Аддисона главнымъ секретаремъ, 99.
- «Великій коммюнеръ», 148.
- Виги: приверженность къ нимъ литераторовъ послѣ Революціи, 71; паденіе при восшествіи на престолъ королевы Анны 82, 107; возвышеніе ихъ въ 1705 году, 91; нелюбовь къ нимъ королевы Анны, 107; отставка. 108; заслуги, 108; перемѣна въ вискомъ правительствѣ въ 1717 году, 133; популярность въ царствованіе Георга I-го, 144; герцогъ Ньюкастль предводитель партіи, 146; могущество и вліяніе въ концѣ царствованія Георга II-го, 149; поддержка Брауншвейгской династіи, 152; раздѣленіе на двѣ партіи, молодыхъ и старыхъ, 198, 199; достойный характеръ молодой школы виговъ, 199; сравненіе съ торями, 142.
- Вильгельмъ III, 67 и 194.
- Вильксъ, Джонъ: сравненіе матери Георга III-го съ матерью Эдуарда III-го, 174; характеръ, 185; «*North-Briton*», 185; преслѣдованіе министерствомъ Гренвилля, 185; заключеніе въ Тоуэръ, 185; освобожденіе, 185; «*Опытъ о женщинѣ*» представленъ палатѣ лордовъ, 188; дуэль съ однимъ изъ приближенныхъ Бьюта, 188; бѣгство во Францію, 188; сочиненіе сжигается рукою палача, самъ онъ изгнанъ изъ палаты общинъ и объявленъ вѣнъ законовъ, 188; получаетъ вознагражденіе за конфискацію, 189; возвращеніе изъ изгнанія и выборъ представителемъ за Миддлсексъ, 22.
- Вильки, Давидъ, 55.
- Виргилій, подражаніе ему Аддисона, 66.
- Война противъ Испаніи, предложенная Питтомъ и отвергнутая Бьютомъ, 164; признается неизбежною Бьютомъ, 166; окончаніе ея, 170; споры о мирѣ, 179, 180.
- Волькотъ, 18.
- Вольтеръ, сравненіе съ Аддисономъ, 103.
- Воррикъ, вдовствующая графиня, 131; бракъ съ Аддисономъ, 132.
- Воррикъ, графъ, 130 — 132.
- Г.
- Гавриелли, пѣвица, 7.
- Гаванна, взятіе, 166.
- Галлифаксъ, лордъ, членъ тайнаго совѣта королевы Анны, 91; рекомендація Годольфину Аддисона, 85.
- Гамильтонъ, Джерардъ, рѣчи въ ирландскомъ парламентѣ, 100.
- Гардвикъ, графъ, 151; мнѣніе о политикѣ Чатама, 161, 162; оберъ-сенешаль кембриджскаго университета, 170.
- Гаррикъ: способность забавлять дѣтей, 6; дружба съ Криспомъ, 12; замѣчанія на трагедію Криспа «*Виринія*», 12; способности подражать, 47.
- Гартъ: эпилогъ къ «*Катону*», 116; порицаніе Бенгли и похвала Бойлю, 237.
- Геджисъ, сэръ Чарльзъ, статсъ-секретарь, 91.
- Гей, 137.
- Генуя, восхищеніе ею Аддисономъ, 78.
- «Геогики», переводъ части ихъ Аддисономъ, 67.
- Георгъ II: примиряется съ вліяніемъ Чатама, 151; смерть, 152; характеръ, 153.
- Георгъ III: возшествіе на престолъ—начало новой исторической эры, 141 — 152; блестящія ожиданія при возшествіи на престолъ, 141; свиданіе съ м-сь Борни, 24; мнѣнія о Вольтерѣ, Руссо и Шекспирѣ, 24; привер-

женность къ Гастингсу, 35; болѣзнь и мнѣніи о ней во дворцѣ, 35; исторія первыхъ десяти лѣтъ его царствованія не вполне извѣстна, 141; благосклонность къ лорду Бьюту, 155; высокомеріе Чатама на обѣдѣ лорда-мера, 166; отставка Бьюта и назначеніе Джорджа Гренвилля его преемникомъ, 183; обхожденіе Гренвилля, 187; отвращеніе къ министрамъ усиливается, 190; болѣзнь, 193; споры съ министрами о регентствѣ, 193; желаніе подкрѣпить оружіемъ американскій штемпельный актъ, 202; факція друзей короля, 204; невольное согласіе на отмѣну штемпельнаго акта, 206; увольненіе Роккингама и назначеніе Чатама его преемникомъ, 212, 213.

Германія: литература ея была мало извѣстна въ Англіи, назадъ тому 60 или 70 лѣтъ, 74; путешествіе Аддисона, 83.

Героическія строфы: искусство составленія ихъ, 68; отрывки изъ Бена Джонсона, 68; изъ Гуля, 69; ихъ рѣдкость до времени Попа, 69.

Гиввонъ, 54.

Гивсонъ, епископъ, 213.

Годольфинъ и Марльборо: ихъ полтика по вступленіи на престолъ королевы Анны, 83.

Годольфинъ, лордъ: предложеніе Аддисону написать поэмую въ честь сраженія при Бленгеймѣ, 86.

Голландъ-Галсъ, пребываніе и смерть тамъ Аддисона, 133, 139.

Гольдернессъ, графъ: отказъ отъ должности, 160.

Гомеръ, 86, 87, 261 и 276.

Гомъ, Джонъ, 173.

«Городская молва», Стила, 124.

Графтонъ, герцогъ: статсъ-секретарь при лордѣ Роккингамѣ, 200; первый лордъ казначейства при Чатамѣ, 214; соединеніе его съ Бедефордами, 222.

Грей: неумѣнье оцѣнить Джонсона, 11; латинскіе стихи, 75; от-

казъ отъ профессорской каведры, 173.

Гренвилли, 149.

Гренвилль, Джорджъ: характеръ, 162—163; вождь палаты общины, 167; податъ съ сидра, 180; прозваніе «*милый пастушокъ*», 181; назначеніе первымъ министромъ, 183; убѣжденія его, 184; характеръ общественной дѣятельности, 185; обхожденіе съ королемъ, 187; отнятіе полка у Генри Конвея, 189—190; предложеніе штемпельныхъ пошлинъ на сѣверо-американскія колоніи, 192; затрудненія при вопросѣ о регентствѣ, 193; торжество надъ королемъ, 197; торжество партіи Роккингама, 200; народныя демонстраціи противъ него по отмѣнѣ штемпельнаго акта, 208; памфлетъ противъ Роккингама, 224; примиреніе съ Чатамомъ, 224; смерть, 226.

Гренвилль, Фулькъ, патронъ д-ра Борни, его характеръ, 4.

Гуль, 69.

Д.

Данте, 142 и 256.

Д'Арвлэ, m-me: обзоръ ея дневника и писемъ, 1—57; обширная извѣстность ея имени, 1; ея семья, рожденіе и воспитаніе, 4—15; социальное положеніе отца, 7; первые литературные труды, 9; дружба съ м-ромъ Криспомъ, 9, 14; изданіе «*Деллинъ*», 16; комедія «*The Willings*», 21; вторая повѣсть, «*Цецилія*», 22; смерть Криспа и Джонсона, 23; отношенія къ м-зѣ Делани, 23; свиданіе съ королемъ и королевой, 24; принятіе званія смотрительницы гардероба, 29; описаніе ея жизни въ этой должности, 29—33; присутствіе на судѣ Воррена Гастингса, 33; пристрастіе къ Гастингсу, 33; целюбезность къ Виндгаму и Борку, 33; страданія въ должности смотрительницы гардероба, 29, 38—42; вступленіе въ бракъ и конецъ дневника, 44; изданіе «*Камиллы*», 44; послѣдующая

жизнь, 44—45; смерть, 45; характеръ сочиненій, 45—54; перемена въ слога, 54; неудача послѣднихъ твореній, 55; услуги, оказанныя ею англійской литературѣ, 56.

Дасье, m-me, 73.

Дашвудъ, сэръ Франсизъ, канцлеръ казначейства при Бьютѣ, 169; его неспособность, 181.

Девонширъ, герцогъ, лордъ-камергеръ при Бьютѣ, 171; см. также 178 и 197.

Де-Гинъ, 7.

Делани, д-ръ: знакомство со Свифтомъ, 24; благосклонность королевской семьи, 24.

Деннисъ, Джонъ: нападки на Аддисона *«Катона»*, 117; рассказъ Попа о бѣшенствѣ Денниса, 118.

Дефо, 257.

Джемми Твичеръ, прозваніе графа Сандвича, 188.

Джонсонъ, Самюэль: дружба съ д-ромъ Борни, 6; пониманіе музыки, 6; неумѣнье оцѣнить Грея, 11; дружба съ Тралямп, 19; расположение къ м-съ Борни и похвала ея книгѣ, 19; раздражительность, 19; добродушіе, 19; смерть, 23.

Джонсъ, Иниго, 55.

«Дневникъ и письма m-me д'Арвлэ», обзоръ, 1 — 57.

Доддингтонъ, Боббъ, 151.

Доддзвелль, канцлеръ казначейства при Роккингамѣ, 200.

Драйденъ: похвальный строфуему Аддисона, 67; полученіе отъ Аддисона критическаго предисловія къ *«Георгикамъ»*, 70; разборъ его литературной дѣятельности, 249—295; два періода ея, 274; *«Annus mirabilis»*, 274, 275; *«All for love»*, *«The Spanish Friar»* и *«Don Sebastian»*, 274; трагедіи и комедіи, 276—280; слога, 281—286; характеръ втораго періода дѣятельности, 287; критическій талантъ и логика, 289; личный характеръ, 290; *«State of Innocence»*, 290; *«Hind and Panther»*, *«Religio Laici»*, 291; *«Absalom and Achitophel»*, 292; *«Mac Flecknoe»*, *«Ода на день св. Цециліи»*, 293.

Друзья короля, факція, 204—209, 214.

Друммондъ, м-ръ, 172.

III.

Женева, поездка Аддисона, 82

В.

«Зритель», замѣтки объ немъ, 110—114, 120.

II.

«Илиада», переводъ Попа и Тиккелля, 126.

I.

Іаковъ III: намѣреніе провозгласить его королемъ, 240, 242; сношенія съ Аттербѣри, 245, 246, 247.

IV.

Кавалеры — потомки ихъ становятся демагогами, 144.

Кавендишъ, лордъ, заслуги, 199.

Кадоганъ, 244.

«Камилла», сочиненіе m-me д'Арвлэ, 51.

Каннингъ, 46.

Карлъ II, вліяніе на литературу, 271.

«Катонъ», пьеса Аддисона, 114, 115.

Катуллъ, 265.

Квинсъ, Питеръ, 127.

Кембриджскій университетъ при Георгѣ I и Георгѣ II, 170.

Кенрикъ, 18.

Китъ-Катъ, клубъ: Аддисонъ дѣлается членомъ, 83.

Кларксонъ, Томасъ, 50.

Койе, аббатъ, подражаніе Вольтеру, 101.

Коллинъ, 194.

Коллеги: Магдалининская, дѣйствія противъ нея Іакова II, 62; Аддисонъ дѣлается ея чле-

номъ, 63; Христовой церкви, 235 и 240.

Колонн, права парламента облагать ихъ пошлиной, 203.

Колумбъ, 251.

Конвей, Генри, 189, 190; статсъ-секретарь при Роккингамъ, 200; положение при Чатамъ, 214; падение, 222.

Конституція английская, 135.

Коули, 103.

Коуперъ, графъ, хранитель большой печати, 91.

«Кризисъ», соч. Стиля, 124.

Криспъ, Самюэль: вступленіе въ свѣтъ, 9—10; трагедія на смерть Виргиніи, 12; удаленіе изъ Лондона, 13, 14; дружба съ семействомъ Борни, 14; совѣты м-съ Борни, 21.

Критика, литературная, 252 и слѣд.

Кромвель, Ричардъ, 152.

Круглоголовые, потомки ихъ въ царствованіе Георга I, 144.

Кумберландъ, герцогъ: дружба съ Генри Фоксомъ, 175; довѣренность Георга III, 194; характеръ, 194; посредничество между королемъ и вигами, 196.

Л.

Лангтонъ, поклонникъ м-съ Борни, 20.

Ланкастеръ, д-ръ, покровитель Аддисона, 62.

Латинскія поэмы, 76.

Леггъ, 151 и 163.

Лейбницъ, открытіе дифференціального исчисленія, 251.

Литераторы: ободрены Революціей, 71; значеніе ихъ въ борьбѣ партій въ царствованіе королевы Анны, 93.

Литература, нѣмецкая, была мало известна въ Англіи въ началѣ столѣтія, 74; английская въ царствованіе Елисаветы и Іакова I, 266.

Локкъ, 251.

Лондонъ, волненія по поводу подати съ сидра, предложенной министровъ Бьюта, 180 — 181.

Лоренсъ, сэръ Томасъ, 46.

Лукрецій, 265.

Людовикъ XIV, 73.

Лютеръ, 250.

М.

Макборни, 3.

Маккензи, оставленъ Гренвиллемъ, 197.

Маленькій Дикки, прозваніе актера Норриса, 136.

Маллетъ, Давидъ, покровительство Бьюта, 173.

Манилья, ея кашитуляція, 166.

Мансфильдъ, лордъ, 169; характеръ рѣчей, 226.

Манчестеръ, графъ и графиня, 73 и 82.

Марвель, 68.

Марльборо, 84 и 88.

Мартинига, ея взятіе, 166.

Марчъ, лордъ, 188.

Медали, трактатъ объ нихъ Аддисона, 65, 83.

Миддлсекскіе выборы, конституціонный вопросъ по отношенію къ нимъ, 223, 226.

Миланъ, посѣщеніе его Аддисономъ, 78.

Милларъ, леди, 20.

Миньтонъ, 242, 273 и 294.

«Минутный выстрѣлъ», 167.

Монтегью, 72 и 82. См. также Галифаксъ.

Монъ-Сенисъ, 81.

Мурадъ-Бей, удивленіе при видѣ маленькой фигуры Бонапарта, 87.

Н.

Наполеонъ, любовь къ нему народа, 152.

Неаполь, 79.

Неллеръ, Годфри, 103.

Норрисъ, Генри, 136.

Нортъ, лордъ: значеніе въ министерствѣ, 151; канцлеръ казначейства, 222.

Ньюкастль, герцогъ: его значеніе, 147; непопулярность послѣ отставки Чатама, 168.

Ньютонъ, Исаакъ, 4, 74 и 251.

О.

- Овидій, 54; примѣчанія>Addисона ко 2-ой и 3-ей книгамъ «*Метаморфозъ*», 64.
Оксфордскій университетъ: нерасположеніе къ нему Ганноверскаго дома, 124, 169; милости правительства при Бьютѣ, 170.
Ольдмиксонъ, нападки на Аттербѣри, 247.
Ольдричъ, деканъ въ Оксфордѣ, 233; заставляеть Бойля издать «*Письма Фалариса*», 235; смерть, 239.
Оман, 8.
«Опекунъ»: начало, 114; конецъ, 119;
Орлеанскій, герцогъ, отношенія къ Ганноверскому дому, 243.
Освальдъ, Джемсъ, 151.
Остенъ, Дженъ, 48.
Отвей, 282.

П.

- Памфлеты на дворъ Георга III при Бьютѣ, 174.
Паоли, поклонникъ м-съ Борни, 20.
Парламентъ, подкупы и реформы, 158.
Партія: сходство состоянія ихъ въ 1704 и 1826 годахъ, 84; сближеніе ихъ при Георгѣ II, 144, 145.
Партриджъ, ссора со Свифтомъ, 102.
Паскаль, 251.
Перы, вредъ ограниченія ихъ числа, 135.
Пинсентъ, Вилліамъ, завѣщаніе Питту, 190, 191.
«Письма Фалариса», 234.
«Плѣбей», Стиля, 135.
Повѣсти. популярныя, ихъ характеръ до появленія «*Эвелины*» м-съ Борни, 56.
Польтни, Вилліамъ, сравненіе съ Чатамомъ, 216.
Попъ: первый ввелъ героическія строфы, 68; свидѣтельство о разговорной способности>Addисона

на, 95; «*Похищеніе Локона*», 117; прологъ къ «*Катону*», 115; «*Опытъ о критикѣ*», 118; сношенія съ>Addисономъ, 117; ненависть къ Деннису, 118; расходится съ>Addисономъ, 119; подозрительный характеръ, 125 — 127; сатира на>Addисона, 130; сношенія съ Аттербѣри, 242; призванъ свидѣтелемъ за Аттербѣри, 244; прощанье съ Аттербѣри, 245; эпиграфъ Аттербѣри, 247.

«Похищеніе локона», поэма Попа, 117 и 125.
«Походъ», поэма>Addисона, 86.
Поэзія, 91 и 264.
Прайоръ, дружба и разрывъ съ Аттербѣри, 242.
Праттъ, Чарльзъ, 151; главный судья, 210; см. также Камденъ.
Пресса, ея вліяніе послѣ Революціи, 71.

Р.

Расинъ, 73.
Ралфъ, 260.
Ригби, 150.
Ричардсонъ, 11.
Ричмондъ, герцогъ, 228.
Робертсонъ, 75.
«Розамунда», опера>Addисона, 91.
Роккингамъ, маркизъ: характеристика, 199; параллель между его партіей и партіей Бедфордъ, 200; сдѣланъ лордомъ казначейства, 200; покровительство Борку, 201; отношенія къ американскому штемпельному акту, 203, 208; отставка, 212; заслуги, 212; умѣренность въ отношеніи къ новому министерству, 217; отношенія къ Чатаму, 224; къ Соединеннымъ Штатамъ, 227.
Роккингамы и Бедфорды, параллель между ними, 200.
Роу, 132.

С.

Саквилль, лордъ Джорджъ, 151.
Сальваторъ-Роза, 80.

Сандвичъ, лордъ, поведение при преслѣдованіи Вилькса, 188.

Санкрофтъ, 243.

Санъ-Марино, посѣщеніе ея Аддисономъ, 79.

Сачверелль, 239 и 250.

Свифтъ, Джонатанъ: указаніе на подражаніе его Аддисону, 67; сношенія съ Аддисономъ, 121; «*Битва книгъ*», аллегорія на Бойля и Бенгли, 237; дружба съ Аттербѣри, 242.

Сервантесъ, 255.

Сидръ, предложеніе подати съ него министерствомъ Бьюта, 180.

Силій Италикъ, 87.

Сіенна, соборъ въ ней, 81.

«Скупалецъ», м-те д'Арблэ, 52.

Скоттъ, сэръ Вальтеръ, 75.

Смольриджъ, 237; деканъ карлайльскій и коллегія Христовой церкви, 140.

Сомерсетъ, герцогъ, 135.

Сомерсъ, лордъ-канцлеръ, 71; лордъ-президентъ тайнаго совѣта, 92.

Сондерландъ, графъ: статсъ-секретарь, 91; лордъ-намѣстникъ Ирландіи 121; преобразовываетъ министерство въ 1717 году, 133.

«Сонъ въ лѣтнюю ночь», 127.

«Старый вигъ», Аддисона, 136.

Стиль, 95; характеръ. 97—98; обхожденіе съ нимъ Аддисона, 98; основатель газеты «*Болтуинъ*», 101—102; послѣдующая карьера, 110, 115, 124.

Сультъ, маршалъ, 194.

Сьюардъ, 20.

т.

Тассо, отрывокъ изъ перевода Гуля, 69.

Таунзгендъ, Чарльзъ, 151; восклицаніе по поводу рѣчи графа Бьюта, 167; мнѣніе объ министерствѣ Роккингхама, 201; канцлеръ казначейства во второе министерство Питта, 214; высоко-

Маколей, т. V

комфрное обхожденіе съ нимъ Питта, 218; характеръ, 220; смерть, 222.

Темплъ, лордъ: выходитъ въ отставку, 165; подозрѣніе въ поощреніи нападковъ на министерство Бьюта, 174; отговариваетъ Питта принять предложенія Кумберланда, 196; удерживаетъ Питта отъ принятія управленія, 198; оппозиція къ министерству Роккингхама по вопросу объ американскомъ штемпельномъ актѣ, 204; ссора съ Питтомъ, 214.

Тиккелль, Томасъ, одинъ изъ друзей Аддисона, 99; переводъ первой книги «*Иліады*», 127; характеръ отношеній къ Аддисону, 127; назначенъ Аддисономъ товарищемъ статсъ-секретаря, 134; Аддисонъ поручаетъ ему свои сочиненія, 137; элегія на смерть Аддисона, 139.

Торинъ: ихъ радость при возшествіи на престолъ Анны, 83; сходствѣ между ихъ положеніемъ въ 1704 и 1826 годахъ, 84; попытка соединить свои силы, 91; призваніе къ должностямъ королевой Анной въ 1710 году, 108; поведеніе при первомъ представленіи «*Катона*», 115; исключеніе Стиля изъ палаты общинъ, 119; нерасположеніе къ нимъ въ царствованіе Георга I-го, 144; ихъ ненависть къ Ганноверскому дому, 142, 151; бѣдность талантовъ между ними, 144; радость при возшествіи на престолъ Георга III-го, 154; политическія вѣрованія при возшествіи на престолъ Георга III-го, 157 и 169.

Траль, м-ръ, отношенія къ м-съ Борни, 19.

у.

Университеты, см. оксфордскій и кембриджскій.

Ф.

- Фампльный трактатъ между Франціей и Испаніей, 164.
 Февикъ, сэръ Джонъ, 243 и 244.
 Фидій, 261.
 Филикайлъ, Винченцо, 90.
 Филиппъ, Амброзъ, 97.
 Фильдингъ: презрѣніе къ Ричардсону, 11; «Амелія», 98; описаніе ощущеній Партриджа въ театрѣ, 258.
 Флетчеръ, 267.
 Фоксъ, Генри: приглашеніе Бьюта управлять палатой общинъ, 176; семейная и общественная жизнь, 176; вождь палаты общинъ, 177; полученіе перстца, 183.
 Франція: трактатъ съ Испаніей противъ Англіи, 164; признаніе независимости Соединенныхъ Штатовъ, 227.
 Францъ, императоръ, 152.
 «Friedhold», Аддисона, 80.
 Френдъ, 237.
 Фридрихъ Великій, 75.
 Фринихъ, 259.

Ц.

- Церковь, партіи высокоцерковниковъ и низкоцерковниковъ, 91 и 238.
 «Цецилія», соч. т-те д'Арблэ, 50.

Ч.

- Чатамъ, графъ: обзоръ его корреспонденціи, 141—231; zenith славы и счастья, 142; союзъ съ Ньюкастлемъ, 146; значеніе въ парламентъ, 151; несогласія въ кабинетъ, 160; недостатки, 162; предложеніе объявить Испаніи войну, 164; отставка, 165; обращеніе короля, 165; привѣтствіе народа, 166; образъ дѣйствій въ оппозиціи, 167—179; рѣчь про тѣмъ мира съ Испаніей, 179; неудачныя аудіенціи у Георга III для образованія новаго министерства, 186; сэръ Вилліамъ Пинсентъ оставляетъ свое иму-

щество Чатаму, 191; двукратное посѣщеніе герцогомъ Кумберландомъ съ предложеніями отъ короля, 195; порицаніе американскаго штемпельнаго акта, 203; король склоняетъ его къ сверженію Роккингэма, 210; умственное разстройство, 211 — 218; составленіе новаго министерства, 213; пожалованіе титула графа Чатама, 215; паденіе устроеннаго имъ министерства, 215—223; утрата популярности и значенія въ политикѣ, 215 — 222; деспотическій образъ дѣйствій, 213 — 217; наложеніе запрещенія на вывозъ хлѣба, 218; первая рѣчь въ палатѣ лордовъ, 218; высокоумность отношеній къ перамъ, 218; удаленіе изъ парламента, 219; утрата славы, 221; отказъ отъ званія хранителя малой печати, 222; состояніе партій и общественныхъ дѣлъ по возвращеніи Чатама, 222; политическія связи, 224; краснорѣчіе, 225; независимость Соединенныхъ Штатовъ, 228; послѣднее появленіе въ палатѣ лордовъ, 229; смерть, 229; разсужденіе о его судьбѣ, 229, 230; погребеніе въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, 230.
 Чорчилль, Карлъ, 174.

III.

- Шарлотта, королева: м-съ Борни вступаетъ къ ней въ службу, 29; участіе къ Гастингсу, 36; обхожденіе съ м-съ Борни, 37—42.
 Швелленбергъ, т-те, положеніе въ обществѣ и характеръ, 29, 37, 41.
 Шевьеръ, 173.
 Шекспиръ, 266—269.
 Шельборнъ, лордъ: статсъ-секретарь при второмъ министерствѣ Чатама, 214; отставка, 222.
 Шериданъ, ободреніе м-съ Борни писать для театра, 21.
 Шо, 87.
 Шотландцы: нерасположеніе къ

нимъ, возбужденное возвышеніе
ея Бьюта, 172.

Шрусбѣри, герцогъ, 120.

Штемпельный актъ: безпоряд-
ки въ американскихъ колоніяхъ
при извѣстіи объ немъ, 202;
отмѣна его, 208.

В.

Эльвзъ, 49.

Эмигранты, 43.

Эсхилъ, 259.

Эйкинъ, и съ, обзоръ ея жизни
Аддисона, 58 — 140.

Ю.

Ювеналъ, 292.

Юморъ Аддисона въ сравненіи
съ юморомъ Свифта и Вольтера,
103 — 105.

Юнгъ, д-ръ, 95.

Я.

Якобиты: надежды подавлены въ
1715 г.; оживаютъ въ 1721, 242;
планъ возмущенія, 242.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

	Стр.
М-ше д'Арблэ	1
Аддисонъ	58
Графъ Чатамъ	141
Франсисъ Аттербёрп	232
Джонъ Драйденъ	249

Примечанія, означенныя цифрами, принадлежатъ русскому изданію, буквами — автору, а звѣздочками — заимствованы изъ американскаго, нѣмецкаго и др. изданій Маколей.